

ФИЛОЛОГИЯ И НОВОЕ ЗНАНИЕ

**Сборник материалов
I Российской научной конференции
с международным участием**

(г. Белгород, 11–12 ноября 2021 г.)

Белгород 2021

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Белгородский государственный национальный
исследовательский университет»

ФИЛОЛОГИЯ И НОВОЕ ЗНАНИЕ

Сборник материалов
I Российской научной конференции с международным участием
(г. Белгород, 11–12 ноября 2021 г.)

Белгород 2021

УДК 81'2/'44
ББК 81.0
Ф 54

Рецензенты:

К. Рэй, доктор филологических наук, профессор,
Университет Сержи-Понтуаз, Франция

Е.А. Кожемякин, доктор философских наук, профессор НИУ «БелГУ»,
Белгород, Россия

Редакционная коллегия:

ответственный редактор:

А.П. Седых, доктор филологических наук, профессор;

члены редколлегии:

А.М. Амагов, доктор филологических наук, профессор;

Е.А. Огнева, доктор филологических наук, профессор;

И.А. Котенева, кандидат филологических наук, доцент;

Ю.Е. Балабаева, старший преподаватель кафедры немецкого и французского языков

Ф 54   **Филология и новое знание** : сборник материалов I Российской научной конференции с международным участием (г. Белгород, 11–12 ноября 2021 г.) / отв. ред. А.П. Седых. – Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. – 230 с.

ISBN 978-5-9571-3154-0

В сборнике представлены материалы докладов I Российской научной конференции с международным участием «Филология и новое знание». Сборник призван способствовать обмену новейшей информацией в области филологического знания, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает три раздела – «Дискурсология и лингвистика лексем и текста», «Когнитивистика и семиотика культуры» и «Лингводидактика и лингвокультура».

Адресуется студентам, аспирантам, учителям школ и преподавателям высшей школы, магистрантам филологических специальностей и всем, кто интересуется проблематикой синергии филологии и новейшей эпистемологии.

УДК 81'2/'44
ББК 81.0

ISBN 978-5-9571-3154-0

© НИУ «БелГУ», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7

Раздел 1. Дискурсология и лингвистика лексем и текста

Буров Э.Е. (Иркутск, Россия) ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ: ОПЫТ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЧЕТАЕМОСТИ С ПОСТПОЗИТИВНЫМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ	8
Виноградова Н.Г., Щелок Т.И. (Бийск, Россия) LINGUISTIC FEATURES OF CONFLICT AS A MANIFESTATION OF EMOTIONAL TENSION	15
Воронина Л.В., Скокова Т.Н. (Белгород, Россия) DIE ROLLE DER METAPHER IM NEUDURCHDENKEN DER ABLEITUNGEN UND DER ZUSAMMENSETZUNGEN DER DEUTSCHEN SPRACHE	21
Даниленко И.А. (Белгород, Россия) АТТРАКТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЗАГЛАВИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (на материале цикла рассказов Тима О'Брайена The Things They Carried)	25
Иванов Е.Е. (Магілёў, Рэспубліка Беларусь) СТРУКТУРА МОЎНЫХ АФАРЫЗМАЎ ПРЫ ІХ УЖЫВАННІ Ў МАЎЛЕННІ	30
Корнеева В.А., Вих А.В. (Москва, Россия) ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЩЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА ЭММАНУЭЛЯ МАКРОНА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ	34
Крупнова Е.С., Дмитриев А.В. (Санкт-Петербург, Россия) ПРОЦЕСС ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР: НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	39
Лошанина М.Н. (Иркутск, Россия) ЛЕКСЕМЫ С ЭМПАТИЧЕСКИМ ЗНАЧЕНИЕМ: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА (на материале глаголов <i>сочувствовать</i> , <i>сопереживать</i> , <i>жалеть</i>)	44
Мустафина А.Н. (Потсдам, Германия) THE USAGE OF HYPERBOLE IN CREOLIZED ADVERTISING TEXTS	50
Мышаева К.Д. (Казань, Россия) ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИНОСТРАННОЙ ЛЕКСИКИ В РЕЧИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В ГЕРМАНИИ НА МАТЕРИАЛЕ ТЕЛЕГРАММ-КАНАЛОВ	53
Николаева Т.В. (Смоленск, Россия) ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИДИОСТИЛЯ Р. БРАУНИНГА	59
Никулкина О.Г. (Брянск, Россия) УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ С ПРОСТРАНСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ	63
Приходько С.А. (Новозыбков, Россия) ВВОДНЫЙ КОМПОНЕНТ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ МОДАЛЬНОСТИ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В.И. ЛЕНИНА (НА ОСНОВЕ КНИГИ «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»)	68
Роговая Ю.С., Колесников А.А. (Белгород, Россия) РАЗНОВИДНОСТИ ФЛОРОНИМОВ В СТРУКТУРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	73
Седых А.П. (Белгород, Россия) НОВЕЙШИЙ ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК И ЛЕКСИКА «ОЛДОВ»	76
Храброва В.Е. (Санкт-Петербург, Россия) НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОРПУСОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА	81

Раздел 2. Когнитивистика и семиотика культуры

BILLEREY Stéphane (Париж, Франция) COVID BLUES	89
BÉNET Vincent (Франция, Париж) LA POLITIQUE LINGUISTIQUE DE LA FRANCE	90
Багана Ж., Глебова Я.А. (Белгород, Россия) К ВОПРОСУ ОБ АФРИКАНСКОЙ ФРАНКОФОНИИ	97
Балабаева Ю.Е., Мельникова Ю.Н. (Белгород, Россия) О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И АВТОРИЗАЦИИ	102
Бобрикова Т.А. (Пермь, Россия) ЗНАК КАК «ВТОРОЕ ТЕЛО» РЕФЕРЕНТА: СЕМИОТИЧЕСКИЕ КЛЮЧИ К РОМАНУ М. ПАВИЧА «DRUGO TELO»	107
Бузинова Л.М. (Москва, Россия) ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ЗООНИМНЫМ КОМПОНЕНТОМ КАК ЧАСТЬ НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА	113

Буторина Н.Ф. (Оренбург, Россия) ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА	117
Волкова А.И. (Белгород, Россия) ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТОПОНИМОВ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР В ЖАНРЕ ФЭНТЕЗИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИГРЫ «THE ELDER SCROLLS V: SKYRIM»).....	122
Губайдулина М.В. (Новосибирск, Россия) ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ЖУРНАЛИСТА В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ.....	126
Долгих А.И. (Тюмень, Россия) К ВОПРОСУ ОБ АССОЦИАТИВНОМ ОБРАЗЕ АРКТИКИ.....	129
Дрябина Е.Г., Костина М.Л. (Москва, Россия) ЛИНГВИСТИКА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ	136
Иваненко В.М. (Санкт-Петербург, Россия) ОБРАЗНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА «СТРАСТЬ»: ПРИЗНАКИ СТИХИЙ	140
Котенёва И.А., Кривчикова Н.Л. (Белгород, Россия) LA PRÉSENCE DE L'HISTOIRE ET DE LA CULTURE EUROPÉENNE DANS LES ŒUVRES D'HENRY BAUCHAU).....	143
Лазарев В.А., Пономарева П.А. (Ростов-на-Дону, Россия) ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ РЕКЛАМНОГО СООБЩЕНИЯ	146
Марабини Алессандра (Белгород, Россия) ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ДЕЛОВОГО СТИЛЯ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РОССИИ И ИТАЛИИ.....	152
Огнева Е.А. (Белгород, Россия) МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО- ВРЕМЕННОГО КОНТИНУУМА В КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННЫХ ТЕКСТОВЫХ КОНСТРУКТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА У. ТЕККЕРЕЯ «ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ»).....	156
Ромачков А.А. (Магілёў, Рэспубліка Беларусь) ПРАДМЕТНА-СЕМАНТЫЧНАЯ ДЫФЕРЭНЦЫЯЦЫЯ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ З КАМΠΑНАМЕНТАМІ-БІБЛЕІЗМАМІ Ў БЕЛАРУСКАЙ, РУСКАЙ, АНГЛІЙСКАЙ МОВАХ.....	161
Седых А.П. (Белгород, Россия) СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: МАСС-МЕДИА И ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ	169
Смирнов Н.Н. (Белгород, Россия) ВЛИЯНИЕ АНГЛИЦИЗМОВ НА ЯЗЫКОВУЮ СИТУАЦИЮ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ.....	172
Солтанова А.А. (Магілёў, Рэспубліка Беларусь) ПРЫКАЗКАВАЯ КАРЦІНА СВЕТУ Ў БЕЛАРУСКАЙ І ФРАНЦУЗСКАЙ ЛІНГВАКУЛЬТУРАХ	176
Сушенков М.О. (Белгород, Россия) КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННАЯ АДАПТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЗЛО» ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА» НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК И ЭСПЕРАНТО	183
Толстоухова Е.А. (Пенза, Россия) СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ФИЛЬМОВ	188
Трофимова Н.А. (Белгород, Россия) СЕНСЕМЫ И КИНЕМЫ КАК МАРКЕРЫ НЕВЕРБАЛЬНОГО КОДА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ THE NEW YORK TIMES)	192
Фурс О.В. (Мінск, Беларусь) СПАСАБЫ ПЕРАДАЧЫ ДЗЕЕПРЫМЕТНЫХ ЗВАРОТАЎ НА СУЧАСНУЮ БЕЛАРУСКУЮ МОВУ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ПЕРАКЛАДАЎ БІБЛІ)	198

Раздел 3. Лингводидактика и лингвокультура

Харченко В.К. (Белгород, Россия) ЛИНЕЙНОЕ И ОБЪЁМНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: О НОВЫХ СПОСОБАХ ПОЛУЧЕНИЯ ЗНАНИЙ	204
Жердев В.А., Макарова А.Г. (Москва, Россия) ПЕРСПЕКТИВЫ ОБУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИМ ЯЗЫКАМ В РОССИЙСКИХ ШКОЛАХ.....	210
Кудрявцева Н.Б., Крахмаль Л. (Белгород, Россия) LINGUOKULTUROLOGISCHE ANALYSE VON RUSSISCHEN UND DEUTSCHEN PFLANZENNAMEN	214
Омелич О.К. (Смоленск, Россия) ПРЕПОДАВАНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	217
Полякова Н.В. (Москва, Россия) ПРИМЕНЕНИЕ МНЕМОТЕХНИЧЕСКОГО МЕТОДА АССОЦИАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ВВЕДЕНИЯ И АКТИВИЗАЦИИ ЛЕКСИКО- ГРАММАТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ПРИ ИЗУЧЕНИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	221

CONTENT

Preface	7
Section I. Discourse and linguistics of lexemes and text	
Burov Eduard (Irkutsk, Russia) PRAGMATIC FEATURES OF RUSSIAN INDEFINITE NOUN PRONOUNS: THE CORPUS ANALYSIS OF COMBINABILITY WITH POSTPOSITIVE ADJECTIVES	8
Vinogradova Natalia, Shelok Tatiana (Biysk, Russia) LINGUISTIC FEATURES OF CONFLICT AS A MANIFESTATION OF EMOTIONAL TENSION	15
Voronina Larisa, Skokova Tatiana (Belgorod, Russia) THE ROLE OF METAPHOR IN REFINITION DERIVATIVES AND COMPLEX GERMAN WORDS.....	21
Danilenko Ilya (Belgorod, Russia) THE LITERARY TEXT TITLE ATTRACTIVE FUNCTION (based on Tim O'Brien's cycle of stories «The Things They Carried»)	25
Ivanov Evgeny (Mogilev, Republic of Belarus) STRUCTURE OF LANGUAGE APHORISMS IN THEIR USE IN SPEECH.....	30
Korneeva Vera, Vikh Alexandra (Moscow, Russia) LINGUOSTILISTIC ANALYSIS OF ADDRESSES FROM PRESIDENT EMMANUEL MACRON DURING THE PANDEMIC PERIOD	34
Krupnova Elena, Dmitriev Alexander (Saint-Petersburg, Russia) THE PROCESS OF BORROWINGS AS THE RESULT OF CULTURE INTERACTION: ON THE EXAMPLE OF GERMAN BORROWINGS IN THE ENGLISH LANGUAGE.....	39
Loshanina Maria (Irkutsk, Russia) LEXEMES WITH EMPATHIC MEANING: SEMANTICS AND PRAGMATICS (using the example of the verbs sympathize, empathize, feel sorry).....	44
Mustafina Azaliia (Potsdam, Germany) THE USAGE OF HYPERBOLE IN CREOLIZED ADVERTISING TEXTS	50
Myshaeva Ksenia (Kazan, Russia) FUNCTIONAL FEATURES OF THE BORROWING OF FOREIGN VOCABULARY IN THE SPEECH OF RUSSIAN EMIGRANTS IN GERMANY ON THE MATERIAL OF THE TELEGRAM CHANNELS	53
Nikolaeva Tatiana (Smolensk, Russia) MAIN TENDENCIES IN THE EVOLUTION OF THE IDIOSTYLE OF R. BROWNING.....	59
Nikulkina Olga (Bryansk, Russia) STABLE EXPRESSIONS WITH SPATIAL VALUES IN RUSSIAN FOLK FAIRY TALES	63
Prihodko Sergey (Novozybkov, Russia) INTRODUCTORY COMPONENT AS A MEANS OF CREATING A MODALITY OF ASSUMPTION IN V.I. LENIN'S POLEMICAL DISCOURSE (BASED ON THE BOOK «MATERIALISM AND EMPIRIO-CRITICISM»)	68
Rohova Yuliia, Kolesnikov Aleksei (Belgorod, Russia) VARIETIES OF FLORONIMS IN THE STRUCTURE OF PHRASEOLOGISMS OF THE ENGLISH LANGUAGE	73
Sedykh Arkadiy (Belgorod, Russia) THE NEWEST FRENCH LANGUAGE AND «OLD» VOCABULARY	76
Khrabrova Valentina (Saint-Petersburg, Russia) CORPUS-BASED LEXICAL ANALYSIS OF TEXTS AS A NEW ADVANCED FEATURE	81
Section II. Cognitive studies and semiotics of culture	
BILLEREY Stéphane (Париж, Франция) COVID BLUES	89
BÉNET Vincent (Франция, Париж) LA POLITIQUE LINGUISTIQUE DE LA FRANCE.....	90
Baghana Jerome, Glebova Yana (Belgorod, Russia) ON THE ISSUE OF AFRICAN FRANCOPHONIE	97
Balabaeva Yuliya, Melnikova Yuliya (Belgorod, Russia) ON THE RELATIONSHIP OF THE CATEGORIES OF EVIDENTIALITY AND AUTHORIZATION	102
Bobrikova Tatiana (Perm, Russia) THE SIGN AS THE "SECOND BODY" OF A REFERENT: SEMIOTIC KEYS TO THE NOVEL “SECOND BODY” BY MILORAD PAVIĆ’S	107
Buzinova Lyudmila (Moscow, Russia) PHRASEOLOGISMS WITH A ZOONYMIC COMPONENT AS PART OF THE GERMAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD.....	113
Butorina Natalia (Orenburg, Russia) THE INFLUENCE OF GLOBALIZATION ON THE DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIAN LANGUAGE.....	117

Volkova Anastasia (Belgorod, Russia) FEATURES OF THE TRANSLATION OF TOPONYMS OF COMPUTER GAMES IN THE FANTASY GENRE (ON THE MATERIAL OF THE GAME «THE ELDER SCROLLS V: SKYRIM»)	122
Gubaidulina Maria (Novosibirsk, Russia) FEATURES OF A JOURNALIST'S LINGUISTIC PERSONALITY IN THE MODERN MEDIA SPACE	126
Dolgikh Anastasia (Tyumen, Russia) THE ASSOCIATIVE IMAGE OF THE ARCTIC REGION	129
Driabina Elena, Kostina Maria (Moscow, Russia) LINGUISTICS AND GLOBALIZATION	136
Ivanenko Valeria (Saint-Petersburg, Russia) SYMBOLS OF THE CONCEPT «PASSION»: SIGNS OF ELEMENTS	140
Koteneva Inna, Krivchikova Nelya (Belgorod, Russia) LA PRÉSENCE DE L'HISTOIRE ET DE LA CULTURE EUROPÉENNE DANS LES ŒUVRES D'HENRY BAUCHAU)	143
Lazarev Vladimir, Ponomareva Polina (Rostov-on-Don, Russia) THE MAIN MECHANISMS OF INFLUENCE OF THE ADVERTISING MESSAGE	146
Marabini Alessandra (Belgorod, Russia) PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE BUSINESS STYLE IN THE ASPECT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION BETWEEN REPRESENTATIVES OF RUSSIA AND ITALY	152
Ogneva Elena (Belgorod, Russia) MODELING SPACE-TIME CONTINUUM IN CULTURAL-MARKED TEXT CONSTRUCTIONS IN W. TEKKEERAY'S «VANITY FAIR»	156
Ramachkou Artsyom (Mogilev, Republic of Belarus) SUBJECT-SEMANTIC DIFFERENTIATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH BIBLICAL COMPONENTS IN THE BELARUSIAN, RUSSIAN, ENGLISH LANGUAGES	161
Sedykh Arkadiy (Belgorod, Russia) MODERN TRENDS IN FRENCH LINGUISTIC CULTURE: MASS MEDIA AND ELECTRONIC RESOURCES	169
Smirnov Nikita (Belgorod, Russia) THE INFLUENCE OF ENGLISHISMS ON THE LANGUAGE SITUATION IN MODERN FRANCE	172
Saltanova Anastasia (Mogilev, Republic of Belarus) A PROVERBAL PICTURE OF THE WORLD IN BELARUSIAN AND FRENCH LINGUISTIC CULTURES	176
Sushenok Margarita (Belgorod, Russia) CULTURAL-MARKED ADAPTATION OF THE CONCEPT «EVIL» IN THE TRANSLATION OF M. BULGAKOV'S ROMAN «MASTER AND MARGARITA» INTO SPANISH LANGUAGE AND ESPERANTO	183
Tolstoukhova Elena (Penza, Russia) FEATURES OF TRANSLATION IN CINEMA ART	188
Trofimova Nataliya (Belgorod, Russia) SENSEMES AND KINEMES AS MARKERS OF A NON-VERBAL CODE IN MASS-MEDIA DISCOURSE (BASED ON THE NEW YORK TIMES)	192
Furs Volga (Minsk, Belarus) METHODS OF TRANSMITTING PARTICIPIAL CONSTRUCTIONS INTO THE MODERN BELARUSIAN LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF THE BIBLE TRANSLATIONS)	198

Section III. Linguodidactics and Linguoculture

Kharchenko Vera (Belgorod, Russia) LINEAR AND VOLUME EDUCATION: ON NEW WAYS OF GETTING KNOWLEDGE	204
Zherdev Vladimir, Makarova Anna (Moscow, Russia) PROSPECTS OF TEACHING SLAVIC LANGUAGES IN RUSSIAN SCHOOLS	210
Kudryavtseva Natalia, Khrakhmal Lydia (Belgorod, Russia) LINGUOKULTUROLOGISCHE ANALYSE VON RUSSISCHEN UND DEUTSCHEN PFLANZENNAMEN	214
Omelich Olga (Smolensk, Russia) ENGLISH LANGUAGE INSTRUCTION IN THE ERA OF GLOBALIZATION	217
Polyakova Natalia (Moscow, Russia) APPLICATION OF THE MNEMONIC METHOD OF ASSOCIATIONS IN THE PROCESS OF INTRODUCTION AND ACTIVATION OF LEXICAL AND GRAMMATICAL MATERIAL IN THE STUDY OF THE GERMAN LANGUAGE	221

ПРЕДИСЛОВИЕ

На факультете иностранных языков Педагогического института 11-12 ноября 2021 года прошла первая Российская научная конференция с международным участием «Филология и новое знание». Конференция была организована Белгородским государственным национальным исследовательским университетом (Россия), при участии Московского международного университета, Севастопольского государственного университета, Национального института восточных языков и цивилизаций ИНАЛЬКО (Париж, Франция), Университета Сержи-Париж (Сержи-Понтуаз, Франция), Могилёвского государственного университета имени А.А. Кулешова (Могилёв, Беларусь).

В связи со сложной эпидемиологической обстановкой конференция прошла в онлайн-режиме с ограниченным количеством участников. Тем не менее, в состав филологической команды вошли учёные из России, Беларуси, Германии и Франции. Секционные заседания включили в себя учёных российского научного сообщества из городов: Бийск, Брянск, Иркутск, Казань, Москва, Новосибирск, Оренбург, Пенза, Пермь, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Смоленск, Тюмень.

Главной задачей данной конференции явилось обсуждение и обмен мнениями о состоянии и перспективах развития современного филологического знания в корреляции с инновационными методами исследования языка и дискурса. Научная дискуссия предполагает выяснение и сопоставление различных точек зрения по широкому кругу аспектов функционирования языка, дискурсных построений, лингвоидентификации личности, лингвокультурологического моделирования, методики формирования навыков лингвистического анализа текстов различной стилистической и коммуникативной направленности.

Темы докладов вызвали живой интерес слушателей и активную дискуссию после выступления ораторов, среди которых на пленарном заседании выступили:

Харченко В.К. (Белгород, Россия) **ЛИНЕЙНОЕ И ОБЪЁМНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: О НОВЫХ СПОСОБАХ ПОЛУЧЕНИЯ ЗНАНИЙ.**

Седых А.П. (Белгород, Россия) **СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: МАСС-МЕДИА И ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ.**

Огнева Е.А. (Белгород, Россия) **МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО КОНТИНУУМА В КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННЫХ ТЕКСТОВЫХ КОНСТРУКТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА У. ТЕККЕРЕЯ «ЯРМАКА ТЩЕСЛАВИЯ»).**

Бузинова Л.М. (Москва, Россия) **ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ЗООНИМНЫМ КОМПОНЕНТОМ КАК ЧАСТЬ НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРЫ.**

Vincent BÉNET (Франция, Париж) **La politique linguistique de la France.**

Stéphane BILLEREY (Франция, Париж) **COVID BLUES.**

По следам конференции выходит данный сборник, в котором собраны статьи по широкому спектру вопросов теории и практики современной филологической мысли и коммуникации, дискурсология и лингвистики лексем и текста, когнитивистики и семиотики культуры, лингводидактики и лингвокультуры.

Свои исследовательские материалы предоставили не только ведущие учёные и преподаватели вузов, но и учителя школ, аспиранты, магистранты, студенты. Надеемся, что сборник первой Российской научной конференции с международным участием «Филология и новое знание» найдёт своего вдумчивого и заинтересованного читателя.

Оргкомитет

РАЗДЕЛ 1. ДИСКУРСОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА ЛЕКСЕМ И ТЕКСТА

УДК 81-114.2

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКИХ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ: ОПЫТ КОРПУСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЧЕТАЕМОСТИ С ПОСТПОЗИТИВНЫМИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ

Буров Эдуард Евгеньевич

магистрант 2-го курса

ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»

Иркутск, Россия / zhenyabur@mail.ru

Аннотация

Цель исследования – выявить прагматические особенности неопределенных местоимений-существительных «что-то», «нечто», «что-нибудь», «что-либо» и «кое-что». Для достижения поставленной цели анализируются наиболее устойчивые сочетания указанных местоимений с постпозитивными прилагательными. Исследование проводится на материале корпуса «Russian Web 2011 (ruTenTen11)», предлагаемого корпусным менеджером «Sketch Engine». Делается вывод о том, что в системе неопределенных местоимений-существительных, образуемых от вопросительного местоимения «что», наблюдается прагматическая оппозиция «свой – чужой». Местоимения «кое-что» и «что-нибудь» тяготеют к выражению «своей» неопределенности, о чем свидетельствует тенденция к совместной встречаемости этих местоимений с постпозитивными прилагательными, выражающими положительную оценку. Местоимение «нечто», напротив, связано с «чужой» неопределенностью, и склонно к сочетанию с постпозитивными прилагательными, указывающими на сравнение, и с постпозитивными прилагательными, выражающими неспецифицированное отклонение от нормы. Оставшиеся два местоимения занимают промежуточную позицию.

Ключевые слова: неопределенные местоимения, постпозитивные прилагательные, лингвистический корпус текстов, статистические меры ассоциации, прагматическая оппозиция «свой – чужой».

PRAGMATIC FEATURES OF RUSSIAN INDEFINITE NOUN PRONOUNS: THE CORPUS ANALYSIS OF COMBINABILITY WITH POSTPOSITIVE ADJECTIVES

Burov Eduard Evgen'evich

2nd year master student

Irkutsk State University

Irkutsk, Russia / zhenyabur@mail.ru

Abstract

The paper aims to identify some pragmatic features of the Russian indefinite noun pronouns “что-то”, “нечто”, “что-нибудь”, “что-либо”, “кое-что”. The article analyzes the most stable combinations of these pronouns with postpositive adjectives. The research is carried out on the material of the Russian Web Corpus (ruTenTen) which is provided by the corpus manager “Sketch Engine”. The research findings are as follows: there is a pragmatic opposition “own – strange” within the system of the indefinite noun pronouns “что-то”, “нечто”, “что-нибудь”, “что-либо”, “кое-что”. The pronouns “кое-что” and “что-нибудь” tend to express “own” indefiniteness. It is indicated by the frequent co-occurrence of these pronouns with the postpositive adjectives that express a positive evaluation. On the contrary, the pronoun “нечто” tends to express “strange” indefiniteness. It is indicated by the frequent co-occurrence of this pronoun with the postpositive adjectives that indicate a comparison and with the postpositive adjectives that express a non-specific deviation from the norm. The two remaining pronouns take an intermediate position.

Key words: indefinite pronouns, postpositive adjectives, linguistic text corpus, statistical measures of association, pragmatic opposition “own – strange”.

Введение

Большую роль в развитии лингвистики сегодня играют корпусные исследования. Благодаря современным корпусным менеджерам, способным осуществлять

автоматический анализ огромных текстовых массивов, в распоряжении лингвистов оказываются ценные статистические данные.

В частности, при работе с корпусным менеджером «Sketch Engine» (<https://www.sketchengine.eu>) можно получить ответ на вопрос о силе синтагматической связи между элементами некоторого словосочетания. Программа, анализируя загруженный в нее корпус текстов, вычисляет меру ассоциации (связанности) для любых двух лексических единиц, объединенных определенным грамматическим отношением. При этом пользователю по умолчанию предлагается сразу три меры ассоциации, основанные на трех разных формулах:

1) часто используемая в статистике мера ассоциации T-score, которая «учитывает частоту совместной встречаемости ключевого слова и его коллоката¹, отвечая на вопрос, насколько не случайной является сила ассоциации между коллокатами» [Захаров, Хохлова 2010: 138];

2) часто используемая в статистике мера ассоциации MI Score (mutual information score), которая «сравнивает зависимые контекстно-связанные частоты с независимыми, как если бы слова появлялись в тексте совершенно случайно» [Захаров, Хохлова 2010: 138];

3) специально разработанная для больших корпусов мера ассоциации logDice.

Последняя мера является основной для «Sketch Engine»: именно с учетом показателя logDice ранжируются по умолчанию результаты поиска. По утверждению создателей менеджера, мера logDice наиболее показательна при работе с большими корпусами: «logDice is the preferred statistic measure for large corpora. The other traditional measures take corpus size into account and the enormous size of the current multi-billion-word corpora skews the score so much as to make them impractical» [https://www.sketchengine.eu/my_keywords/logdice]. Из двух традиционных статистических мер ассоциации (T-score и MI Score) разработчики менеджера рекомендуют использовать T-score: «In most cases, T-score is more reliable or more useful than MI Score» [https://www.sketchengine.eu/my_keywords/t-score].

Лингвист, ориентируясь на выдаваемые ему программой данные, может определить, является ли интересующее его словосочетание коллокацией, т. е. статистически устойчивым словосочетанием, или нет. Также, сравнивая показатели силы синтагматической связи для разных коллокаций с одним и тем же стержневым (основным, ключевым) словом, он может выяснить, с какими своими коллокатами это слово связано сильнее, а с какими – слабее.

Основная часть

Цель и задачи работы

Настоящее исследование ставит целью выявление некоторых прагматических особенностей неопределенных местоимений-существительных, образуемых от вопросительного местоимения *что*: *что-то*, *нечто*, *что-нибудь*, *что-либо* и *кое-что*.

Для достижения указанной цели решаются следующие задачи:

1) устанавливаются наиболее устойчивые сочетания неопределенных местоимений-существительных *что-то*, *нечто*, *что-нибудь*, *что-либо*, *кое-что* с постпозитивными прилагательными;

2) описывается семантика прилагательных, содержащихся в выявленных сочетаниях;

3) через семантическую специфику постпозитивных адъективных коллокатов каждого из рассматриваемых неопределенных местоимений-существительных определяется его прагматическая специфика.

Материалы и методы исследования

При решении первой задачи применяются корпусные методы исследования: используется корпусный менеджер «Sketch Engine»; массивом текстов для обработки

---

¹ Под коллокатом здесь понимается член коллокации как «комбинации двух или более слов, имеющих тенденцию к совместной встречаемости» [Захаров, Хохлова 2010: 137].

служит предлагаемый самим менеджером корпус «Russian Web 2011 (ruTenTen11)», в котором собраны веб-тексты объемом 18 280 486 876 словоупотреблений (подробнее о корпусе см. [https://www.sketchengine.eu/rutenten-russian-corpus]).

Насколько нам известно, до сих пор корпусные методы широко применялись при изучении русских неопределенных местоимений лишь в так называемых «контрастивных исследованиях» (см., например, статью [Нуриев 2017], в которой сопоставляются русское *кто-то* и его прямой французский переводной эквивалент *quelqu'un*). Сочетаемость свойства русских неопределенных местоимений, однако, на большом корпусном материале еще не рассматривались.

Отметим: последний шаг исследования (см. 3-ю задачу) основан на важной теоретической посылке, что семантика коллокатов некоторого слова способна многое сказать о прагматических особенностях этого слова.

Дело в том, что прагматика лексемы может накладывать существенные семантические ограничения на сочетаемость этой лексемы. Например, существительное *коррупция*, имея негативные коннотации, гораздо в большей степени склонно употребляться с прилагательными, выражающими отрицательную оценку, чем с прилагательными, выражающими оценку положительную. Так, в Основном корпусе Национального корпуса русского языка (https://ruscorpora.ru) по запросу «прилагательное, имеющее семантический компонент ‘отрицательная оценка’ + *коррупция*» обнаруживаются такие сочетания, как *беззащитная коррупция*, *разнузданная коррупция*, *вульгарная коррупция*, *пресловутая коррупция*, в то время как по запросу «прилагательное, имеющее семантический компонент ‘положительная оценка’ + *коррупция*» находятся лишь сочетания *колоссальная коррупция* и *грандиозная коррупция*, в которых прилагательные, как кажется, не столько выражают положительную оценку, сколько передают смысл ‘в высокой степени’.

Результаты исследования

Осуществим при помощи менеджера «Sketch Engine» поиск коллокаций, в которых в качестве стержневого слова выступает одно из рассматриваемых неопределенных местоимений-существительных, а в качестве коллоката – постпозитивное прилагательное.

Поиск по корпусу «Russian Web 2011 (ruTenTen11)» дает следующие результаты (для каждого из местоимений показаны десять самых сильных постпозитивных адъективных коллокатов, согласно мерам T-score и logDice; в скобках после прилагательного указывается абсолютное значение соответствующей меры):

1. что-то

Мера T-score		Мера logDice	
1.	<i>новый</i> (353,68)	1.	<i>особенный</i> (8,70)
2.	<i>подобный</i> (221,02)	2.	<i>похожий</i> (8,56)
3.	<i>похожий</i> (202,28)	3.	<i>новенький</i> (8,45)
4.	<i>хороший</i> (147,80)	4.	<i>необычный</i> (8,24)
5.	<i>интересный</i> (143,20)	5.	<i>подобный</i> (8,19)
6.	<i>особенный</i> (139,80)	6.	<i>непонятный</i> (7,68)
7.	<i>большой</i> (138,36)	7.	<i>странный</i> (7,39)
8.	<i>важный</i> (135,19)	8.	<i>новый</i> (7,36)
9.	<i>необычный</i> (130,79)	9.	<i>большой</i> (7,22)
10.	<i>полезный</i> (119,31)	10.	<i>полезный</i> (7,21)

2. нечто

Мера T-score		Мера logDice	
1.	<i>подобный</i> (237,51)	1.	<i>подобный</i> (8,56)
2.	<i>большой</i> (196,77)	2.	<i>большой</i> (8,44)
3.	<i>похожий</i> (134,94)	3.	<i>особенный</i> (8,10)

4.	<i>средний</i> (129,20)	4.	<i>похожий</i> (7,67)
5.	<i>новый</i> (126,83)	5.	<i>невообразимый</i> (7,37)
6.	<i>особенный</i> (88,04)	6.	<i>ужасный</i> (7,20)
7.	<i>общий</i> (81,95)	7.	<i>средний</i> (6,88)
8.	<i>странный</i> (67,64)	8.	<i>странный</i> (6,78)
9.	<i>важный</i> (64,10)	9.	<i>необычный</i> (6,66)
10.	<i>необычный</i> (61,65)	10.	<i>невероятный</i> (6,49)

3. что-нибудь

Мера T-score		Мера logDice	
1.	<i>интересный</i> (108,47)	1.	<i>вкусненький</i> (10,05)
2.	<i>новый</i> (89,38)	2.	<i>новенький</i> (9,00)
3.	<i>подобный</i> (88,70)	3.	<i>съестной</i> (7,51)
4.	<i>полезный</i> (80,70)	4.	<i>путный</i> (7,32)
5.	<i>вкусненький</i> (76,65)	5.	<i>вкусный</i> (7,04)
6.	<i>новенький</i> (73,08)	6.	<i>дельный</i> (6,75)
7.	<i>хороший</i> (60,97)	7.	<i>сладенький</i> (6,73)
8.	<i>необычный</i> (54,59)	8.	<i>особенный</i> (6,67)
9.	<i>приятный</i> (53,55)	9.	<i>интересный</i> (6,63)
10.	<i>вкусный</i> (53,42)	10.	<i>необычный</i> (6,56)

4. что-либо

Мера T-score		Мера logDice	
1.	<i>подобный</i> (83,94)	1.	<i>путный</i> (7,42)
2.	<i>новый</i> (52,77)	2.	<i>вразумительный</i> (6,58)
3.	<i>определенный</i> (35,75)	3.	<i>съестной</i> (6,05)
4.	<i>конкретный</i> (35,24)	4.	<i>предосудительный</i> (5,97)
5.	<i>полезный</i> (32,86)	5.	<i>подобный</i> (5,65)
6.	<i>интересный</i> (30,18)	6.	<i>внятный</i> (5,30)
7.	<i>хороший</i> (29,83)	7.	<i>противозаконный</i> (5,29)
8.	<i>серьезный</i> (26,47)	8.	<i>экстраординарный</i> (5,19)
9.	<i>похожий</i> (26,03)	9.	<i>дельный</i> (5,18)
10.	<i>общий</i> (24,41)	10.	<i>съедобный</i> (5,01)

5. кое-что

Мера T-score		Мера logDice	
1.	<i>интересный</i> (59,01)	1.	<i>интересненький</i> (7,00)
2.	<i>новый</i> (45,88)	2.	<i>новенький</i> (6,87)
3.	<i>общий</i> (31,80)	3.	<i>покруче</i> (6,87)
4.	<i>важный</i> (31,40)	4.	<i>вкусненький</i> (6,07)
5.	<i>полезный</i> (27,68)	5.	<i>похлеще</i> (5,70)
6.	<i>новенький</i> (26,60)	6.	<i>повкуснее</i> (5,43)
7.	<i>хороший</i> (22,19)	7.	<i>интересный</i> (4,92)
8.	<i>худой</i> (19,58)	8.	<i>любопытный</i> (4,79)
9.	<i>должный</i> (17,32)	9.	<i>покрупнее</i> (4,68)
10.	<i>любопытный</i> (16,86)	10.	<i>посолиднее</i> (4,38)

Исследователи рекомендуют при изучении коллокаций использовать для получения максимально объективной картины не одну, а сразу несколько мер ассоциации: «Возможно, что стоит изучить возможности объединения разных мер, например, ввести величину, равную сумме их рангов» [Захаров, Хохлова 2010: 142].

Попробуем составить для каждого из рассматриваемых местоимений сводный ранжированный список самых сильных постпозитивных адъективных коллокатов. Для этого, во-первых, найдем прилагательные, встречающиеся в обоих списках (и в 10-словном списке T-score, и в 10-словном списке logDice), а во-вторых, расположим эти прилагательные в порядке убывания суммы рангов T-score и logDice.

Сводные ранжированные списки выглядят следующим образом (в скобках после прилагательного указывается сумма рангов T-score и logDice):

что-то 1. похожий (5) 2. подобный (7) 3. особенный (7) 4. новый (9) 5. необычный (13) 6. большой (16) 7. полезный (20)	нечто 1. подобный (2) 2. большой (4) 3. похожий (7) 4. особенный (9) 5. средний (11) 6. странный (16) 7. необычный (19)	что-нибудь вкусенький (6) новенький (8) интересный (10) вкусный (15) необычный (18)
что-либо 1. подобный (6)	кое-что 1. интересный (8) 2. новенький (8) 3. любопытный (18)	

Проанализируем семантику прилагательных, оказавшихся в этих сводных списках.

В наиболее устойчивых коллокациях со *что-то* в качестве стержневого слова встречаются прилагательные со следующей семантикой:

- 1) указывающие на сравнение, сопоставление (*похожий, подобный, большой*);
- 2) обозначающие неспецифицированное (неконкретизированное) отклонение от нормы (*особенный, необычный*);
- 3) указывающее на факт неспецифицированной (неконкретизированной) модификации (*новый*¹);
- 4) выражающее положительную утилитарную оценку (*полезный*).

Что касается наиболее устойчивых коллокаций с *нечто* в качестве стержневого слова, то встречающиеся в них прилагательные могут быть объединены в следующие семантические группы:

- 1) указывающие на сравнение, сопоставление (*подобный, большой, похожий, средний*);
- 2) обозначающие неспецифицированное отклонение от нормы (*особенный, странный, необычный*).

Что-нибудь склонно сочетаться со следующими прилагательными:

- 1) выражающими положительную гедонистическую оценку (*вкусенький*, причем положительная гедонистическая оценка, заключенная в семантике прилагательного, усилена здесь расположенной на прагматическом уровне положительной оценкой, передаваемой суффиксом *-еньк-*; *вкусный*);
- 2) указывающим на факт неспецифицированной модификации (*новенький*, причем благодаря прагматически отмеченному суффиксу *-еньк-* передается также положительная оценка объекта);
- 3) выражающим положительную интеллектуальную оценку (*интересный*);
- 4) указывающим на неспецифицированное отклонение от нормы (*необычный*).

Самым сильным постпозитивным адъективным коллокатом местоимения *что-либо* оказывается прилагательное *подобный*, указывающее на сравнение, сопоставление.

¹ Ср.: «Новое констатирует факт модификации, но его не описывает. Новое не дескриптивно. За ним не стоят конкретные признаки» [Арутюнова 1999: 699].

У местоимения *кое-что* выделяется три наиболее сильных постпозитивных адъективных коллоката: *интересный, новенький, любопытный*. Два из них (*интересный, любопытный*) выражают положительную интеллектуальную оценку. Прилагательное *новенький* указывает на факт неспецифицированной модификации, причем благодаря прагматически отмеченному суффиксу *-еньк-* выражается также положительная оценка.

Какие выводы о прагматике пяти рассматриваемых неопределенных местоимений-существительных можно сделать на основе вышеприведенного описания семантики сочетающихся с ними прилагательных?

Можно заметить, что местоимения *что-нибудь* и *кое-что* имеют в качестве самых сильных постпозитивных адъективных коллокатов прилагательные, как правило содержащие непосредственно в своей семантике положительную оценку: *интересный, любопытный* (интеллектуальная положительная оценка); *вкусный, вкусненький* (гедонистическая положительная оценка). Среди самых сильных постпозитивных адъективных коллокатов местоимений *что-нибудь* и *кое-что* есть лишь один коллокат, не содержащий положительную оценку непосредственно в своей семантике: *новенький*. Однако и здесь положительная оценка присутствует – правда, не на семантическом, а на прагматическом уровне: во-первых, в современном социуме новизна обладает безусловной ценностью (см. по этому поводу [Арутюнова 1999: 695-698], где прилагательное *новый* названо одним из «магических» слов языка); во-вторых, суффикс *-еньк-* прагматически отмечен и передает положительную субъективную оценку.

Можно сделать вывод, что объекты, обозначаемые с помощью местоимений *что-нибудь* и *кое-что*, склонны относиться к сфере «своего»; говорящий склонен приближать эти объекты к себе, а не отстраняться от них. Не случайно в исходных 10-словных списках T-score и logDice, составленных для местоимений *что-нибудь* и *кое-что*, встречаются такие выражающие положительную оценку прилагательные, как *полезный, хороший, приятный, путный, дельный, важный, должный*.

Обращает на себя внимание тот факт, что местоимение *нечто*, напротив, устойчиво сочетается с прилагательными, относящими объекты, обозначаемые этим местоимением, к сфере «чужого», а именно с прилагательными, указывающими на сравнение, сопоставление (*подобный, больший, похожий, средний*), и с прилагательными, выражающими неспецифицированное отклонение от нормы (*особенный, странный, необычный*).

Поясним, почему семантика таких слов предполагает отнесение объекта к сфере «чужого».

Говорящий употребляет прилагательное, указывающее на сравнение, сопоставление, тогда, когда сталкивается с незнакомым, «чужим» объектом и, не в состоянии полностью познать этот объект, пытается идентифицировать его хотя бы приблизительно через сравнение, сопоставление его с каким-то другим, знакомым объектом (вспомним, что познание работает по принципу «неизвестное через известное» [Кондратьева 2014: 54]).

Прилагательное, выражающее неспецифицированное отклонение от нормы, также сигнализирует о том, что говорящий не способен полностью познать, идентифицировать объект. Такое прилагательное сообщает: объект находится в «чужой» для говорящего сфере, но причину, по которой он в ней находится, говорящий установить не в состоянии. Следует, кроме того, отметить, что прилагательные типа *странный, необычный, чудной*, как правило, коннотативно передают отрицательную оценку: «отход от нормы большей частью расценивается как явление негативное» [Арутюнова 1999: 822]. Этот факт может служить дополнительным аргументом в пользу того, что прилагательные, выражающие неспецифицированное отклонение от нормы, указывают на отнесенность объектов к сфере «чужого».

Заключение

Таким образом, мы видим, что можно говорить о существовании у неопределенности как семантической категории двух прагматических полюсов: полюса

сферы «своего» и полюса сферы «чужого». «Свою» неопределенность склонны выражать неопределенные местоимения-существительные *что-нибудь* и *кое-что*, а «чужую» – неопределенное местоимение-существительное *нечто*. Вывод о наличии в рамках системы неопределенных местоимений оппозиции «свое – чужое» любопытен, поскольку обычно неопределенность в русском языке связывают с обезличенностью и, следовательно, лишь со сферой «чужого», ср. [Пеньковский 2004: 13-48].

Что касается двух оставшихся неопределенных местоимений-существительных (*что-то* и *что-либо*), то первое из них, судя по самым сильным его постпозитивным адъективным коллокациям, тяготеет к полюсу «чужой» неопределенности. В сводном списке для *что-то* преобладают прилагательные, указывающие на сравнение, сопоставление (*похожий, подобный, больший*), и прилагательные, выражающие неспецифицированное отклонение от нормы (*особенный, необычный*), хотя присутствуют и прилагательные *новый* и *полезный*, содержащие положительную оценку (первое – на прагматическом уровне, второе – на семантическом).

Сводный список для *что-либо* слишком мал для того, чтобы на его основании можно было сделать сколь бы то ни было надежные выводы о прагматических особенностях этого местоимения. То единственное прилагательное, которое есть в сводном списке (*подобный*), относит объект к сфере «чужого», однако в исходных 10-словных списках, составленных для местоимения *что-либо*, немало прилагательных, указывающих на сферу «своего»: *полезный, интересный, хороший, путный, вразумительный, внятный, дельный*.

В заключение отметим, что обнаруженное разделение неопределенности по двум прагматическим полюсам частично коррелирует с принятой в современной лингвистике классификацией неопределенных местоимений по их семантико-референциальным свойствам, см. [Падучева 1985: 209-220]. Так, из всех рассматриваемых нами слов к собственно неопределенным местоимениям относят лишь *что-то*, остальные же слова причисляются к другим семантико-референциальным классам: к классу слабоопределенных местоимений (*кое-что*), к классу нереферентных местоимений (*что-нибудь*), к классу местоимений отрицательной полярности (*что-либо*). Местоимение *нечто* рассматривается как «местоимение вне каких-либо классов, феномен русской модели мира» [Падучева 2016].

Как видим, наблюдается некоторое соотношение, с одной стороны, между референциальной собственно неопределенностью и прагматическим отнесением к сфере «чужого», а с другой – между референциальной слабой определенностью и неререферентностью и прагматическим отнесением к сфере «своего». В перспективе возможно детальное изучение природы этого соотношения.

Кроме того, перспективы исследования связаны с изучением прагматических особенностей неопределенных местоимений-существительных, образуемых от вопросительного местоимения *кто*.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Захаров В. П., Хохлова М. В. Анализ эффективности статистических методов выявления коллокаций в текстах на русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 9 (16). – М.: Изд-во РГГУ, 2010. – С. 137-143.
3. Кондратьева О. Н. Метафорическое моделирование концепта «душа» в древнерусской лингвокультуре. – М.: Издательство «Перо», 2014. – 188 с.
4. Нуриев В. А. Местоимение неизвестности «кто-то» по данным русско-французского параллельного корпуса // Русский язык в научном освещении. 2017. № 1 (33). – С. 43-67.
5. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). – М.: Наука, 1985. – 272 с.
6. Падучева Е. В. Местоимения слабой определенности (серия на *кое*; серия на *не*; *один*). Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). М., 2016.

7. Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 464 с.

References

1. Arutyunova N.D. *The Language and the Human World*. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 1999. 896 p.
2. Zakharov V.P., Khokhlova M.V. *Analysis of the effectiveness of statistical techniques to identify collocations in the texts in Russian*. Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Moscow, 2010. Iss. 9 (16). Pp. 137-143.
3. Kondrat'eva O.N. *Metaphorical modeling of the concept "dyua" in the old Russian linguistic culture*. Moscow: Pero, 2014. 188 p.
4. Nuriev V.A. *The pronoun of uncertainty "kmo-mo" according to the Russian-French parallel corpus*. Russian Language and Linguistic Theory. 2017. Iss. 1 (33). Pp. 43-67.
5. Paducheva E.V. *Utterance and its relations with reality*. Moscow: Nauka, 1985. 272 p.
6. Paducheva E.V. *Specific known indefinite pronouns ('koe'-series, 'ne'-series, 'odin')*. Materials for the project of Russian corpus grammar (<http://rusgram.ru>). Moscow, 2016.
7. Pen'kovskij A.B. *Essays on Russian semantics*. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 464 p.

УДК 8.81

LINGUISTIC FEATURES OF CONFLICT AS A MANIFESTATION OF EMOTIONAL TENSION

Vinogradova Natalia Grigorievna

Associate Professor of the Department of Foreign Languages
Ph.D. in Philology. Sciences, Associate Professor
Altai State Humanitarian Pedagogical University named after V.M. Shukshina
Biysk, Russia / katipet30@yandex.ru

Shelok Tatiana Ivanovna

Associate Professor of the Department of Foreign Languages
Ph.D. in Philology. Sciences, Associate Professor
Altai State Humanitarian Pedagogical University named after V.M. Shukshina
Biysk, Russia / ttschelok@rambler.ru

Abstract

Emotional tension manifests itself to the greatest extent in conflict situations. Conflict is a clash of opposing opinions, positions, ideas, and assessments, to which people try to find a resolution through beliefs or actions against a backdrop of emotions. Conflicts are classified according to various aspects: by causes, by spheres of life, by participants, by degree of openness, by internal content and by nature.

The aim of our work is to identify the features of speech behavior in conflict situations between native English speakers. In order to analyze the speech behavior we used videos that contain conflict situations.

The study of 15 conflict situations between people of different gender and age revealed a number of linguistic features of speech behavior: remarks uttered with a constant raised tone, with rising tone or with a sharp rise in vocal pitch, fast, dynamic tempo and few pauses between remarks, lengthening of vowel (less often consonant) sounds in speech, frequent use of interjections, repeated use of certain words in conflict, use of words with negative connotations, difficulty in choosing words, sentences with parallelism, expressed by anaphora and epiphora, use of irony.

Key words: emotional tension, conflict, conflict situation, speech behavior

Emotional tension can manifest itself in different situations: when speaking in public (speech of a politician), when talking to a stranger, when answering an exam. Emotional tension also manifests itself to the greatest extent in conflict situations.

A conflict is a situation in which each party is trying to take a position that is opposite and incompatible with the interests of the other.

There is an opinion that conflict has only negative meaning, has associations with deep emotions, aggression, arguments, hostility and threats, that conflict is an undesirable phenomenon and requires its immediate resolution or its possible avoidance [2].

The aim of this paper is a linguistic analysis of conflict situations between people who know each other (who have certain relationships with each other, namely kinship: husband, wife, children and other relatives; relationships between divorced spouses, ex-lovers) based on video materials.

In this article we analyzed a couple of conflict situations, one of which is the confrontation between children and their non-relative mother, who lives with their father, the confrontation of the latter is also touched upon in this conflict.

(the son speaks with her stepmother)

-I may fix it?

-No! I want you to go, go fuck yourself is what I want you to do, Will!

-Really?

-Yeah, really. You know, do nothing, you don't do a damn stinking thing!

-I do a lot of stuff.

-Yeah. Come home give me twenny, come home give me twenny (mimicing).

-Uh-huh. And you sit upstairs.

-Will, Do you see what a fuck is around here?

-Uh-huh.

-Who do you think did it?

-Lot people.

-I was the one who did all work around here for three fucking days!

-I screwed it up and I gonna go fuck myself.

-Because you tried to set the ipod. Now when I turn the TV on it turns the TV off! So it can't read the ipod and the TV at the same time, because an ipod would suppose to go to the TV and as it been set up like that, now when I go to turn it on it doesn't say anything about the TV, it says listen the ipod!

(then the father of children starts to speak with her)

-I'm sorry you upset-

-I'm pissed!

-You are the one that sad, you have to use this universal remote-

-I...you was going be a big fucking sugar and trying to set up this ipod after I told you can you live in here so...something uses an experiment to...!

-Go somewhere else and yell at some other one's kid, you-

-Take your kids and do something with them! They don't do anything, you don't take them anywhere! All you do is cook and deliver them food! Take them to the shop. Take them to Birmingham. Take them to «Dave and Buster's», do fucking with them, except for carrying to them every fucking thing they say!

-Could you put up the windows, so perhaps neighbors can hear you, so I need more witnesses for this.

-(She understands that she was recorded on video) Are you fucking nuts!?

-No-

-...taperecord me? Are you crazy? Are you serious?

-Yeah, I'm serious. I'm very serious-

-For what purpose that?

-For contention.

-What? Oh, my God, do you want me to lose my child? Do you- [3]

This situation is a direct communication with active feedback, produced in the form of a polylogue. The goal of this communication is persuasion. The conflict of this dialogue can be characterized as family and domestic, interpersonal, open, emotional, and destructive.

Characterizing the phonemic features of the speech behavior of this fragment there should be noted:

-presence of semantic accents:

1) *I want you to go, go 'fuck yourself is what I want you to do, Will!*

2) *All you do is 'cook and deliver them 'food!*

3) *'Take them to the shop, 'take them to Birmingham, 'take them to «Dave and Buster's», 'do fucking with them, except for 'carrying to them every fucking thing they say!*

-speeches uttered with a constant raised tone, with a rising tone, or with a sharp rise in vocal pitch, representing for the most part questions:

1) → *Are you crazy? Are you serious?*

2) → *For what purpose that?*

3) ↑ *What? Oh, my God, do you want me to lose my child?*

-a large number of lines spoken at a high volume:

1) *I want you to go, go fuck yourself is what I want you to do, Will!*

2) *You know, do nothing, you don't do a damn stinking thing!*

3) *I was the one who did all work around here for three fucking days!*

4) *So it can't read the ipod and the TV at the same time, because an ipod would suppose to go to the TV and as it been set up like that, now when I go to turn it on it doesn't say anything about the TV, it says listen the ipod!*

5) *I'm pissed!*

6) *Take your kids and do something with them! They don't do anything, you don't take them anywhere! All you do is cook and deliver them food!*

-the pace of the conflict is gradual and quite dynamic without compromise by either side;

- the presence of pauses between the replicas of the interlocutors at the beginning of the conflict, but as the conflict developed, the pauses disappeared.

Among the morphemic features we should highlight the frequent use of personal pronouns I, you; the frequent use of verbs (may, do, come, was, screwed, tried, take).

Paying attention to the lexical features of speech behavior it is necessary to note:

-repetition of the words *ipod*, *TV* used by the foster mother to explain the reason for her anger, as well as the pronoun *them* to explain her dissatisfaction with the upbringing of her children.

-the use of simple, abstract and polysemous vocabulary: *nothing*, *thing*.

-the use of words with negative connotations: *sugar* (meaning flatterer).

- use of profanity: *go fuck yourself*, *fuck*, *fucking days*, *fucking sugar*, *do fucking with them* (in the meaning of "to care for children, to give them attention," but in a crude way), *fucking thing*.

-The use of crude colloquial vocabulary: *damn stinking thing*, *screwed up*.

Among the syntactic features are:

-the presence of elliptical sentences used by children and father who are not as emotional and interested in the conflict:

1) *Yeah, really.*

2) *Lot people.*

3) *For contention.*

-presence of unfinished sentences, to a large extent, due to the fact that the interlocutors constantly interrupt each other.

1) *I'm sorry you upset-*

2) *You are the one that sad, you have to use this universal remote-*

3) *Go somewhere else and yell at some other one's kid, you-*

4) *Yeah, I'm serious. I'm very serious-*

-presence of a sentence with parallelism expressed by anaphora:

Take your kids and do something with them! Take them to the shop. Take them to Birmingham. Take them to «Dave and Buster's»-

-a large number of exclamatory constructions, so one of the interlocutors is trying to prove his point of view by raising the volume of his voice: 1) *I was the one who did all work around here for three fucking days!*

2) *Now when I turn the TV on it turns the TV off!*
 3) *I'm pissed!*
 4) *They don't do anything, you don't take them anywhere! All you do is cook and deliver them food!*

-the presence of rhetorical questioning constructions:

1) *Are you crazy?*

2) *Are you serious?*

-presence of repetition of statements to express sarcasm:

Boy: I do a lot of stuff.

*Mother: Yeah. **Come home give me twenny, come home give me twenny** (mimicing).*

The following example contains a conflict situation between a husband and wife in which the wife emotionally begs her husband to take her to the lake:

-Other shit! You know I do all my shit to have a Saturday to hang out with my husband. And you. All of your shit is all the same-

-All what I do is-

-I would like to go on the lake! Why we don't go on the lake?

-This-

-I mean there's, there's no reason not to be on the lake rock now!

-How could we afford it?

-Afford it? James has I penny money that I am spending on the ...!-

-You lie, you keep going off and tell me that you have money-

-James! Because I am trying to sit down and go over the budget with you-

-No! The budget is-

-You need to stop and give me some cigarettes.

-Ha, I don't have to do anything.

-Please! I am about to go crazy!

-At the yard-

-Please! James!

-I'm in shit.

-Please!

-I've done anything with you.

-Go straight, let me get cigarettes.

-All over a pack of cigarettes, as would-

-Just stop! Stop!

-I mean really and you want me to take you on the lake like this?

-I wanna be on the lake!

-It's not my fault.

-(crying)

-I'm in shit!

-(crying)

-Whitney. It's all because you can't get your way.

-I never give out...just for one day where I came. One day! One day! Go on the lake! God damn! Why can't you just do it for me! Was it so hard! Take me on the lake (screaming)!

-(laughing)

-James, just take me on the lake! (screaming)

-Wow, I work everyday, Whitney.

-Take me on the lake!

-I've said you.

-Please! Please! Take me on the lake! Was it so hard!

-You're acting like you're eleven year old. And you didn't get the toy from Malmart.

-Oh, why can't we go (crying)! Why! Why!

-Sometimes you just can't do stuff.

-I feel what I do.

-I mean, it's ok. Now you're gonna text everybody.

-I'm human as- I wanna go on the lake!

-So you're gonna make me a little bad guy, so you-

-Why you're not taking your wife on the lake!

-Now, you're gonna text everybody on facebook and tell everybody what a bad person I am [1].

This situation is a direct communication with active feedback, produced in the form of dialogue. The purpose of this communication is persuasion, which includes compulsion to action. The presented dialogue is conflictual and the conflict in it can be characterized as family and domestic, interpersonal, open, emotional, a destructive conflict of aims.

Characterizing the phonemic features of the speech behavior of this fragment it is necessary to note:

-a large number of semantic accents:

1) *You know I do 'all my shit to have a Saturday to hang out with my husband.*

2) *I would like to go on the 'lake! Why we don't go on the 'lake?*

3) *Because I am trying to sit down and go over the 'budget with you-*

4) *I'm in 'shit.*

5) *Why can't you just 'do it for me!*

-the pace of this conflict is fast and dynamic enough, but without reaching a compromise, neither side was able to prove their point of view.

- a small number of pauses. Each replica is quickly replaced by the second speaker, expressed in a momentary response or in the interruption of the speaker's speech (interruptions are marked with a "-" at the end of the replicas). Most of the pauses in the analyzed conflict are filled by the wife's cries at full voice and her crying.

- the sound lengthening of vowel and consonant sounds:

1) *All of your shit is all the same-*

2) *James!!!*

3) *Please! I am about to go crazy!*

4) *Just stop! Stop!*

5) *One day!!! One day!!! Go on the lake! God damn! Why can't you just do it for me!*

Was it so hard! Take me on the lake (screaming)!

6) *Why!*

7) *I mean, that's ok.*

Among the morphemic features we should highlight the frequent use of personal pronouns I, you; the use of the interjection wow, the frequent use of the negative particle not.

Paying attention to the lexical features of speech behavior it is important to note:

-frequent use of the verbs wanna, gonna.

-repetition of the words *please, lake* to achieve the purpose of communication, as well as the word *all*, which shows the wife's irritation regarding the actions of her husband.

-the use of predominantly simple concrete and unambiguous vocabulary: *lake, cigarettes, wife, husband.*

-the use of swear words: *shit.*

-use of crude colloquial vocabulary: *God damn.*

-little difficulty in the choice of words, for example: I'm human as (difficulty)-I wanna go on the lake!

Among the syntactic features it is necessary to allocate:

-multiple repetition of statements. For example:

1) *Was it so hard?*

2) *Take me on the lake!*

3) *I'm in shit!*

4) *Why?*

-the presence of unfinished sentences, mostly due to the fact that the interlocutors are constantly interrupting each other.

All what I do is-

No! The budget is-

3) So you're gonna make me a little bad guy, so you-

-a large number of exclamatory constructions, so one of the interlocutors is trying to prove his point by shouting:

1) Other shit!

2) Please! I am about to go crazy!

3) Just stop! Stop!

4) I wanna be on the lake!

5) One day! One day! Go on the lake! God damn! Why can't you just do it for me! Was it so hard! Take me on the lake (screaming)!

-appearance of an error in the harmonization of linguistic units: James has I penny money that...

To summarize the analysis, it was revealed:

1) frequent use of semantic accents, raising the tone, increasing the volume of voice when uttering statements, dynamic tempo of the conflict, a small number of pauses between replicas, lengthening the sound of vowel sounds in words;

2) frequent use of pronouns I and you, interjections, frequent use of the negative particle not;

3) repetition of words and replicas to achieve the purpose of communication, frequent use of verbs wanna, gonna, the use of profanity and coarse colloquial vocabulary;

4) the presence of difficulties in the construction of statements, a large number of exclamatory constructions, the presence of incomplete sentences due to interruption of speech by another interlocutor and the presence of errors in the coordination of linguistic units.

According to K. Lewin, conflict is a situation in which a person is affected at the same time by opposing forces of relatively equal magnitude. In his works Lewin considers interpersonal and intrapersonal conflicts. From the perspective of role theory, conflict is a situation of incompatible expectations (or demands) to which a person, who plays a certain role in the interpersonal and social structure, is exposed.

Conflict is a clash of opposing opinions, positions, ideas, and evaluations to which people try to find a resolution using beliefs or actions amidst displays of emotion.

The conflict, according to the psychological dictionary is a clash of differently directed purposes, interests, opinions, positions or views of the subjects of interaction, fixed by them in rigid form [4].

The basis of the conflict is always the accumulated contradictions, subjective or objective, illusory or real. Sometimes even a small occasion can generate conflict. Conflict development is realized according to the following scheme: conflict situation + reason = conflict.

The essence of the conflict is defined as the lack of unanimity between the parties. Each party involved in the conflict does everything possible so that exactly its point of view was accepted as correct and prevents the opposite side to do the same [2].

At the conflict of aims its participants differently look at the future state of the object. At the conflict in the views of his participants have different ideas and thoughts on a particular issue. Sensory conflict involves situations where its participants have different feelings and emotions that underlie their relationship, in this type of conflict, people irritate each other's style of behavior.

Thus, we can conclude that conflict situations can have both positive and negative effects on people and the situation as a whole, but the passage of the conflict is never with a positive bias. Conflict always takes place with a predominance.

References

1. A husband records his wife's angry outburst at him for not taking her to the lake URL: <http://www.youtube.com/watch?v=VXGYWitJ-aA.html> (Accessed 17.06. 2014).

2. Conflict. Ways of resolution URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/12/5619.html> (17.06 2020)
3. My dad's ex-girlfriend is a psycho URL: http://www.youtube.com/watch?v=EWpecs_Q5 (Accessed 17.06. 2014).
4. Karpenko L.A. Short Psychological Dictionary. Rostov-on-Don: Phoenix, 1998. P.512.

УДК 81.112.2

DIE ROLLE DER METAPHER IM NEUDURCHDENKEN DER ABLEITUNGEN UND DER ZUSAMMENSETZUNGEN DER DEUTSCHEN SPRACHE

Voronina Larissa Vladimirovna

Dozentin des Lehrstuhls für Deutsch und
Französisch
Doktor phil., Dozentin
Nationale Forschungsuniversität Belgorod
Belgorod, Russland / voronina@bsu.edu.ru

Skokova Tatjana Nikolaevna

Dozentin des Lehrstuhls für Deutsch und
Französisch,
Doktor phil., Dozentin
Nationale Forschungsuniversität Belgorod
Belgorod, Russland / skokova@bsu.edu.ru

Abstract

Im Artikel wird die Rolle der Metapher als kognitiver Mechanismus analysiert, der die Neuinterpretation der abgeleiteten und zusammengesetzten Wörter der deutschen Sprache bestimmt. Es wird betont, dass die Metapher als kognitiver Prozess einen mentalen Zugang zu einem anderen Konzept innerhalb eines bestimmten Modells ermöglicht. Der kognitive Mechanismus zur Bildung der neuen Benennungen basiert auf dem Vergleich und der Übertragung der dem Erkenntnissubjekt vertrauten Merkmale einer Kategorie auf die Merkmale einer anderen, wenig bekannten Kategorie. Das heißt, eine kognitive Metapher ist ein Mittel, mit dem ein neuer Erfahrungsbereich in Bezug auf einen vertrauteren Bereich konzeptualisiert werden kann. Der kognitive Mechanismus einer konzeptuellen Metapher ist mit der Fokussierung auf ein bestimmtes Merkmal verbunden, wobei die verbleibenden Merkmale des Objekts vollständig oder teilweise unterdrückt werden.

Stichwörter: abgeleitetes Wort, zusammengesetztes Wort, kognitiver Mechanismus, Konzept, kognitive Metapher.

THE ROLE OF METAPHOR IN REFINITION DERIVATIVES AND COMPLEX GERMAN WORDS

Voronina Larisa Vladimirovna,

Associate Professor of the Department of
German and French Languages,
Candidate of Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / voronina@bsu.edu.ru

Skokova Tatiana Nikolaevna

Associate Professor of the Department of
German and French Languages,
Candidate of Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / skokova@bsu.edu.ru

Abstract

This article analyzes the role of metaphor as a cognitive mechanism that determines the rethinking of derivatives and complex nouns of the German language. The essence of the metaphor is revealed, which provides mental access to one more concept within a certain model. The cognitive mechanism for the formation of new nominations is based on comparing and transferring the features of one category familiar to the subject of cognition to the features of another little-known category. That is, a conceptual metaphor is the means by which a new area of experience can be conceptualized in terms of a more familiar area. The cognitive mechanism of the conceptual metaphor is associated with focusing on a specific feature with complete or partial suppression of the remaining features of the object.

Key words: derivative word, compound word, cognitive mechanism, concept, conceptual metaphor.

Im Rahmen des kognitiv-diskursiven Paradigmas wird Wortbildung zum einen als Erkenntnisprozess verstanden, bei dem mit Hilfe mentaler Operationen auf der Basis vom Vorwissen

die Kategorisierung neuen Wissens erfolgt, und zum anderen als ein Ergebnis kognitiver Operationen, die sich in den Akten der Nomination einer bestimmten Sprache widerspiegeln.

Die Ableitungen und die Zusammensetzungen, die zum Gegenstand linguistischer Forschung werden, eröffnen den Zugang zu kognitiven Mechanismen, um Informationen zu verarbeiten, zu speichern und in der Struktur eines abgeleiteten und zusammengesetzten Wortes zu fixieren.

Die Verwendung der Wortbildung als Hauptfaktor bei der Fixierung einer neuen Erfahrung wird durch die begrenzten Fähigkeiten des Gedächtnisses einer Person bestimmt. Die Bildung neuer Wörter mittels Wortbildung basiert auf bekannten Konzepten, in semantischer und formaler Bedeutung, und ermöglicht den Zugang zu neuen Sinnesstrukturen. Solche Art von Mechanismus ermöglicht im Kommunikationsprozess einen leichteren Weg zum neuen Wissen.

Formal ist jedes abgeleitete Wort ein Ganzes, dessen Motivation durch die Verbindung mit der motivierenden Entität, aus der das Wort gebildet wird, vorgegeben ist. Im Akt der Kommunikation aber kann neudurchdacht und eine neue Bedeutung bekommen. Solche Veränderungen in der konzeptuellen Struktur des Wortes werden durch die Wirkung kognitiver Mechanismen und durch die Verwendung kognitiver Modelle bereitgestellt.

Kognitive Metapher und Metonymie können als kognitive Mechanismen fungieren, die das Überdenken bereits bekannter Bedeutungen bestimmen. Diese kognitiven Prozesse bieten einen mentalen Zugang zu einem anderen Konzept innerhalb eines bestimmten Modells.

Sowohl metaphorische als auch metonymische Konzepte werden in Bezug auf andere Konzepte interpretiert, was bedeutet, einen Themenbereich in Begriffen eines anderen zu konzeptualisieren [Lakoff, Johnson, 1980]. Die semantische Differenz zwischen ursprünglichen und innovativen Bedeutungen in der Metapher kann signifikant sein, während in der Metonymie dieser Unterschied von Natur aus intraframe ist.

In diesem Beitrag konzentrieren wir uns auf die Analyse der abgeleiteten und zusammengesetzten Substantive der deutschen Sprache, neu gedacht auf der Grundlage einer kognitiven Operation – einer kognitiven Metapher.

Im Rahmen der neuen Richtung in der Linguistik machten Wissenschaftler auf die Metapher nicht so sehr als stilistische Vergleichsmethode aufmerksam, die zur Ausdruckskraft der Sprache beiträgt, sondern als Mechanismus der Welterkennung.

In der modernen kognitiven Linguistik wandten sich J. Lakoff und M. Johnson, M. Turner und J. Fauconnier, E. Sweetser, E. Kittay, N. Arutjunova, A. Baranov, E. Kubrjakova, M. Nikitin, A. Tschudinov u.a. dem Studium der Metapher als der wichtigsten mentalen Operation der Welterkennung, ihrer Strukturierung und Erklärung zu.

M. Black führte den Begriff der «kognitiven Metapher» in die linguistische Terminologie ein und versuchte, die Metapher als einen Prozess mentaler Tätigkeit zu betrachten. Die Metapher ist nach den Ansichten des Wissenschaftlers das Ergebnis der Interaktion zweier assoziativer Systeme: das durch die Metapher Bezeichnete und ihr bildliches Mittel, wodurch das Bezeichnete aus einem neuen Blickwinkel erscheint und eine neue, metaphorische Benennung ist [Black, 1990].

Einen wesentlichen Beitrag zur Entwicklung moderner Vorstellungen über den Platz und die Rolle der Metapher als mentale Entität, als Erkenntnisprozess leistete die Auffassung von J. Lakoff und M. Johnson, in der zum ersten Mal der modellierende Charakter von Metapher, die Regelmäßigkeit des Metaphorisierungsprozesses betont wird. Nach dieser Ansicht ist ein wesentlicher Teil des Begriffssystems eines Individuums metaphorischer Natur.

Das Wesen der Metapher als kognitive Fähigkeit eines Menschen liegt im Können, abstrakte Phänomene und Entitäten in sinnlich greifbaren Objekten zu begreifen, das Unbekannte im Vertrauen auf das Bekannte zu meistern, auf Basis des Bekannten neue Konzepte zu bilden.

Die Theorie der kognitiven Metapher basiert auf einem bipolaren Modell, in dem zwei kognitive Domänen interagieren: die Quelldomäne (source domain) und die Zieldomäne (target domain). Die Quelldomäne ist eine erlernte Erfahrung, die spezifischeres Wissen enthält; Zieldomäne ist der Bereich des neuen, weniger klaren Wissens. Auf der Grundlage des Begriffstransfers, der auf einer Gemeinsamkeit beider Domäne beruht, werden Bezüge zwischen Bereichen hergestellt [Lakoff, Johnson, 1980].

Diese Theorie basiert auf der Idee von kognitiven Metaphern als im kollektiven Bewusstsein fixierten stabilen semantischen Strukturen eines höheren Abstraktionsgrades.

Metaphorische Projektionen sind nach der Theorie der kognitiven Metapher in das Alltagsbewusstsein eingebaut und haben einen konventionellen Charakter. Datenprojektionen von einem Bereich zum anderen werden durch metaphorische Modelle verknüpft, die als das in den Köpfen von Muttersprachlern bestehende und / oder entstehende Schema der Relation zwischen konzeptionellen Sphären verstanden werden [Lakoff, Johnson, 1980: 3-9], das durch eine bestimmte Formel «X ist Y» dargestellt werden kann [Chudinov, 2003: 70].

Der kognitive Mechanismus zur Bildung dieser Benennungen ist der Vergleich und die Übertragung der dem Erkenntnissubjekt vertrauten Merkmale einer Kategorie auf die Merkmale einer anderen, wenig bekannten Kategorie. Das heißt, eine kognitive Metapher ist ein Mittel, mit dem ein neuer Erfahrungsbereich in Bezug auf einen vertrauteren Bereich konzeptualisiert werden kann.

Betrachten wir die Möglichkeiten des Überdenkens der abgeleiteten Wörter der deutschen Sprache, die auf dem Mechanismus der kognitiven Metapher basiert, am Beispiel der Substantive, in denen das metaphorische Modell LEBEWESSEN – ARTEFAKT aktualisiert wird.

Die Semantik der folgenden Substantive, deren metaphorische Bedeutung bereits in Wörterbüchern festgehalten wurde, basiert auf einer Artefakt-Metapher. Analysieren wir im Rahmen der Artefakt-Metapher die folgenden metaphorischen Modelle PFLANZE / TEIL EINER PFLANZE – GEGENSTAND, TIER / TEIL DES TIERS – GEGENSTAND, das heißt auf kognitiver Ebene findet ein metaphorischer Transfer vom Quellbereich ARTEFAKT in den Zielbereich LEBEWESSEN statt.

Die ontologische Grundlage der analysierten Zusammensetzungen, die Lebewesen objektivieren, ist die Benennung von Gegenständen, die von einer Person im täglichen Leben und in der beruflichen Tätigkeit verwendet werden, unter denen zwei Gruppen einen wesentlichen Anteil ausmachen: *Kleidungsstücke und Werkzeuge, Utensilien*.

Wie die Analyse zeigt, können Lexeme, die Kleidungsstücke objektivieren, im Rahmen des metaphorischen Modells LEBEWESSEN – ARTEFAKT metaphorisch überdacht werden: 1) Hüte – *Hut, Haube, Mütze, Helm*; 2) Schuhe – *Schuh, Pantoffel*; 3) ein Stück Oberbekleidung – *Mantel*.

Im Rahmen des Modells PFLANZE / TIER – KLEIDUNGSSTÜCK werden die Zusammensetzungen gebildet: *der Kaisermantel, die Klappmütze, die Pantoffelblume, der Schuhschnabel, das Pfaffenhütchen, der Trauermantel, der Frauenmantel, der Frauenschuh u.a.*

Die semantische Struktur dieser Einheiten ist unterschiedlich. Wird die erste Komponente der Komposita metaphorisiert, lässt sich die Verbindung mit der Kategorie LEBEWESSEN in der Oberflächenstruktur der Komposita explizit objektivieren. Wird das Wort als Ganzes einer Metaphorisierung unterzogen, kann eine solche Verbindung im Diskurs oder auf der Grundlage von Inferenz hergestellt werden.

Die Bedeutungsbildung des Lexems *Helmkraut* in der deutschen Kultur ist mit einem metaphorischen Umdenken der ersten Komponente eines zusammengesetzten Wortes verbunden. Auf der konzeptionellen Ebene wird das Formmerkmal vom SUBJEKT – einer ritterlichen Kopfbedeckung – auf die Form eines PFLANZENTEILS (Kelch einer Blume nach dem Verwelken) übertragen, vergleiche:

Helmkraut n. – Angehöriges einer Gattung der Lippenblütler, dessen Blütenkelch nach dem Verblühen geschlossen ist und dann einem Helm gleicht. Vergleiche: *Helm m. – schützende Kopfbedeckung aus Leder, Metall, Kork* [Wahrig, 2001: 616].

In der Oberflächenstruktur des Kompositums *Helmkraut* kommt die Verbindung zur Kategorie KRAUT explizit zum Ausdruck.

Lexeme *Haube*, die Damenkopfbedeckungen aktualisiert: «*weibl. Kopfbedeckung in den vielfältigsten Formen, meist von verheirateten Frauen getragen*» – durch die Wirkung des kognitiven Mechanismus der Begriffsmetapher erhielt sie eine Reihe neuer Bedeutungen, darunter das «Vogelbüschel»: (zool.) *Federbüschel auf dem Kopf von Vögeln, Schopf* [Wahrig, 2001: 605].

Auf Basis des metaphorischen Modells TEIL DES VOGELKÖRPERS – GEGENSTAND, das Teil des Modells LEBEWESSEN – ARTEFAKT ist, wird die Kategorie der Vögel erweitert und die Merkmale «Besonderheiten der Form» hervorgehoben.

So weist die erste Komponente der folgenden Zusammensetzungen darauf hin, dass der Erkenntnissubjekt die Ähnlichkeit der Form des weiblichen Kopfschmucks mit dem Vogelgefieder im oberen Teil des Kopfes festgestellt hat: *Haubenlerche f. – Lerche mit spitzer Federhaube; Haubenmeise f. – Meise mit Federschopf* («Haube»); *Haubentaucher m. – Lappentaucher mit langem, schwarzem Schopf* [Wahrig, 2001: 605].

Bei der Metaphorisierung eines ganzen Wortes lässt die Oberflächenstruktur des Kompositums keine Verbindung zu der neuen Kategorie erkennen.

So wurde das zusammengesetzte Nomen *der Frauenschuh*, das in seiner Grundbedeutung «Frauenschuh» aktualisiert, metaphorisiert, wodurch eine neue Pflanzenkategorie entstand: *Frauenschuh m. – auf Kalk vorkommende Orchidee mit großen Blüten, an denen die schuhförmig aufgeblasene, hellgelb gefärbte Lippe bes. auffällig ist* [Wahrig, 2001: 497].

Auch der Zusammenhang mit der Kategorie LEBEWESSEN in den Zusammensetzungen *das Pfaffenhütchen, der Trauermantel* wird nicht explizit zum Ausdruck gebracht:

*Pfaffenhütchen n. – Zierstrauch mit roten Früchten, die dem **Barett der Priester** ähneln; Trauermantel m. – **Tagfalter** mit dunkelbraunen Flügeln, die weißliche od. gelbliche Ränder tragen* [Wahrig, 2001: 970, 1264].

Die ontologische Grundlage für die Benennungen für Objekte der belebten Welt waren auch Werkzeuge und Utensilien, die eng mit der menschlichen Tätigkeit verbunden waren.

Wie die Analyse dieser Untergruppe zeigt, wird auf konzeptioneller Ebene im Rahmen des Modells vom Quellbereich ARTEFAKT in den Zielbereich LEBEWESSEN häufig das Merkmal «Formbesonderheiten» übertragen.

Dieses Merkmal wurde zur Grundlage für die Bildung der Bedeutungen solcher Komposita und Derivat wie:

*Hammerfisch m., Hammerhai m. – zu den Menschenhaien gehörender Hai mit **hammerförmig verbreitetem Kopf**; Schraubenziege f. – Wildziege mit **schraubenförmig gewundenen Hörnern**, größte Art der Ziegen; Sichler m. – zu den Ibissen gehörender Schreitvogel mit **sichelförmigem Schnabel**, Kammgras n. – Angehöriges einer Gattung der Süßgräser mit **kammförmigen Spelzen*** [Wahrig, 2001: 596, 1120, 1154, 708].

Bei der Bildung neuer Zusammensetzungen auf der Grundlage des konzeptionellen Metaphernmechanismus können aus einem Quellbereich unterschiedliche Eigenschaften in den Zielbereich projiziert werden.

So ist die Bedeutungsbildung der Lexeme *die Löffelente, das Löffelkraut, der Löffelreiher* in der deutschen Kultur mit einem metaphorischen Umdenken der ersten Komponente eines zusammengesetzten Wortes verbunden. Auf konzeptioneller Ebene wird das Merkmal der «Form» des SUBJEKTS – des Geschirrgegenstandes – auf die Form eines PFLANZENTEILS / TIERTEILS – der unteren Blätter / des Schnabels eines Vogels in Zusammensetzungen übertragen *das Löffelkraut, die Löffelente: Löffelkraut: Ein Kreuzblütler, bei dem die unteren Blätter **löffelähnlich** und langgestielt sind* [Carl, 1995: 76]. *Löffelente f. – Schwimmende mit charakteristischem, **löffelartigem** Schnabel*. Vgl.: *Löffel m. – Essgerät, Schöpfergerät* [Wahrig, 2001: 829].

In der Zusammensetzung *der Löffelreiher* wird aufgrund der Wirkung des kognitiven Mechanismus der Metapher das Merkmal «bestimmungsgemäßer Gebrauch – ein Gegenstand zum Aufschaukeln der Nahrung» perspektiviert: *Löffelreiher m – Schreitvogel aus der Familie der Ibisse, mit auffälligem Federschopf und verbreitetem **Schnabel**, mit dem die Nahrung aus dem Wasser ge“löffelt“ wird* [Wahrig, 2001: 829].

Der kognitive Mechanismus einer kognitiven Metapher ist mit der Fokussierung auf ein bestimmtes Merkmal verbunden, wobei die verbleibenden Merkmale des Objekts vollständig oder teilweise unterdrückt werden. In der analysierten Gruppe konzentriert sich das Subjekt der Kognition auf die Merkmale, die von einer Person aufgrund von Wahrnehmungsstützen isoliert werden: «Merkmale der Form eines Objekts oder seines Teils», «seine beabsichtigte Verwendung».

Zusammenfassend ist festzustellen, dass die Bildung neuer Bedeutungen von Wörtern aufgrund der Wirkung des Mechanismus der kognitiven Metapher möglich wird, der in direktem Zusammenhang mit der Fokussierung auf ein spezifisches Merkmal steht, das notwendig ist, um die Bedeutung eines neuen Wortes zu bilden.

Qullenverzeichnis

1. Black M. Die Metapher // Die Theorie der Metapher. – Moskau: Progress, 1990. – S. 153–172.
2. Carl H. Die deutschen Pflanzen- und Tiernamen. – Heidelberg, Wiesbaden: Quelle&Meyer, 1995. – 300 S.
3. Chudinov A.P. Metaphorisches Mosaik in der modernen politischen Kommunikation: Monographie. – Ekaterinburg, 2003. – 248 S.
4. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
5. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. – Gütersloh, München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2001. – 1451 S.

References

1. Black M. Metaphor // Theory of metaphors. – Moscow: Progress, 1990. – Pp. 153–172.
2. Carl H. The German plant and animal names. – Heidelberg, Wiesbaden: Quelle&Meyer, 1995. – 300 p.
3. Chudinov A.P. Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication: Monograph. – Ekaterinburg, 2003. – 248 p.
4. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
5. Wahrig G. German dictionary. – Gütersloh, Munich: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2001. – 1451 p.

УДК 81'42

АТТРАКТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ЗАГЛАВИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (на материале цикла рассказов Тима О'Брайена The Things They Carried)

Даниленко Илья Александрович
Доцент кафедры иностранных языков
педагогического института НИУ БелГУ,
Белгород, Россия / danilenko_ia@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается название художественного текста как текстовый когнитивный аттрактор. Автор применяет метод когнитивно-герменевтического анализа для выявления свойства заголовка не только привлекать внимание читателя при выборе художественного, но и функции удержания внимания в процессе чтения. Приведены примеры из художественной литературы, которые иллюстрирует различные способы привлечения и удержания читательского внимания заголовком художественного текста. В качестве иллюстративного материала выбран цикл рассказов, объединённых одной тематикой и одними и теми же главными героями. Знакомство с одним из рассказов уже ставит читателя в определённые рамки восприятия, настраивая его на конкретную тематику. Отдельно рассмотрен случай, когда два художественных текста, согласно интенции автора, должны восприниматься читателем в диаде и в определённой последовательности, благодаря чему аттрактивная функция названий усиливается.

Ключевые слова: текстовый когнитивный аттрактор, художественный текст, заглавие художественного текста, когнитивно-герменевтический анализ.

THE LITERARY TEXT TITLE ATTRACTIVE FUNCTION (based on Tim O'Brien's cycle of stories «The Things They Carried»)

Danilenko Ilya Alexandrovich

Associate Professor of the Department of Foreign Languages
Pedagogical Institute of National Research University BelSU,
Belgorod, Russia / danilenko_ia@bsu.edu.ru

Abstract

The article discusses the title of a literary text as a textual cognitive attractor. The author uses the method of cognitive hermeneutic analysis to identify the functions of the title not only to grab the reader's attention when choosing a text, but also the function of keeping attention during the reading process. Examples from fiction are given. They illustrate various ways of grabbing and retaining the reader's attention with the heading of a fictional text. A cycle of stories, united by the same theme and the same main characters, was chosen as illustrative material. Acquaintance with one of the stories already puts the reader in a certain framework of perception, adjusting it to a specific topic. A separate case is considered when two literary texts, according to the author's intention, should be perceived by the reader in a dyad and in a certain sequence, due to which the attractive function of titles is enhanced.

Key words: textual cognitive attractor, fiction text, title of fiction text, cognitive hermeneutic analysis.

Заглавие художественного текста не только открывает художественное произведение для читателя, но и, как ни странно, закрывает его. Заглавие – минимальная формальная конструкция, предваряющая и замыкающая художественное произведение как целое.

Название художественного текста занимает по отношению к тексту обособленную функциональную позицию и выступает как порог и как предел текста. Находясь в препозиции к тексту, название это первое, что видит читатель. Название уже представляет собой законченную мысль, а текст выступает лишь как пояснение к названию. «В сжатой форме отражает содержание статьи, задаёт ей определенную оценочность и позволяет прогнозировать содержание всей публикации. Выступая в качестве предтекста, заголовок призван выполнять разные функции и обеспечивать различные прагматические и стилистические эффекты» [Богоявленская 2014; 36].

Для любой книги всегда найдётся читатель, который открывает её впервые. Для него название – начальный этап знакомства с книгой. Само по себе название мало информативно, но оно заключает в себе смысловой ориентир, по которому будет выстраиваться восприятие последующего текста. Название – первый этап знакомства с художественным текстом, который настраивает читателя на определённое содержание. Последующий процесс чтения неоднократно заставляет читателя мысленно возвращаться к названию: «восприятие будет искать в нем основание связанности и соотнесенности последующих частей текста, его композиции» [Кожина 1988; 168].

На название автором возлагается особая роль: «заголовок как структурный компонент текста играет особую роль при организации коммуникативного пространства и заставляет обратить внимание читателя на содержательный план сообщения» [Барышникова 2021; 379]. Согласно теории, предложенной М. Я. Блохом, заголовок текста – это его имя, выраженное «элементарной единицей тематизации текста, формируемой предложением» [Блох 2004; 178]. Название призвано привлечь внимание потенциального читателя.

В любом художественном тексте есть элементы, задача которых привлекать и удерживать внимание читателя. Проведённые ранее исследования, позволили дать определение таким элементам – «текстовые когнитивные аттракторы». Текстовые когнитивные аттракторы – это «доминантные смысловые маркеры, посредством которых привлекается и удерживается внимание читателя к сюжету литературно-художественного произведения» [Огнева 2018; 87]. Название художественного текста является одним из текстовых когнитивных аттракторов.

Перед началом чтения потенциальный читатель должен выбрать художественное произведение. Первичный отбор текста происходит на основе только тех когнитивных аттракторов, которые доступны без знакомства с самим текстом. Среди таких аттракторов

можно назвать автора и заглавие произведения. Ознакомившись с названием читатель уже пытается определить содержательную сторону самого текста и решает стоит ли читать само произведение.

Цель исследования выявить аттрактивный потенциал названия художественного текста и способы, которыми достигается эффект привлечения и удержания внимания читателей.

Обратимся к примерам. Для иллюстрации аттрактивной функции названия художественного текста нами было выбрано произведение американского писателя Тима О'Брайена *The Things They Carried*. Это сборник рассказов о Вьетнамской войне глазами американских солдат. В сборнике 22 рассказа объединённых общей тематикой и действующими лицами, при этом каждый рассказ имеет своё собственное название. В своём исследовании мы применяли метод когнитивно-герменевтического анализа. «Данный метод заключается в осмыслении и истолковании исследуемых лексических единиц и концептов, что подразумевает полное знакомство с текстом на когнитивном уровне» [Даниленко 2021; 28].

Рассказ открывающий сборник так и называется «*The Things They Carried*» *Вещи, которые они несли с собой*. (здесь и далее перевод авторский И. Д.) Этот рассказ можно разделить на три смысловые части: описание вещей, которые солдаты несли с собой на войне, описание военных действий и довоенные воспоминания лейтенанта Кросса. Каждая из частей несколько раз сменяет одна другую. Тим О'Брайен 4 раза возвращается к описанию вещей, что были у солдат:

First lieutenant Jimmy Cross carried letters from a girl named Martha, a junior at Mount Sebastian College in New Jersey [O'Brien 1990] – Лейтенант Джимми Кросс носил с собой письма от девушки по имени Марта, первокурсницы колледжа Маунт Себастиан в Нью Джерси.

The things they carried were largely determined by necessity [O'Brien 1990] – Вещи, что они несли, в основном определялось необходимостью.

Almost everyone humped photographs [O'Brien 1990] – Почти каждый таскал с собой фотографии.

What they carried was partly a function of rank, partly of field specialty [O'Brien T. 1990] – То, что они несли с собой, отчасти зависело от звания, отчасти от необходимости.

Таким образом название дано максимально чётко и без стилистических приёмов. По ходу знакомства с рассказом, читатель постоянно мысленно возвращается к названию, сравнивая его с содержанием. Автор не просто один раз упоминает о ноше солдат, а возвращается к этой идее несколько раз по ходу повествования. Мысль о вещах, что солдаты несли с собой своеобразный рефрен этого рассказа: будучи вынесена в название она привлекает внимание читателя, повторяясь несколько раз – она удерживает внимание читателя.

Рассмотрим ещё один пример. Рассказ «*How to tell a true war story*» (как рассказать правдивую историю о войне). Читатель, увидевший название и впервые открывающий этот рассказ ожидает прочесть советы о том, как рассказывать военные байки. По ходу повествования автор несколько раз прерывает историю, чтобы раскрыть секреты правильной армейской байки:

«A true war story is never moral. It does not instruct, nor encourage virtue, nor suggest models of proper human behavior, nor restrain men from doing the things men have always done. If a story seems moral, do not believe it» [O'Brien 1990] – Правдивая военная байка не содержит морали. Она не поучительна, ни учит добродетели ни рассказывает о примерах человеческого поведения и, даже, не предостерегает от неправильных поступков, которые люди постоянно совершают. Если кажется, что в истории есть мораль – не верьте ей.

«And in the end, really, there's nothing much to say about a true war story, except maybe 'Oh'» [O'Brien 1990] – И в конце настоящей военной байки и вправду нечего сказать, разве что «Ого».

В конце повествования автор ещё раз возвращается к тому как следует рассказывать военные байки и сетует на то, что многие часто не понимают самой сути, рассказанной им истории. Возвращаясь несколько раз к идее, заявленной в названии, автор возвращает к ней и мысли читателя заставляя его сравнивать название с содержанием. Интерес читателя, привлечённый названием, постоянно поддерживается на протяжении всего повествования.

В другом рассказе «On the Rainy River» (*На Рейни Ривер*) Тим О'Брайен рассказывает о периоде своей жизни до войны, как раз о том моменте, когда он получил повестку. Тим О'Брайен решает уклониться от службы в армии и предпринимает попытку бежать в Канаду, но останавливается в нерешимости на границе в небольшом рыбацком отеле. Отель находился как раз на берегу реки:

Off to my right was the Rainy River, wide as a lake in places, and beyond the Rainy River was Canada [O'Brien 1990] – Справа от меня была Рейни Ривер, местами широкая как озеро, а за ней была Канада.

Автор проводит в отеле 6 дней, где кроме него и хозяина никого больше нет. Елрой Бердал, хозяин отеля, догадался, что молодой парень хочет бежать от призыва. Он не осудил и не прогнал, а помог разобраться в себе. Кульминацией рассказа становится поездка на лодке до середины реки, где Елрой предоставляет Тиму выбор: Канада или служба в армии. Под давлением обстоятельств Тим, окончательно разобравшись в себе, принимает решение явиться по повестке.

Рейни Ривер – это не только граница между двумя государствами, для автора это рубеж, перейдя который он уже не сможет жить как прежде: он станет трусом и предателем. Автор не называет свой рассказ в честь восьмидесятилетнего старика, который ему помог и стал навсегда его героем, а в честь места где всё произошло, тем самым имплицитно включая в название и временной период в шесть дней, что он там провёл:

Even now, as I write this, I can still feel that tightness. And I want you to feel it – the wind coming off the river, the waves, the silence, the wooded frontier. You're at the bow of a boat on the Rainy River. You're twenty-one years old, you're scared, and there's a hard squeezing pressure in your chest [O'Brien 1990] – Даже сейчас, когда я это пишу я чувствую ту сдавленность в груди. И я хочу, чтобы и Вы её почувствовали: ветер, дующий с реки, волны, тишина, граница проходящая по кромке леса. Вы в лодке на Рейни Ривер. Вам двадцать один, Вы напуганы, а в груди у Вас, чувство сдавленности. В конце произведения автор снова отсылает читателя к названию, давая ему возможность сравнить свои ожидания с прочитанным и понять замысел произведения.

В этом рассказе аттрактивная функция названия заключается в том, что это не просто проксеменный аттрактор, а проксеменно-темпоральный когнитивный текстовый аттрактор.

В сборнике есть два рассказа идущие один за другим под названиями «Enemies» и «Friends» («Враги» и «Друзья»). Без знакомства с содержанием рассказов аттрактивная функция заключается в антонимичности названий.

Первым идёт рассказ «Enemies». «Врагами» оказываются два американца сослуживца устроившие драку из-за складного ножа. Дейв Дженсен оказался сильнее и сильно избил Ли Странка. С серьёзным переломом носа он был отправлен в тыл. После возвращения между двумя военными было постоянное напряжение: Дейв Дженсен постоянно ожидал расплаты, не мог спать, не мог расслабиться. Но расплаты не последовало. Наконец он не выдержал и сам себе сломал нос и предложил Ли Странку считать инцидент исчерпанным. Тот согласился.

Следующий рассказ «Friends». Главными героями являются снова Странк и Дженсен. Уже с первых строк читатель мысленно возвращается к названию предыдущего рассказа и к названию этого сравнивая их. Сюжет рассказа строиться на обещании «друзей» «прекратить страдания» другого в случае сильного ранения. Они даже составили своеобразный документ с подписями свидетелей.

Ли Странк наступил на миномётный снаряд и ему оторвало ногу. Когда он пришёл в себя, то стал умолять Дженсена не убивать его, ссылаясь на то, что ногу смогут пришить. Прочитав рассказ, читатель снова мысленно возвращается к названию, чтобы сравнить значение слова «друг» с ситуацией, когда друг вынужден умолять друга не убивать его.

Аттрактивная функция названий этих рассказов в полной мере раскрывается только в диаде. Максимальный эффект достигается только после знакомства с обоими рассказами. Здесь обнаруживается двойное противопоставление: семантическая противоположность названий и несоответствие содержаний рассказов и их заглавий – врагами оказываются сослуживцы, а друг вынужден просить друга сохранить ему жизнь, при том, что главные герои одни и те же солдаты.

Суммирую вышесказанное мы делаем вывод, что название художественного произведения успешно выполняет функцию когнитивного текстового аттрактора на этапе выбора текста. Однако, текстовые когнитивные аттракторы, как следует из определения не только привлекают, но и удерживают внимание читателя, так и идея, вынесенная в название художественного текста, неоднократно повторяясь в самом тексте заставляет читателя мысленно возвращаться к названию. Читатель мысленно сопоставляет идею, выраженную названием и раскрытую в тексте. Таким образом заголовок не только привлекает, но и удерживает внимание на протяжении всего процесса чтения.

Мы так же рассмотрели пример, когда аттрактивная функция названия в полной мере раскрывается в диаде художественных текстов, где они дополняют друг друга.

Когнитивно-герменевтический метод требовал полного знакомства с текстом, а не только с названием, что и позволило выявить не только функцию привлечения внимания, но и функцию по его удержанию в процессе чтения, возложенные автором на заглавие.

Литература

1. Барышникова Г. В. Языковые аттрактивы корпоративного сайта // Неофилология. – 2021. – Т. 7. – №. 27. – С. 377-383.
2. Богоявленская Ю.В. Парцелляция как средство повышения привлекательности газетного заголовка // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2014. – Т. 14. – № 3. – С. 35-39.
3. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики. М.: Высш. шк. – 2004. –239 с.
4. Даниленко И. А. когнитивно-герменевтическое моделирование художественного концепта (на материале романа Э. М. Ремарка «Der Funke Leben») // Гуманитарные исследования. – 2021. – №. 1. – С. 26-32.
5. Кожина Н. А. Заглавие художественного произведения: онтология, функции, параметры типологии // Проблемы структурной лингвистики. – 1988. – С. 167-183.
6. Огнева Е. А. Концепция текстовой когнитивной аттракции / Е. А. Огнева // Лингвистические горизонты: междунар. сб. науч. тр. Вып. VI. / отв. ред. Е.А. Огнева, И.Б. Акиншина. – Белгород: ООО «Эпицентр». – 2018. – С. 87-92.
7. O'brien Tim. The things they carried. – Houghton Mifflin Harcourt, 1990. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.litres.ru/tim-o-brien-17794746/the-things-they-carried/> (01.11.2021)

References

1. Bary`shnikova G.V. *Yazy`kovy`e attraktivy` korporativnogo sajta* [Language attractions of the corporate website] // Neofilologiya. –2021. – Т. 7. – №. 27. – p. 377-383. (In Russian).
2. Bogoyavlenskaya Y.V. *Partsellyatsiya kak sredstvo povysheniya privlekatel`nosti gazetnogo zagolovka* [Parcellation as a tool increasing a newspaper headline attraction]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Se-riya: Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2014, vol. 14, no. 3, pp. 35-39. (In Russian).
3. Blokh M.Y. *Teoreticheskiye osnovy grammatiki* [Theoretical Foundations of Grammar]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004, 239 p. (In Russian).

4. Danilenko I.A. *Kognitivno-germenevticheskoe modelirovanie xudozhestvennogo koncepta (na materiale romana E. M. Remarka «Der Funke Leben»)* [Cognitive-hermeneutic modeling of a literary concept (based on the novel by E. M. Remark "Der Funke Leben")] // *Gumanitarny`e issledovaniya*. – 2021. – №. 1. – p. 26-32. (In Russian).
5. Kozhina N. A. *Zaglavie xudozhestvennogo proizvedeniya: ontologiya, funkcii, parametry` tipologii* [A title of literary text: ontology, functions, typology parameters] // *Problemy` strukturnoj lingvistiki*. – 1988. – S. 167-183. (In Russian).
6. Ogneva E. A. *Kontsepsiya tekstovoj kognitivnoj attraksii* [The concept of textual cognitive attraction]. E.A. Ogneva *Lingvisticheskie gorizonty: mezhdunar. sb. nauch. tr. Vyp. VI. otv. red. E.A. Ogneva, I.B. Akinshina*. Belgorod: OOO «Ehpitsentr», 2018. S. 87-92. (In Russian).
7. O'brien Tim. *The things they carried*. – Houghton Mifflin Harcourt, 1990. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.litres.ru/tim-o-brien-17794746/the-things-they-carried/> (01.11.2021)

УДК 811.161.3

СТРУКТУРА МОЎНЫХ АФАРИЗМАЎ ПРЫ ІХ УЖЫВАННІ Ў МАЎЛЕННІ*

Іваноў Яўген Яўгенавіч

доктар філалагічных навук, прафесар
загадчык кафедры тэарэтычнай і прыкладной лінгвістыкі
Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова
Магілёў, Рэспубліка Беларусь / ivanov-msu@mail.ru

Анотацыя

Артыкул прысвечаны апісанню змяненняў структуры (лексічна-граматычнай арганізацыі) моўнага афарызма, якія ў маўленні могуць мець не толькі стылістычны, але і сістэмны характар. На структуру аказіянальных афарыстычных адзінак у маўленні ўплываюць тыя ж самыя фактары, што і на структуру ўзуальных. Устаноўлена, што структура афарыстычных адзінак можа істотна змяняцца ў залежнасці ад характару іх сувязі з маўленчым кантэкстам.

Ключавыя словы: беларуская мова, афарызм, структура, маўленне, кантэкст, трансфармацыя

STRUCTURE OF LANGUAGE APHORISMS IN THEIR USE IN SPEECH*

Ivanov Evgeny Evgenievich

Doctor of Philology, Associate Professor
Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Mogilev State A. Kuleshov University
Mogilev, Republic of Belarus / ivanov-msu@mail.ru

Abstract

The article presents the description of changes in the structure (lexical and grammatical organization) of the language aphorism, which can be not only stylistic but also systemic in speech. The structure of occasional aphoristic units in speech is influenced by the same factors as the structure of the conventional. It is established that the structure of aphoristic units can be significantly changed depending on the nature of their connection with the speech context.

Key words: Belarusian language, aphorism, structure, speech, context, transformation

Уводзіны. Структура моўных афарызмаў звычайна разглядаецца незалежна ад кантэксту іх ужывання у маўленні, што тлумачыцца такой прыметай афарыстычных адзінак, як дыскурсіўная самастойнасць [7]. Усебакова апісваецца лексічна-граматычная арганізацыя фальклорных афарызмаў [11; 13, с. 33–62], звяртаецца ўвага і на змяненні структуры прыказак пры ўжыванні ў маўленні [10, с. 140–150], аднак, як правіла, у

---

* Даследаванне выканана ў межах задання Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2021–2025 гг., № 20211335 (Рэспубліка Беларусь)

* The study was carried out of the task of the State Program of Scientific Research in 2021–2025, No 20211335 (Republic of Belarus).

аспекце іх стылістычнага выкарыстання як фразавых тэкстаў, або як “мастацкіх мініячур” [10, с. 104]. Вылучаюцца чатыры стылістычныя прыёмы структурна-семантычнага змянення прыказак: “замена кампанента іншым словам”, “мадэліраванне па ўзоры прыказкі”, “ускладненне прыказак словамі свабоднага ўжывання”, “выкарыстанне вобразнай асновы прыказак” [10, с. 140–150], якія не адлюстроўваюць усе асаблівасці і разнастайнасць структуры прыказак у маўленні. Па ўзоры апісання па-за кантэкстам сінтаксічнай структуры прыказак даследуецца і сінтаксічная структура літаратурных афарызмаў [1; 5; 6]. Тое самае характэрна і для апісання структуры афарыстычных адзінак іншых моў, напрыклад, рускай [9; 14].

Мэта даследавання – вызначыць асноўныя асаблівасці змянення структуры моўных афарызмаў у маўленні пад уплывам кантэксту (з боку яго сінтаксічнага і семантычнага аспектаў).

Матэрыялы і метады даследавання. Фактычным матэрыялам паслужылі тлумачальны слоўнік крылатых афарызмаў беларускай мовы [8], даведнік беларускіх прыказак [12], прыказкавы мінімум і асноўны прыказкавы фонд беларускай мовы [15]. У якасці асноўных метадаў выкарыстаны дэскрыптыўны метады, структурны аналіз, трансфармацыйны аналіз, структурна-семантычнае мадэляванне, кантэкставы аналіз.

Вынікі даследавання. Даследаванне паказала, што змяненні структуры (лексічна-граматычнай арганізацыі) моўных афарызмаў у маўленні могуць мець не толькі стылістычны, але і сістэмны характар. На структуру аказіянальных афарыстычных адзінак у маўленні ўплываюць тыя ж самыя фактары, што і на структуру ўзуальных [3]. Устаноўлена, што структура афарыстычных адзінак можа істотна змяняцца ў залежнасці ад характару іх сувязі з маўленчым кантэкстам [4].

Так, структура афарызма застаецца нязменнай, калі яго пазіцыя ў маўленні **кантэкстава незалежная** (у сінтаксічным плане цалкам аўтаномная ці адносна аўтаномная). Папярэдне (разам з А.Р. Цясленка) намі апісаны формы аўтаномнага ўжывання афарызмаў на матэрыяле англійскай мовы [2; 16].

Цалкам сінтаксічна аўтаномнай пазіцыя кантэкстава незалежнага моўнага афарызма ў маўленні можа быць толькі ў выпадку яго ўжывання ў форме асобнай рэплікі моўніка, якая не мае ніякіх фармальных – ні граматычных, ні лексічных (прыслоўных) сувязяў з іншымі рэплікамі (як у дыялогу, так і ў маналагічным маўленні), напр.: *Яна агледзела сціплае памяшканне. – Раённая бальнічка. Эскулап... Гэта ўсё, чаго ты дасягнуў? – Кожнаму свайё. – Вось не думала тут цябе сустрэць! – Чаму? – На цябе так спадзяваліся! (А. Дзялендзік, “Эскулап і фея”); Ліха? Гэта пра што – пра рэвалюцыю? Не! Ціхі беларус, ціхая Беларусь, ціха ў ёй, наводле Купалы, пачаліся і рэвалюцыя, і грамадзянская вайна, і ліха акупацыі. Ды ці толькі наводле Купалы ціха? Успомнім яшчэ раз словы А. Фадзеева пра паэму Купалы “Яна і я” як пра “па-беларуску ціхую”. Сапраўды па-беларуску ціха ўспрымаў народ Беларусі рэвалюцыю: ціха, але глыбока – як сваю, кроўную. Беларус – не экспансіўны італьянец ці іспанец. Кожнаму – свайё. Ціха ішло на Беларусь і ліха – “тое ўсё”, што падняло “з залежы” нарэшце “беларускія межы”. Ліха “паязджанства”, бежанства, драм і трагедый грамадзянскай вайны, класавых бітваў, ненавісных – аж дзвюх – акупацый (А. Лойка, “Як агонь, як вада...”)* і да т.п. Зрэдку моўны афарызм можа ўжывацца ў пісьмовым маўленні як устаўная канструкцыя [288, с. 81].

Наяўнасць хоць бы адной граматычнай ці лексічнай (прыслоўнай) сувязі кантэкстава незалежнага моўнага афарызма з папярэднімі ці наступнымі фразамі, маркіруе яго адносна аўтаномную пазіцыю, напр.: *Некаторы час я маўчаў. Гэта таму, што гэтыя худародныя сівалапы маюць кепскі слых. Скажаш ім: “Слава Езусу” – Божага імя яны, пыхатыя, не чуюць. Але затое варта камусьці ў іхняй кампаніі трахнуць – яны пачуюць адразу. Кожнаму свайё. Кожны чуе тое, да чаго найбольш звык. Іхнія вушы прыстасаваныя не для гучання Божага імя, а для больш нізкіх гукаў. Вусны іхнія забылі, як вымаўляецца слова “Езус”, і памятаюць толькі словы: “Ф-фу, хамства” (У. Караткевіч, “Хрыстос*

прыязмліўся ў Гародні”) і да т.п. Адносна аўтаномная сінтаксічная пазіцыя моўнага афарызма можа быць дэтэрмінавана (маркіравана) злучальнымі, радзей падпарадкавальнымі злучнікамі, звароткамі, пабочнымі словамі, уводнымі фомуламі (ацэначнымі або нейтральнымі) і інш., напр.: *Справядліва, аднак, зазначана, што за ўсё трэба плаціць, і Валянціна старалася. На жаль, для Валеры гэтая плата аказалася празмернай. Або непасільнай, не для ягонага розуму і здольнасцяў. Але кожнаму сваё* (В. Быкаў, “Труба”); *Сапраўдны шашлык робіцца толькі з бараніны, ды і прыправы, спосаб падрыхтоўкі зусім іншыя. Хоць кожнаму сваё. Камусьці падабаецца, напэўна, і шашлык са свініны (“Наша Ніва”); – Дзе я хаваўся за чужыя спіны? Разумееш, дзе? Ты што, думаеш, у штабе хаханькі? Там што, людзі не гінуць? Кожнаму сваё, браце. Вось маёр Андрэеў загінуў. А я яго ратаваў, цягнуў. Але ж мёртвага я не павалаку. Пры ўсёй маёй павазе да маёра. Разумееш? (В. Быкаў, “Здрада”); Яшчэ напрыканцы семідзясятых на ягонай лекцыі ў БДУ я зразумеў, што з густамі і поглядамі гэтага чалавека беларускую мову я змагу толькі ненавідзець, а ніяк не любіць. Зрэшты, кожнаму сваё (“Наша Ніва”); Войцік здаўна недалюбліваў такіх вась здаравякоў, хто б яны ні былі, ён неяк хваравіта адчуваў іхнюю перавагу над сабой, паставіць насуперак якой у яго не было чаго. Хіба што розум, разважнасць, мо нават хітрасць. Ці, як нядаўна казалі, – прынцыповасць. Але прынцыповасць патрэбна была да вайны, у класавай барацьбе, у іх тлумнай складанай службе, а тут навошта? На вайне куды болей патрэбна такая вась дужасць, простая чалавечая сіла, якой у Войціка было малавата. Ды што зробіш, кожнаму сваё. Таму няхай нясе, калі сам напасіўся (В. Быкаў, “У тумане”); Святлана мае мужа і дваіх сыноў. Даша вучыцца ва ўніверсітэце і любіць кнігі. Дзіяна кіруе ўласнай кампаніяй. Вера працуе правадніцай. Кожнаму сваё, як той казаў. Аднак узнікае пытанне: ці дастаткова “засвойць” у жыцці пэўную ролю, каб быць шчаслівай? (“Звязда”); Што праўда, кожнаму сваё (з гутарковай мовы) і да т.п.*

Паказчыкам размежавання цалкам vs. адносна аўтаномнай пазіцыі моўных афарызмаў у маўленні з’яўляецца, адпаведна, магчымасць vs. немагчымасць іх вылучэння з кантэксту без парушэння яго сінтаксічнай будовы.

Фармальная сувязь адносна аўтаномных моўных афарызмаў з кантэкстам, як правіла, суправаджаецца сэнсавай сувяззю з ім, напр.: *У жыцці кожнага чалавека ёсць свая брама. У адных яна Вострая, у другіх – Тупая, а ў трэціх – хакейна. Кожнаму сваё (“Дзяслоў”)* і да т.п. Фармальная сувязь можа быць цалкам адасобленай ад сэнсавай (якая, у сваю чаргу, можа быць маркіравана ў маўленні незалежна ад фармальнай сувязі), і наадварот. У выпадку наяўнасці сэнсавай сувязі, але адсутнасці фармальнай сувязі з кантэкстам, моўны афарызм мэтазгодна кваліфікаваць як цалкам аўтаномны, паколькі яго можна вылучыць з маўлення без парушэння сінтаксічнай будовы кантэксту, напр.: *Ён уцячэ, уцячэ адсюль. І ніхто яго не ўтрымае, ніхто не мае права трымаць яго. Гуляйце, людзі, жывыя і мёртвыя, самі ў гульні, што самі ж для сябе напрыдумлялі. Ніколі спакон веку тыя гульні зверу, быдлу нічога добрага, акрамя смерці, не прынеслі. І ніколі не стане звер паміж людзьмі, не стане нават дзеля таго, каб уратаваць аднаго з іх, каб заслانیць аднаго з іх ад кулі, не стане. Расквітвайцеся за грахі свае самі. Звярам – звярынае, чалавеку – чалавечае. Кожнаму сваё. Ён пайшоў адсюль прэч. Прэч, прэч, хіба ж дзеля гэтага ён выпраўляўся ў дарогу. У канцы той дарогі яго ж чакаюць не людзі, а звяры, зубры (В. Казько, “Хроніка дзетдомаўскага сада”)* і да т.п.

Структура моўных афарызмаў змяняецца, калі іх пазіцыя ў маўленні **кантэкстава залежная** (сінтаксічна і/або семантычна дэтэрмінаваная). Моўныя афарызмы ў такіх выпадках могуць або страчваць сінтаксічную пазіцыю асобнага сказа (захоўваючы пры гэтым лексічны склад і граматычную арганізацыю), або падпадаць структурна-семантычным змяненням. Кантэкстава залежныя моўныя афарызмы нельга вылучыць з кантэксту без парушэння яго сінтаксічнай будовы.

Заклучэнне і перспектывы даследавання. Кантэкстава залежныя афарыстычныя адзінкі, якія захоўваюць лексічны склад і граматычную арганізацыю, уступаюць у розныя

тыпы сінтаксічнай сувязі з іншымі прэдыкатыўнымі адзінкамі і ўваходзяць у склад розных сінтаксічных канструкцый (простых ці складаных сказаў, канструкцый з чужой мовай, складанага сінтаксічнага цэлага ці перыяду, цалкам тэксту), у якіх адыгрываюць розную сінтаксічную і структурна-семантычную ролю (той ці іншай часткі простага або складанага сказа, слоў прамой ці ўскоснай чужой мовы, кампанента звышфразавога адзінства або перыяду, элемента будовы цэлага тэксту – зачына, канцоўкі, назвы, эпіграфа і інш.). Асобныя з названых роляў ужо даследаваны ў дачыненні да прыказак [10, с. 78–86]. Апісанне ўсіх магчымых роляў у маўленні (у тэксце) кантэкстава залежных моўных афарызмаў, што захоўваюць лексічны склад і граматычную арганізацыю, з’яўляецца актуальнай праблемай вывучэння структуры афарыстычных адзінак.

Літаратура

1. Баравая І.І., Іваноў Я.Я. Сінтаксічная структура сучаснага беларускага літаратурнага афарызма // *Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах*. – Гомель: ГГУ, 2007. – С. 180–182.
2. Иванов Е.Е., Тесленко Е.Г. Автономность афоризма в тексте (на материале произведений У. Шекспира) // *Вестник ПГУ. Серия А*. – 2013. – № 10. – С. 86–90.
3. Иванов, Е. Е. Афоризм в тексте и вне текста: семантика и структура // *Текст. Язык. Человек: в 2 ч.* – Мозырь: МГПУ, 2007. – Ч. 1. – С. 29–32.
4. Иванов Е.Е. О синтаксическом статусе афористических единиц русского языка // *Словообразование и номинативная деривация в славянских языках: в 2 ч.* – Гродно, 1992. – Ч. 1. – С. 73–75.
5. Іваноў Я.Я. Аб другасным спосабе дэрывацыі непрэцэдэнтных афарызмаў // *Грани слова: сб. науч. статей к 65-летию проф. В.М. Мокиенко*. – М.: ЭЛПИС, 2005. – С. 463–468.
6. Іваноў Я.Я. Афарызм як прадмет філалогіі і аб’ект лінгвістыкі // *Веснік БДУ. Серыя 4*. – 1994. – № 3. – С. 61–65.
7. Іваноў Я.Я. Дыскурсіўная самастойнасць як лінгвістычная прымета афарыстычных адзінак // *Вестник ПГУ. Серия А*. – 2019. – № 10. – С. 100–103.
8. Іваноў Я.Я. Крылатыя афарызмы ў беларускай мове: з іншамоўных літаратурных і фальклорных крыніц VIII ст. да н. э. – XX ст.: тлумачальны слоўнік. – Магілёў: МДУ, 2011. – 164 с.
9. Королькова А.В. Русская афористика. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 344 с.
10. Лепешаў І.Я. Парэміялогія як асобны раздзел мовазнаўства. – Гродна: ГрДУ, 2006. – 279 с.
11. Петрушевская Ю.А., Иванов Е.Е. Белорусская паремиология конца XX – начала XXI века (1991–2014 гг.): библиографический обзор // *Паремиология в дискурсе / под ред. О.В. Ломакиной*. – М.: URSS: Ленанд, 2015. – С. 252–292.
12. Петрушэўская, Ю.А. Універсальны і інтэрнацыянальны кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамоўны слоўнік. – Магілёў: МДУ, 2020. – 316 с.
13. Сацыякультурная прастора мовы (сацыяльныя і культурныя аспекты вывучэння беларускай мовы) / С.Ф. Іванова, Я.Я. Іваноў, Н.Б. Мячкоўская. – Мінск: Веды, 1998. – 112 с.
14. Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика. – Петрозаводск: Изд-во ПГУ, 1999. – 448 с.
15. Ivanov E.E. Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian). – Prague: RSS, 2002. – 136 p.
16. Ivanov E.E., Teslenko E.G. The Forms of the Aphorisms in the Non-Aphoristic Texts (Autonomous Aphoristic Utterances) // *Лингвистические и методические аспекты преподавания иностранных языков*. – Белгород: НИУ БелГУ, 2013. – С. 92–99.

References

1. Baravaya I.I., Ivanov E.E. Syntactic structure of modern Belarusian literary aphorism // *Slavic Phraseology in Areal, Historical and Ethnocultural Aspects*. Gomel: GGU, 2007. pp. 180–182.

2. Ivanov E.E., Teslenko E.G. Autonomy of aphorism in the text (based on the works of W. Shakespeare) // *Bulletin of PSU. Ser. A, № 10* (2013): pp. 86–90.
3. Ivanov, E. E. Aphorism in the text and outside the text: semantics and structure // *Text. Language. Human: in 2 vol. V. 1* (2007): pp. 29–32.
4. Ivanov E.E. On the syntactic status of aphoristic units of the Russian language // *Word Formation and Nominative Derivation in Slavic Languages: in 2 vol. V. 1.* (1992): pp. 73–75.
5. Ivanov E.E. On the secondary method of derivation of unprecedented aphorisms // *Facets of the word: collection of scientific. articles to the 65th anniversary of prof. V.M. Mokienko.* (2005): pp. 463–468.
6. Ivanov E.E. Aphorism as a subject of philology and an object of linguistics // *Bulletin of the BSU. Ser. 4. №, 3* (1994): pp. 61–65.
7. Ivanov E.E. Discursive autonomy as a linguistic property of aphoristic units // *Bulletin PGU. Ser. A, № 10* (2019): pp. 100–103.
8. Ivanov E.E. *Winged Aphorisms in the Belarusian Language: from Foreign Literary and Folklore Sources of the VIII c. BC – XX c.: Explanatory Dictionary.* Mogilev: MDU, 2011. 164 p.
9. Korolkova A.V. *Russian Aphoristics.* Moscow: Flinta: Nauka, 2005. 344 s.
10. Lepeshau I.Ya. *Paremiology as a Separate Section of Linguistics.* Grodno: GrDU, 2006. 279 s.
11. Petrushevskaya, Yu.A., Ivanov, E.E. Belarusian paremiology of the late XX – early XXI century (1991–2014): bibliographic review // *Paremiology in Discourse.* Moscow: URSS: Lenand, 2015. Pp. 252–292.
12. Petrushevskaya, Yu.A. *Universal and International Components in the Paremiological Structure of the Belarusian Language: Belarusian-Foreign Dictionary.* Mogilev: MDU, 2020. 316 p.
13. Ivanova, S.F., Ivanov, E.E. Mechkovskaya, N.B. *Socio-Cultural Space of the Language (Social and Cultural Aspects of the Study of the Belarusian Language).* Minsk: Vedy, 1998. 112 p.
14. Tarlanov, Z.K. *Russian Proverbs: Syntax and Poetics.* Petrozavodsk: Izd-vo PGU, 1999. 448 p.
15. Ivanov E.E. *Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian).* Prague: RSS, 2002. 136 p.
16. Ivanov E.E., Teslenko E.G. The Forms of the Aphorisms in the Non-Aphoristic Texts (Autonomous Aphoristic Utterances) // *Linguistic and Methodological Aspects of Teaching Foreign Languages.* (2013): pp. 92–99.

УДК 811.133.1

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЩЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА ЭММАНУЭЛЯ МАКРОНА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Корнеева Вера Александровна
старший преподаватель кафедры
иностраных языков и речевой
коммуникации
Московский Международный университет
Москва, Россия / korneeva_va@mail.ru

Вих Александра Витальевна
преподаватель кафедры иностранных
языков и речевой
коммуникации
Московский Международный
университет
Москва, Россия / vih.al@yandex.ru

Аннотация

Исследования в области политического дискурса являются на данный момент актуальными и активно разрабатываемыми. Авторы статьи предпринимают попытку лингвистического анализа обращений действующего президента Франции к народу в период эпидемии коронавирусной инфекции. Для анализа были выбраны первое обращение президента Пятой республики Эммануэля Макрона от 12 марта 2020 года и от 31 марта 2021 года, спустя год с начала распространения инфекции на территории страны. В статье рассматриваются основные лексические характеристики (лексико-семантические поля, синонимические ряды, соотношение

гипонимов и гиперонимов), морфологические особенности (распределение времен изъявительного и сослагательного наклонений, особенности употребления личных и притяжательных местоимений) и стилистические приемы (анафора, эпифора, парцелляция, параллелизм, градация, сегментация), анализируется влияние на потенциального слушателя и проводится сравнительный анализ двух обращений с указанием их основных сходств и различий.

Ключевые слова: обращение президента Франции, коронавирус, лингвостилистический анализ

LINGUOSTILISTIC ANALYSIS OF ADDRESSES FROM PRESIDENT EMMANUEL MACRON DURING THE PANDEMIC PERIOD

Korneeva Vera Alexandrovna

Senior lecturer of the Department of Foreign
Languages

Moscow International University

Moscow, Russia / *korneeva_va@mail.ru*

Vikh Alexandra Vitalievna

Lecturer of the Department of Foreign
Languages

Moscow International University

Moscow, Russia / *vih.al@yandex.ru*

Abstract

Research in the field of political discourse is, at the moment, relevant and actively developed. The authors of the article are making an attempt to linguistically analyze the addresses of the actual President of France to the people during the epidemic of coronavirus infection. For the analysis, the first appeal of the President of the Fifth Republic Emmanuel Macron of March 12, 2020 and March 31, 2021, a year after the beginning of the spread of the infection in the country, was selected. The article observes main lexical characteristics (lexical and semantic fields, synonyms, hyponyms and hyperonyms), morphological features (distribution of times of the indicative and subjunctive moods, peculiarities of use of personal and possessive pronouns) and stylistic devices (anaphora, epiphora, parcellation, parallelism, gradation, segmentation), the impact on potential listener is analyzed, and a comparative analysis of the two addresses is carried out, indicating their main similarities and differences.

Key words: address by the President of France, coronavirus, linguistic and stylistic analysis

Обращение президента ко всему народу до недавнего времени было довольно редким явлением, связанным с определенным, важным событием в жизни страны: инаугурационная речь, поздравление с Новым Годом, сложение полномочий, начало или конец военных действий и др. Но во время эпидемии коронавируса и связанными с ней карантинными мерами главы государств стали все чаще появляться на телеэкранах с обращениями к жителям страны, что не стало исключением и для Франции.

Основываясь на жанровой классификации, предлагаемой Е. Ю. Алешиной [1], подобные обращения президента к народу могут быть отнесены к убеждающим текстам, целью которых является, во-первых, убедить слушающего в правильности избранной стратегии, во-вторых, информировать о сложившейся ситуации.

В данной статье предпринимается попытка лингвистического анализа обращений действующего президента Франции Эммануэля Макрона к народу страны в начале эпидемии коронавирусной инфекции и спустя год с целью выявить особенности его риторики и проследить, какие лексические, морфологические и синтаксические приемы французского языка использует президент для воздействия на жителей страны.

Говоря о распространении коронавирусной инфекции, нельзя обойтись без лексем, принадлежащих к данному лексико-семантическому полю, что прослеживается в обоих речах. В обращении от 12 марта – *propagation du virus, COVID-19, épidémie, grave crise sanitaire, deuxième vague, détresse respiratoire, propager le virus, symptômes, cas graves, maladie, etc.* В обращении от 31 марта – *crise sanitaire, épidémie, nouvelle forme du virus, virus plus contagieux et plus meurtrier, se contaminer, freiner l'épidémie, etc.*

Второе лексико-семантическое поле, широко представленное в обоих обращениях Э. Макрона – лексика системы здравоохранения, лечения инфекции. В обращении от 12 марта – *personnels des hôpitaux, agents de SAMU, cliniciens, assistance respiratoire, gestes barrières, diagnostics rapides, traitements, antidote au COVID-19, soignants, soigner, etc.* В обращении от 31 марта – *services surchargés, équipes de réanimation, lits en réanimation, hospitalisations, secteur médico-social, réserve sanitaire, avoir les soins, salles de réanimation, etc.*

Стоит отметить, что в обращении от 31 марта 2021, спустя год после начала пандемии, в риторике Макрона часто встречаются лексемы, связанные с предотвращением заражения коронавирусной инфекцией, что нехарактерно обращению от 12 марта 2020 и обусловлено началом кампании по вакцинации в стране – *déploiement de la vaccination, première injection, deuxième injection, deuxième dose, vaccin efficace, centre de vaccination, vaccination en cour, stratégie de vaccination, etc.*

Другой отличительной особенностью обращения от 31 марта 2021 года являются единицы лексико-семантического поля на тему карантина, закрытия предприятий и общественных учреждений, введения определенных общественных правил – *confinement dur, confinement adapté, gestes barrières, couvre-feu, fermeture de certains établissements, restrictions complémentaires, limiter les contacts, s'isoler, limiter les rencontres, télétravail, etc.*

Если в обращении от 12 марта 2020 года Франция находится в начале своей борьбы с вирусом, и Э. Макрон полагает, что определенных предупредительных мер будет достаточно, чтобы замедлить его распространение, то в обращении от 31 марта 2021, спустя год с начала пандемии, президент осознает необходимость более серьезных мер, с чем и связано появление новых лексико-семантических полей в его риторике.

Анализируя эмоционально-окрашенную лексику в речи президента, можно отметить в обоих случаях, что преобладающими эмоциями во французском обществе были страх, волнение, беспокойство. В обращении от 12 марта – *vous avez pu ressentir de l'inquiétude, de l'angoisse; en ne cédant ni à la colère, ni à la panique; la peur de la faillite, l'angoisse du chômage; ne céder à aucune panique, aucune peur, aucune facilité.* В обращении от 31 марта – *un an d'angoisse; ne pas céder à la panique.*

В то же время, существенным отличием речи от 31 марта является наличие лексических единиц с семами «усталость», «раздражение», что позволяет сделать вывод о негативном отношении французов к затянувшимся ограничениям – *un an de peine, d'épreuves, d'efforts, d'angoisse, de sacrifices; confinement dur; beaucoup de fatigue, de l'énerverment, de l'emportement.*

Следует упомянуть еще одно важное отличие речи от 31 марта, а именно наличие лексических единиц, связанных со снятием ограничений, что может свидетельствовать о намерении Э. Макрона подбодрить французов, дать надежду на скорое возвращение к прежним условиям жизни – *nous verrons le bout du tunnel; sortie de la crise; mortalité diminuée; reprendre une vie normale; agenda de réouverture; rouvrir le pays; ouverture de terrasse; retrouver une vie normale; retrouver cette culture qui nous a tant manqués, retrouver les lieux de rencontres, les commerces.*

Другая отличительная особенность, присутствующая в обеих речах президента, на которую необходимо обратить внимание – акцент на совместной борьбе с вирусом, необходимость объединения всей нации, сплоченности действий. В обращении от 12 марта – *intérêt collectif; en disant «nous» plutôt que «je»; agir ensemble; notre sécurité à tous; une discipline individuelle et collectif; la ligne de notre nation toute entière; nous tiendrons tous ensemble.* В обращении от 31 марта – *nous avons résisté, tenu; si nous restons unis et solidaires; nous savons nous organiser.* Помимо лексической составляющей большое значение, придаваемое Э. Макроном объединению нации, выражается в частом употреблении личного местоимения *nous* – *nous soulagerons l'hôpital, nous sauverons des vies, nous verrons le bout du tunnel;* и притяжательного *notre, nos* – *nos concitoyens, nos salariés, nos entreprises, notre nation.*

Стремление Э.Макрона причислить себя к согражданам, общие усилия которых необходимы для борьбы с вирусом, преобладает над его личной вовлеченностью в решение вопроса. Так, в обращении к соотечественникам от 12 марта 2020 года местоимение-подлежащее *je* используется 51 раз, а местоимение-подлежащее *nous* – 72 раза. В обращении от 31 марта 2021 года степень речевой вовлеченности Э.Макрона заметно ниже: местоимение *je* употребляется 38 раз, а местоимение *nous* – 98 раз как подлежащее, а также единожды в качестве косвенного дополнения к конструкции с безличным глаголом *falloir* – *il nous faut.*

Личная заинтересованность главы государства в борьбе с заболеванием, в том числе, очевидна благодаря немалому количеству употребления форм глаголов в первом лице единственного числа, а также подкреплена употреблением модального глагола *vouloir* (*je veux*). Однако акцент смещается в сторону неразрывности между президентом и народом, что и выражается при помощи местоимения первого лица множественного числа.

В свою очередь, президент рассматривает себя как законного представителя нации, защищающего ее интересы, что в речи Э. Макрона выражается в употреблении лексической единицы *en votre nom*, повторяющейся два раза в каждом из обращений [5].

Необходимо подчеркнуть и особое речевое поведение президента Франции, которое «отличает особая энергетика, динамизм, интеллектуализм и подчеркнуто позитивный настрой» [с. 2, П.Г. Логинова, *Анализ лингвокогнитивных особенностей политического дискурса Эммануэля Макрона*]. Риторике Э. Макрона характерен, в том числе, богатый словарный запас, что выражается в наличии синонимических рядов, позволяющих президенту избежать повторов, разнообразить речь и более полно охарактеризовать предмет (*cas graves – cas sévères – cas aiguës; ralentir le virus – freiner le virus; travailler à distance – le télétravail*), отсутствии англицизмов, за исключением COVID-19, и преобладании гипонимов над гиперонимами (*médecins, infirmiers, ambulanciers, agents de SAMU; des restaurateurs, des commerçants, des artisans, des hôteliers*).

Анализируя особенности идиостиля Э. Макрона на морфологическом уровне, мы не можем не отметить выбор модальных и временных форм глаголов. В тексте обращения от 12 марта 2020 года мы находим, что касается изъявительного наклонения, преимущественно формы настоящего времени – *cette épreuve exige; je le sais; toutes ces mesures sont nécessaires*. Формы будущего времени (Futur simple, Futur proche) и прошедшего времени (Passé composé, Passé immédiat) также употребляются, однако их доля не столь велика. Частотны конструкции, требующие после себя употребления сослагательного наклонения (Subjonctif): *afin que nos aînés n'attendent pas longtemps, que des files ne se constituent pas, que les distances soient aussi tenues et que ces fameuses mesures barrières soient bien respectées; je veux ... que nous nous inspirions; je veux que nous puissions; la volonté collective que nous adoptions la bonne organisation; la plus grave crise sanitaire qu'ait connu la France*. В обращении от 31 марта 2021 года мы отмечаем сокращение числа форм сослагательного наклонения и значительное увеличение числа случаев употребления будущего времени (Futur simple, Futur proche): *la France sera placée; les lycéens pourront retrouver; nous pourrons soulager; nous sauverons des vies, une stratégie de vaccination spécifique sera prévue; nous tiendrons l'objectif*. Подобное распределение временных и модальных форм в первом и во втором случае обусловлено тем, что Франция в 2020 году, лишь столкнувшись с новыми реалиями, не обладала достаточной уверенностью действий, а к 2021 году уже выработала четкий план по борьбе с заболеванием и накопила арсенал действенных методов для его реализации [4].

На синтаксическом уровне одной из отличительных черт, характерных для речей французского президента, является употребление выделительных оборотов *c'est qui, c'est que* с целью расстановки правильных логических акцентов: *c'est à votre responsabilité que j'en appelle; c'est cette ligne que je porterai; c'est ainsi que nous pourrons soulager; ce n'est pas la division qui permettra; c'est ainsi que nous pourrons rebâtir; c'est là que le danger existe*.

Речь Э. Макрона богата сложными предложениями с сочинительной, “подчинительной и бессоюзной связью”, однако, несмотря на длину и сложность конструкций, понимание не затруднено [3]. В обращениях как от 12 марта 2020 года, так и от 31 марта 2021 года мы отмечаем склонность Э. Макрона к построению распространенных предложений с двумя и более однородными членами, иногда с лексическим повтором: *Cette épreuve exige aussi une mobilisation sociale envers les plus démunis, les plus fragiles; Il ne faut céder là à aucune facilité, aucune panique; Déjà, des restaurateurs, des commerçants, des artisans, des hôteliers, des professionnels du tourisme, de la culture, de l'événementiel, du transport souffrent, je le sais; Toutes les entreprises qui le*

souhaitent pourront reporter sans justification, sans formalité, sans pénalité le paiement des cotisations; Et je veux ici remercier les étudiants en médecine, les retraités, le service de santé des armées, tous les volontaires de la réserve sanitaire.

Среди средств, способствующих созданию выразительной и убедительной для аудитории речи, стоит выделить:

- 1) синтаксический параллелизм: *Je sais combien les efforts que je vous demande sont difficiles. Je mesure ce qu'ils emportent de conséquences pour notre pays et pour vos vies;*
- 2) анафору: *C'est ainsi que nous pourrons soulager plus rapidement l'hôpital, c'est ainsi que nous sauverons des vies; À retrouver cette culture qui nous a tant manqué. À retrouver les lieux de rencontres, les commerces. À retrouver cet art de vivre à la française que sont les restaurants, les cafés, que nous aimons tant;*
- 3) эпифору: *Et l'éducation de nos enfants, elle, n'est pas négociable. L'école n'est pas négociable;*
- 4) парцелляцию: *Un an d'efforts pour tous. D'angoisses, de sacrifices. De fiertés aussi et d'actes héroïques;*
- 5) сегментацию: *L'autre écueil, ce serait le repli individualiste; ... et ce que nous sommes en train de faire, nous en tirerons toutes les leçons;*
- 6) градацию: *... partout le virus circule vite, de plus en plus vite.*

Все эти приемы служат для привлечения внимания аудитории, установления с ней прочного контакта, способствуют увеличению эмоциональной вовлеченности слушателей, и, как следствие, с большей эффективностью призывают их к сплоченности и убеждают участвовать в общей борьбе с заболеванием.

С точки зрения структурной организации, рассматриваемые нами речи идентичны: обе начинаются с обращения к соотечественникам и заканчиваются восклицательными предложениями – *Vive la République. Vive la France*. Стоит подчеркнуть, однако, что в выступлении от 31 марта 2021 года президент Франции обращается также отдельно к жителям заморских департаментов и территорий (*Mes chers compatriotes, de métropole, de l'outre-mer et de l'étranger*), которые, несмотря на удаленное территориальное положение, также подвержены опасности, что свидетельствует о широком распространении вируса и глобальности угрозы.

Хотелось бы обратить внимание и на большую структурированность обращения 2021 года: вводимые меры и этапы по выходу из карантина теперь представлены в виде списка и упорядочены с помощью коннекторов (*d'un côté ... et de l'autre; d'abord; ensuite; et puis; d'une part ... d'autre part*), обстоятельств времени (*à partir du 16 avril; à partir de la mi-juin*). Это свидетельствует об уверенности представителей французских властей в своих действиях и о наличии упорядочивающего их плана, который отсутствовал в самом начале пандемии. Вместе с употреблением форм будущего времени индикатива четкое и структурированное изложение пунктов плана производит на слушателя впечатление полного контроля над ситуацией, придает ощущение надежности и стабильности [2].

Таким образом, в ходе лингвистического анализа обращений действующего президента Франции Эммануэля Макрона к народу в начале эпидемии коронавирусной инфекции и спустя год нам удалось выявить ряд характерных особенностей. С точки зрения лексической составляющей речь президента характеризуется богатым словарным запасом с большим количеством синонимических рядов. Центральную позицию занимает нейтральная лексика, принадлежащая лексико-семантическим полям «заболевание, здравоохранение, вакцинация, карантин», представленная в обращениях эмоционально-окрашенная лексика связана с лексико-семантическими полями «беспокойство, усталость». На морфологическом уровне наблюдается частотное употребление местоимения *nous*, свидетельствующее о причислении президентом себя к народу. В выборе временных и модальных форм глава государства отдает предпочтение изыскательному наклонению, большая часть текста обращений сформулирована в

настоящем и будущем времени. Речь главы государства изобилует длинными и сложными предложениями с различными типами связи с синтаксической точки зрения. Выступления президента выразительны и убедительны благодаря широкому спектру синтаксических средств: конструкциям с параллельным построением, анафоре, эпифоре, парцелляции, сегментации, градации, использованию выделительных оборотов. Несмотря на сложность конструкций, речь Э.Макрона логична, легка и понятна для слушателя.

Литература

1. Алешина Е.Ю. Жанровая градация политического дискурса // Российский гуманитарный журнал. 2016. №3. – С. 293-301.
2. Логинова П.Г. Анализ лингвокогнитивных особенностей политического дискурса Эммануэля Макрона // Преподаватель XXI век. 2019. №2. – С. 360-372.
3. Седых А.П. О персонификации французской культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 2 (9). С. 154-156.
4. Adresse aux Français, 12.03.2020 URL: https://www.youtube.com/watch?v=bW7KR_ApuXQ (дата обращения: 30.10.2021)
5. Covid-19: l'intégralité de l'allocution d'Emmanuel Macron, 31.03.2021 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kEymMKmv1jI> (дата обращения: 30.10.2021)

References

1. Aleshina E.Yu. (2016) Genre gradation of political discourse // Rossiyskiy goumaniraniy zhurnal. No. 3. – P. 293-301.
2. Loginova P.G. (2019) Analysis of the linguo-cognitive features of the political discourse of Emmanuel Macron // Prepodavatel' XXI vek. No. 2. – P. 360-372.
3. Sedykh A.P. (2011) *O personosfere francuzskoj kul'tury* // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [On the personosphere of French culture // Philological sciences. Questions of theory and practice] № 2 (9). 154-156.
4. Adresse aux Français, 12.03.2020 URL: https://www.youtube.com/watch?v=bW7KR_ApuXQ (Accessed: 30.10.2021)
5. Covid-19: l'intégralité de l'allocution d'Emmanuel Macron, 31.03.2021 URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kEymMKmv1jI> (Accessed: 30.10.2021)

УДК 81'22

ПРОЦЕСС ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР: НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Крупнова Елена Сергеевна
студентка 4 курса бакалавриата
Санкт-Петербург, Россия /
krupnova.es@edu.spbstu.ru

Дмитриев Александр Владиславович
доцент
Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия / avd84@list.ru

Аннотация

Статья посвящена теме процесса заимствования как результата взаимодействия культур на примере немецких заимствований в английском языке. В работе рассматриваются определения термина «заимствование» разными учёными-лингвистами, признаки освоения и этапы адаптации иноязычных слов в заимствующем языке, а также периоды перехода немецких слов в английский язык. В ходе исследования были сделаны выводы, что «заимствование» является двусторонним лингвистическим явлением. С одной стороны, данный термин означает переход иноязычных элементов из языка-донора в язык-реципиент. С другой стороны, это адаптация этих элементов в системе заимствующего языка. Помимо этого, были приведены внешние и внутренние причины, которые приводят к заимствованию лексем в язык и три этапа адаптации заимствованных слов:

проникновение в речь, частичное усвоение и укоренение в языке. Одним из языков, из которого в состав английского языка произошли заимствования, является немецкий язык. С начала XVI и по XXI века лингвисты выделяют большое количество слов из разных сфер жизни, которые перешли в английский язык по ряду лингвистических и экстралингвистических причин и адаптировались в системе языка-реципиента.

Ключевые слова: заимствование, взаимодействие культур, немецкие заимствования, германизмы, адаптация.

THE PROCESS OF BORROWINGS AS THE RESULT OF CULTURE INTERACTION: ON THE EXAMPLE OF GERMAN BORROWINGS IN THE ENGLISH LANGUAGE

Krupnova Elena Sergeevna
4th year undergraduate student
Saint-Petersburg, Russia /
krupnova.es@edu.spbstu.ru

Dmitriev Alexander Vladislavovich
assistant professor
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic
University
Saint-Petersburg, Russia / *avd84@list.ru*

Abstract

The article focuses on the problem of the borrowing process as the result of culture interaction on the example of some German borrowings in English. The definition of the term “borrowing” by different scientists-linguists, signs of assimilation and stages of adaptation of foreign words in the borrowing language are considered, and the periods of transition of German words into English are highlighted. The study concluded that “borrowing” is a two-sized linguistic phenomenon. On the one hand, this term means the transition of foreign language elements from the donor language to the recipient language. On the other hand, it is the adaptation of these elements in the system of the borrowing language which play a key role. Moreover, external and internal reasons that result in the borrowing of terms into the language and three stages of adaptation of borrowings – penetration into speech, partially acquisition and rooting in the language – are presented. German is one of the languages from which borrowings originated in the English language. Since the beginning of the 16th century to the 21st century, linguists have distinguished a large number of words from different spheres of life, which were loaned into English for a number of linguistic and extralinguistic reasons and adapted in the system of the recipient language.

Key words: borrowing, culture interaction, German loanwords, germanisms, adaptation.

В настоящее время одной из важнейших проблем языкознания является взаимодействие представителей разных культур в условиях глобализации. Конец XX и начало XXI веков характеризуются расширением лингвистических контактов в связи с развитием туризма, проведением большого количества научных конференций и конгрессов, в результате чего в системе языка или языков появляются иноязычные элементы или заимствования. В последнее время как отечественные, так и зарубежные учёные-лингвисты исследуют данный процесс детально.

Актуальность работы обусловлена тем, что на современном этапе процесс вхождения и адаптация немецких заимствований в английский язык мало изучена по сравнению с другими языками.

Целью настоящего исследования является рассмотрение различных взглядов отечественных и зарубежных лингвистов на термин «заимствование», анализ теоретических подходов к выделению признаков и этапов адаптации иноязычных элементов в языке-реципиенте и выявление временных рамок проникновения и освоения немецких заимствований в английский язык.

Материалом исследования являются лингвистические научные статьи, словари и монографии. При написании статьи использовался анализ теоретической литературы по проблематике данной статьи и обобщение материала.

В лингвистике термин «заимствование» трактуется с разных точек зрения. Одни лингвисты подразумевают процесс, в результате которого лингвистические единицы

переходят из одного языка в другой, другие результат процесса перехода иноязычных элементов в заимствующий язык после прекращения взаимодействия между языками [6].

В энциклопедических и толковых отечественных словарях заимствование рассматривается как совокупность иноязычных элементов, перемещенных из одного языка в другой в результате их взаимодействия, а также сам процесс перенесения элементов из языка-источника в язык-реципиент [5]; заимствование есть «обращение к лексическому фонду других языков для выражения новых понятий, дальнейшей дифференциации уже имеющихся и обозначение неизвестных прежде предметов» [2; 8].

Заимствование, как правило, адаптируется к системе языка-реципиента. Слово не заимствуется, не переходит из одного языка в другой просто так без каких-либо изменений. Так как у каждого языка своя языковая система, то язык-реципиент адаптирует, перестраивает иноязычное слово под себя. В основе процесса заимствования в первую очередь лежит взаимодействие между представителями разных культур, их контакты в таких сферах, как политика, экономика, культура и быт [7].

Процессе заимствования – это двустороннее явление. С одной стороны, это передача элементов одним языком во владение другим. С другой стороны, это процесс освоения иноязычных элементов системой языка-реципиента, их приспособление и преобразование [11].

По мнению Э. Сепира, заимствование – это процесс, в результате которого иноязычный элемент (морфема или лексема) переходит из одного языка в другой и закрепляется во втором. Если слово освоилось в языке-реципиенте, этот факт указывает на то, что между двумя культурами произошли экономические, социальные или культурные связи [10]. С точки зрения Э. Хаугена, заимствование представляет собой «воспроизведение моделей одного языка другим языком» [12, с. 23].

В нашей работе мы будем придерживаться трактовки термина «заимствование» как перемещения слова из языка-источника в заимствующий язык с последующей адаптацией к системе нового языка, освоением, закреплением в словарном составе и функционированием в нём.

Заимствования происходят по ряду экстралингвистических (внешних) и лингвистических (внутренних) причин. К первой группе причин учёные-лингвисты относят:

1. исторически сложившиеся взаимоотношения между представителями разных национальностей (В.В. Виноградов, Л.П. Ефремов, В.В. Акуленко и др.);
2. потребность в номинации новых жизненных явлений (В.В. Виноградов, В. Пизани и др.);
3. значительные успехи одной нации в каком-либо направлении деятельности (И.И. Огиенко, В.А. Богородицкий и др.);
4. тенденция употребления иноязычных слов (В.В. Виноградов, У. Вайнрайх, Л.П. Крысин и др.).

Вторую группу формируют следующие причины:

1. потребность искоренить омонимию и полисемию (В.М. Аристова, Л.П. Крысин, А.А. Реформатский, Ю.С. Сорокин и др.);
2. экономия вербальных средств (Л.П. Ефремов, Ю.С. Сорокин, Л.П. Крысин и др.) и другие [4].

Когда иноязычные слова переходят из одного языка в другой, они адаптируются к системе языка-реципиента. Для того, что определить, освоилось ли слово или нет, учёные выделяют такие признаки, как «устойчивость, единообразие и нормализация звукового облика и формы слова», «широкое и интенсивное употребление слова в речи», «появление производных», «устранение смысловой дублетности иноязычного слова»; «ликвидация вариантов произношения и разноречия в грамматическом оформлении», «вытеснение заимствованным словом исконных или иноязычных по происхождению слов»; «графемно-фонетическая передача иноязычного слова средствами заимствующего языка», «семантическая самостоятельность слова», «регулярная употребляемость в речи» и другие [6].

По мнению таких лингвистов, как Л.П. Крысина, В.М. Аристовой, Э. Хаугена, Б.Н. Забавникова, лингвистические элементы проходят 3 этапа адаптации заимствований в заимствующем языке: проникновение в речь, частичное усвоение (заимствование) и укоренение в языке. Каждый из этапов характеризуется рядом критериев.

1. Этап проникновения. Лексема связана с языком-донором, так как она только на начальной стадии перехода в заимствующий язык. Слово ещё не адаптировалось к системе языка-реципиента, поэтому на уровне словообразования и грамматики присутствуют колебания, употребляется только в определённом контексте, и не образуются производные слова. С точки зрения семантики лексическая единица обозначает реалию или понятие, которых нет в языке-реципиенте.

2. Этап частичного усвоения (заимствование). Слово также связано с языком-донором. Носители другой культуры начинают всё чаще употреблять лексему в своём языке, так начинают появляться устойчивые формы слова на уровне словообразования и грамматики и образование производных лексических единиц.

3. Этап укоренения в языке. Лексема довольно часто употребляется в речи носителей заимствующего языка. Оно становится самостоятельным, от него образуются новые слова и выражения. В связи с тем, что приобрелась однозначность значения, то происходит дифференциация семантики в словарном составе языка [1].

Этапы вхождения германизмов описаны не полно. По В.П. Секирина, в составе английского языка было заимствовано около 820 слов [9]. Несмотря на то, что слова немецкого происхождения составляют всего лишь 6%, их значимость в составе английского языка не меньше, чем из других упомянутых языков.

Рассмотрим периоды вхождения немецких заимствований в английский язык. Активно немецкие слова начали заимствоваться в английском языке с XVI века. В основном это были слова, связанные с экономикой и торговлей (gelt – деньги, Kreutzer – крейцер), военным делом (protestant – протестант, junker – юнкер) и флорой (lucern – люцерна, larch – лиственница). Помимо этого, в этот период в связи с развитием металлургии и минералогии в заимствующем языке стали появляться в устной речи термины с данными сферами. Всего заимствовалось 3% слов.

В XVII столетии в письменную речь стали закрепляться названия химических элементов и металлов (quartz – кварц, cobalt – кобальт, zinc – цинк, bismuth – висмут). В 1642 году в Англии началась революция, которая длилась несколько лет, и именно в это время появились такие слова, как protective – защитный, plunder – трофей, fatherland – отечество, lifeguard – телохранитель. В связи с развитием образования и появлением Лютеранства появились понятия просвещение – enlightenment и пиетизм – pietism. Также в состав английского языка вошли повседневные слова fraulein – незамужняя девушка и groschen – название немецкой и австрийской серебряной монеты. Общее количество заимствований в XVII веке составило 4%.

В XVIII веке лексический состав английского языка обогащается геологическими и минералогическими терминами (wolfram – вольфрам, nickel – никель, spathic – шпат, iceberg – айсберг); словами, связанными с бытом, культурой и кухней (aesthetic – эстетика, hausfrau – домохозяйка, homesickness – тоска по дому, jager – охотник, noodle – лапша, torte – торт, seltzer – минеральная вода), а также новыми научными терминами (hygrology – гигрология, phenomenology – феноменология, terminology – терминология), которые составили 6% от общего количества заимствований.

Больше всего слов (45%) заимствовалось в XIX веке. Это обусловлено укреплением международных отношений между Германией и Англией после объединения первой страны, научно-технической революцией в Англии. Из немецкого языка перешли лексические единицы из ряда областей: философия (Ding an sich – вещь в себе, Weltanschauung – мировоззрение, Uebermensch – сверхчеловек, Untergang – крушение, Dasein – существование, geist – дух), политика (Realpolitik – реальная политика, Bundestag – Бундестаг, putsch – столкновение, Rechtsstaat – правовое государство, Macht-

politic – политика силы), музыка (Vorspiel – пролог, folk-music – народная музыка, accordion – аккордион, lied – песня, glockenspiel – металлофон, kappellmeister – капельмейстер, leitmotif – лейтмотив), наука (Wissenschaft – наука, Abitur – выпускной экзамен, chromosome – хромосома, chloroplast – хлоропласт), обиходная лексика (kaput – сломанный, Fest – праздник, ersatz – заменитель, verboten – неприемлемый), названия продуктов и напитков (Strudel – штрудель; schnitzel – шницель; bratwurst – братвурст, название сосисок для обжарки на сковороде или гриле). В данный период развилась немецкая лексикология, термины которой также заимствовались: umlaut – умлаут, vowel shift – сдвиг гласных, loanword – заимствование, ablaut – аблаут.

30-40-е годы XX века отличается военно-политическим господством Германии на мировой арене и фашистской идеологией. Четверть заимствований приходится на военную тематику (Anschluss – аншлюс, blitzkrieg – блицкриг, Finalsolution – окончательное решение еврейского вопроса, flak – зенитная артиллерия, flame-thrower – огнемет, Fokker – моноплан времен Первой Мировой войны, Gestapo – гестапо, Luftwaffe – воздушное оружие). Стоит также упомянуть развитие психологии и генетики, в соответствии с чем в английском языке появились термины antigen – антиген, extrovert – экстраверт, introvert – интроверт, schizoid – сходный с шизофренией, super-Ego – Сверх-Я, а также gene – ген, genome – геном и genotype – генотип.

В XXI веке германизмы заимствуются посредством телевидения, радио, Интернета, межкультурного общения, конференций, форумов. Среди новых немецких заимствований можно выделить deckle – неровный; gemeinschaft – общество; Liebfraumilch – «молоко Богородицы», полусладкое белое немецкое вино; plattenbau – панельный дом; hasenpfeffer – рагу из заячьих потрохов; seltzer – вид минеральной воды; infobahn – информационная магистраль [3; 13]. Данный список не ограничивается только приведёнными словами, его можно и нужно в дальнейшем пополнять, исследовать германизмы на основе научных публикаций, СМИ, новостей, фильмов и художественных произведений.

В результате нашего исследования мы рассмотрели термин «заимствование» с разных точек зрения, выделили причины данного процесса, выявили признаки и этапы адаптации, а также проследили периоды, когда немецкие заимствования входили в состав английского языка.

На основе всего вышесказанного, можно прийти к выводу, что термин «заимствование» является многозначным. Его следует рассматривать, как процесс вхождения иноязычной лексики и её адаптация в системе языка-реципиента и как результат данного лингвистического явления. В качестве фундамента данного процесса лежит языковой контакт между народами, носителями разных языков. Одним из примеров данного явления являются германизмы, которые заимствовались в состав английского языка неравномерно. На данный момент самый пик приходится на XIX, что обусловлено укреплением взаимоотношений между двумя культурами.

Материалы данной статьи можно использовать при дальнейшем исследовании немецких заимствований в современном английском языке, а именно в выявлении и составлении списка германизмов, использованных в научных статьях и журналах, изучении этимологии слов и значений.

Литература

1. Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты. – Ленинград: Издательство ЛГУ, 1978. – 151 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Ком книга, 2007. – 151 с.
3. Бондаренко А.В. Некоторые наблюдения над немецкими заимствованиями в современном английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. № 600. – С. 40-45.
4. Борисова А.О. Теоретические основы заимствований в современной лингвистике // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в

гуманитарной и социальной сфере: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Москва. 2019. – С. 172-183.

5. Добродомов И.Г. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
6. Кудряшова С.В. Процесс заимствования как разновидность языкового контакта // Известия высших учебных заведений. 2015. №4 (36). – С. 66-75.
7. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. – М.: Высш. шк., 1987. – 272 с.
8. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 320 с.
9. Секирин В.П. Заимствования в английском языке. – Киев: изд-во Киевск. ун-та, 1964. – 152 с.
10. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ./ Общ.ред. и вступ. Ст. А.Е.Кибрика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.
11. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-е годы XIX века. – М., 1965. – 564 с.
12. Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. 1972. Вып. XI. – С. 344-380.
13. Шкροгалева Е.В. Немецкоязычная лексика в современном английском языке // Наука и современность. 2010. №6. – С.256-260.

References

1. Aristova V.M. English-Russian language contacts. – Leningrad: LGU, 1978. – 151 p.
2. Ahmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. – M.: Kom book, 2007. – 151 p.
3. Bondarenko A.V. Some observations over German loanwords in the modern English language. №600 (2010). – Pp.40-45.
4. Borisova A.O. The theoretical basis of borrowing in modern linguistics. – M., 2019. – Pp. 172-183.
5. Dobrodomov I. G. Linguistic encyclopedic dictionary. – M.: Sov. encyclopedia, 1990. – 685 p.
6. Kudriashova S.V. The process of borrowing as a kind of language contact. №4 (2015). – Pp.66-75.
7. Maslov U.S. Introduction to linguistics.– M.: Higher school, 1987. – 272 p.
8. Nelubin L.L. Translation dictionary. – M.: Flinta: Science, 2006. – 320 p.
9. Sekirin V.P. Loanwords in the English language. – Kiev: university of Kiev, 1964. – 152 p.
10. Sapir E. Selected writings in language, culture and personality. – M.: «Progress», «Universe», 1993. – 656 p.
11. Sorokin U.S. The development of vocabulary of Russian literature language. 30-90s of the 21 century. – M., 1965. – 564 p.
12. Khaugen E. New in linguistics. Iss. XI (1972). – Pp.344-380.
13. Shkrogaleva E.V. German words in the modern English language. №6 (2010). – Pp.256-260.

УДК 81'72

ЛЕКСЕМЫ С ЭМПАТИЧЕСКИМ ЗНАЧЕНИЕМ: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

(на материале глаголов *сочувствовать*, *сопереживать*, *жалеть*)

Лошанина Мария Николаевна

аспирант

Иркутский государственный университет

Иркутск, Россия / masha_usole@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу семантических и сочетаемостных особенностей глаголов *жалеть*, *сочувствовать*, *сопереживать* с эмпатическим компонентом значения. В первую очередь в статье рассмотрены словарные статьи глаголов *жалеть*, *сочувствовать*, *сопереживать* в Малом академическом словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой. Анализ показал, что авторы словаря толкуют один глагол через значение другого, следовательно, возникает трудность в разграничении значений описываемых единиц. Несмотря на то, что описываемые

глаголы вступают в один тип подчинительной связи – управление, каждый из них сочетается только с особой, характерной для него, грамматической формой зависимого компонента. Далее были проанализированы особенности сочетаемости глаголов на материале контекстов из газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка. В качестве вывода на основании полученных результатов семантического анализа лексем с эмпатическим компонентом значения были уточнены и дополнены толкования глаголов *жалеть*, *сочувствовать*, *сопереживать*.

Ключевые слова: эмпатия, семантика, сочетаемость глаголов, корпусный анализ, НКРЯ

LEXEMES WITH EMPATHIC MEANING: SEMANTICS AND PRAGMATICS

(using the example of the verbs *sympathize*, *empathize*, *feel sorry*)

Loshanina Maria Nikolaevna

PhD student

Irkutsk State University

Irkutsk, Russia / *masha_usole@mail.ru*

Abstract

The article is devoted to the analysis of the semantic features and combinability of the verbs *to feel sorry*, *to sympathize*, *to empathize* with the empathic component of meaning. First of all, the vocabulary entries of the verbs *to feel sorry*, *to sympathize*, *to empathize* were examined in the Small Academic Dictionary of the Russian Language edited by A. P. Evgenieva. The analysis showed that the authors of the dictionary interpret one verb through the meaning of another, therefore, there is a difficulty in distinguishing the meanings of the described units. Despite the fact that the described verbs enter into one type of subordinate connection – ‘control’, each of them is combined only with a special grammatical form of the dependent component. Further, the features of verb compatibility were analyzed using the contexts of the newspaper subcorpus of the National Corpus of the Russian language. As a conclusion, the interpretations of the verbs *to feel sorry*, *to sympathize*, *to empathize* were clarified based on the results of the semantic analysis of lexemes.

Key words: empathy, semantics, verb compatibility, corpus analysis, National Corpus of Russian Language

Одним из главных и весьма эффективных инструментов важных для выстраивания отношений между людьми в процессе коммуникации является эмпатия.

Явления эмпатии существовали в языке задолго до того, как были обнаружены и описаны учеными-языковедами, которые назвали их точкой зрения или перспективой. Впервые термин точка зрения упоминается в работе Б. А. Успенского «Поэтика композиции» в 1970 году. Параллельно появляются работы посвященные описанию понятия точка зрения в западной литературе: Cantrall 1974, Silverstein 1976, Kuno & Kaburaki 1977, DeLancey 1981, Deane 1992, Oshima 2007 и другие.

В эпоху расцвета генеративного синтаксиса изучение языковой эмпатии вызывало затруднения из-за многообразия ее языкового проявления и от неопределенности границ категории, которая не поддавалась жесткой синтаксической формулировке.

В настоящее время в лингвистике термин *эмпатия* применяется для описания способов передачи информации, или, другими словами, для «идентификация говорящего с участником или объектом сообщаемого события, изложение чего-либо с некоторой точки зрения» [Лось, 2014, с. 131].

Эмпатия подразумевает понимание отношения говорящего к тому, о чем он рассказывает, к самой коммуникативной ситуации, сообщение о собственных чувствах, понимание чувств собеседника, способность к верной интерпретации вербальных и невербальных сигналов собеседника. Все эти качества крайне важны для успешного осуществления коммуникации. Проявить эмпатию по отношению к собеседнику в процесс коммуникации – значит посмотреть на ситуацию как бы его глазами, «прочувствовать» его эмоциональное состояние, представить, как он бы повел себя в той или иной ситуации.

Стоит также отметить, что *эмпатию* как лингвистический термин не следует понимать как сочувствие или как слияние точек зрения говорящего с одним из объектов

высказывания. Эмпатия в лингвистике – это «отражение объективной реальности с точки зрения отношения к ней воспринимающего субъекта» [Лось, 2014, с. 131], преобладающая роль которого акцентируется при передаче воспринимаемой им информации.

В языке существуют различные способы и средства выражения эмпатии, однако в большей степени учет эмпатии важен для семантического описания единиц.

Среди научных исследований, посвященных проблемам выражения в эмпатии в системе языка, известны работы Ю. Д. Апресяна, В. Ю. Апресян, И. Б. Левонтиной и др.

Цель исследования – описать семантические и сочетаемостные особенности глаголов *жалеть*, *сочувствовать*, *сопереживать* с эмпатическим компонентом значения.

Поставленные задачи решаются с применением следующих **методов**: описательного-аналитического метода, направленного на анализ научной литературы, посвященной эмпатии; метода систематизации, позволившего описать феномен эмпатии с точки зрения трех типов сочетаемости: синтаксической, семантической и лексической; контекстуально-интерпретационного метода, нацеленного на выявление специфики функционирования лексем с эмпатическим компонентом в системе языка; метода сплошной выборки и метода анализа словарных дефиниций.

Материалом для исследования послужили полученные методом сплошной выборки контексты из газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка.

В качестве примера для анализа был выбран газетный подкорпус, так как эмпатия является одним из коммуникативных приемов именно в текстах публицистического стиля. Журналисты могут выражать сочувствие, спрашивая о чувствах интервьюера или хвалить интервьюера за его достижения, а эмпатическое поведение интервьюеров, в свою очередь, проявляется в реакциях на эмоции журналиста.

В первую очередь обратимся к словарным статьям глаголов *жалеть*, *сочувствовать*, *сопереживать* в Малом академическом словаре русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой, см.:

а) **Жалеть** 1. 'Чувствовать жалость, сострадание к кому-либо'; 2. 'Печалиться, сокрушаться, сожалеть'; 3. 'Беречь, оберегать, щадить'; 4. 'Любить'.

б) **Сочувствовать** 1. 'Относиться с участием, состраданием к горю, переживаниям кого-либо'; 2. 'Относиться благожелательно к кому-, чему-либо; одобрять'.

в) **Сопереживать** 'Переживать что-либо вместе с другим (другими), разделять чьи-либо переживания'.

Жалеть – многозначная единица, и, так как предметом нашего исследования являются только единицы с семой 'эмпатия', далее мы будем анализировать только первое значение данного глагола, следовательно, примеры типа (1) – (3) в работе рассматриваться не будут.

(1) *Это вообще уму непостижимо, – не жалеет превосходных эпитетов Познер, оценивая выступление юной эквилибристки* [Ирина Петровская. Звонок другу. На Первом канале все свои люди – сочтутся // Новая газета, 2017.02.10].

(2) *Сегодня гламурные дорогостоящие тренды не жалеют самого святого и добрались даже до детских игрушек* [Мобильник ценой 4,5 млн долларов // РБК Daily, 2007.12.25]..

(3) *По словам свидетелей нападения, по посту стреляли, не жалея патронов* [Галкина Галина. В ИНГУШЕТИИ ОПЯТЬ СТРЕЛЯЮТ // Труд-7, 2007.12.15].

В толкованиях глаголов *жалеть* 'Чувствовать жалость, сострадание к кому-либо' и *сочувствовать* 'Относиться с участием, состраданием к горю, переживаниям кого-либо' есть сема 'сострадание', которая определяется авторами словарей как 'Сочувствие, жалость, вызываемые страданием, несчастьем другого человека' [МАС], следовательно, вновь возникает необходимость обращения к первым двум толкованиям. Так, уже поверхностный анализ словарных статей показывает, что значение одной единицы определяется через значение другой единицы, образуя тем самым так называемый порочный круг толкования.

Решить возникшую трудность в разграничении значений глаголов может обращение к конкретным примерам их употреблений в контекстах Национального корпуса русского языка и анализ синтаксической сочетаемости данных единиц.

Лексемы *жалеть*, *сочувствовать*, *сопереживать* отличаются друг от друга синтагматическими свойствами. Несмотря на то, что описываемые глаголы вступают в один тип подчинительной связи – управление, каждый из них сочетается только с особой, характерной для него, грамматической формой зависимого компонента.

В качестве зависимого компонента при глаголе *жалеть* выступает имя существительное, местоимение или любая другая субстантивированная часть речи, в форме винительного падежа единственного (множественного) числа, см., например:

(4) – Я всегда **жалела** сирот. Они мне как родные. Я бы еще взяла детишек, но уже не справляюсь [Дарья Токарева. Мать-героиня выкинула сына умирать на мороз // Комсомольская правда, 2011.03.01].

Зависимым компонентом глагола *сопереживать* выступают имя существительное, местоимение или любую другую субстантивированную часть речи, в форме в форме дательного падежа единственного (множественного) числа, см., например:

(5) Не сказать, что я сильно **сопереживаю** автомобилистам, хотя вожу. [Анастасия Дуленкова. Под знаком пешехода // РБК Дейли, 2013.12.27].

Зависимым компонент при глаголе *сочувствовать* такой же, как при глаголе *сопереживать*: в форме в форме дательного падежа единственного (множественного) числа, см., например:

(6) «Лента.ру» нашла поклонников **колорадских стрелков** и попросила их объяснить, почему они **сочувствуют** убийцам [Беседовала Лариса Жукова. «Те, кто издевается в школе, заслуживают смерти» // lenta.ru, 2018.01.17].

В форме 1 лица единственного числа настоящего времени лексема *сочувствовать*, в отличие от других глаголов, может употребляться в контексте без зависимых слов, см., например:

(7) – Понимаю, **сочувствую**, готова постоять рядом, потому что маргинал спит поперек лавки [Ольга Бакушинская. Туалетный юмор, или Что бы я хотела от новых властей // Комсомольская правда, 2003.12.08].

(1.8) – У меня ребенок маленький вторые сутки не спит!

– **Сочувствую**, – сказал милиционер.

– Спасибо, конечно. [Светлана Олифирова, Мария Кирсанова. Что делать с соседом-алкоголиком // Комсомольская правда, 2003.10.20]

Так как глаголы *жалеть* и *сопереживать* не употребляются без зависимых компонентов, ср. *Понимаю, **жалею**, готова помочь; *– У меня ребенок маленький вторые сутки не спит! – **Сопереживаю**.

В качестве зависимого компонента при глаголах *жалеть*, *сочувствовать*, *сопереживать* могут выступать наречия меры и степени.

Анализ синтаксической сочетаемости глаголов с наречиями меры и степени показал, что на основании критерия «степень проявления эмпатии» их можно выстроить в иерархию от самого сильного проявления чувства к менее сильному. Глагол, который обозначает самое сильное чувство эмпатии, – *сопереживать*, так как в газетном подкорпусе были обнаружены контексты, в которых только этот глагол сочетается с наречиями *остро*, *страстно*.

(11) Мы, журналисты, по-прежнему частенько садящиеся в седло, всегда **остро сопереживаем** нынешним действующим спортсменам. [Бойцов К., Курдюков С. В Париж транзитом через Ад // Советский спорт, 2010.07.07]

(12) Создавалось впечатление, что они в Русском доме не выполняли свою работу по развлечению спортсменов, а жили перипетиями спортивной борьбы на Олимпиаде, **страстно сопереживали** спортсменам. [Каким должен быть русский дом? // Труд-7, 2008.05.28]

Так как контексты, в которых бы наречия меры и степени сочетались только с глаголом *жалеть* не были обнаружены, мы определили его как глагол с меньшей степенью проявления эмпатии.

Также глаголы встраиваются в иерархию на основании критерия «искренность чувства»: от самого сильного проявления признака к менее сильному. Глагол, который обозначает самое «искреннее» чувство эмпатии, – это глагол *сочувствовать*, так как были обнаружены контексты, в которых только этот глагол сочетается с наречиями *всей душой*, *всем сердцем*, *всёцело*.

(13) *Всем сердцем сочувствую семьям и друзьям погибших*. [Алиса Заброцкая. «Им бы жить и жить». Звезды о трагедии в Ярославле // Советский спорт, 2011.09.07].

(14) *Я всей душой сочувствую родителям погибших детей, но для них это повод задуматься над делами своими*. [Можно ли уйти от судьбы? // Комсомольская правда, 2002.07.04].

Глагол, в котором компонент «искренность чувства» проявлен в меньшей степени, – это глагол *жалеть*, так как контексты, в которых бы он сочетался с наречиями близкими по значению к наречию *искренне* не были обнаружены в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка.

На основании полученных результатов семантического анализа лексем с эмпатическим компонентом значения были уточнены толкования глаголов *жалеть*, *сочувствовать*, *сопереживать*. В качестве образца были взяты словарные статьи из Активного словаря русского языка под ред. Ю. Д. Апресяна, которые строятся на принципах Московской семантической школы (см. Рис. 1, Рис. 2, Рис. 3).

ЖАЛЕТЬ¹, ГЛАГ; <u>-ею</u>, <u>-еет</u>, ПРИЧ ДЕЙСТВ НАС <i>жалеющий</i>, ПРИЧ СТРАД ПРОШ <i>жалевший</i>; НЕСОВ.   <i>Брат жалеет сестру.</i>   ЗНАЧЕНИЕ. <i>A1 жалеет A2</i> 'A1, зная, что A2 плохо, так как A3, чувствует желание облегчить положение A2'   УПРАВЛЕНИЕ.   A1 • ИМ.   A2 • ВИН: <i>жалеет сестру</i>.   КОНСТРУКЦИИ. <i>Мне жать вашего друга.</i>   СОЧЕТАЕМОСТЬ. <i>Искренне <по-настоящему, по-человечески> жалеть; жалеть сестру <сирот, живых, мужика, кота, солдат>.</i>   <i>Пани жалела фурумана, у которого перед тем умерла при родах молодая жена, и он очень переживал оттого (В. Быков). Жалела она брата: и нынче, в такой праздник, нет ему покоя (Б. Екимов). Я болен, счастлив, все меня жалеют (С. Довлатов).</i>   СИН: <i>сочувствовать, сопереживать, сострадать</i>; ДЕР: <i>пожалеть, жалость, жалостливый</i>.

Рисунок 1. «Жалеть»

СОЧУВСТВОВАТЬ¹, ГЛАГ; <u>-ую</u>, <u>-ует</u>, ПРИЧ ДЕЙСТВ НАС <i>сочувствующий</i>, ПРИЧ СТРАД ПРОШ <i>сочувствовавший</i>; НЕСОВ.   <i>Брат сочувствует сестре.</i>   ЗНАЧЕНИЕ. <i>A1 сочувствует A2</i> 'A1 чувствует, что A2 плохо, так как A3, и, понимая, что A3 – это проблема, желает облегчить положение и состояние A2'   УПРАВЛЕНИЕ.   A1 • ИМ.   A2 • ДАТ: <i>сочувствует сестре</i>.   СОЧЕТАЕМОСТЬ. <i>Искренне <по-настоящему, по-человечески, глубоко, мучительно, живо, всёцело, остро, всем сердцем, всей душой> сочувствовать; сочувствовать сестре <сироте, живым, мужику, коту, солдату>.</i>   <i>Теперь немецкое в нём сочувствовало окружающим, ужасалось, отзывалось на рыдания и смерти, а русское – ликovalo, радовалось возмездию (Д. Гранин). – Террор через соучастие. Сочувствовал убийцам Сергея <u>Мироновича</u> Кирова. Вот как! (Ю. О. Домбровский). Она сочувствовала партизанам, ненавидела немцев, но считала нашего отца неспособным к борьбе: сразу попадётся, и его замучают (А. Рыбаков).</i>   СИН: <i>жалеть, сопереживать, сострадать</i>; ДЕР: <i>сочувствие</i>.

Рисунок 2. «Сочувствовать»

СОПЕРЕЖИВАТЬ¹, ГЛАГ; -<i>аю, ает</i>, ПРИЧ ДЕЙСТВ НАС <i>сопереживающий</i>, ПРИЧ СТРАД ПРОШ <i>сопереживавший</i>; НЕСОВ.   <i>Брат сопереживает сестре. Они сопереживают вашему горю.</i>   ЗНАЧЕНИЕ. <i>А1 сопереживает А2 / А3</i> 'А1 чувствует, что А2 плохо, так как А3, и, понимая, что А3 – это проблема, желает облегчить положение и состояние А2'   УПРАВЛЕНИЕ.   А1 • ИМ.   А2 • ДАТ: <i>сопереживает неудачам, сестре.</i>   СОЧЕТАЕМОСТЬ. <i>Искренне <по-настоящему, по-человечески, глубоко, мучительно, живо, всецело, остро, всем сердцем, всей душой> сопереживать; сопереживать сестре <сироте, живым, мужику, коту, солдату>; сопереживать горю <неудачам, страданиям, трагедии>.</i>   Читала девочка в пять лет бегло и с выражением, малыши слушали ее, раскрыв рот и сопереживая злоключениям Элли, <u>Тотошки</u> и их друзей в поисках Изумрудного города или Оли и <u>Ядо</u>, попавшим в Королевство кривых зеркал (А. Маринина). Правы психологи: жертва с какого-то момента начинает сопереживать палачу, то есть искать у него сочувствия и... находить (А. Измайлов). Долги были большие... – Ох-ох! – искренне сопереживала рассказу старушка (А. Грачев). Читая рассказ, Миша остро сопереживал страданиям его героя и ненавидел <u>Игнру</u>, и чего только белый человек церемонится с этой отвратительной обезьяной? (Г. Г. Демидов) Яркое солнце нежно, словно понимая его и сопереживая горю, коснулось теплыми лучами его головы (В. Доценко).   СИН: <i>жалеть, сочувствовать, сострадать</i>; ДЕР: <i>сопереживание.</i>

Рисунок 3. «Сопереживать»

Заключение

Таким образом, контекстуальный анализ лексем *жалеть, сочувствовать, сопереживать* показал, что, несмотря на внешнее сходство значения – наличие общей семы 'эмпатия', единицы сочетаются в контексте только с определенными формами зависимых компонентов и только конкретные типы наречий могут занимать синтаксическую позицию обстоятельства при этих глаголах. Описанные нами особенности семантики глаголов с эмпатическим значением являются определяющими, и потому должны быть учтены при лексикографическом описании данных единиц и отражены в соответствующих словарных статьях.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянских культур, 2009. – 568 с.
2. Апресян, В. Ю. Эмоциональные концепты в русском языке: что можно, чего нельзя? // Проблемы лексической семантики. Тезисы докладов международной конференции. Девятые Шмелевские чтения. – М.: ИРЯ РАН, 2010. – С. 9–15.
3. Лось, А. Л. Средства выражения эмпатии в языке [Электронный ресурс] / А. Л. Лось // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – М. : «Граммота», 2014. – № 10. – С. 131-134. – Электронная версия печатной публикации. – URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2014/10-1/31.html> (дата обращения: 17. 04. 21)
4. Национальный корпус русского языка: 2003-2020 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения 15.03.2021)
5. Словарь русского языка: в 4-ех т. Т. 1 А-И / под. ред. А. П. Евгеньевой. – М. : гос. изд. ин. и нац. словарей, 1957. – 964 с.
6. Словарь русского языка: в 4-ех т. Т. 4 С-Я / под. ред. А. П. Евгеньевой. – М. : гос. изд. ин. и нац. словарей, 1957. – 1088 с.

References

1. Apresyan YU. D. Issledovaniya po semantike i leksikografii. T. I: Paradigmatika [Studies in semantics and lexicography. Volume I: Paradigmatics]. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2009. 568 p. (in Russian)
2. Apresyan V. YU. Emotional concepts in the Russian language: what is possible, what is not? // Problemy leksicheskoy semantiki. Tezisy dokladov mezhdunarodnoj konferencii. Devyatye

- SHmelevskie chteniya*. [Problems of lexical semantics. Abstracts of reports of the international conference. Ninth Shmelev Readings]. Moscow, IRYA RAN Publ., 2010. pp. 9–15. (in Russian)
3. Los' A. L. Means of expressing empathy in language // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. [Philological sciences. Questions of theory and practice.]. Moscow, Gramota Publ., 2014. – no. 10. pp 131-134. Available at: <https://www.gramota.net/materials/2/2014/10-1/31.html> (Accessed 17 April 2021). (in Russian)
4. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka: 2003-2020* [National corpus of the Russian language: 2003-2020]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/new/index.html> (Accessed 15 March 2021)
5. Slovar' russkogo yazyka T. 1 A-И [Dictionary of Russian Language. Vol.1 A-И]. A. P. Evgen'eva. Moscow, gos. izd. in. i nac. Slovar' Publ., 1957. 964 P. (in Russian)
6. Slovar' russkogo yazyka T. 4 C-Я [Dictionary of Russian Language. Vol.1 C-Я]. A. P. Evgen'eva. Moscow, gos. izd. in. i nac. Slovar' Publ., 1957. 1088 P. (in Russian)

УДК 81'72

THE USAGE OF HYPERBOLE IN CREOLIZED ADVERTISING TEXTS

Mustafina Azaliia Nailovna

master's degree student

Potsdam Universitat

Potsdam, Germany / azalya.mustafina@yandex.ru

Abstract

This article is dedicated to the specificity of hyperbole in creolized advertising texts. Creolized texts can be different posters, comics, cartoons and etc. Advertising text is an iconic formation that is connected by a certain sequence of its elements. It is a tool of asymmetric mass communication, which has structural and semantic unity. The main function of the advertising text is the desired effect on the recipient.

The relevance of the work is due to the rapid development of the advertising industry, as well as the huge impact of social advertising on the life of modern society and the need to study the use of hyperbole in creolized advertising texts at the junction of two code systems verbal and visual. The purpose of this article is to study the features of the use of hyperbole in social advertising texts. The following methods were used in the course of the study: linguistic stylistic analysis, definitional analysis.

The sources of materials for the research are samples of creolized advertising texts that contain hyperbole, selected by continuous sampling from various sites.

Key words: hyperbole, creolized text, advertising text, commercial advertising, social advertising.

Hyperbole is an integral part of advertising. It is able to provide the necessary subtext and a certain background for the received information. Many advertising companies impact on an addressee precisely with the use of hyperbole, since it is easy in usage and in perception. Hyperbole enlivens advertising slogans, gives them expressiveness, and increases interest in the product. It should be noted that without a positive evaluation in advertising with the help of hyperbole, many global brands could not become so successful.

There are many interpretations of the term hyperbole; however, I consider the next definition is more concise. Hyperbole is a deliberate exaggeration or exaggeration of the main feature of an object or phenomenon. The ultimate form of this exaggeration is transferred to an illogical degree, and sometimes to the absurd. [Miššiková 131:49]

"He was so tall that I was not sure he had a face." (O. Henry)

Referring to such stylistic device as hyperbole, the creators of advertisements appeal to human consciousness; even ancient people thought with the help of hyperbole, which could turn into something fantastic. "This was due to a lack of understanding of the laws of life and the inability to master these laws," writes E. Taylor, a researcher of primitive culture.

In advertisements, hyperbole is more effective at the beginning of the text, as it makes a person to pay attention to the advertisement, thereby causing an active reaction. It helps to intrigue the consumer even before reading the entire advertising text, what helps to customize a person to the further perception of advertising. For example, in an advertisement for the computer company

Nicmmatix, the title sounds like: *"Will stay with you for more than a century."*, or another example is *"More than joy. More than taste. More than yogurt"* (yogurt "Ermigurt").

In commercial advertisements, hyperbole is necessary to exaggerate the functional qualities and properties of a product or service. Hyperbole provokes certain actions of a consumer, "programming" him for purchase.

The role of social advertisings is very important for society's life. They invoke to pay attention to such serious problems as the state of ecology and the environment in the world, lifestyle and bad habits, motherhood and abortion. Social advertising provides different ways of solving these problems. The aim of any social advertising is to put emotional pressure on person's mind, evoking him to take some actions.

At first, let's note that according to M.I Piskunov, "social advertising is a form of social reflection. It gives awareness of civic responsibility by calling for the solution of social problems, using one of the most modern communication channels-advertising. Another name of social advertising is non-commercial advertising. So, we can understand the main difference between social and commercial advertisings. Commercial advertising focuses on information of some product or service, its price, while the goal of social advertising is to attract people to different social problems and change their attitude to these problems.

Any advertising is a creolized text. By this term, we understand semiotic text, which consists of enormous signs of nature- natural language signs and the signs of other languages (images, formulas, music and etc.). Creolized text consists of two parts: verbal and nonverbal [Elina 2008:27]

The main goal of the text is to provide a reader or a viewer optimal condition for understanding and interpretation. The combination of verbal and nonverbal means of transmitting information forms a creolized text. Interacting with each other, verbal and iconic texts ensure the integrity and coherence of the semiotic text, its communicative effect, since the combination of messages with different codes complement and explain each other. Referring advertising to the category of creolized texts, we emphasize the multi-sign nature of advertising. These are visual signs, audio-signs, and verbal signs. Nonverbal components include pictorial and graphic components: size, color, sound, composition, etc. They perform informative and expressive functions, act in close relationship with verbal components – slogans, names of the subject of advertising, communicative messages, arguments, advertising images, the tone of an advertisement.

To understand the functions of hyperbole in social advertisings, let's analyze certain examples of creolized texts of social advertisings.

The first example of hyperbole's usage in social advertising is aimed at timely checking the condition of gas equipment. A huge banner was hung on one of the buildings. There apartments on that banner with the consequences of explosion are depicted in such way that they coincide in location with the real apartments of this house. With the help of illusion that this is a real dilapidated building, the effect of hyperbole is achieved. This advertisement is a good solution to attract attention of society to actions which can prevent such tragedy. For this advertisement was chosen very bright visual hyperbolization.

The most common problem among the young population is smoking, that is why many social advertisements are aimed at promoting healthy lifestyle and quitting smoking. As an example of such advertisement can be the following advertising. A public bucket for cigarette butts was designed in the form of human lungs, and the hole for the cigarettes was located directly on the left lung. There was an inscription, which can be translated as: "Cancer which is "thrown" into your lungs by yourself." Of course, the main stylistic device of this ad is metonymy, but there is an exaggeration in the slogan. The creator of this advertisement emphasized both the visualization and the inscription. You certainly won't want to smoke near such bucket, but moreover, it makes you think about the diseases that can be acquired as a result of this addiction.

Another example was not just a social advertisement against smoking, it was people's protest. Some activists pasted images of a man with an open mouth on the exhaust pipe of their cars, so that the pipe was exactly in the mouth. It seemed that all the thick smoke coming out of the pipe is the

smoke that comes out of the mouth of a person who smokes. But we understand that this is very great visual exaggeration, which is accompanied by verbal hyperbole – "what we see when you smoke".

In the next advertising poster, "Smoking isn't just suicide. It's a murder" the author compares smoking to murder, using verbal and visual hyperbole. An exaggeration of this advertisement is a package which was put on the child's head, which literally suffocates him. Of course, the main device of this advertisement is a comparison (comparing the harm of a cigarette with suffocation), but hyperbole complements this advertisement, makes it more vivid. Verbal hyperbole is very noticeable. Smoking does not equal to murder, it is just an exaggeration to attract people's attention.

Let's discuss one more example of an advertisement with the usage of both visual and verbal hyperboles. Visual hyperbole is a burger with cigarette butts, which a young girl eats; but verbal hyperbole has a significant role in this advertisement – "don't swallow other people's smoke"

WWF created advertising posters devoted to the animal rescue. The exaggerations in these advertisements are wild animals in a city. In real life, we can't see a seal, lying on a bench, or a bear in a residential area of the city, however, this exaggeration shows the possible consequences of global warming, tree felling, etc. The author uses visual hyperbole to draw attention to such important problem.

In another advertisement, visual hyperbole cannot exist without the verbal "neglected children are made to feel invisible", rather the picture complements the text, but it attracts attention. An exaggeration is the silhouette of a boy who hid behind a poster and feels invisible in this world. The author wants to show that the forgotten child also feels invisible.

Pay attention to another advertisement, where a woman in a fur coat is sitting with a knife, the knife and the blood on her hands are exaggerated, so the author wants to show that, even wearing a fur coat, she is involved in the murder of an animal and her hands are also "in blood". Using visual hyperbole, the author emphasizes the fact of involvement in such a large killing of animals for the sake of one fur coat.

The ways in which advertising affects its viewer or listener are diverse. The creators of advertising try to investigate and use all possible means that can influence their potential viewer / listener. The influence can occur with the help of images, advertising genre, sound, size and etc. However, figurative content is important in creating advertisings. The effectiveness of advertising largely depends on what stylistic devices are used.

The considered examples show that hyperbole creates a rich basis for the textual and verbal component of the advertising text. Hyperbole gives advertising texts a rich variety in expressions and structuring. They update the advertising text.

References

1. Galperin I.R. Stylistics of the English language. – M.: Higher School, 1981– -316s.
2. Kukharensko.V.A. Practicum on the stylistics of the English language. Seminars in Stylistics: studies. manual. – M.: Flint: Science, 2009. – 184c.
3. Gabriela Miššáková. Linguistic stylistics. Filozofická Fakulta Univerzita Konštantína Filozofa Nitra, 2003. -131c.
4. Golub I.B. "Stylistics of the Russian language".- Moscow: Iris-Press, 2010--448c.
5. Koshkarova N.F. Lectures on stylistics (English).-Tomsk: ed. Tomsk Polytechnic University, 2011--104s.
6. Krylova M.N. Means of artistic expression. Trails: Textbook – Moscow: Direct-Media, 2014. – 101 p.
7. Gavrilova O.V. Workshop on the stylistics of the English language: textbook- Buzuluk: Buzuluk humanitarian technologist. in-t (branch) OSU., 2013. – 112 p.
8. Elina E. A. Semiotics of advertising.- M.: ITK "Dashkov and K"; 2008.-48s.
- 9.Nelyubin. L.L. Linguistics of the modern English language: textbook. manual.-M.:4th ed.Nauka, 2007.-128s.
10. Nikolaishvili G. G.Social advertising: Theory and practice: Textbook for university students. – M.: Aspect Press, 2008– – 191 p

11. Image example # 1 URL: <http://900igr.net/up/datas/72264/006.jpg> (date accessed: 18.10.2021).
12. Image example # 2 URL: <http://www.kickvick.com/wp-content/uploads/2014/09/public-awareness-social-issue-ads-a-31.jpg> (date accessed: 18.10.2021).
13. Image of example # 3 URL: <https://avatars.mds.yandex.net/i?id=729ab0b84bea724ea8f8792455a89b21-4101447-images-thumbs&n=13> (date accessed: 18.10.2021).
14. Image of example # 4 URL: <https://a.d-cd.net/73091u-960.jpg> (date accessed: 18.10.2021).
15. Image of example # 5 URL: <https://www.adeevee.com/aimages/201011/24/government-of-the-state-of-santa-catarina-hamburger-print-148467-adeevee.jpg> (date accessed: 18.10.2021).
16. Image of example # 6 URL: https://nevsepic.com.ua/uploads/posts/2011-07/1310601308_zx-160_www.nevsepic.com.ua.jpg (date accessed: 18.10.2021).
17. Image of example # 7 URL: <https://te-st.ru/wp-content/uploads/2014/07/24.jpg> (date accessed: 18.10.2021).
18. Image of example # 8 URL: <https://d3nuqriibqh3vw.cloudfront.net/images/indyactFox.jpg> (date accessed: 18.10.2021).

УДК 81

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИНОСТРАННОЙ ЛЕКСИКИ В РЕЧИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В ГЕРМАНИИ НА МАТЕРИАЛЕ ТЕЛЕГРАММ-КАНАЛОВ

Мышаева Ксения Дмитриевна

студентка 3-го курса бакалавриата

Высшей школы русского языка и межкультурной коммуникации им. Бодуэна де Куртенэ Института филологии и межкультурной коммуникации Казанский федеральный университет

Казань, Россия / myshaevak@bk.ru

Аннотация

Научная статья посвящена исследованию функциональных особенностей речи русских эмигрантов в Германии пятой волны на основе текстов из телеграмм-каналов лингвокультурологической тематики, создаваемых представителями данной группы людей. Нами были созданы микрокорпусы отдельных каналов, объединены в один общий корпус и проанализированы с помощью программы “AntConc”. Актуализируется важность изучения активности внедрения в русскую речь заимствований из немецкого и английского языка нового потока эмигрантов в сравнении с ранними волнами переселенцев. Исследуются речевые ситуации употребления конкретных лексем, изученных в научных работах, посвященных данной тематике, и лексем, найденных в процессе поиска в корпусе текстов. Анализируются факторы, определяющие закономерности использования заимствований: страна и язык полученного образования, профессиональная деятельность и индивидуальные особенности жизни эмигранта. На основе полученных результатов исследования выдвигаются предположения о степени сохранения чистоты русского языка в Германии в настоящий момент времени, и причины данной тенденции.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, лингвокультурология, заимствования, заимствованная лексика, немецкий язык, английский язык, русский язык, речь эмигрантов.

FUNCTIONAL FEATURES OF THE BORROWING OF FOREIGN VOCABULARY IN THE SPEECH OF RUSSIAN EMIGRANTS IN GERMANY ON THE MATERIAL OF THE TELEGRAM CHANNELS

Myshaeva Ksenia Dmitrievna

third year bachelor student of Institute of philology and intercultural communication Kazan

Federal University

Kazan, Russia / myshaevak@bk.ru

Abstract

The scientific article is devoted to the study of the functional functions of speech of Russian emigrants in Germany of the fifth wave based on texts from telegram channels of cultural topics created

by this group of people. For the scientific research, we created micro-corpus of separate channels, combined them into one common corpus and then used in the “AntConc” program. The importance of the studying the activity of introducing borrowings from German and English into Russian by a new flow of emigrants in comparison with the early waves is actualized. The speech situations of the use of lexemes studied in the context of other specialists. Consequently, we found some lexemes during the process of searching in the text corpus. The factors determining the patterns of the use of borrowings were analyzed: the country and language of the education received, professional activity and the individual characteristics of the life of an emigrant. Based on the results of the study, we made assumptions about the quality of the purity of the Russian language in Germany now.

Key words: corpus linguistics, cultural linguistics, borrowings, borrowed vocabulary, German, English, Russian, speech of emigrants.

Изучение смешения эмигрантами родного языка с языком принимающей страны является неотъемлемой частью исследования самоидентификации в новом обществе посредством речи. Заслуживает внимания тот факт, что на каждом этапе истории русские эмигранты определялись как особый социальный класс с собственным видением того, как использовать приобретенный язык, перенимая культуру другого народа, и как обращаться с языком родным, русским.

Безусловно, для формирования наиболее достоверной языковой картины русских эмигрантов необходимо разграничивать их на определенные волны на основе временных рамок, количества переселенцев и исторических предпосылок, способствующих оттоку русскоговорящего населения в другие страны. Принято различать пять волн русской эмиграции, каждая из которых отражает степень стремления людей к сохранению культурного кода, а, следовательно, и языка.

Стоит обратить внимание на политическую ситуацию первой волны или так называемой “Русской белой эмиграции”, во время которой участники Белого движения, бежавшие с родины из-за прямой угрозы жизни, старались держаться вместе и заявлять о своей культуре всему миру. Резко контрастирует вторая волна русской эмиграции, произошедшая после Второй мировой войны. Многие беженцы не ассоциировали себя с Россией, например, жители Западной Белоруссии, Западной Украины и стран Балтии. Другие же боялись вернуться на родину по политическим причинам, и держались обособленно, вследствие чего русская речь претерпела большие деформации на фоне постепенного вытеснения его языком страны-эмиграции. Третья волна, или “Брежневская эмиграция”, также представляется обособленно, так как изначально формировалась как массивное воссоединение этнических немцев, евреев и греков со своими семьями за рубежом, а уже в последние два года правления Брежнева стала привилегией и для русских. После распада СССР люди, покинувшие страну, и сформировавшие четвертую волну эмиграции, поддерживали связь с родиной, рассматривая эмиграцию, как временное явление, поэтому особых изменений в языке, как правило, не происходило.

Стоит отделять пятую волну русской эмиграции, так как она началась в 2000-х и длится по настоящий день. Пятая эмиграция количественно снизилась примерно вдвое, однако она имеет большой интерес для изучения из-за того, что сейчас Россию покидают образованные люди и интеллектуалы, такие как IT-специалисты, ученые и бизнесмены. “Исследования показывают два основных макрофактора – это экономический и социальной инфраструктуры,” – говорит Александр Гребенюк, демограф и доктор экономических наук [Радио «Свобода», 2019].

Германия всегда пользовалась «спросом» у эмигрантов из СССР, нынешней России и стран СНГ. По данным BAMF за 2016 год, Федерального ведомства Германии по вопросам миграции и беженцев, с 1990 года иммиграция в Германию значительно усилилась. Следовательно, мы можем говорить о том, что на данный момент продолжается процесс формирования русской диаспоры из эмигрировавших в начале двадцать первого века. Данная ситуация ставит вопрос о том, как оценивать самоидентификацию русских эмигрантов, в частности в Германии, на основе изменения особенностей их речи.

Характеризация речи русских эмигрантов в Германии пятой волны является актуальной с точки зрения различия политических, экономических факторов и качественному изменению людей, переезжающих за рубеж, влияющая на языковую картину. Также стоит отметить, что пятая волна русской эмиграции – процесс настоящего времени, поэтому мы исследуем функциональный язык русских эмигрантов двадцатого века, находящийся на этапе становления.

Для изучения функциональных особенностей языковых единиц, заимствованных из немецкого и английского языка были взяты статьи из каналов мессенджера “Telegram”: “Ніхт Ферштейн”, “Немецкие мюсли”, “Берлин. Ноллендорфплац”, “Стартап и свиданка”, “Berlin Biased” и “Borschtsch Berlin”. Они посвящены жизни в Германии и интеграции в немецкое общество, созданных и наполняемых русскими эмигрантами, о чем говорит тематика статей и отдельные «посты», в которых авторы рассказывают о себе.

Платформа “Telegram” стала одной из самых популярных сетей не только на территории России, но и за рубежом, в которой люди могут делиться материалами любого формата с большой аудиторией. Причина выбора данного мессенджера заключается в том, что группы узконаправленные – их нельзя найти в свободном доступе: только через рекламу, ссылки в других источниках или приглашения. Благодаря этому, можно считать наполнение групп более откровенным и личным, что играет важную роль в объективности наших исследований.

Исследование большого объема информации проводится с помощью программы по работе с корпусами текстов “AntConc”. Были собраны все статьи приведенных выше телеграм-каналов за последний год, переведены в текстовый документ и объединены для исследования как общего корпуса в целом, так и детального изучения корпуса текстов каждого канала отдельно.

База материала для дальнейшего поиска по корпусу была сформирована на основе научных статей «Язык русских эмигрантов в Германии» В.В. Ждановой, «Особенности русской речи эмигрантов четвертой волны» Е.А. Земской и диссертации на тему «Русский язык в Германии под влиянием миграции: грамматические отклонения в речи подростков и молодых взрослых» Марии Ястребовой о заимствованных языковых единицах, используемых русскими эмигрантами в Германии предыдущих волн переселенцев.

Для начала были выбраны лексические единицы, выполняющие номинативную функцию, то есть функцию определения специфических элементов действительности в Германии, не имеющих четкого, общеупотребимого названия в русском языке. Такими безэквивалентными словами немецкого языка, находящими широкое применение в речи русских эмигрантов четвертой волны, являются: *Weihnachtsstress* («рождественский стресс»), *Jugendherberge* (дешевый отель, в котором проживают молодые люди до 27 лет), *Kneipe* (пивная со стойками, отличающаяся от русских аналогов), *Angebot* (предложение, oferta), *Termin* (встреча, прием), *Sandkastenfreund* (друг детства), *Fernweh* (стремление оказаться в дальних странах). Для полноты исследований вместо поиска составных слов бралась семантически важная его часть, так как впоследствии увеличивалась возможность нахождения других заимствований из немецкого языка. Поиск проводился по данным словам, написанным как латиницей, так и кириллицей.

Были получены следующие результаты. Всего было найдено в трех телеграм-каналах 7 вхождений слова “Termin”, написанных кириллицей, и 2 вхождения, написанных латиницей. Стоит отметить особую активность употребления данного термина в значении “прием у врача или в банке, назначенный заблаговременно”, так как описание жизни в Германии не обходится без ознакомления с практичностью и предусмотрительностью в поведении немцев. При поиске составных слов с корнем “Weihnacht” (Рождество) было выявлено двойное употребление слова “Weihnachtstag” и одно словоупотребление “Weihnachtsstress” в корпусе канала “Borschtsch Berlin”. Далее был проведен поиск по слову “Jugend” (из составного *Jugendherberge*), однако самого слова не было найдено. Программа показала 2 вхождения слова “Jugendamt” (Управление

по делам молодежи) и “Jugendschutzgesetz” (Закон о защите несовершеннолетних) в каналах “Берлин. Ноллендорфплац” и “Borschtsch Berlin” соответственно. Данный случай является отличительным, так как авторы объяснили значение данных слов. Также было найдено всего одно употребление слова “Kneipe”, написанное кириллицей и измененное по русскоязычной парадигме («Владеют этой кнайпой...») в корпусе канала «Берлин. Ноллендорфплац». Остальные же заимствованные из немецкого языка, приведенные выше, не были найдены.

Основываясь на полученных результатах, мы можем предположить, что количество немецкой лексики, активно используемой русскими эмигрантами четвертой волны, существенно сократилось в речи переселенцев пятой волны. Соответствующее употребление русскоязычными людьми безэквивалентной немецкой лексики преимущественно обусловлено лаконичностью и доступностью передаваемой информации. В данном случае, мы не можем говорить о неосознанном смешении языков в речи либо использовании заимствования в качестве доказательства принадлежности к немецкой культуре, о котором утверждает Мария Ястребова [Maria Yastrebova, 2018, 39].

Тем не менее, языковые особенности русских эмигрантов могут отражать функцию самоутверждения в приверженности одновременно к двум культурам в случае употребления лексики иного качества. В данной ситуации речь идет о заимствованиях, имеющих аналоги в русском языке, замена которых иностранным эквивалентом обусловлена разве что стремлением носителя русского языка показать свое знание других языков. Е.А. Земская говорит о том, что такое речевое поведение характерно в первую очередь для русских эмигрантов четвертой волны, которые недостаточно знают язык новой страны, но пытаются доказать обратное [Земская 2001]. Суть употребления заимствованной лексики состоит в том, что люди, свободно говорящие на нескольких языках, могут легко переключаться с одного на другой, тем самым используя заимствования только в соответствующей языковой ситуации и по крайней необходимости.

В речи русских эмигрантов четвертой волны выделяют такие свободно заменяемые заимствования из немецкого языка, как *митать* (*mieten* – *арендовать*), *путцать* (*putzen* – *убираться, наводить порядок*), “*арбайтен*” (*arbeiten* – *работать*), *Bahnhof* (*вокзал*), *абитура* (*Abitur* – *выпускной экзамен средней школы*) и *гельд* (*Geld* – *деньги*). В ходе исследования было проверено, какие из данных заимствований присутствуют в речи эмигрантов пятой волны и характерно ли данное речевое поведение этой группе в целом.

Лексемы «*митать*», «*путцать*», «*арбайтен*», «*абитура*» и «*гельд*» не были найдены ни в одном корпусе текстов каналов. Интересная особенность присутствует в результатах поиска употреблений слова “*Bahnhof*”, точнее, семантически главную часть данного составного слова “*Bahn*” (путь, дорога). В корпусе не было найдено 2 вхождения слова “*S-Bahn*” (*городская электричка*) и 1 вхождение “*U-Bahn*” (*метро*) в корпусе канала “Borschtsch Berlin”. Основываясь на результате исследований употребления заимствованной лексики, не обусловленной ее безэквивалентностью, можно заключить, что такие языковые ситуации минимальны для русских эмигрантов пятой волны и зависят от индивидуально-психологического облика языковой личности. Такая незаметная на первый взгляд деталь речи может также развеять сомнение о степени образованности и отношении к родному языку людей, переезжающих в Германию на данный исторический момент.

Особого внимания требуют и заимствования из английского языка, так как он является языком международного общения, на котором говорят более 600 миллионов человек в разных странах. Весьма вероятно, что русским эмигрантам приходилось обучаться, вести диалоги в повседневной и деловой ситуации на данном языке. К заимствованиям из английского языка, не вошедших в обиход русскоговорящих носителей, можно отнести *пермит* (*permission* – *разрешение*), *приваси* (*privacy* – *конфиденциальность*), *активности* (*activities* – *виды деятельности в значении хобби, работы, увлечений*), *дейтинг* или *дейт* (*dating* – *знакомство, свидание*).

Исследуя частоту употребления слова «*дейтинг*», мы получили 39 вхождений, из которых 20 были найдены в корпусе текстов канала “Стартап и свиданка”, что неудивительно с точки зрения его тематики, а 19 оставшихся присутствуют в канале “Berlin Biased”. 4 употребления слова “пермит” присутствовали исключительно в корпусе “Ніхт ферштейн”. Далее было найдено всего одно употребление слова «*privacy*», написанное латиницей в корпусе “Стартапа и свиданки”. Изучая контекст, мы можем предположить, что данное словоупотребление обусловлено эмоционально-экспрессивной функцией и оттенком пренебрежительности: «...а дорогое европейцам «*privacy*» превратилось в шутку...» Исследования употребления слова «*активности*» в значении, не свойственном русскому языку, – «*вид деятельности, досуг*», дают нам результат в 19 общих вхождений, из которых 7 обладают приобретенной семантикой из английского языка.

Как видим, количество словоупотреблений англицизмов во многом превышает количество немецких заимствований. Это может быть вызвано, с одной стороны, возможностью общения на английском языке в Германии, с другой стороны, устоявшейся в современном мире тенденцией к более активному заимствованию лексики из английского языка.

Суммируя результаты исследований качества и количества употреблений заимствованной из немецкого и английского языка русскими эмигрантами в Германии, мы можем выявить, автор какого канала использует заимствования в большем объеме. Таким образом, по количеству употреблений заимствований выделяется канал “Borschtsch Berlin”, в корпусе которого было найдено 33 вхождения: 13 слов из немецкого и 20 слов из английского языка. На втором месте по использованию лексики других языков занимает корпус канала “Стартап и свиданка”, но стоит отметить, что все 29 слов заимствованы из английского языка. Далее мы видим 19 англицизмов в корпусе канала “Berlin Biased” и по 4 вхождения заимствованной лексики из немецкого и английского языка в корпусах навалов “Ніхт ферштейн” и “Берлин. Ноллендорфплац”. Примечательно, что не было найдено ни одного заимствования в корпусе канала “Немецкие мюсли”.

Для детального изучения языкового портрета авторов, использующих заимствованную лексику больше других, и авторов, избегающих заимствований вовсе, стоит обратиться к их рассказам о себе и о процессе становления эмигрантами в Германии от первого лица, найденным в тех же каналах. В частности, телеграм-канал “Borschtsch Berlin” с превосходящим количеством заимствований иностранной лексики ведет женщина, проживающая в Берлине более 6 лет, которая имеет высшее образование и занимается интеллектуальной деятельностью в сфере журналистики и литературы. Каналом “Стартап и свиданка” также владеет русскоязычная женщина, которая переехала в Германию для получения образования на английском языке, что обуславливает избыточное заимствование английской лексики вместо немецкой. Касаемо корпуса текстов канала “Немецкие мюсли”, в котором не было найдено ни одного нетипичного заимствования из других языков, стоит обратить внимание, что самоидентификация и жизненный путь автора данного канала не отличается кардинально от характеристик автора “Borschtsch Berlin”. “Немецкие мюсли” ведет женщина среднего возраста, которая переехала в Германию 4 года назад с целью обучения на бакалавриате в местном университете и интеграции в немецкое общество. Языковой портрет, характеризующийся особенностями заимствования иностранной лексики, не определяет общую тенденцию изменения речи людей данной группы, а лишь показывает специфику языка отдельно взятого индивида.

Таким образом, опираясь на анализ результатов исследования функциональных особенностей заимствованной лексики русскими эмигрантами, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, мы не замечаем активного смешения русского языка с английским и немецким языками в речи русских эмигрантов пятой волны, проживающих на территории Германии, в сравнении с речью переселенцев предыдущих волн, в частности, четвертой. В качестве причины можно выделить высокий уровень образования и стремление не только

в профессиональной, но и в личной реализации за рубежом с сохранением культурной самобытности. Во-вторых, резко снизилось количество употреблений иностранной безэквивалентной лексики, что обусловлено либо отсутствием необходимости в номинативизации предметов действительности, либо в недавно найденном русском эквиваленте. Что касается заимствованной лексики, заменяющей слова из русского языка, то здесь мы видим минимальное употребление, характеризующееся исключительно персональной причиной выбора языковых единиц, например, для выражения экспрессии. В-третьих, несмотря на то, что в данном исследовании были выбраны информанты, проживающие в Германии и говорящие в повседневной жизни на немецком языке, больше заимствований приходится на английский язык, как на язык международного общения. Подводя итоги, мы можем говорить о том, что ситуация с особенностями речи русских эмигрантов в Германии пятой волны достаточно оптимистична с точки зрения сохранения культурного кода и относительной частоты русского языка.

Литература

1. Головинская М.Я., Галанова Е.И. и др. Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX– XXI веков. Языки славянских культур, 2008. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2008. 712.
2. Жданова В.В. Язык русских эмигрантов в Германии. Язык, сознание, коммуникация: Сборник статей под ред. Красных В.В., Изотов А.И. Москва: Диалог-МГУ, 1999. 7.
3. Земская Е.А. Особенности русской речи эмигрантов четвертой волны // Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты. Коллективная монография. Вена: Studia philologica, 2001.
4. Радио «Свобода». Пятая волна. "Эмиграция разочарования" путинской эпохи. В эфире демографы Александр Гребенюк и Анатолий Вишневский, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/29805879.html> (Дата обращения: 20.10.2021).
5. The Village: Телеграм-каналы эмигрантов по всему миру. Список большинства каналов о жизни за рубежом, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.the-village.ru/city/news/328175-emigranty-karta> (Дата обращения: 20.10.2021).
6. Yastrebova Maria. Dissetration zur Erlangung des akademischen Grades. Das Russische in Deutschland unter dem Einfluss der Migration: grammatische Abweichungen in der Rede von Jugendlichen und jungen Erwachsenen. Leipzig: Philologischen Fakultät der Universität Leipzig, 2018. 333.

References

1. Golovinskaya M.Y., Galanova E.I. and others (2018) *Modern Russian language: Active processes at the turn of the XX – XXI centuries*. Languages of Slavic cultures, 2008. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 712.
2. Radio “Svoboda”. *The fifth wave. "Emigration of disappointments" of Putin's era. Demographers Alexander Grebenyuk and Anatoly Vishnevsky are on the air*, 2019 [Electronic resource]. Available at: <https://www.svoboda.org/a/29805879.html> (Accessed: 20.10.2021).
3. The Village. *Telegram channels of emigrants around the world. List of most channels about life abroad*, 2018 [Electronic resource]. Available at: <https://www.the-village.ru/city/news/328175-emigranty-karta> (Accessed: 20.10.2021).
4. Yastrebova Maria (2018) Dissetration zur Erlangung des akademischen Grades. Das Russische in Deutschland unter dem Einfluss der Migration: grammatische Abweichungen in der Rede von Jugendlichen und jungen Erwachsenen. Leipzig, Philologischen Fakultät der Universität Leipzig, 333.
5. Zemskaya E.A. (2001) *Features of Russian speech of emigrants of the fourth wave. The Language of the Russian Abroad: General Processes and Speech Portraits*. Collective monograph. Vienna, Studia philologica.
6. Zhdanova V.V. (1999) *Language of Russian emigrants in Germany. Language, consciousness, communication: Digest of articles edited by Krasnykh V.V., Izotov A.I.* Moscow, Dialog-MGU, 7.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИДИОСТИЛЯ Р. БРАУНИНГА

Николаева Татьяна Владимировна

к.филол.н., доцент кафедры лингвистики

ФГБОУ ВО "Смоленский государственный медицинский университет"

Министерства Здравоохранения России

Смоленск, Россия / tanya.ntv@gmail.com

Аннотация

В статье обсуждаются основные тенденции развития идиостиля и различные изменения лингвистических характеристик индивидуально-авторского стиля Роберта Браунинга, знаменитого английского поэта викторианской эпохи. Настоящее исследование было проведено на материале его лирических произведений и посвящено интегративному анализу тенденций в структуре и эволюции концептосферы и художественного пространства на протяжении всего литературного творчества Р. Браунинга. Анализ значительного объема стихотворных текстов автора, унификация применения методики исследования на всем материале, а также использование статистических мер и проверка статистической значимости полученных результатов обеспечили их достоверность. В результате проведенного анализа были выявлены основные тенденции развития идиостиля автора, а также факторы, определяющие данные тенденции, получены данные о масштабе и векторе изменения концептосферы поэта, а также данные, позволяющие определить степень сходства и различия идиостиля Роберта Браунинга на разных этапах его творчества.

Ключевые слова: идиостиль, стихотворный текст, Браунинг, концептосфера, статистические методы.

MAIN TENDENCIES IN THE EVOLUTION OF THE IDIOSTYLE OF R. BROWNING

Nikolaeva Tatiana Vladimirovna

PhD in Philology, associate professor of the Department of Linguistics

Smolensk State Medical University under the Ministry of Health

Smolensk, Russia / tanya.ntv@gmail.com

Abstract

The article deals with the main tendencies in the evolution of the idiosyle and various changes in the linguistic characteristics of the individual author's style of the famous English poet of the Victorian era Robert Browning. The present study was conducted on the material of his lyrical works and devoted to a comprehensive analysis of the tendencies in the organization and changes of the conceptual sphere throughout different periods of R. Browning's creative life. The analysis of a large amount of the author's poetic texts, the uniformity of the research techniques application to the analyzed material, as well as the use of statistical methods and verification of the statistical significance of the obtained results ensured their reliability. As a result of the analysis, the main tendencies in the evolution of the author's idiosyle were identified, as well as the factors determining these tendencies, data on the scale and vector of changes in the poet's conceptual sphere were obtained, as well as data allowing to determine the degree of similarity and differences of Robert Browning's idiosyle at different stages of his work.

Keywords: idiosyle, poetic text, Browning, conceptual sphere, statistical methods.

Введение. Исследования индивидуального стиля актуальны в наше время, так как они направлены на решение таких практических задач, как датировка текстов, установление авторства, сопоставление идиостилей разных авторов. Учет и моделирование вариативности стиля на протяжении предыдущих десятилетий привлекают особый интерес. Было проведено множество исследований, посвященных сопоставительному анализу реализации стиля одного и того же автора в произведениях разной жанровой отнесенности, в стихах и в прозе, в текстах, созданных в различные периоды творчества (В.С. Андреев, Е.С. Кубрякова, Г.Я. Мартыненко, М.А. Марусенко,

Н.В. Павлович, Р.Г. Пиотровский, А.П. Чудинов, S. Argamon, D. Holmes, D. Hoover, P. Juola, N. Laan, G. McMenamin, J. Rudman, C. Stamou и др.). Успешные исследования для решения как практических (датировка, периодизация творчества), так и общетеоретических (выявление универсальных и индивидуальных тенденций эволюции стиля с привлечением как формальных, так и содержательных признаков, моделирование развития стиля) задач говорит о целесообразности проведения таких исследований. К тому же, в данный момент пока не сформирована окончательно единая признаковая парадигма, подходящая для решения любых стилеметрических задач на любом материале. В подавляющем большинстве случаев изменчивость стиля в стилеметрических исследованиях анализируется при помощи сопоставления различных формальных признаков: ритмо-метрических, фонетических, морфологических, синтаксических, хотя лингвистические исследования, основанные на содержательных аспектах текста, довольно наглядно демонстрируют их значимость в анализе динамики и статики стиля. По нашему мнению, представленные в произведениях автора концептосфера и особенности категоризации пространства являются важными содержательными параметрами стиля. Большинство исследований идиостиля проведены на материале прозаических произведений, но, по нашему мнению, стихотворный текст не менее интересен для исследования, так как он строго организован и по горизонтали, и по вертикали, и, следовательно, обеспечивает большую степень интегрированности и соотнесенности элементов и единиц по сравнению с прозой [2].

Целью нашей работы, таким образом, стало исследование эволюции этих содержательных параметров в идиостиле поэта Роберта Браунинга.

Материалы и методы исследования. Выбор лирических произведений Роберта Браунинга (1812-1889) обусловлен тем, что творчество этого поэта оказало огромное влияние на развитие английской поэзии, так как он пытался показывать характеры героев произведений сквозь призму сформировавшей их действительности, а также проводил глубокий психологический анализ их поступков и состояний. Причиной также стали его разнообразный поэтический словарь (специализированные термины, заимствования из древних языков), разговорный стиль и необычный синтаксис его стихотворных текстов. Хотя существуют многочисленные исследования жизни и творчества Браунинга, задача по лингвистическому анализу его идиостиля в целом и концептосферы в частности до нашего исследования не имела своего систематического решения.

Творчество Роберта Браунинга на основе территориально-географического принципа часто делится на три периода: ранний (лондонский, 1831–1846 гг.), средний (итальянский, 1846–1861 гг.) и поздний (лондонский, после 1861 г.).

В исследовании же Е.И. Клименко предлагаемая периодизация базируется в первую очередь на особенностях самого творчества поэта, и выделяется не три, а четыре периода. В основном они соответствуют трехчастному, так называемому «биографическому» делению, но делается одно уточнение.

Периодом становления мастера считается *первый* лондонский этап творчества Роберта Браунинга. Событием, послужившим маркером его начала, стал выход в свет его первой поэмы «Паулина» в 1831 году, в которой ярко выражено влияние поэзии Китса, Байрона, Шелли на творчество молодого поэта. Первое же признание ему принесли сборники стихов «Драматическая лирика» (1842) и «Драматические поэмы» (1845).

Переезд в Италию после женитьбы на Элизабет Баррет в 1846 году ознаменовал начало *второго* периода развития творчества Роберта Браунинга. В поэтическом сборнике «Мужчины и женщины» (1855), опубликованном в этот период, нашел отражение интерес поэта к развитию современной литературы, истории живописи, скульптуры.

Третий период связан с возвращением Браунинга в Лондон после смерти жены в 1861 году. В это период публикуются следующие сборники стихов: «Действующие лица» (1864), «Драматические идиллии» (1879), «Кольцо и книга» (1868–1869), «Трактирный альбом» (1875).

В четвертом периоде (1880-е годы), по мнению Е.И. Клименко, наряду с ростом известности поэта снижается его творческая активность [3].

Роберт Браунинг умер 12 декабря 1889 года и был похоронен в Вестминстерском аббатстве.

В основу нашего исследования мы положили периодизацию, предложенную Е.И. Клименко, и изучили четыре основных периода творчества Браунинга.

Материалом исследования послужили сопоставимые по объему (от 20 до 120 стихотворных строк) лирические произведения, написанные поэтом с 1830 по 1889 гг.. В итоге был проанализирован 81 текст, объемом 3578 стихотворных строк.

Традиционный подход к выделению метафоры и онтология концептов, предложенная в работе Н.В. Павлович [7], были применены в ходе данного исследования. Кроме того, с помощью коэффициента Бузмана, хи-квадрата, индекса разнообразия, коэффициента вариации была проведена оценка статистической достоверности полученных количественных данных.

Результаты исследования. На основе проведенного исследования идиостиля Роберта Браунинга можно утверждать, что развитие данного идиостиля носит сложный характер. Это подтверждает представление, существующее в когнитивной лингвистике, об идиостиле как об интегративном взаимодействии параметров динамики и статики, которые гарантируют его самоидентичность.

В индивидуально-авторском стиле поэта в ходе исследования были выявлены две основные тенденции: эволюционная, то есть тенденция к планомерному изменению характеристик его стиля на протяжении всего его творчества, и стабилизирующая, то есть тенденция к сохранению целого ряда его базовых структурных параметров.

Характеристики категоризации пространства Робертом Браунингом ярко отражают дихотомию «стабильность – развитие» стиля.

Например, изменение значимости различных видов топографии художественного пространства в картине мира поэта обуславливает эволюцию категоризации пространства. В каждом из четырех периодов развития стиля было выявлено специфическое противопоставление разных элементов пространства (пространство реальное – созданное искусством, природное пространство – строения, небесное – земное пространство), а также способов их вербализации.

Базовые же структурные характеристики топографии художественного пространства следует отнести к числу стабильных характеристик. Во всех периодах творчества автором при категоризации пространства учитываются как земная, так и небесная сферы. В топографии пространства Роберта Браунинга земная сфера является ведущей, так как репрезентирована в текстах гораздо большим количеством лексических единиц. Еще одной стабильной характеристикой является тот факт, что горизонтальное измерение постоянно выражено намного сильнее по сравнению с вертикальным: доля пространственных отношений в горизонтальной плоскости составила от 73,3% от общего числа лексических единиц, вербализующих пространство, в первом периоде до 78,8% в заключительном.

В области концептосферы автора реализация этих тенденций нашла отражение в составе концептов частотного ядра, занимающих как левую, так и правую позицию в метафорической модели.

Проявлением эволюции стиля можно считать изменение структуры концептосферы. Параллельное действие двух разнонаправленных тенденций: центробежной (увеличение интеграции элементов системы в рамках кластеров) и центростремительной (устранение концентрических связей между концептами, которые не идут к центру системы (концепту Существо), и увеличение количества радиальных связей) определило ее развитие. Эволюция структуры системы осуществляется согласно ведущему тренду с переменным вектором, то есть центробежная и центростремительная тенденции доминируют по очереди. Альтернирующий тренд детерминирован изменениями значимости микрокосма и макрокосма для внутреннего мира автора, что

проявляется, например, в смене способа репрезентации Существа (смена значимости в паре Орган – Существо), а также в других аспектах проявления идиостиля.

Стабильность же стиля Браунинга во всех периодах его творчества обеспечивается тем, что состав частотного ядра концептов сохраняется. Например, в качестве цели метафоризации ядро содержит такие концепты, как Существо, Орган, Психическая сфера и Экзистенция. Таким образом, эти концепты представляют собой архетип концептосферы. Среди концептов-источников также можно выделить ряд маркеров стабильности идиостиля, так как их частотное ядро на протяжении всего творчества поэта включает Существо, Предмет, Контейнер и Растение.

Заключение. Динамика развития идиостиля Роберта Браунинга отображает взаимодействие двух различных тенденций, что показывает комплексный характер его эволюции.

Проведенное исследование может быть использовано при сопоставительном анализе в сфере концептуальных систем и топографии пространства у различных авторов. Сопоставление картины мира Роберта Браунинга с картиной мира, реализуемой в переводах его произведений, представляется еще одним направлением развития данной темы.

Литература

1. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. – С. 18–36.
2. Гаспаров М.Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. – М.: Наука, 1974. – 488 с.
3. Клименко Е.И. Творчество Роберта Браунинга. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. – 228 с.
4. Кубрякова Е. С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии // Реальность, язык и сознание: Междунар. меж-вуз. сб. науч. тр., Тамбов, 2002. – С. 5–15.
5. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
6. Мартыненко Г. Я. Введение в теорию числовой гармонии текста. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2009. – 252 с.
7. Павлович Н. В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке. – М. : РАН ИРЯ, 1995. – 491 с.

References

1. Boldyrev, N. N. Conceptual Space of Cognitive Linguistics // Questions of Cognitive Linguistics. 2004. № 1. – P. 18–36.
2. Gasparov M.L. Modern Russian Verse. Metrics and Rhythmics. – M.: Nauka, 1974. – 488 p.
3. Klimenko E.I. The Work of Robert Browning. – L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1967. – 228 p.
4. Kubryakova E. S. On the Modern Understanding of the Term "Concept" in Linguistics and Cultural Studies // Reality, language and consciousness: Mezhdunar. mezh-vuz. sb. nauch. tr., Tambov, 2002. – P. 5–15.
5. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metaphors We Live By. – M.: Editorial URSS, 2004. – 256 p.
6. Martynenko G. YA. Introduction to the Theory of Numerical Harmony of the Text. – SPb.: Izd-vo SPbGU, 2009. – 252 p.
7. Pavlovich N. V. The Language of Images: Paradigms of Images in the Russian Poetic Language. – M. : RAN IRYa, 1995. – 491 p.

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ С ПРОСТРАНСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Никулкина Ольга Геннадьевна

доцент кафедры теории, истории государства и права и гуманитарных дисциплин,
кандидат филологических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»

Брянский филиал

Брянск, Россия / sinbad1982@yandex.ru

Аннотация

В статье посредством анализа устойчивых выражений выявляются специфические черты пространственной ориентации в волшебных сказках. Особое внимание уделяется анализу пространственных формул «за тридевять земель, в тридесатом царстве», река Смородина, калиновый мост. Устойчивые выражения, обозначающие пространственные ориентиры, являются кодами и знаками культуры. Они транслируют информацию о духовной культуре русского народа. В плане содержания предлагается выделение непосредственного содержания и глубинного. Охарактеризована содержательная структура пространственных оборотов, имеющая мифологическую основу. Подчеркивается связь символики чисел, входящих в наименование оборота, с древнейшими представлениями о пространстве. Сказочный топоним река Смородина и пространственных ориентир калиновый мост интерпретированы как символический переходом в другое царство, символическая граница, на которой происходят качественные трансформации героя сказки.

Ключевые слова: сказочное пространство, устойчивые выражения с пространственным значением, волшебная сказка, мифологические образы, сказочный топоним, план содержания языковой единицы.

STABLE EXPRESSIONS WITH SPATIAL VALUES IN RUSSIAN FOLK FAIRY TALES

Nikulkina Olga Gennadievna

Associate Professor of the Department of Theory, History of the State and law and
humanitarian Disciplines, Candidate of Philology

Plekhanov Russian University of Economics

Bryansk branch

Bryansk, Russia / sinbad1982@yandex.ru

Abstract

In the article, through the analysis of stable expressions, the specific features of spatial orientation in fairy tales are revealed. Particular attention is paid to the analysis of spatial formulas “beyond the distant lands, in the thirty kingdom”, the Smorodina river, Kalinovy bridge. Stable expressions denoting spatial reference points are codes and signs of culture. They broadcast information about the spiritual culture of the Russian people. In terms of content, it is proposed to distinguish between immediate content and deep content. The content structure of spatial revolutions, which has a mythological basis, is characterized. The connection of the symbolism of the numbers included in the name of the turnover with the most ancient ideas about space is emphasized. The fabulous toponym Smorodina river and the spatial landmark of the Kalinovy bridge are interpreted as a symbolic transition to another kingdom, a symbolic border on which qualitative transformations of the hero of a fairy tale take place.

Key words: fairy space, stable expressions with spatial meaning, fairy tale, mythological images, fabulous toponym, content plan of the linguistic unit.

Все художественные элементы сказки (система образов, сюжет, композиция) обусловлены спецификой мифологического мышления. В данном случае нас интересует, как рисуется сказочное пространство. Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо осознать понятие пространства вообще. Пространственные отношения осмысливаются в различных областях культуры: в философии, науке, искусстве. Само понятие получает содержательную интерпретацию в соответствии с исследуемой проблемой, но во всех случаях в понимании пространства присутствует некоторое

смысловое ядро. «Пространство – понятие, которое характеризует взаимное расположение сосуществующих объектов» [7, с. 469].

В волшебной сказке пространство понимается несколько иначе. Герой сказки перемещается, отправляется в путь-дорогу, но вехи этого пути, которые обычно обозначаются топонимами, отсутствуют. Тем не менее, пространство в сказке существует, оно имеет границы. Это то место, где живет герой, где находятся чудесные предметы, которые он добывает. Этот мыслимый пространственный ориентир является хронотопом повествования.

Цель статьи – анализ устойчивых выражений с пространственным значением на материале русских народных волшебных сказок.

Методы исследования: описательный, этимологический, а также метод семантического контекстуального анализа.

На наш взгляд, можно выделить следующие особенности сказочного пространства:

1. **фантастичность, ирреальность**, приемлемая только в рамках волшебного сюжета и не связанная с пространством в его реальном понимании (*остров Буян, город Ничто* и др.);

2. **условность, неопределенность**, что находит выражение в таких традиционных формулах, как: *в некотором царстве, в некотором государстве; в некотором царстве, в далеком государстве; в некоем государстве; в невиданное царство, в небывалое государство; в одной деревне; за тридевять земель, в тридесятом царстве* и т.д.);

3. **однотипность, предопределенность**, которая заключается в том, что герой совершает один и тот же путь, преодолевает схожие препятствия и совершает заданные действия;

4. **членимость**, состоящая в том, что путь делится на этапы, значимые каждый сам по себе и имеющие функциональную нагрузку. Связь определенного пространства с последующим событием в данном месте приводит к смысловой значимости самого названного места (например, *темный лес* предопределяет встречу с Бабой-Ягой, *калинов мост* – встречу со Змеем, *берег озера* – встречу с невестой).

Отмеченные особенности пространства выявляются при анализе сюжетно-композиционной парадигмы сказки. Путь героя сказки очень неопределенный. Собственно движения в пространстве нет, оно не рисуется в сказке. Сам процесс перемещения не детализируется, не описывается подробно. От дома герой «идет (едет) долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли». Эти слова из сказки представляют собой формулу движения. Описания пути нет, поскольку в пространстве герой не перемещается. В чем же смысл этого пространства? В литературе он трактуется как отражение обряда инициации [3, с. 143]. Сам обряд был связан с символической смертью во имя нового рождения, или качественного перерождения человека. Процесс перехода из одного состояния в другое (мальчик становится юношей) связан с мыслимым (воображаемым) пребыванием в царстве мертвых. Герой «путешествует» не реально, а мифологически. В сказке нет географического пространства и перемещения в прямом смысле, а есть передвижение образное, имеющее символическое наполнение. Это перемещение в ином измерении – из одной сферы бытия в иную сферу, в параллельный мир. Оно мыслится не как передвижение, а как смена состояния, смена качества.

С развитием пространственных представлений путешествие героя волшебной сказки стали осмыслять как перемещение по местности, как далекое и дальнее путешествие. Отсюда – атрибут коня, на котором в реальной жизни совершали переезды и переходы на далекие расстояния. Но даже и на коне, которого герою обычно дарит умерший предок, герой сказки переходит из одного бытия в иное бытие, из одного мира – в иной, параллельный, который существует не где-то далеко, а здесь, рядом. Образное «путешествие» в царство мертвых преломляется в сказочном сюжете как дорога в «тридесятое царство».

Композиция волшебной сказки определяется наличием двух царств. Одно царство – то, с которого сказка начинается. Этому царству противопоставляется другое, которое находится «за тридевять земель» и называется «тридесятым царством».

Денотативное ядро пространственной формулы «*за тридевять земель, в тридесятом царстве*» закрепилось в словаре: «очень отдаленный», «в отдаленной стране» [5, с. 739]. Указанное значение оборота возникло в сказочном тексте и стало устойчивым. Оно составляет верхний содержательный пласт пространственной формулы. Если же учитывать символику чисел *три, девять, десять*, отраженных в обороте, то станет очевидным наличие у него нижнего (скрытого) содержательного пласта. Этот скрытый пласт имеет мифологическую основу. Числа *три, девять, десять* имеют сакральный смысл во многих культурах. В формуле «*за тридевять земель, в тридесятом царстве*», таким образом, проецируются древнейшие представления о пространстве вообще.

Архаическая модель мира воплощена в известном всем мифологическим системам образе «мирового древа». Его особенностью является членение на три части – нижнюю (корни), среднюю (ствол) и верхнюю (крона). Каждая из них идентифицируется с определенной сферой мирового пространства: верхняя – с горным, небесным, средняя – с земным, нижняя – с подземным миром. Кроме вертикального, древнейшая мифологическая модель мира имеет также горизонтальное членение, связанное с обозначением четырех сторон света, четырех времен года. Образ мирового древа символизирует также жизнь и смерть.

Обратимся к символике ключевых чисел *три, девять, десять*, составляющих смысловое ядро пространственного оборота «*за тридевять земель, в тридесятом царстве*». «Число *три* часто воспринимается как знак удачи, возможно, потому что знаменует выход из противостояния – решающее действие» [6, с. 74]. Троекратность – основной художественный прием в сказке (три сына, три желания, три испытания, три попытки и т.д.). В сказке герой отправляется *за тридевять земель* для осуществления решительных действий (найти или спасти невесту, побороться со Змеем и т.д.), т.е. сюжет сказки предопределен символикой анализируемого числа. Число *три* имеет начало, середину (центр) и конец, таким образом, обладает законченностью и определенной симметрией. Это можно проиллюстрировать примером устройства двух миров в сказке. Мир потусторонний симметричен миру здешнему, бытовому. Такие смысловые пространственные ориентиры, как *лес, поле, царство, дворец* выступают атрибутами внешней симметрии, связывающими оба пространства. Кроме этого, потусторонний мир симметричен внутренне: там своё государство, свой царь, дворец, своя система мироустройства. Помимо указанного значения, число *три* означает единство тела, духа и души, что связывает его с загробным миром или в нашем случае его эквивалентом – *тридесятым государством*.

Рассмотрим символику числа *девять*, которое входит в название пространственного ориентира. В мифологическом мышлении *девять* считается тройственным синтезом мысли, тела и духа или загробного мира, земли и неба. Это соответствует древним представлениям о пространстве, закрепленным в образе мирового древа. Сюжет сказки четко фиксирует это значение: отправиться в *тридесятое царство* – значит оказаться в загробном мире. По сюжету сказки иное царство может находиться не только очень далеко, за морем, но и глубоко под землей или под водой, или, наоборот, высоко в горах.

Ядро потустороннего мира – *тридесятое царство*. *Десять* – число мироздания, гармонии, законченности. В сказке оно представлено государством или городом. Оно конкретно не описывается, но по отдельным чертам мы узнаем, что там есть царь, люди, поле, луга. Там господствует внутренний порядок. Причем, герой, попавший туда, не может вмешиваться в тот ход жизни, он только подслушивает, подглядывает, но его никто не видит и не узнает. Если же учесть, что число *десять* использовалось и как эмблема брака [6, с. 78], то становится понятным, что сказочное повествование, как правило, заканчивается женитьбой и воцарением героя.

В фольклоре, в частности, в волшебных сказках, сформировались древнейшие человеческие верования, связанные с идеей обязательной смерти всего живого во имя вторичного рождения в новом качестве. Обряды и ритуалы, посредством которых

верование воплощается в действие, дошли до нас в трансформированном виде как сказочные образы-символы. К числу символов, в которых отразились мифологические обряды и ритуалы, относятся также пространственные обозначения *лес, поле, река* и др. Лес, река, дерево имеют особое мифологическое значение. Они являются символическими обозначениями границы между двумя мирами, препятствиями, которые должен преодолеть герой, чтобы оказаться по другую сторону бытия, в параллельном мире. Кроме этого, названные пространственные обозначения представляют собой этапы пути героя, его перемещение. Перемещение героя не географическое, а мыслимое – из одной сферы бытия в другую. Путь мыслится не как передвижение в пространстве, а как смена состояния, смена качества. С обозначением пути героя сказки связаны устойчивые выражения *река Смородина* и *калиновый мост*.

В сказочном перемещении героя река – это последнее препятствие. Именно на реке состоится битва героя со *Змеем* или *Чудом-Юдом*. Эта битва заранее предопределена, и герой целенаправленно идет к заветному месту. Река всегда оказывалась последним и решающим препятствием на пути сказочных героев, причем, препятствием магическим и решающим, потому что ею обозначена та граница, которая разделяет земное и неземное существование, жизнь и смерть [3, с. 350]. Образ реки присутствует во многих сказках и своими корнями уходит в мифологические представления, обрядовые и культовые действия. Сама река, битва на ней, образ Чуда-Юда связаны одной нитью – это элементы общих представлений о связи воды с миром мертвых. Вода имела не только очистительное, плодотворящее начало, но и была связана с загробным миром. У предков существовало представление о водном пространстве, лежащем на пути к селению умерших. О связи воды с «тем» миром говорит обычай поливания могилы, обряд омыwania покойных. «Река – это символ преграды, разделяющей мир живых и мертвых, а также дорога в мир иной» [4, с. 405]. Само описание Чуда-Юда свидетельствует о его связи с потусторонним миром, на что указывают следующие детали: «конь у него о двенадцати крылах, шерсть у коня серебряная, хвост и грива – золотые». Выезжает Чудо-Юдо из воды: «вдруг на реке воды взволновались». Роль реки как места совершения решающей битвы объясняется пограничной функцией реки: она рубеж между этим и тем, нижним миром, между своим пространством и чужим [2, с. 176-177]. Верования о том, что загробный мир находится за водной преградой, является общемировым. У разных народов сохранились схожие верования о священной реке, разделяющей миры. У славян – это река Забвения. Однако в сказках закрепилось другое название реки, на которой происходит решающая битва, – *Смородина*. Сказочный топоним *Смородина* происходит от слова *смад* – «вонь, сильная духота» [1, с. 232]. Недаром кустарник *смородины* носит аналогичное название «по запаху клопов, обитающих на молодых ветвях и листьях смородинного кустарника» [8, с. 180]. В.И. Даль считает, что название *смородина* получила «от удушливого запаха ее» [1, с. 237].

Этимологические разыскания подкрепляются мотивацией такого обозначения в сказочном тексте: «по всему берегу лежат кости человеческие, по колено будет навалено!». Следовательно, интерпретировать сказочную *реку Смородину* можно как *реку смерти*, а мифотопоним *Смородина* в этой связи ассоциируется со священной рекой, символизирующей мыслимый переход в мир мертвых.

«*Мост* в мифологической традиции выступает, прежде всего, как образ связи между разными точками сакрального пространства» [2, с. 374 – 376]. *Мост* понимается как способ переправы через реку из старого пространства и времени к новому, из одного цикла в другой, как бы из одной жизни в другую, новую. Так же, как и река, он символизирует переход в иной мир посредством мыслимой смерти. Известен обряд перехода через мост во время свадьбы, символизирующий переход девушки от прежнего в качественно новое состояние. В волшебных сказках упоминается не просто мост, а *калиновый мост*. Этот мост соединяет разные берега *реки Смородины*. Выбор такого обозначения не случаен. Прилагательное *калиновый* образовано от существительного

калина (кустарник, который произрастает преимущественно в тенистых сыроватых местах, поблизости от рек, болот). Слово же *калина* этимологически связано со словом *кал* в значении «трясина, лужа, жидкая грязь» [8, с. 370]. Так как в тексте сказок нет подробных описаний моста, то представляется интересным вопрос о том, почему мост называется именно *калиновым*. Можно предположить, что *калиновый мост* назван так, потому что вымощен ветками калины. Эту версию можно считать обоснованной, так как в тексте сказки есть упоминание о том, что братья по очереди подстерегали Чудо-Юдо под кустом. Он точно не определен, но можно предположить, что это именно *куст калины*. Однако более вероятным мы считаем следующее объяснение: к калине мост не имеет прямого отношения, но поскольку это растение произрастает близ воды, то мост назван по ассоциативной аналогии. *Калиновый мост* – это тот образный рубеж, мост, который открывает дорогу к миру мертвых. Эту символическую связь можно обнаружить в том, что калина цветет белым цветом, но имеет красные ягоды, которые могли ассоциироваться с кровью. А так как на *калиновом мосту* происходит бой и есть упоминания, что берег священной реки устлан человеческими костями, то становится очевидным, что сказочное топонимическое обозначение названо так символически.

Таким образом, формула «*за тридевять земель, в тридесятом царстве*» в мифологическом мировоззрении отражает понимание пространства вообще и законченное, гармоничное и симметричное соотношение «этого» и «того» мира. Устойчивые обороты *река Смородина* и *калиновый мост* связаны с символическим переходом в другое царство, символической границей, рубежом, на котором происходят качественные трансформации героя сказки. Именно здесь и совершается смертельный бой героя с Чудом-Юдом.

Литература

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. – Т. 4: Р – ҫ. – М.: Русский язык, 1998. – 688 с.
2. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. /Гл. ред. С.А. Токарев. – М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 1997. – Т. 2. К – Я. – 719 с.
3. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М., 1998. – 336 с.
4. Символы, знаки, эмблемы: Энциклопедия / Под общ. ред. В.Я. Телицына. – М., 2003. – 495 с.
5. Толковый словарь русского языка / Под редакцией Д.Н. Ушакова: Том 4. – М., 2000. – 752 с.
6. Тресиддер Джек. Словарь символов. – М., 1999. – 448 с.
7. Философский словарь / Под редакцией И.Т. Фролова. – М., 2001. – 719 с.
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – Т. 2. – М., 1999. – 560 с.

References

1. Dal' V. I. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.* – T. 4: P – ҫ. – Moscow : Russkij yazyk, 1998. – 688 p.
2. *Myths of the peoples of the world. Encyclopedia: in 2 volumes* / Gl. red. S.A. Tokarev. – Moscow : NI «Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya», 1997. – 2 V. K – YA. – 719 p.
3. Propp V.Ya. *The historical roots of the fairy tale.* – Moscow, 1998. – 336 p.
4. *Symbols, signs, emblems: Encyclopedia* / Pod obshch. red. V.Ya. Telicyna. – Moscow, 2003. – 495 p.
5. *Explanatory dictionary of the Russian language* / Pod redakciej D.N. Ushakova: V.4. – Moscow, 2000. – 752 p.
6. Tresidder Dzhek. *Dictionary of symbols.* – Moscow, 1999. – 448 p.
7. *Philosophical Dictionary* / Pod redakciej I.T. Frolova. – Moscow, 2001. – 719 p.
8. Chernyh P.Ya. *Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: In 2 volumes.* – V. 2. – Moscow, 1999. – 560 p.

**ВВОДНЫЙ КОМПОНЕНТ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ МОДАЛЬНОСТИ
ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В.И. ЛЕНИНА
(НА ОСНОВЕ КНИГИ «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»)**

Приходько Сергей Александрович
Новозыбковский краеведческий музей
Научный сотрудник
Новозыбков, Россия / sapclf1@yandex.ru

Аннотация

В настоящей статье внимание уделяется вводу компоненту в полемическом дискурсе В.И. Ленина на примере книги «Материализм и эмпириокритицизм». В этом труде независимые грамматические элементы поддерживают многие риторические приёмы и способствуют реализации авторской интенции. Автор приводит развёрнутую систему функций вводных средств на основе конкретных примеров.

Ключевые слова: вводный компонент, модальность предположения, полемический дискурс В.И. Ленина, книга «Материализм и эмпириокритицизм», риторический приём, приём вовлечения, фактор адресата, речевая личность В.И. Ленина.

**INTRODUCTORY COMPONENT AS A MEANS OF CREATING A MODALITY
OF ASSUMPTION IN V.I. LENIN'S POLEMICAL DISCOURSE (BASED
ON THE BOOK «MATERIALISM AND EMPIRIO-CRITICISM»)**

Prikhodko Sergey Alexandrovich
Novozybkov Local Lore Museum
Researcher
Novozybkov, Russia / sapclf1@yandex.ru

Abstract

This article focuses on the introductory component in the polemical discourse of V.I. Lenin on the example of the book "Materialism and Empirio-Criticism". In this work, independent grammatical elements support many rhetorical techniques and contribute to the realization of the author's intention. The author provides a detailed system of functions of introductory tools based on specific examples.

Keywords: introductory component, modality of assumption, V.I. Lenin's polemical discourse, the book "Materialism and Empirio-Criticism", rhetorical method, method of involvement, addressee factor, V.I. Lenin's speech personality.

Введение

Как советские, так и современные лингвисты признают, что вводный компонент играет важную текстообразующую роль. Под вводным словом подразумевается грамматический элемент, не связанный с членами предложения, который выражает различные оттенки отношения полемиста к своему сообщению, вызывает определённую реакцию и превращает адресата в соавтора коммуникативного процесса [5, с. 51; 8, с. 218]. Выбор множества вводных инструментов становится понятным в свете того, что целью В.И. Ленина в качестве ратора можно считать победу над адресатом (читателем) [6, с. 70], убеждение его в правоте сторонников материалистических идей.

В минувшем веке специалисты отмечали, что одиночные вводные единицы, обороты и предложения В.И. Ленин активно использовал в дооктябрьских и послереволюционных трудах [3, с. 88; 10, с. 64, 68, 72-73; 12, с. 126]. Тем не менее, ни лингвистических, ни литературоведческих исследований маркеров феномена вводности проведено не было.

Хотя вводные единицы присутствуют в анализируемых лингвистами фрагментах книги «Материализм и эмпириокритицизм», причины их репрезентации не рассматриваются ни российскими филологами, ни советскими языковедами, специализирующимися на изучении творческого наследия В.И. Ленина [9, с. 9; 11, с. 84-85; 12, с. 72].

В рамках исследования рассматриваются только грамматические элементы, имеющие коннотации предположения, поскольку другие модальности не вписываются в

его формат. Вводные средства В.И. Ленина приведены в настоящей статье в порядке убывания частотности. Если макрофункцией вводных указателей можно считать предположение, то спектр микрофункций является широким.

Маркер «пожалуй»

Функция построения причинно-следственной связи

Следующий контекст является нейтральным в эмоциональном отношении: *«Если так называемый опыт, будто посредством переданного движения возникает ощущение в субстанции, начинающей ощущать с этого момента, оказался при ближайшем рассмотрении только кажущимся, – то, пожалуй, в остальном содержании опыта есть еще достаточно материала, чтобы констатировать хотя бы относительное происхождение ощущения из условий движения, именно: констатировать, что ощущение, имеющееся налицо, но скрытое или минимальное или по иным причинам не поддающееся нашему сознанию, в силу передаваемого движения освобождается или повышается, или становится сознанным»* [4, с. 57].

Функция семантического перехода

Построение дискурса от множественного числа 1-го лица позволяет В.И. Ленину создавать связь со своими приверженцами и тем самым демонстрировать их наличие сомневающейся части читательской аудитории: *«Возьмем еще Авенариуса. По вопросу об "элементах" самое ценное дает его последняя (и наиболее, пожалуй, важная для понимания его философии) работа: "Замечания о понятии предмета психологии"»* [4, с. 64].

Редко В.И. Ленин использовал взятие в кавычки для выделения вводного оборота. В настоящем контексте маркер вводности «пожалуй» интегрирован в графически обособленное уточнение. Смысловая связка позволяет соединить критику тезисов немецкого философа И. Петцольдта, современника В.И. Ленина, и разбор опусов его наставника Р. Авенариуса.

Маркер «вероятно»

Функция заключения

В отличие от приведённых примеров, дальнейший фрагмент отличается минимальной сдержанностью и негативной оценкой. Присоединившись к зарубежному мыслителю, В.И. Ленин сделал, не претендуя на абсолютную точность («вероятно»), вывод за круг читателей, оценив плоды трудов Р. Авенариуса как полный обман чувств: *«Английский писатель Норман Смит, разбирая "Философию чистого опыта" Авенариуса, излагает этот вывод еще гораздо прямее и решительнее:*

"Большинство знакомых с "Человеческим понятием о мире" Авенариуса, вероятно, согласятся с тем, что, как бы ни убедительна была его критика (идеализма), позитивные результаты его совершенно иллюзорны"» [4, с. 78].

Можно выделить в приведённой цитате особый символизм: В.И. Ленин являлся лидером именно большинства русских социал-демократов (большевиков), поэтому апеллирование к большинству стало для автора привычным риторическим приёмом.

В категорию «знакомые» В.И. Ленин включал читателей, но не свою аудиторию, а людей, изучавших идеалистическую теорию. Таким образом, создатель «Материализма и эмпириокритицизма» в своём речевом воздействии не ограничивался лицами, заинтересовавшимися именно его книгой. Хотя вербальное влияние можно признать двунаправленным, преобладающее количество обращений ориентировано на собственную читательскую аудиторию. Ориентацию на свой круг можно объяснить тем, что сторонники идеалистических концепций, как правило, штудируют книги или статьи оппонентов в последнюю очередь, отдавая приоритет близким им по содержанию сочинениям и игнорируя послышки антагонистов.

Функция обвинения-оценки

В.И. Ленин, обозначив в ряде работ немецкого эклектика Е. Дюринга как одного из стихийных сторонников, лидер большевистской партии сделал то же самое и в «Материализме и эмпириокритицизме»: *«Дюринг, вероятно, не менее искренне хотел*

быть материалистом и атеистом, чем наши махисты хотят быть марксистами, но он не умел провести последовательно ту философскую точку зрения, которая бы действительно отнимала всякую почву из-под ног у идеалистической и теистической бессмыслицы» [4, с. 191].

Функция обращения к адресату

На трёх страницах второго параграфа шестой главы В.И. Ленин разместил обширные цитаты труда немецкого идеалиста Ф. Блея, соотечественника и ученика Р. Авенариуса. В процессе исследования нельзя не принимать в расчёт, что Ф. Блей являлся ровесником В.И. Ленина: на рубеже XIX и XX столетий они превратились в настоящих философских конкурентов.

Перегрузку текста автор объяснил впоследствии, извинившись перед пострадавшим, по его собственному предположению, получателем информации. Демонстрация уважения к адресату не отменяет принципа принятия решения от имени подчёркнуто высокочтимого объекта речевого воздействия: *«Читатель, вероятно, негодует на нас за то, что мы так долго цитируем эту невероятно пошлую галиматью, это квазиученое шутовство в костюме терминологии Авенариуса»* [4, с. 342].

Ради справедливости требуется отметить, что рамки печатной книги не позволяют В.И. Ленину вести прямую беседу с уставшим, по его выражению, читателем. Актуализированный пример подтверждает, что автор даже в сложных условиях письменной речи прибегал к приёму вовлечения и считал залогом доходчивости умение развить мысль так, чтобы любой из абстрактных адресатов «почувствовал себя участником и соавтором» [8, с. 215]. Если в главной части предложения зафиксировано простое упоминание получателя полемического текста, утомлённого глупостями ленинских оппонентов, то в придаточной части репрезентирован настоящий оценочный каскад. Экспрессивные сочетания, насыщенные средствами негативной оценки, сравнивают критиков махизма с артистами и переносят группу внимательных читателей на арену цирка.

Функция нейтральной интерпретации

Строгое нейтральное ленинское изложение фактов в репрезентируемом фрагменте похоже на отстранённые размышления равнодушного человека. Инверсивный порядок слов упрощает понимание сложнейших вопросов мироздания: *«Преобразование энергии рассматривается естествознанием как объективный процесс, независимый от сознания человека и от опыта человечества, т. е. рассматривается материалистически. И у самого Оствальда в массе случаев, даже вероятно в громадном большинстве случаев, под энергией разумеется материальное движение»* [4, с. 293].

Как и в следующем паттерне, лексические повторы ориентированы на втолковывание, на тщательное объяснение ситуации в философской науке, существовавшей в царской России.

Функция обвинительной интерпретации

В процессе исправления конкурентов В.И. Ленин, комбинируя приёмы негативной оценки и генерализации, выплеснул свои эмоции и нарисовал перспективы для философов-натуралистов: *«Когда натуралисты перестанут говорить этот и тому подобный метафизический вздор, они сделаются способны вырабатывать и, вероятно, выработают, на основании естествознания, систему понятий, более точных и полных, чем те, которые изложены Фейербахом...»* [4, с. 386].

Следовательно, ленинская критика является конструктивной, а не огульной. Автор указал путь преодоления кризиса (отказаться от метафизических умозаключений), в который погрузилась оппонирующая группировка философов.

Маркер «по-видимому»

Функция оправдательной интерпретации

В центре внимания вождя большевиков часто оказывалась позиция английского реакционера Дж. Беркли, поэтому В.И. Ленин неоднократно обрушивался на него с

критикой, опирающейся на отрицательные оценочные обороты: *«"Но, – говорит он, – ввиду того, что учение (tenet) о существовании материи пустило, **по-видимому**, глубокие корни в умах философов и влечет за собой столь многочисленные вредные выводы, я предпочитаю показаться многоречивым и утомительным, лишь бы не опустить ничего для полного разоблачения и искоренения этого предрассудка" (§9)»* [4, с. 29-30].

Функция ссылки на авторитет

Также В.И. Ленин знакомил предполагаемого читателя с интерпретациями уважаемых им классиков философской мысли. К примеру, лидера большевиков заинтересовала трактовка русского ревизиониста В.М. Чернова, который интерпретирует речевое поведение основоположника немецкого материализма: *«"Энгельс, **по-видимому**, узнавши, что по Канту "вещь в себе" непознаваема, переделал эту теорему в обратную и решил, что все непознанное есть вещь в себе..." (стр. 33)»* [4, с. 112].

Функция ответа на риторический вопрос

После вопросительной преамбулы, содержащей вставную конструкцию, следует категорическое утверждение в форме прямой речи, смягчённое предположением, которое готовит читающую публику к долгой критике деклараций австрийского эмпириокритика Э. Маха: *«Как же опровергает материалист Энгельс, – в начале статьи Энгельс открыто и решительно противопоставляет свой материализм агностицизму, – изложенные доводы?*

*"...Слов нет, – говорит он, – это такая точка зрения, которую трудно, **по-видимому**, опровергнуть одной только аргументацией"»* [4, с. 120].

Маркер «допустим»

Функция постановки риторического вопроса

Отобранный фрагмент позволяет утверждать, что В.И. Ленин снова решил сделать соучастником коммуникации читателя, называя себя не «я», а «мы» (в форме дательного падежа), создавая впечатление массовой поддержки: *«В другом месте (§84) Беркли понятие реального старается связать с восприятием одних и тех же чувственных ощущений одновременно многими людьми. Например, как решить вопрос: реально ли превращение воды в вино, о чем нам, **допустим**, рассказывают?»* [4, с. 35].

Сочетание вводных средств «пожалуй» и «очевидно»

В нижеследующую прямую речь предводитель большевиков вставил не только слова автора, но и двойные развёрнутые комментарии. Во второй части выстроена причинно-следственная связь. Если причиной служит речевое поведение представителей махистского комьюнити, то следствием является поправка цитируемого оппонента: *«"В учении Авенариуса, – говорит Петцольдт, – Я (das Ich) играет другую роль, чем у Шуппе" (заметим, что Петцольдт прямо и неоднократно заявляет: наша философия основана тремя людьми: Авенариусом, Махом и Шуппе), "но все же еще, **пожалуй**, слишком значительную для его теории" (на Петцольдта, **очевидно**, повлияло то, как Шуппе сорвал маску с Авенариуса, сказав, что у него фактически тоже только на Я все и держится; Петцольдт хочет поправиться)»* [4, с. 86].

Традиционно свои ремарки В.И. Ленин взял в круглые скобки, чтобы сосредоточить читательское внимание на комментариях. Отличает вышеприведённый контекст от других фрагментов утверждение, что уже упоминавшийся И. Петцольдт желает исправить свою ошибку. Сложносочинённым пассажем, осложнённым сложноподчинёнными вставными конструкциями, В.И. Ленин подчеркнул, что не только он лично в качестве приверженца материалистического подхода регулярно находил изъяны в эрзац-философии, а сам незадачливый идеалист обнаружил огрехи в своём учении.

Заключение

Итак, в книге «Материализм и эмпириокритицизм» независимые синтаксические средства поддерживают многие риторические приёмы и способствуют реализации авторской интенции. Один и тот же грамматический элемент несёт в ленинском тексте различную функционально-семантическую нагрузку. Анализ частотности показывает, что преимущественно коннотации предположения (12 примеров) зафиксированы в сложноподчинённых предложениях.

В процессе подбора грамматических средств В.И. Ленин проявлял совсем разные качества, которые могут показаться даже противоречащими друг другу, поэтому его стиль не может быть одинаковым на всём протяжении книги «Материализм и эмпириокритицизм». Ленинский речетворческий результат в отношении философов-соперников характеризуется агрессивностью приёмов и разнообразием средств. Тем не менее, речевая личность В.И. Ленина обретает прямо противоположные черты, если затрагиваются колеблющиеся или нейтральные полемисты. Своих учителей В.И. Ленин защищал с той же страстностью, с какой обличал идеалистических адептов. Разнообразные сочетания пунктуационных знаков в ленинском тексте также интенсифицируют вербальное воздействие.

Разница в построении полемического дискурса релевантна авторскому замыслу: дискредитировать махизм и оправдать материализм. Постулаты материалистического направления философии преимущественно сопровождаются положительной оценкой, а тезисы сторонников эмпириокритических учений в большинстве речевых ситуаций окружены средствами отрицательной эмотивности. В сложившемся макроконтексте имелись как недостатки, так и преимущества. Фактор адресата постоянно учитывается ленинской речевой личностью. С одной стороны, никто не мог возразить автору и сделать полемический процесс непредсказуемым. С другой стороны, руководитель большевиков был вынужден проводить двойную речевую работу: оживляя текстовое пространство, выстраивать нарратив и за себя, и за воображаемого читателя. Таким образом, В.И. Ленин регулярно и умело пользовался приёмом вовлечения (инклюзивности), сочетал его с другими риторическими ресурсами, среди которых высокой частотностью выделяются оценка и повтор.

Можно утверждать, что автоматическим когнитивным следствием В.И. Ленин считал признание кругом передовых читателей неполноценности всех идеалистических систем. Продвинутые адресаты, по мнению лидера большевистского сообщества, не сомневаются в правильности идеологии исключительно К. Маркса и Ф. Энгельса, но менее сообразительных субъектов речевого воздействия требуется убедить в безукоризненной точности материалистической парадигмы.

Литература

1. Байчорова М.Ш., Витковская Л.В. Вводные и вставные конструкции как факт перентезиса (этнолингвокогнитивное измерение) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. №3. – С. 61-64.
2. Блинова О.А. Лингвокогнитивный аспект репрезентации несобственно-прямой речи (на материале произведений Э. Хемингуэя): автореф. дисс. .... канд. филол. наук. М.: МГИМО (У), 2015. – 24 с.
3. Куницын Г.И. Ленин о партийности художественного творчества // Ленин и искусство. М.: Наука, 1969. – С. 79-156.
4. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. М.: Политиздат, 1989. – 508 с.
5. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 562 с. (Словари).
6. Михальская А.К. Сравнительно-историческая риторика. М.: ИНФРА-М, 2019. – 294 с.
7. Мухин Н.Ю. Вводные компоненты как средство выражения и установления авторства текста: дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: УГПУ, 2002. – 166 с.
8. Ножин Е.А. Основы советского ораторского искусства. М.: Знание, 1981. – 352 с. (Методика лекторского мастерства и ораторского искусства).
9. Полухов Н.М. Великий образец живого слова (К 50-летию выхода в свет книги В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм») // Русский язык в школе. 1959. №5. – С. 6-11.
10. Уханов И.П. Образы художественной литературы в трудах В.И. Ленина. М.: Политиздат, 1965. – 295 с.
11. Финкель А.М. О языке и стиле В.И. Ленина. Вып. 1. Харьков: Пролетарий, 1925. – 103 с.
12. Цейтлин А.Г. Литературные цитаты Ленина. М., Л.: ГИХЛ, ОГИЗ, 1934. – 168 с.

References

1. Bajchorova M.Sh., Vitkovskaya L.V. Vvodnye i vstavnye konstrukcii kak fakt perentezisa (etnolingvokognitivnoe izmerenie) // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2009. №3. – S. 61-64.
2. Blinova O.A. Lingvokognitivnyj aspekt reprezentacii nesobstvenno-priamoj rechi (na materiale proizvedenij E. Hemingueya): avtoref. diss. .... kand. filol. nauk. M.: MGIMO (U), 2015. – 24 s.
3. Kunicyn G.I. Lenin o partijnosti hudozhestvennogo tvorchestva // Lenin i iskusstvo. M.: Nauka, 1969. – S. 79-156.
4. Lenin V.I. Materializm i empiriokriticizm. Kriticheskie zametki ob odnoj reakcionnoj filosofii. M.: Politizdat, 1989. – 508 s.
5. Matveeva T.V. Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov. Rostov-na-Donu: Feniks, 2010. – 562 s. (Slovari).
6. Mihal'skaya A.K. Sravnitel'no-istoricheskaya ritorika. M.: INFRA-M, 2019. – 294 s.
7. Muhin N.Yu. Vvodnye komponenty kak sredstvo vyrazheniya i ustanovleniya avtorstva teksta: diss. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg: UGPU, 2002. – 166 s.
8. Nozhin E.A. Osnovy sovetskogo oratorskogo iskusstva. M.: Znanie, 1981. – 352 s. (Metodika lektorskogo masterstva i oratorskogo iskusstva).
9. Polyuhov N.M. Velikij obrazec zhivogo slova (K 50-letiyu vyhoda v svet knigi V.I. Lenina «Materializm i empiriokriticizm») // Russkij yazyk v shkole. 1959. №5. – S. 6-11.
10. Uhanov I.P. Obrazy hudozhestvennoj literatury v trudah V.I. Lenina. M.: Politizdat, 1965. – 295 s.
11. Finkel' A.M. O yazyke i stile V.I. Lenina. Vyp. 1. Har'kov: Proletarij, 1925. – 103 s.
12. Cejtlin A.G. Literaturnye citaty Lenina. M., L.: GIHL, OGIZ, 1934. – 168 s.

УДК 81

РАЗНОВИДНОСТИ ФЛОРОНИМОВ В СТРУКТУРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Роговая Юлия Сергеевна

магистрант

Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет

Белгород, Россия / 1414196@bsu.edu.ru

Колесников Алексей Анатольевич

доцент кафедры иностранных языков

кандидат филол. наук, доцент

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Белгород, Россия / kolesnikov@bsu.edu.ru

Аннотация

В современной лингвистической науке многие исследователи занимаются изучением языковых феноменов, в которых выражаются исторические и культурные особенности народов. С этой точки зрения, особый интерес для лингвистического исследования представляют фразеологизмы, которые, будучи устойчивыми языковыми выражениями, сохраняют в своих слово-образах древние народные традиции. Несмотря на то, что фразеологизмы имеют долгую историю изучения, отдельные компоненты, которые входят в состав устойчивых выражений, остаются малоизученными. В нашем исследовании мы обратимся к анализу так называемых флоронимов или наименований растений, входящих в структуру многих фразеологизмов английского языка. В таких номинациях максимально ярко отражаются уникальные особенности мышления народа, так как, стремясь охарактеризовать то или иное явление посредством его образного сравнения с растительным миром, древний человек тем самым проявлял свое отношение к характеризуемому явлению. Детальный анализ тематических разновидностей флоронимов, встречающихся во фразеологизмах английского языка, позволит выявить специфику оценочных суждений англоязычных народов и тем самым приблизиться к пониманию их ментальности.

Ключевые слова: фразеологизмы, флоронимы, стилистика английского языка.

VARIETIES OF FLORONIMS IN THE STRUCTURE OF PHRASEOLOGISMS OF THE ENGLISH LANGUAGE

Rohova Yuliia Sergiyivna

Belgorod State University

Belgorod, Russia / 1414196@bsu.edu.ru

Kolesnikov Aleksei Anatolyevitch

PhD, Associate Professor

Belgorod State University

Belgorod, Russia / kolesnikov@bsu.edu.ru

Abstract

In modern linguistic science, many researchers are studying linguistic phenomena that express the historical and cultural characteristics of peoples. From this point of view, phraseological units are of particular interest for linguistic research, which, being stable linguistic expressions, preserve ancient folk traditions in their word images. Despite the fact that phraseological units have a long history of study, the individual components that make up fixed expressions remain poorly understood. In our study, we turn to the study of the so-called floronyms or plant names that are part of the structure of many phraseological units of the English language. In such nominations, the unique features of the thinking of the people are most clearly reflected, since, trying to characterize this or that phenomenon by means of its figurative comparison with the plant world, the ancient man thereby showed his attitude to the characterized phenomenon. A detailed analysis of the thematic varieties of floronyms found in phraseological units of the English language will reveal the specifics of the value judgments of the English-speaking peoples and thereby get closer to understanding their mentality.

Key words: phraseological units, floronyms, stylistics of the English language.

Фразеологические единицы представляют собой наиболее яркий пример отражения длительного процесса развития народа, так как в семантике таких единиц сохраняются культурные традиции, передающиеся из поколения в поколение. Без преувеличения можно сказать, что фразеологизмы являются средством выражения ментальности народа, а потому изучение этого языкового феномена всегда представляло и будет представлять интерес для научного исследования.

В данной работе мы поставили перед собой задачу – изучить наиболее распространенные тематические разновидности флоронимов, которые встречаются во фразеологизмах английского языка. Деление флоронимов на разные типы позволит подойти к изучению их семантических и функциональных особенностей более тщательно и, соответственно, поможет лучше понять культурные традиции, выраженные в языковой форме.

Прежде всего, необходимо обозначить рабочее определение самого понятия «фразеологизм». В современной лингвистике наблюдается огромное разнообразие трактовок данного термина. Так, В.П. Жуков дает следующее определение фразеологизма: «Под фразеологизмом понимается устойчивая и воспроизводимая раздельнооформленная единица языка, состоящая из компонентов, наделенная целостным значением и сочетающаяся с другими словами» [Жуков, с. 13]. С другой стороны, в толковом словаре Т.Ф. Ефремовой определение фразеологизма звучит следующим образом: «устойчивый оборот речи, свойственный определенному языку и потому дословно не переводимый на другие языки, имеющий самостоятельное значение, которое в целом не является суммой значений, входящих в его состав слов» [Ефремова, с. 755]. В обоих определениях мы видим, что авторы характеризуют фразеологизм как устойчивую и неразложимую единицу языка, что и является ключевыми особенностями данного средства выразительности.

Устойчивость фразеологизмов позволяет им фиксировать и сохранять в своей структуре и семантике историко-культурное своеобразие народа, которое мы можем изучать и по сей день благодаря дошедшим до нас фразеологическим выражениям. В английском языке подобные выражения часто трактуют как идиомы – они активно функционируют во многих стилях современной английской речи.

Сами по себе фразеологизмы английского языка на сегодняшний день достаточно широко изучены, однако должного внимания со стороны исследователей не получили отдельные языковые компоненты, входящие в состав фразеологизмов, в частности такое

уникальное явление, как флоронимы. В нашем исследовании под флоронимами будем понимать наименования растений как объектов лингвокультурологического изучения.

Главной функцией флоронимов в структуре фразеологических выражений является воссоздание образа-символа, отражающего тот или иной аспект национального менталитета. Мы провели исследование, которое позволило нам разделить английские фразеологизмы, в основе которых встречается концепт «Флороним», на несколько тематических разновидностей. Подобное деление позволит глубже изучить формально-содержательную специфику данного языкового явления и, соответственно, лучше понять особенности культуры английского народа.

Одной из наиболее объемных представляется тематическая группа, в которой флоронимы используются с целью оценки качества какого-либо предмета, человека или явления. К такому типу можно отнести такие фразеологизмы, как: «a rose without a thorn» (буквальный перевод – «роза без шипов», значение – уникальное, исключительное явление); «flower of the flock» (буквальный перевод – «цветок стаи», значение – лучший в группе), «a bed of roses» (буквальный перевод – «клумба из роз», значение – лучшая жизнь, райская жизнь). Безусловно, у многих народов цветы ассоциируются с прекрасным, а потому и образные сравнения в вышеприведенных фразеологизмах символизируют наиболее яркие стороны жизни.

В отдельную тематическую группу можно выделить ряд фразеологизмов, которые не дают оценку, а описывают какое-либо явление (зачастую прекрасное, вызывающее восхищение у наблюдателя). В таких коннотациях флоронимы довольно часто выступают при описании внешности или поведения: «as fresh as a rose» (свежа как роза), «English rose» (буквальный перевод – «английская роза», значение – настоящая английская леди). Положительные ассоциации, которые связываются в мышлении англичан с цветами, приводят к возникновению фразеологизмов, в которых сами флоронимы выступают как метафорические наименования положительных явлений: «to come up roses» (очень удачно сложиться); «to gather life's roses» (срывать цветы удовольствия); «the flower of something» (расцвет чего-либо).

Флоронимы, входящие в состав фразеологических выражений английского языка, далеко не всегда носят исключительно положительный характер. В современном английском языке наблюдается большое количество флоронимов, которые характеризуют негативные явления или даже несут адъективную функцию. К этой группе можно отнести те выражения, в составе которых имеются лексемы «шип» или «колючка» (thorn, pin, prick, spike), например: «the pricks of conscience» (угрызения совести), «to be (sit) on thorns» (сидеть как на иголках), «not worth a pin» (никудашный, бесполезный; эквивалент русского фразеологизма «гроша медного не стоит»).

Следует отметить, что специфика использования флоронимов в качестве образов-символов может меняться в зависимости от географических и культурных особенностей англоязычных народов. Так, идиоматические выражения «to be (live) in clover» / «to live like a bee in clover» дословно переводятся как «жить в клевере» / «жить как пчела в клевере» и имеют значение «жить в роскоши, припеваючи». При этом, флороним «clover» обладает сугубо региональной спецификой – данные фразеологизмы используются преимущественно на территории Ирландии. В таком случае при изучении семантических особенностей фразеологизма важно обратиться к истории образа-символа, который скрывается за цветком. Говоря о клевере, стоит иметь в виду, что символ трилистника является иллюстрацией христианского учения о Святой Троице. Кроме того, учитывая современную специфику функционирования флоронима «клевер», выступающего в качестве культурно-национального концепта, следует также рассмотреть сложившуюся в современном мышлении ассоциативную связь с удачей.

Практически все флоронимы, входящие в структуру фразеологизмов английского языка, так или иначе имеют уникальную историю, отражающую культурные особенности народа. Именно поэтому при составлении тематических классификаций можно

использовать принцип деления флоронимов по наименованиям растений. Например, из приведенных выше примеров можно наблюдать, что в английских фразеологизмах широко используется флороним «роза». Эта особенность объясняется тем, что роза, начиная со Средних веков, является своего рода национальным цветком Англии. «Красная роза Тюдоров была эмблемой страны со времен гражданской войны между домом Ланкастер, чьим символом была красная роза, и королевским родом Йорков, использующим в своей геральдике изображение белых роз» [Похлебкин, с. 180]. Эта война получила название «Война Алой и Белой розы», поэтому, роза в английской культуре занимает особое место, что, вероятно, и объясняет частотность употребления данного флоронима в структуре фразеологизмов.

Выбранный нами материал для исследования настолько объемный, что в процессе изучения особенностей флоронимов можно выделить далеко не одну классификацию. Например, мы видим, что в составе фразеологизмов английского языка флоронимы могут выполнять следующие функции: номинативную, эмоционально-экспрессивную, символическую, оценочную, гносеологическую, соответственно, типология может быть основана на их функциональном назначении. Другим основанием для классификации может служить выделение определенных культурных концептов, которые выражает флороним: например, концепты «деньги» и «репутация» выражаются посредством фразеологизмов «money is the root of all evil» (русский эквивалент – «деньги – корень зла»), «to look to someone's laurels» (дословно – убедиться, что репутация не испорчена; «защитить свое доброе имя»).

Таким образом, большое количество флоронимов, входящих в состав фразеологических выражений английского языка, позволяет составлять различные варианты классификаций флоронимов. Как мы выяснили в ходе исследования, детальный анализ специфики того или иного флоронима позволяет существенно расширить не только лингвистические, но и культурологические аспекты знания.

Литература

1. Жуков В.П., Жуков А.В. Русская фразеология: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2006. – 408 с.
2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – 1084 с.
3. Похлебкин В.В. Словарь международной символики и эмблематики. – М.: Международные отношения, 2001. – 560 с.

References

1. Zhukov V.P., Zhukov A.V. Russian phraseology. – Moscow: Higher school, 2006. – 408 p.
2. Efremova T.F. New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational. – Moscow: Russian language, 2000. – 1084 p.
3. Pokhlebkin V.V. Dictionary of International Symbols and Emblems. – Moscow: International relations, 2001. – 560 p.

УДК 811.161.1

НОВЕЙШИЙ ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК И ЛЕКСИКА «ОЛДОВ»

Седых Аркадий Петрович

доктор филол. наук, профессор

Белгородский государственный

национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / sedykh@bsu.edu.ru

Аннотация

Рассматривается специфика взаимодействия современного французского языка с арсеналом лексических средств, используемых предшествующими поколениями носителей языка Расина и

Мольера. Описывается словотворческий потенциал псевдоархаической лексики, оказавшейся востребованной на этапе новейшей истории французского языка. Выявляются причины семиотического возрождения речевой культуры, связанные с кризисным состоянием французского социума. Выдвигается тезис об обусловленности повышения лингвокультурной активности современного дискурса склонностью французов к языковой игре. Намечаются перспективы изучения динамики развития французской языковой картины мира в русле модификаций когнитивно-коммуникативного пейзажа национальной ментальности и лексических миграций.

Ключевые слова: современный французский язык, псевдоархаическая лексика, семиотика языкового возрождения, лингвокультурная активность, языковая игра, когнитивно-коммуникативный пейзаж, лексическая миграция.

THE NEWEST FRENCH LANGUAGE AND «OLD» VOCABULARY

Sedykh, Arkadiy Petrovich

Dr. philol. sciences, professor

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / sedykh@bsu.edu.ru

Abstract

The specificity of the interaction of the modern French language with the arsenal of lexical means used by previous generations of native speakers of Racine and Moliere is considered. The article describes the word-creation potential of pseudo-archaic vocabulary, which turned out to be in demand at the stage of the modern history of the French language. The reasons for the semiotic revival of speech culture associated with the crisis state of the French society are revealed. The thesis is put forward that the increase in the linguocultural activity of modern discourse is conditioned by the tendency of the French to play the language game. Prospects for studying the dynamics of the development of the French linguistic picture of the world in line with modifications of the cognitive-communicative landscape of national mentality and lexical migrations are outlined.

Key words: modern French, pseudo-archaic vocabulary, semiotics of linguistic revival, linguocultural activity, language play, cognitive and communicative landscape, lexical migration.

В ходе своей эволюции любой язык под воздействием узуса претерпевает ряд модификаций когнитивно-коммуникативного пейзажа, отражающихся в смене лексико-семантических предпочтений в сфере обслуживания коммуникативных намерений носителя национального языка. Современный французский язык не избежал подобных тенденций в области возврата к традиционным языковым ценностям, что проявляется в достаточно частотном обращении французов к ненормативной лексике поколения прошлого столетия. Данный феномен характерен для всех уровней дискурсного функционирования новейшего французского языка.

Рассмотрим некоторые из наиболее популярных сегодня ругательств из лексикона людей старшего поколения, которые всё чаще используются и молодыми французами. Напомним о том, что сам термин «ругательство» имеет во французском языке внушительную обойму живописных синонимов, коррелирующих в частности с названиями птиц: *noms d'oiseaux* (букв. 'птичьи имена'), *tête de linotte* (букв. 'голова коноплянки'), *poule mouillée* (букв. 'мокрая курица'), *bécasse* (букв. 'бекас' = тупица), *grue* (букв. 'журавль' = женщина с чувством низкой социальной ответственности), *butor* (букв. 'выпь' = грубиян, тупица) и пр.

Начнём с самых «древних» лексических единиц с коннотациями сниженного регистра:

Flibustier (флибустьер – пират, морской разбойник, корсар, разбойник, контрабандист, джентельмен удачи).

Этот термин пришёл из нидерландского языка, где он обозначает пирата-авантюриста, отбирающего добычу у других авантюристов. Ещё великий Вольтер писал о первых римских правителях, как о предводителях флибустьеров (*capitaine des flibustiers*). Французские бабушки продолжают так называть своих внуков, совершающих глупости. Современные молодые мамы охотно используют данный термин по отношению к своим непоседливым чадам [2].

Alambic (букв. 'перегонный аппарат, куб, дистиллятор').

На любой вечеринке всегда найдётся как минимум один любитель «перебрать» горячительных напитков. На французской вечеринке такого выпивоху назовут, как правило: **ivrogne** (пьяница), **soulard** (выпивоха), **alcoolo** (алкоголик), **trou** (дыра 'бездонная бочка') и пр. Приведённый выше термин гораздо более элегантен и толерантен по отношению к потребителям спиртного. С более мягким, почти поэтическим звучанием. Он носит название «**alambic**», от греческого *ambiks*, «ваза»: «Человек, потребляющий столько же алкоголя, сколько может произвести данная ваза». А именно, «дистиллятор», который как напоминает нам один из самых авторитетных французских словарей (*Le Trésor de la langue française*), представляет собой «устройство, состоящее в основном из котла в форме реторты, увенчанного большой трубой, заканчивающейся змеевиком, помещенным в резервуар с холодной водой. Предназначается для дистилляции» [9].

Microcéphale (от греч. 'маленькая голова').

В устах современных французов высказывание «ты, микроцефал!» (*t'es microcéphale!*) означает «у него мало головы и мало мозгов, поэтому он глуп». Мы находим это слово в трудах Октава Мирбо: «Если действительно можно сказать об этих людях, что они были молоды, с их бледными и морщинистыми лицами, с их бедными узкими и неуловимыми черепами, микроцефальное строение которых проявлялось в преждевременном облысении» [9].

Rouscailleur (прост. скандалист, бузотёр)

Слово, которое идеально подходит для французов. Или, во всяком случае, оно напоминает об их репутации: они вечно всем недовольны. «*Рускайёр*» – это человек, который постоянно жалуется. Предположительно термин происходит от глагола **rousser**, что на старофранцузском означает **gronder** (ругать) и **cailler** (уст. болтать, в современном языке данный глагол обозначает 'створаживаться, свёртываться, коагулировать'). Из чувства «самоиронии» молодые французы часто сами себя так называют» [3].

Palsambleu! (клянусь богом!; ей-богу!; чёрт возьми!)

Это больше, чем оскорбление, это настоящее ругательство в форме восклицания. Образно говоря, речь идёт о «двоюродном родственнике» бранных словечек «**Morbleu!**» и «**Diantre!**». Термин образован от фразы **Par le sang de Dieu** (букв. 'кровью Бога') и ранее использовался особенно в пьесах. Похоже на классическое ругательство **Nom de Dieu** (букв. 'именем Бога'), но более изощрённое стилистически. Драматург восемнадцатого века Пьер Карле де Шамблен де Мариво, не колеблясь, использовал его: «О! Парсамблэ! Несравненная красавица, вы прочитали в моих глазах, что я вас обожаю (*Oh! Palsambleu, beauté sans pair, vous avez lu dans mes yeux que je vous adore*)» [9]. Надо отметить, что в устах современных французов данное ругательство звучит нежно и элегантно.

Pétard! (букв. 'петарда, подрывная шашка, хлопушка')

Надо сказать, что это словечко – «активно» многозначно. В современном нестандартном французском языке оно означает целый ряд категорий «лихого» мира: револьвер, оружие (любое), зад (*прост.*); сенсационное известие, шум, скандал, сигарета с наркотиком, косяк (*разг.*); тревога, шухер, бабки (*сленг.*). Начиная с девятнадцатого века данное междометие, имело позитивные коннотации. Флобер в своей «Переписке» отмечает: «Как красиво! Назови хлопушку, какая красивая!». В двадцатом веке анархист и циник Луи-Фердинанд Селин в «Смерти в кредит» пишет в своём специфическом стиле: «*Ей не было двадцати лет, мальчика с наглыми маленькими сиськами ... и осиной талией ... и хлопушкой, как я люблю, напряженной, мускулистой, хорошо расколотой*» [1]. Слово «**pétard**» также используется в речи современных французов как более мягкий и менее оскорбительный вариант словосочетания «чёрт возьми» [7].

Mazette! (букв. '')

«*Oh, mazette!*» Формула имеет цвет кипарисов из Прованса, запах оливковых деревьев и аромат пастиса. Но знаете ли вы, что лексема «мазетт» в семнадцатом веке означала нечто иное? Как читаем в словаре восемнадцатого столетия, это слово было

синонимом «плохая лошадь». Он обозначает чуть позже неуклюжего человека, невежественного, неловкого. Только в девятнадцатом веке оно становится междометием. Часто используется в речи французов всех поколений как вариант слов «коротышка», «швабра», «слабак» и описывает человека, которому не хватает силы, выносливости или роста [4].

Следует отметить, что вышеприведённый лексический материал отражает малую толику классических формулировок, получивших новую жизнь в речи современных французов всех поколений. Несомненно, в устах молодых звучат нестандартные речения специфические только для их поколения, такие как:

T'as peur! (букв. 'боишься!')

«*La robe de la fille, t'as peur!*» (букв. 'платье девушки, ты боишься!').

С некоторых пор эта формулировка «расцвела в социальных сетях». Смысл её не совсем ясен. Просматривая разные форумы, всплывает несколько переводов: «это шокирует», «это впечатляет», «это тревожит» ... В этом скрытый смысл данного восклицания. Страх – это «эмоция, которая сопровождает осознание опасности, угрозы», «эмоция страха, которая охватывает кого-то при любой возможности», читаем в словаре **Robert** [5].

Ma vie! (букв. 'моя жизнь')

Распространённое речение французских подростков, которое означает примерно следующее: «Ты моя жизнь» – «Спасибо, моя жизнь» – «Я люблю тебя, моя жизнь» ... Вот характерная черта подросткового возраста: слитная дружба, страстная, не стесняющая (пока) форма скромности. Нередко можно услышать, как молодые люди «запускают» эту фразу, которая заменяет: «моя, моя дорогая» или «бэйби», чтобы выразить свое нежное отношение к хорошему знакомому или близкому человеку [6].

De ouf! (верлан. **fou**; букв. 'с ума сойти')

«Сегодня утром холодно» – «Уф!» С его вариантом «что-то сумасшедшее» междометие, которое на слуху у большинства французов, и не только молодых. Это переводится как «это правда», «прямо» или «серьезно» и описывает что-то исключительное, неожиданное, часто с оттенком восхищения. Он заменяет восклицание «сумасшедший!». В качестве звукоподражания слово «**ouf**» используется, согласно большинству словарей французского языка, «для записи приглушенного звука, издаваемого кем-то, кто только что сделал болезненное усилие или перенес боль, дискомфорт, вызвавший у него кратковременное затруднение дыхания» [8]

Jure! (букв. 'клянусь')

«Вы видели мои новые кроссовки?» – «Жюююр!» Энтузиазм молодого человека (или девушки) переливается через край, манифестируемый этим словом-паразитом. Его можно использовать в любом контексте, если собеседник сказал что-то захватывающее. Но откуда взялась эта мода? Он вспоминает юридическую формулу: «Клянетесь ли вы говорить правду, всю правду, только правду?» – «Клянусь». Разве ложь не является худшим предательством между друзьями? «Поклянись» означает «торжественно призвать в свидетели кого-либо (Бога, святого) или что-то засвидетельствовать (утверждения, обещания)», «Торжественно провозгласить это». Слово можно перевести как «это безумие!» Или «это потрясающе!» [7].

Закончим наш краткий экскурс в мир нестандартной лексики новейшего французского языка следующей «постлюдией». Наблюдения за дискурсными проявлениями последних лет говорят о «ностальгических» тенденциях употребления лексики «олдов» французской молодёжью. Когда эмоции «зашкаливают» или одолевает гнев, есть (часто необходим) единственный выход: проклятие, грубое высказывание, ругательство. Это не красиво (не надо рассматривать это как призыв к осквернению коммуникации), но успокаивает, надо это признать. Каждое поколение имеет свою долю «сочных» вербализаций. «Птичьи слова» у бабушек и дедушек (французских или русских) не такие, как у сегодняшнего поколения. В этом смысле уместно говорить о своеобразной

языковой «терапии» молодостью со стороны старшего поколения, и дискурсной «терапией» мудростью у представителей поколения Z. Вышесказанное намечает перспективы исследования лексических «миграций» в дискурсах различных поколений с учётом социолингвистической составляющей языкового узуса.

Литература

1. Недосейкин М.Н. Роман Л.-Ф. Селина «Путешествие на край ночи»: человек в мире. М.: Наука, 2006. 222 с.
2. Прюво Ж., Седых А.П., Бузинова Л.М. Текст, контекст, интертекст: синтез смыслопорождения // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4. № 3. С. 21-35.
3. Седых А.П. О персонификации французской культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 2 (9). С. 154-156.
4. Седых А.П., Быканова М.С. Языковая личность музыканта: Александр Скрябин, Клод Дебюсси (монография). – Белгород: Издательский дом "Белгород", 2016. 156.
5. Le Robert. Dico en ligne (2021) URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/> (date d'accès 05.11.2021)
6. Les 18 anciens jurons qu'il faut utiliser aujourd'hui ! (2021) URL: <https://www.laculturegenerale.com/les-18-anciens-jurons-quil-faut-utiliser-aujourd'hui/> (date d'accès 05.11.2021)
7. Petit guide de traduction du langage adolescent à l'usage des parents (2021) URL : <https://www.lefigaro.fr/langue-francaise/expressions-francaises/petit-guide-de-traduction-du-langage-adolescent-a-l-usage-des-parents-20210917> (date d'accès 05.11.2021)
8. Sedykh A.P., Ivanishcheva O.N., Sidorova T.A., Vorobyova O.I., Akimova E.N. (2020) Universal and national cultural features of the naming in sports // Revista Turismo Estudos & Práticas. № S3. 61.
9. Trésor de la Langue Française informatisé (2021) URL: <http://atilf.atilf.fr/> (date d'accès 05.11.2021).

References

1. Nedosejkin M.N. (2006) Roman L.-F. Selina «Puteshestvie na kraj nochi»: chelovek v mire [Roman L.-F. Celine «Journey to the End of the Night»: a man in the world]. Moscow, Nauka, 222.
2. Pruvost J., Sedykh A.P., Buzinova L.M. (2018) Tekst, kontekst, intertekst: sintez smyslopороzhdениja // Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki [Text, context, intertext: synthesis of the generation of meaning // Scientific Result. Theoretical and Applied Linguistics]. T. 4. № 3, 21-35.
3. Sedykh A.P. (2011) O personosfere francuzskoj kul'tury // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [On the personosphere of French culture // Philological sciences. Questions of theory and practice] № 2 (9). 154-156.
4. Sedykh A.P., Bykanova M.S. (2016) Jazykovaja lichnost' muzykanta: Aleksandr Skrjabin, Klod Debjussi (monografija) [The linguistic personality of the musician: Alexander Scriabin, Claude Debussy (monograph)]. Belgorod: Publishing House «Belgorod», 156.
5. Le Robert. Dico en ligne (2021) URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/> (Accessed 05.11.2021)
6. Les 18 anciens jurons qu'il faut utiliser aujourd'hui! (2021) URL: <https://www.laculturegenerale.com/les-18-anciens-jurons-quil-faut-utiliser-aujourd'hui/> (Accessed 05.11.2021)
7. Petit guide de traduction du langage adolescent à l'usage des parents (2021) URL : <https://www.lefigaro.fr/langue-francaise/expressions-francaises/petit-guide-de-traduction-du-langage-adolescent-a-l-usage-des-parents-20210917> (Accessed 05.11.2021)

8. Sedykh A.P., Ivanishcheva O.N., Sidorova T.A., Vorobyova O.I., Akimova E.N. (2020) Universal and national cultural features of the naming in sports // Revista Turismo Estudos & Práticas. № S3. 61.
9. Trésor de la Langue Française informatisé (2021) URL: <http://atilf.atilf.fr/> (Accessed 05.11.2021).

УДК 372.881.111.1

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОРПУСОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА

Храброва Валентина Евгеньевна

Национально-исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Санкт-Петербург, Россия / stefankhrabrova@mail.ru

Аннотация

Корпуса английского языка стали неотъемлемой частью образовательной деятельности, а их возможности расширяются по мере развития технологического прогресса. В статье рассматривается процедура анализа текста с помощью новой, активированной в 2020 году функции *analyze text* на базе Корпуса современного американского английского языка (COCA). Этот инструмент стал преемником родственного аналога – встроенной функции созданного в 1992 году Марком Дэвисом корпусного ресурса W&P, предназначенного для анализа слов и словосочетаний. Цель данной статьи заключается в установлении эффективности новой функции в процессе лексического анализа письменного текста. С помощью корпуса COCA создан алгоритм – метод проведения данного исследования, основанный на частоте слов выбранного текста (отрывка из работы студента), полного описания всех слов, анализа словосочетаний, сохранения и редактирования текста. Результаты исследования свидетельствуют, во-первых, о многофункциональности нового инструмента *analyze text*, посредством которого из корпуса получены энциклопедические характеристики лексических единиц текста; во-вторых, с помощью новых встроенных возможностей корпуса в режиме онлайн предоставлена аудио-и видеoinформация, словарные справки, книги с анализируемым словом или словосочетанием, перевод на разные языки мира. Таким образом, можно констатировать высокую производительность ресурса и эффективность интерактивной деятельности по критическому анализу и редактированию текста.

Ключевые слова: корпус английского языка, лексический анализ текста, академическая лексика, частота слова, сочетаемость слов, описание слова, эргономичность.

CORPUS-BASED LEXICAL ANALYSIS OF TEXTS AS A NEW ADVANCED FEATURE

Valentina E. Khrabrova

National Research University Higher School of Economics (HSE)

St. Petersburg, Russia / stefankhrabrova@mail.ru

Abstract

English language corpora have become an inherent part of academic activity, with their functions being extended against the background of enhanced technological progress. The paper is concerned with the procedure of analysing texts by means of a new COCA corpus-based tool '*analyze text*', which was launched in 2020. This is subsequent to its related analogue – WordAndPhrase (W&P), created by Mark Davies in 1992 with the view to analysing texts, words, collocations. The paper seeks to determine how effectively and intelligibly the new tool may perform for analysing written texts in terms of vocabulary. Based on the new tool's features, an algorithm (i.e. a method of the study) has been made, the most critical components of which include word frequency, full word sketch, collocates, saving and editing of texts. The research findings indicate that the '*analyze text*' feature can be characterized as (prior to any others) a multifunctional entity, which enables users to pursue their opportunities of obtaining holistic information on the textual lexis and links to supplementary details about selected words and collocations: pronunciation, images, audio-and-video materials, books, translation into many languages, dictionaries. Taken together, the results give evidence of a high-rate effectiveness of '*analyze text*' during the online

lexical analysis of text. Additionally, the tool can be regarded as user-friendly facilitation of the editing process to improve students' writing performance.

Key words: corpus of the English language, lexical analysis of text, academic vocabulary, word frequency, concordance (KWIC), full word sketch, user-friendliness.

Введение

Характерной особенностью современной науки по праву можно назвать симбиоз прикладной математики, современных информационно-коммуникационных технологий, гуманитарных наук. Несомненно, эта тенденция обусловила популярность и востребованность корпусной лингвистики и практическое применение корпусных методов для создания текстов различной тематики и всестороннего изучения единиц текста [Беляева, 2021, с.165]. Как зарубежные, так и отечественные исследователи постулируют огромное значение языковых корпусов как неотъемлемой части образовательной деятельности, в частности усовершенствования письменного академического стиля. Не случайно известный лингвист M. Davies называет корпусные данные основой (backbone) образовательного процесса [Davies, 2015, с. 180].

Часто неносители английского языка, создавая академический текст, сталкиваются с многочисленными проблемами словообразования и словоупотребления и решают такие вопросы как: а) выбор правильных сочетаний слов из вариантов, например *utter despair* или *sheer despair*; *potent argument* или *powerful argument*; б) поиск академического варианта из синонимичного ряда слов – *brainy* или *knowledgeable*; в) выбор правильного способа написания или словоупотребления в зависимости от вариантов английского языка, например британского или американского; г) определение коннотаций словосочетаний (отрицательный или положительный оттенок) и целесообразность применения того или иного варианта в конкретном контексте, например *urban sprawl*; д) подбор сопоставимых словосочетаний, например одного из трех глаголов: *wreak/ make/ produce* к слову *havoc* [Davies, 2015, с. 180].

Существуют различные методы исследования текста, например фоносемантический анализ, интен-анализ, контент-анализ, дискурс-анализ (Митина, Евдокименко, 2010, 31-36), методы корпусной лингвистики. Ценность последней группы заключается в способности «создавать коллекции текстов любых объемов и тематической или профильной специфики <...> и получать достоверные, верифицированные качественные и количественные данные о языке» [Беляева, с. 163]. Уместно отметить, что лингвисты с мировыми именами Higgins, Johns, Leech, McKay, Sinclair, Biber, Hunston, Kennedy, McEnery, Wilson McEnery, Meyer, Partington, Stubbs указывали на большой потенциал языковых корпусов для решения проблем адекватного усвоения языкового материала, например академической лексики, которая является ключевым элементом академической грамотности (*literacy skills*) [Biemiller, 1999; Corson, 1997; Davies, 2015, с. 180].

Для достижения различных образовательных целей поисковый процесс на базе корпусов может осуществляться двумя основными путями. Во-первых, прямым способом (data-driven learning (обучение на основе данных) – DDL [Boulton, 2010, с. 535], при котором исследование проводится на базе корпусных данных; во-вторых, непрямым, при котором на основе корпуса создаются различные средства обучения, от словарей до учебников и учебных пособий» [Лапошина, Лебедева, 2019, с. 362]. Можно по праву утверждать, что инкорпорирование таких методов в образовательную деятельность стимулирует преподавателей к повышению уровня корпусной компетенции, поскольку возможности использования полученных данных постоянно расширяются за счет появления новых корпусных инструментов и эффективных веб-сайтов, которые, как справедливо отмечает О.Г. Горина, снабжают исследователей вариативными заданиями и «обладают существенной гибкостью в плане их применения в обучении» [Горина, 2018, с. 187].

Несмотря на доступность языковых корпусов и большие технические возможности, специалисты констатируют недостаточность внедрения корпусных данных английского языка в образовательный процесс на современном этапе. Это является следствием недостаточного уровня лингво-корпусной грамотности преподавателей, отсутствия

эффективных методик использования корпусов, слабой теоретической научной базой, о чем свидетельствует статистика: «количество публикуемых работ за рубежом будет более чем в 4 раза (E-library) и более чем в 70 раз (Google Scholar) больше, чем русскоязычных отечественных исследований [Дмитриев, Коган, 2019, с. 72].

Для анализа текста в языковом корпусе нет необходимости проходить специальный курс обучения, но есть несколько необходимых для такого процесса методических условий. Прежде всего, это компетентность в области использования ИКТ (информационно-компьютерных технологий) и языковая компетентность [Чернякова, 2011, с. 130], что особенно важно на ознакомительном этапе работы, так как все инструкции в корпусах написаны на английском языке. Кроме того, обязателен минимум знаний об основных понятиях корпусной лингвистики. Опираясь на созданный М.В. Копотевым глоссарий, перечислим необходимые для работы с корпусными данными основные термины: конкорданс (англ. concordance) – «список найденных примеров (вхождений) нужного слова в минимальном контексте» или KWIC (англ. key word in context) [Копотев, 2014, с.142], конкордансер или корпусный менеджер (англ. concordancer/corpus manager) – программа для автоматического создания конкордансов [с. 142], токен / текстоформа (англ. token) – минимальная единица морфологического анализа [с. 161], лемма (англ. lemma) – совокупность текстоформ с различным морфологическим значением, список слов (англ. word list) – «список всех токенов / лемм, которые встречаются в тексте/ корпусе / в результате запроса [с. 158], ключевое слово (англ. keyword) – токен или лемма, которое появляется в тексте или подкорпусе значительно чаще, чем в целом по корпусу, относительная частота (англ. relative frequency) – «частота употребления единицы частота встречаемости) относительно общего объема корпуса» [с. 150], частеречная разметка (англ. POS tagging) – «(полу) автоматическое приписывание текстоформы к определенной части речи» [с. 163], частота встречаемости (англ. frequency of occurrence) – «количество искомых единиц в выбранном корпусе» [с. 164], шаблон (англ. pattern) – регулярное выражение [с. 164] и др.

Отметим, что основы компьютерной грамотности, владение терминологией, изучение размещенных в открытом доступе инструкций и просмотр обучающих видеороликов позволяют быстро сориентироваться в выборе необходимого языкового корпуса и разобраться в его функционале. В частности, полное представление о 6 всемирно известных корпусах английского языка – BYU Corpora (BYU – аббревиатура по названию университета Brigham Young University, где был создан первый языковой корпус) – дает таблица из находящегося в открытом доступе документа (рис. 1) [Davies, 2020, с. 1]. В таблице приводится описание каждого из корпусов по 4 критериям: общее количество слов, диалекты, охваченные промежутки времени, стили/направления применения (genres).

Рисунок 1
Figure 1

BYU корпуса английского языка
BYU corpora of the English language

Corpus	# words	Dialect	Time period	Genre(s)
1 iWeb: The Intelligent Web-based Corpus	14 billion	6 countries	2017	Web
2 News on the Web (NOW)	11.3 billion+	20 countries	2010-yesterday	Web: News
3 Global Web-Based English (GloWbE)	1.9 billion	20 countries	2012-13	Web (incl blogs)
4 Wikipedia Corpus	1.9 billion	(Various)	2014	Wikipedia
5 Hansard Corpus	1.6 billion	British	1803-2005	Parliament
6 Corpus of Contemporary American English (COCA)	1.0 billion	American	1990-2019	Balanced

Целью данной работы является сравнение родственных функций *analyze text* (анализ текста) ресурса W&P (Word and Phrase – Слово и Фраза) и нового инструмента *analyze text* корпуса COCA (Corpus of Contemporary American English – Корпуса современного американского английского языка) и раскрытие возможностей его использования как средства лексического анализа письменного академического текста.

Материал и методы

Созданный Марком Дэвисом в 1992 году ресурс *Word and Phrase Info(W&P)* имеет свой интерфейс и является родственным СОСА веб-сайтом. Инструмент анализа текста *analyze text* [Davies, 2015, с. 193] был до недавнего времени прерогативой ресурса *W&P*. Несмотря на практическую направленность и большое количество предлагаемых функций по некоторым категориям, работа с ресурсом вызывала затруднения. В марте 2020 года в СОСА инкорпорирован новый вариант *W&P: analyze text* с расширенным функционалом (табл. 1). Отметим, что для ознакомления с функциональными характеристиками инструмента *W&P* корпуса СОСА и корпусного ресурса *W&P* регистрация не требуется, хотя академическая подписка позволяет использовать более широкий потенциал возможностей поисковой системы данного электронного ресурса.

Таблица 1
Table 1

Сравнение инструментов W&P (1992 vs 2020)
Comparative characteristics of W&P tools (1992 vs 2020)

функция	новый инструмент СОСА W&P (2020)	старый инструмент W&P (1992)
интегрированность в СОСА	да	нет
всесторонний анализ текста		
маркированные разным цветом слова по степени сложности	да	да
ключевые слова (по частоте встречаемости)	да	да
статистика по слову в каждом частотном диапазоне	да	да
просмотр слов в браузере		
по словоформе, частоте встречаемости, части речи	да	да
по произношению (рифма и слоги)	да	нет
информация по каждому слову		
дефиниции, синонимы, коллокации, KWIC (сочетаемость слов)	да	да
перевод (на 100+ языков)	да	нет
ссылки на сайты по произношению, изображения, видео	да	нет
смежные темы (совместная встречаемость в тексте)	да	нет
кластеры (цепочки 2, 3, 4 слов)	да	нет
WordNet: более специфическое/общее значение	да	нет
родственные слова (напр. able/ability)	да	нет
частота словоформ (напр. catch, caught, catching)	да	нет
создание «виртуального корпуса» текстов со словом	да	нет
создание и использование словосочетаний		
нажатие на слова (клик мышью) в тексте для создания фраз	эргономичность	неудобства при использовании
просмотр частотности сопоставляемых словосочетаний	эргономичность	неудобства при использовании
частота встречаемости словосочетаний по стилям речи (напр. академический)	да	нет

Как показывает таблица 1, преимущества нового инструмента COCA *analyze text* очевидны: расширенные варианты по просмотру слов в браузере и созданию или использованию словосочетаний, получение информации по каждому слову, эргономичность. В данной работе мы используем инструмент *analyze text* в качестве метода лексического анализа отрывка небольшого объема (117 слов) из работы студента – материала нашего исследования:

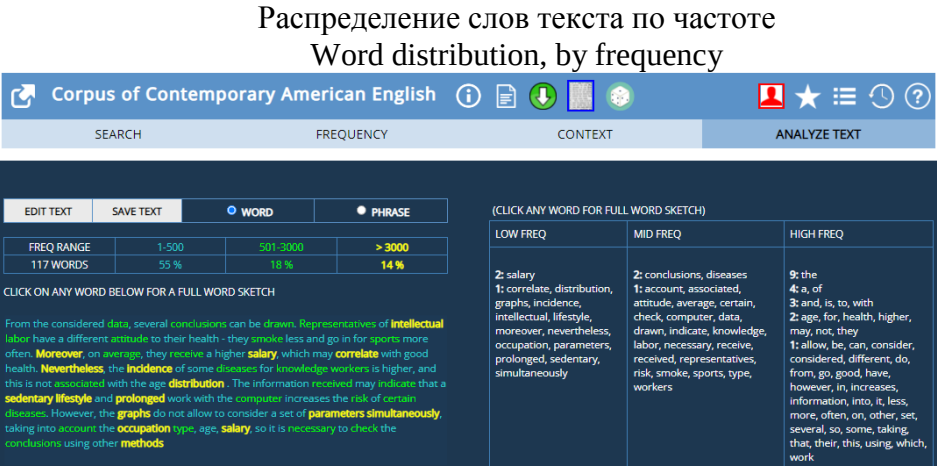
«From the considered data, several conclusions can be drawn. Representatives of intellectual labor have a different attitude to their health – they smoke less and go in for sports more often. Moreover, on average, they receive a higher salary, which may correlate with good health. Nevertheless, the incidence of some diseases for knowledge workers is higher, and this is not associated with the age distribution.

The information received may indicate that a sedentary lifestyle and prolonged work with the computer increases the risk of certain diseases. However, the graphs do not allow considering a set of parameters simultaneously, taking into account the occupation type, age, salary, so it is necessary to check the conclusions using other methods».

Отметим, что введение текста и его автоматическая обработка входят в подготовительный этап анализа, а дальнейшие действия могут варьироваться в зависимости от поставленных исследовательских задач. В нашем случае алгоритм лексического анализа текста опирается на следующие основные критерии: частота, полное описание слова, анализ словосочетаний, сохранение текста, редактирование.

1. Частота. После осуществления ввода текста (рис. 2) мы получаем первичную информацию по критерию *word*, а именно введенный нами текст в 3 цветовых вариантах: желтый (низкая частота), зеленый (средняя частота), голубой (высокая частота); количество написанных слов; общую частоту и процентное соотношение по 3 группам. Отдельная графа данных справа (рис. 2) позволяет увидеть ключевые слова по 3 параметрам частоты: низкой, средней и высокой. Категорию академической лексики составляют слова с низкой частотой (14%): *salary, correlate, distribution, graphs, incidence, intellectual, lifestyle, moreover, nevertheless, occupation, parameters, prolonged, sedentary, simultaneously*; средней частотой (55%): *conclusions, diseases account, associated, attitude, average, certain, check, computer, data, drawn, indicate, knowledge, labor, necessary, receive, received, representatives, risk, smoke, sports, type, workers*. К группе высокочастотных слов отнесены *the, a, of, and, is, to, with, age, for, health, higher, may, not, they, allow, be, can, consider, considered, different, do, from, go, good, have, however, in, increases, information, into, it, less, more, often, on, other, set, several, so, some, taking, that, their, this, using, which, work*. В целом, можно сделать вывод об оптимальном выборе слов студентом. Тем не менее, даже беглое рассмотрение использованных лексических единиц нацеливает на необходимость замены некоторых из них, например высокочастотного слова *have*, а также повторяющихся родственных словоформ *consider, considered*.

Рисунок 2
Figure 2

корпусом синонимических рядов. Дополнительно предусмотрена опция для сравнения словосочетания с общим ключевым словом, но разными компонентами в строках конкорданса. Так как корпусный менеджер автоматически определяет стиль (напр., академический) для каждого варианта словосочетаний, выбор оптимального слова значительно упрощается.

Заключение

Результаты исследования показывают, что эргономичность и мультифункциональность инструмента *analyze text* открывают многогранные перспективы для исследования лексики созданного текста. Обновленная версия *W&P* позволяет раскрыть полное значение конкретного слова и выбрать нужное слово из синонимов в зависимости от стиля письма, обнаружить полисемию слов, расширить словарный запас и совершенствовать лексическую компетенцию путем анализа исчерпывающей информации о словах и словосочетаниях, осознанно подходить к процессу словоупотребления, проводить сравнительный анализ слов и сохранять текст.

Полученная автоматическим способом информация в виде трехцветного текста (в зависимости от степени частоты слов) инициирует процесс дальнейшей обработки авторского варианта, сохраненного в базе данных электронного корпуса, а именно анализ и редактирование письменного материала в целях замены использованных лексических единиц более релевантными на основе корпусного банка данных (напр. синонимичного ряда слов).

Немаловажно отметить, что по запросу пользователя с помощью новой функции *W&P* в соответствующей графе автоматически выводится практически энциклопедическое описание слов и словосочетаний, включая такие сведения как: аудио-и видеоматериалы, изображения, способы произношения и др. Такого рода информация предоставляется корпусным менеджером после нажатия пользователем на соответствующие значки в процессе работы с корпусными данными.

Таким образом, можно констатировать, что высокая скорость корпусной обработки исследовательского материала, компактность и комплексность предоставляемой по запросу пользователя информации о единицах текста создают предпосылки для эффективной работы участников учебного процесса.

Литература

- 1.Беляева Т.Р. Частотность и дистрибуция единиц общенаучной (академической) лексики как маркеры дисциплинарной принадлежности дискурса // *Litera*. 2021. № 6. – С. 164-175.
- 2.Горина. О.Г. Инструменты корпусного анализа в обучении английскому языку// *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 435. – С. 187-194.
- 3.Дмитриев А.В., Коган М.С. Потенциал корпусной лингвистики в подготовке специалистов в области компьютерной лингводидактики // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*. 2019. Т. 10, № 4. – С. 69-85.
- 4.Копотев М. В. Введение в корпусную лингвистику. Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей университетов. – Прага: Animedia Company, 2014. – 165 с.
- 5.Лапошина А.Н., Лебедева М.Ю. Корпусный подход к решению проблемы отбора лексики в обучении РКИ. В кн.: *Slavica Helsingiensia 52: Russian language in the multilingual world*. – Хельсинки: University of Helsinki, 2019. – С. 359-368.
- 6.Митина О.В., Евдокименко А.С. Методы анализа текста: методологические основания и программная реализация // *Вестник ЮУрГУ*. 2010. № 40. Серия Психология. Выпуск 11. – С. 29-38.
- 7.Сайт *W&P*. URL: <https://www.wordandphrase.info/old/analyzeText.asp> (дата обращения 15.08. 2021).
- 8.Сайт корпуса *COCA*. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения 14.09.2021).

- 9.Черникова Т.А. Использование лингвистического корпуса в обучении иностранному языку // Язык и культура, 2011. № 4(16). – С. 127-130.
- 10.Biemiller, A. (1999). *Language and reading success*. Newton upper Falls, MA: Brookline Books.
- 11.Boulton, A. Data-driven learning: taking the computer out of the equation. *Language Learning*, Wiley, 2010, 60 (3), pp. 534–572.
- 12.Corson, D. (1997). The learning and use of academic English words. *Language Learning*, 47, 4. 671–718.
- 13.Davies, M. 2015. A Corpus-Based Vocabulary Support for University Reading and Writing, In: 'ESL Readers and Writers in Higher Education. Understanding Challenges, Providing Support' Edited by Norman, W. E., Neil, J. A., Eggington, W.G. 180–194.
- 14.Davies, M. 2020. English-Corpora.org: a guided tour. URL: <https://thediplomat.com/2020/02/everyday-life-in-china-under-the-shadow-of-coronavirus> (дата обращения 10.09. 2021).

References

1. Belyaeva, T.R. Frequency and distribution of general scientific (academic) lexicon as markers of disciplinary discourse. *Litera*. 6, (2021): 164–175.
- 2.Gorina, O. G. Corpus research tools in teaching English. *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo univesiteta [Bulletin of Tomsky State University]*. 435, (2018): 187–194.
3. Dmitriev, A.V., Kogan, M.S. The potential of corpus linguistics in training foreign language teachers majoring in computer assisted language teaching. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Saint-Petersburg Politechnical University Journal. Humanities and Social Sciences]*. 10, 4 (2019): 69–85.
- 4.Kopotev, M.V. *Introduction to Corpus linguistics: Course-book for students of arts subjects with emphasis on the Russian language*. Prague: Animedia Company, 2014. 200 p.
- 5.Laposhina, A.N., Lebedeva, M. Yu. Corpus approach to solving the problem of word choice in teaching Russian as a foreign language. In: *Slavica Helsingiensia 52: Russian language in the multilingual world*. Helsinki: University of Helsinki. 52, (2019): 359–368.
- 6.Mitina, O.V., Yevdokimenko, A.S. Methods of analysis of text: methodological foundations and software implementation. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Psikhologiya [Bulletin of South Ural State University. Psychology]*. 40, 11 (2010): 29–38.
- 7.Website W&P. URL: <https://www.wordandphrase.info/old/analyzeText.asp> (Accessed 15.08. 2021).
- 8.Website of the COCA. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (Accessed 14.09.2021).
- 9.Chernikova, T.A. Using language corpora in teaching a foreign language *Yazyk i kul'tura [Language and Culture]*. 4, 16 (2011): 127–130.
- 10.Biemiller, A. *Language and reading success*. Newton upper Falls, MA: Brookline Books. 1999. 75 p.
- 11.Boulton, A. Data-driven learning: taking the computer out of the equation. *Language Learning*. 60, 3 (2010): 534–572.
- 12.Corson, D. The learning and use of academic English words. *Language Learning*. 47, 4 (1997): 671–718.
- 13.Davies, M. A corpus-based Vocabulary support for university reading and writing. In: *ESL Readers and Writers in Higher Education. Understanding Challenges, Providing Support*. London: Routledge. 2015. 258 p.
- 14.Davies, M. 2020. English-Corpora.org: a guided tour. URL: <https://thediplomat.com/2020/02/everyday-life-in-china-under-the-shadow-of-coronavirus> (Accessed 10.09. 2021).

РАЗДЕЛ 2. КОГНИТИВИСТИКА И СЕМИОТИКА КУЛЬТУРЫ

УДК 19.01

COVID BLUES

Stéphane BILLEREY

Responsable Ventes et Licences

UNICEF France / *billerey.stephane@neuf.fr*

Résumé

L'article traite des problèmes d'évolution des modèles de comportement communicatif en lien avec une situation pandémique.

C'est à la demande de mon ami et collègue Arkadiy Sedykh que je vais essayer de coucher sur cet espace blanc les couleurs de mon humeur en cette fin de période de confinement.

La perception de cette drôle de période varie selon moi en fonction de l'état psychologique de chacun, de son activité professionnelle, de son statut social.

Pour ma part souffrant d'une maladie chronique (la maladie de Parkinson) cette période a eu des aspects positifs et des aspects négatifs.

Positif le fait de travailler à domicile car j'ai pu éviter la fatigue occasionnée par la durée et la tension des transports en commun. Dans ce contexte j'ai appris à apprécier la proximité géographique des commerçants, des restaurants, des personnels de santé en partageant avec eux leurs difficultés et leurs doutes pendant cette période fragile. Il est à reconnaître qu'en France le système social a permis d'éviter la catastrophe économique.

C'est d'ailleurs en discutant avec le personnel de santé que j'ai pu appréhender l'impact négatif de cette période sur la santé mentale des adultes mais également des enfants.

D'ailleurs les rares fois où j'ai pris le métro pendant le confinement on voyait très clairement les laissés pour compte de la société qui investissaient les lieux désertés par la population et les remplissaient de leurs délires alcoolisés.

La peur occasionnée a impacté des personnes déjà fragiles et même si l'Etat rembourse la prise en charge par des psychologues certaines conséquences s'exprimeront sur la durée.

Je pense que la tendance au conspirationisme qui a déchiré de nombreuses familles et rompu quelques belles amitiés s'est nourrie de ces peurs morbides [1].

Négatif en revanche le fait d'être coupé de son réseau social. Par rapport à ma maladie neurologique il est important pour le bon fonctionnement de mon cerveau d'être sollicité sur le plan cognitif.

Hors les nombreuses réunions en distanciel ne remplacent en aucun cas le contact physique.

Pour un Français il est important de serrer la main, voire de se faire la bise [2]. On voit bien aujourd'hui le plaisir que l'on prend à enlacer ceux qu'on aime.

La période a d'ailleurs été difficile pour les célibataires qui n'avaient que d'autres moyens de rencontre que les sites et autres applications. Certaines de mes amies, relativement âgées se sont décomplexées et ont fait des rencontres sérieuses dans ce contexte inédit.

En revanche pour les jeunes couples avec enfants la situation n'a pas été des plus faciles. Dans des petits appartements il a été assez difficile pour eux de concilier vie personnelle et vie professionnelle.

La charge de travail domestique a comme dans le passé incombé aux femmes pourtant avides aujourd'hui d'égalité des tâches. C'est la raison pour laquelle de nombreux couples ont quitté Paris pour s'installer en province bien souvent dans des villes accessibles en TGV.

Alors que le monde d'avant reprend ses droits (les français se remettent à consommer, les touristes reviennent à Paris, les avions redécollent) il est certain que le COVID aura eu un impact sur le travail, son importance et la façon de travailler.

Réfractaire au télétravail je me suis adapté comme tout le monde à des nouveaux horaires plus flexibles, je gère mon emploi du temps à la carte et équilibre ainsi vie privée et vie professionnelle.

Certaines entreprises rendent le travail obligatoire en présentiel pour pouvoir recréer de la créativité et de l'émulation. Mais le travail à distance est bien ancré et nécessite des adaptations au niveau managérial : accompagnement régulier, soutien psychologique via une plus grande écoute. En revanche il faut créer des événements pour entretenir le lien humain.

Ce confinement a été vécu selon moi de façon différente selon le milieu social. Dans les familles aisées avec de grands appartements, des résidences secondaires des pratiques culturelles comme la lecture ce moment a été plus facile que pour le jeune entrepreneur endetté qui venait de créer son restaurant.

Cette période somme toute m'apparaît comme une grosse parenthèse chimérique.

Je ne sais pas quand tout cela va s'arrêter, certainement lorsque le pass sanitaire sera obsolète.

Je ne suis pas optimiste quant aux années à venir. Les tensions sociales et politiques sont fortes et j'ai bien peur que le monde d'après ressemble en pire au monde d'avant.

Montreuil, le 25 octobre 2021

References

1. Sedykh A.P. (2011) *O personosfere francuzskoj kul'tury // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [On the personosphere of French culture // Philological sciences. Questions of theory and practice] № 2 (9). 154-156.
2. Sedykh A.P., Zametta D.N. (2021) *Slovar' pandemii: «Sanitarnaja neologizacija»* [Pandemic Glossary: Sanitary Neologization] // *Leksikografija i komunikacija – 2021. Sbornik materialov VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Otv. redaktor A.P. Sedykh. Belgorod. 72-75.*

УДК 811.133.1

LA POLITIQUE LINGUISTIQUE DE LA FRANCE

Vincent Bénet

Inalco

Paris, France

Depuis la Renaissance, le développement de la langue française est allé de pair avec le développement de la nation française et la diffusion des idées politiques et philosophiques.

L'introduction du français comme langue officielle

Le royaume de France utilisait le latin pour tous les textes officiels et la correspondance. À partir du 13e siècle, les notaires royaux ont écrit en français, et entre le 14e et le 16e siècle, le français s'est imposé comme langue administrative dans les chartes royales.

Le latin était la langue de l'Église, et François Ier s'est rendu compte qu'il pouvait réduire le pouvoir de l'Église et donc accroître celui de la monarchie si le latin perdait son statut de langue officielle. François Ier fit ainsi passer l'ordonnance de Villers-Cotterêts (1539) qui stipulait que le français devenait la langue officielle de la loi et du gouvernement de l'État.

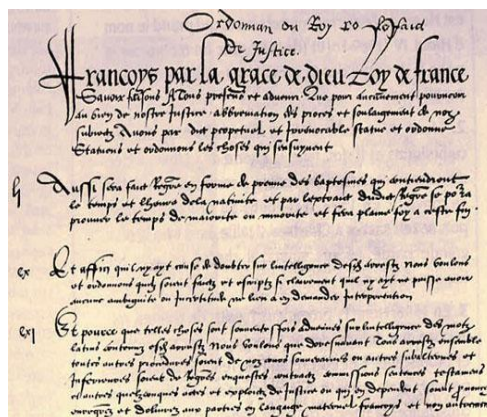

Figure 1 Ordonnance de Villers-Cotterêt

Il a résulté de ce décret que tous les sujets du roi pourraient comprendre les documents administratifs et judiciaires, à condition toutefois de lire et d'écrire dans la langue française en usage près de Paris (Île-de-France) et sur les bords de la Loire, c'est-à-dire dans le principal dialecte des langues d'Oïl. Mais cet arrêt ne dit rien sur l'utilisation des autres langues régionales du royaume.

A cette époque, la France était linguistiquement divisée en deux grandes parties linguistiques : au Nord, les langues "Oïl", et au Sud, les langues "Oc". Les termes "oïl" et "oc" font référence à la manière de dire "oui" (oui en français) "Oïl" dans le nord, "oc" dans le sud (d'où le nom de "langue occitane"), et les deux langues, "Oïl" et "Oc" sont en fait un ensemble de dialectes (on disait « patois » en français) comportant de nombreuses variantes. Et le dialecte le plus répandu de la langue "Oïl" a été appelé "français standard" [1; 3].

Figure 2 : Langues et dialectes de France

Après la Renaissance, la population urbaine alphabétisée aurait dû (en théorie) utiliser le français, mais une grande partie de la population rurale ne le faisait toujours pas ; à partir de 1448, le Parlement de la ville de Toulouse utilisait dans ses textes officiels "Oïl" dans ses textes officiels, bien que personne ne l'ait parlé ou écrit...

Éradication ou élimination des dialectes français

Cependant, dans la France majoritairement rurale (qui représentait 85 % de la population jusqu'au milieu du XIXe siècle), et qui n'avait pas besoin de communiquer en dehors de la communauté locale, les dialectes ont longtemps prévalu, car la politique linguistique visant à faire du français la seule langue de toute la nation française n'a réellement commencé qu'à la fin du XVIIIe siècle, lorsque les révolutionnaires ont estimé qu'une seule langue devait correspondre à une seule patrie.

Pour les révolutionnaires, le peuple devait avoir accès à la langue française, qui était l'apanage des classes dirigeantes, les idiomes régionaux étant considérés comme un obstacle à la diffusion des idées révolutionnaires.

Le 14 juin 1794, l'abbé Henri Grégoire a présenté à la Convention un "Rapport sur la nécessité d'éliminer les dialectes", qui donnait un aperçu de la situation linguistique en France telle qu'elle s'est présentée au cours de l'étude commencée en 1790 et 1791.

À la fin du XVIIIe siècle, la France comptait environ 26 millions d'habitants et Grégoire écrivait qu'"il n'est pas exagéré de dire qu'au moins six millions de Français, surtout dans les campagnes, ne maîtrisaient pas la langue officielle, plus six autres millions qui ne pouvaient tenir une conversation continue, et que le nombre total de ses locuteurs ne dépassait pas trois millions, et que le nombre de ceux qui savaient l'écrire et la lire correctement était probablement encore moindre" [2; 4]. Ainsi, avec ses trente dialectes différents, la France était une tour de Babel, même si, en termes de liberté, elle se considérait à l'avant-garde des nations.

Figure 3 : Rapport sur la nécessité d'éliminer les dialectes

Nombre de locuteurs des langues de France en 1806

	Langue	Nombre de locuteurs	Pourcentage de francophones
Langues oïl (français)	16 408 000	58,5 %.	
Occitane	8 461 000	25 %.	
Français-Provençal	2 197 000	7,4 %.	
Dialectes allemands	1.036.498	3,5 %.	
Breton	985 558	3,3	
Corse	174 702	0,6	
Flamands	156 973	0,5 %.	
Catalan	118 700	0,4	
basque	109 306	0,4	
Total	29 648 000	100%.	

Taux d'alphabétisation en France

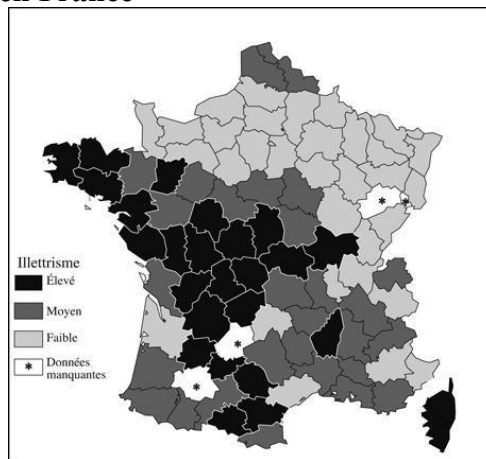

Figure 4 : Analphabétisme (par légende) en France 1800-1850

Et il faut savoir qu'au milieu du XIXe siècle, tous les Français n'étaient pas alphabétisés, comme le montre cette carte et, selon une enquête de 1866, seule la moitié de la population (54,40 % des hommes et 45 % des femmes) savait écrire et lire le français.

La Francisation de la France

Il fallait publier des dictionnaires et des grammaires afin de diffuser la langue française et d'éradiquer les dialectes.

Figure 5 : Dictionnaires pour le dialecte du département de l'Aveyron – français

Sous la Troisième République, ce programme de " francisation " ou d'éradication du dialecte est complété par plusieurs lois : la " loi de Guiseau " de 1833 donnant les principes d'organisation de l'école primaire avec des éléments d'alphabétisation, la " loi de Falloux 1850 " qui crée un enseignement secondaire laïque pour les filles, la " loi de Camille Sée 1881, et la loi de Jules Ferry 1882 qui créent une école primaire gratuite, obligatoire et laïque.

Dès lors et jusque dans les années 1940, l'utilisation des langues régionales à l'école était interdite, même pendant la récréation, et un enfant surpris à parler dans un dialecte était puni.

Vous pouvez lire les règles de conduite des élèves sur l'affiche. Il est interdit de parler breton et de cracher par terre ; de se lécher le doigt pour tourner une page d'un livre ; de cracher sur le tableau noir pour effacer le tableau noir, de se gratter l'oreille avec un crayon, de tenir un crayon dans la bouche..... En revanche, à la campagne, lorsque l'enfant rentre chez lui, il retrouve ses parents et grands-parents et, avec eux, les dialectes.

Figure 6 : publicité dans une école bretonne

En 1914 encore, pendant la Première Guerre mondiale, les régiments militaires devaient être composés d'hommes venus de toutes les provinces qui pouvaient à peine s'exprimer en français, une langue apprise à l'école primaire seulement [5].

Cette volonté de généraliser l'usage du français sur l'ensemble du territoire s'applique également à l'empire colonial français. Cet usage généralisé du français, principalement dans les documents officiels et dans l'enseignement, visait à élever le niveau culturel de la population par l'éducation et la diffusion d'une langue commune et internationale.

La disparition des dialectes a également été accélérée par l'école obligatoire et laïque, ainsi que par l'avènement du chemin de fer, la révolution industrielle et la crise rurale qui s'en est suivie (les paysans ont quitté les campagnes pour rejoindre d'autres villes où le dialecte n'était pas parlé). Tout cela a encouragé l'utilisation du français par les classes ouvrières [7].

Au XXe siècle, la radio puis la télévision achèveront la généralisation de l'usage du français standard.

La politique linguistique intérieure française d'aujourd'hui

Les politiques linguistiques de la France étaient généralement orientées vers le soutien du français comme seule langue officielle et nationale. Les langues minoritaires n'étaient guère soutenues par l'État, bien que, selon l'article 75-1 de la Constitution française, les langues régionales fassent partie du patrimoine national de la France.

Depuis la seconde moitié du XXe siècle, les cultures et la diversité régionales sont perçues par l'État comme une richesse à préserver. Le gouvernement a mis en œuvre diverses stratégies pour empêcher la disparition des langues régionales. Dès le régime de Vichy, deux lois (1941, 1942) ont tenté d'introduire l'enseignement des "langues dialectales" dans les écoles primaires, mais elles ont été abrogées après la Seconde Guerre mondiale,

En 1951, la loi Daxonne a permis l'enseignement facultatif de certaines langues régionales françaises : le basque, le breton, le catalan et l'occitan. Le corse a été exclu car il était décrit comme un dialecte italien. L'alsacien a également été exclu.

L'article 11 de la loi a organisé l'enseignement à Rennes, Bordeaux, Montpellier, Toulouse, Paris et Aix-en-Provence. L'Institut d'études celtiques de Rennes a été créé pour dispenser cet enseignement.

Ensuite, les décrets de 1974 seraient ajoutés. (corse), en 1981 (tahitien), en 1992 les langues mélanésiennes : Agye, Drehu, Nengone et Paichi.

Parallèlement à ces mesures en faveur des langues régionales, plusieurs lois ont été adoptées pour protéger le français par rapport à l'anglais, notamment la loi Toubon de 1994, qui vise l'enrichissement linguistique, l'obligation d'utiliser le français, la protection du français comme langue de la République (article 2 de la constitution de 1958) et la prédominance des termes traditionnels francophones sur les anglicismes [8].

Mais la France n'a pas ratifié la Charte européenne des langues régionales ou minoritaires. Sa position a été clairement exprimée en 1997 dans les rapports sur la mise en œuvre du Pacte international relatif aux droits civils et politiques, comme suit "La France est un pays sans minorités" [6]. Le Conseil constitutionnel a estimé que l'adhésion à la Charte violerait les dispositions constitutionnelles relatives au statut de la langue française.

Liste des langues régionales en France

En 1999, Bernard Serchigliani, dans son rapport au gouvernement Jospin, a dressé une liste de 75 langues régionales et minoritaires en France métropolitaine et à l'étranger en vue d'une éventuelle ratification de la Charte européenne des langues régionales ou minoritaires. Treize de ces 75 langues font désormais l'objet d'un enseignement public : le basque, le breton, le catalan, l'occitan, le corse depuis 1974, le tahitien depuis 1981, quatre langues mélanésiennes depuis 1992, le gallo, le laurénais et l'alsacien depuis 2006.

Depuis 2008, l'article 75-1 de la Constitution française de 1958 reconnaît les langues régionales comme faisant partie du patrimoine français. Cependant, aucune d'entre elles n'a le statut de langue officielle. De nombreux habitants des départements français d'Afrique du Nord, parlant l'arabe dialectal ou le berbère, se sont installés en France métropolitaine. Bernard Serchigliani, l'auteur du rapport, estime que cette situation est conforme à la Charte et inclut ces deux langues dans la liste des langues minoritaires en France.

Il en va de même pour les Arméniens occidentaux, puisqu'une importante diaspora arménienne s'est constituée en France après le génocide arménien dans l'Empire ottoman. Ainsi, ce rapport traite des langues minoritaires qui ne disposent pas de territoires propres: le berbère, les dialectes arabes, le yiddish, le romani, l'arménien occidental. Le Département général de langue et de langues françaises a également ajouté le judéo-espagnol et la langue des signes française.

Toutes ces langues peuvent désormais être enseignées dans les écoles primaires ou secondaires aux côtés des langues étrangères.

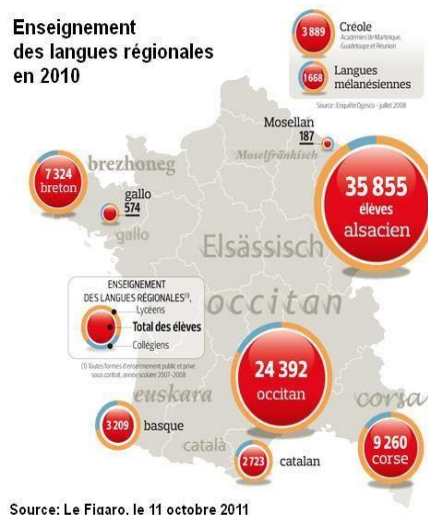

Figure 7 : Nombre d'élèves à l'école

Si les créoles sont très courants et largement utilisés dans les territoires français d'outre-mer, la situation est différente en ce qui concerne les langues régionales.

En Corse : la loi sur le statut de la Corse consacre l'enseignement de la langue corse dans les écoles. B

En 2013, l'Assemblée de Corse a également décidé de reconnaître le corse comme deuxième langue officielle ; bien que cette décision soit considérée comme symbolique par certaines sources, la Corse compte 50 000 véritables locuteurs natifs.

En Alsace, l'allemand est utilisé dans les écoles en plus du français comme langue d'enseignement.

L'allemand est désigné par la loi comme une langue régionale en Alsace.

En Alsace, 42% des personnes parlent l'alsacien, contre 62% il y a vingt ans.....

L'utilisation du basque a chuté de 22,6% en 2006 à 21,4% en 2011. Et le catalan perd 3 000 locuteurs chaque année alors qu'il n'y a que 300 nouveaux étudiants à l'école...

L'Assemblée nationale de la Polynésie française a adopté en 2005 une résolution autorisant l'utilisation des langues locales aux côtés du français au sein de l'assemblée, mais le Conseil d'État a abrogé cette résolution en 2006.

En Nouvelle-Calédonie, le français et le kanak sont reconnus comme langues d'enseignement et de culture.

Seuls 14% des Français en France et dans les régions d'outre-mer sont capables de parler la langue régionale, tandis qu'en France métropolitaine, ils ne sont que 7%. Avec chaque génération, 1/3 des parents ne transmettent plus la langue régionale à leurs enfants.

Lors de l'adhésion au Pacte international relatif aux droits civils et politiques, la France a fait une déclaration dans un article affirmant le droit des minorités à utiliser leur propre langue : "des considérations constitutionnelles s'opposent à ce que la France adhère aux conventions internationales reconnaissant les minorités en tant que telles et en tant que titulaires de droits collectifs" (2007). En 2008, la constitution a été modifiée pour prévoir la reconnaissance des langues régionales. Le Comité des droits de l'homme des Nations unies estime que la France devrait reconsidérer sa position sur la reconnaissance officielle des minorités ethniques, religieuses et linguistiques.

Francophonie et politique étrangère française

En France, la Direction générale des relations culturelles a été créée en 1945. De cette manière, le gouvernement français voulait renforcer le rôle du pays dans la politique mondiale. Il a donné la priorité à la promotion de la langue française à l'étranger.

Il existe aujourd'hui des Instituts français chargés de définir et de mettre en œuvre la politique "linguistique et culturelle" de la France sur la scène internationale. Elles sont liées à

l'Organisation internationale de la Francophonie et promeuvent le rôle de la langue française dans le monde.

La politique linguistique extérieure de la France s'appuie sur un réseau d'institutions culturelles (centres culturels, instituts français, Alliances française, centres scientifiques et écoles) qui compte plus de 900 implantations dans le monde.

L'attitude des Français à l'égard de la langue française

En France, la population est attentive à la langue de la communication quotidienne. Les Français ne sont pas particulièrement intéressés par les réformes des langues officielles, mais ils s'inquiètent du problème suivant : "une langue peut devenir quelque peu primitive si, par exemple, son orthographe est simplifiée".

David Gordon, célèbre linguiste, souligne que les Français considèrent que leur langue joue un rôle important dans le monde : le français est considéré comme universel, pur et compréhensible. "C'est typique des Français de se soucier de la pureté de leur langue, qu'elle ne soit pas déformée ou corrompue. Tout aussi typique est la croyance répandue que l'expansion française a une mission éclairante et contribue en même temps à renforcer la position politique de la France sur la scène internationale. Cette mission éclairante est liée à la croyance inconsciente des Français selon laquelle la France est porteuse de l'idée universelle que la nature humaine est immuable partout et en tout temps, et que c'est en France que les lois de cette nature sont le mieux reflétées et respectées".

Le 31 décembre 1975, Valéry Giscard d'Estaing, le président français, signe une loi protégeant la langue française de l'invasion de l'anglais et de toute autre langue et donc de la culture étrangère. La loi portait également sur les garanties du statut linguistique dans certains domaines commerciaux et dans certains autres domaines en France même.

En France, le principe de la "diversité culturelle" est lié au principe de "l'exception culturelle française". Il s'agit plutôt de la protection de l'art national (musique et cinéma en particulier) contre la "dangereuse industrie américaine" que de la lutte pour la diversité culturelle dans le monde .

Les règlements du 17 janvier 1990 ont établi deux types de quotas pour les productions cinématographiques et audiovisuelles : les quotas de production, qui imposent aux chaînes de télévision d'investir 3,2% de leur chiffre d'affaires annuel dans la production d'œuvres cinématographiques ou audiovisuelles françaises et européennes, dont 2,5% doivent être consacrés à des productions en langue française, et les quotas de diffusion, qui imposent aux chaînes de consacrer 60% de leur temps d'antenne à des œuvres européennes et aux radios françaises de diffuser en langue française.

Bibliographie

1. Dourdet, Jean-Christophe «La situation des langues occitane et poitevine-saintongeaise au regard des institutions et de la société française», *Mémoire(s), identité(s), marginalité(s) dans le monde occidental contemporain* [Online], 13 | 2015, Online since 30 June 2015, connexion on 03 September 2019. URL : <http://journals.openedition.org/mimmoc/2061> ; DOI : 10.4000/mimmoc.2061
2. Furet François, Sachs Wladimir. La croissance de l'alphabétisation en France (XVIIIe-XIXe siècle). In: *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 29e année, N. 3, 1974. pp. 714-737. DOI: <https://doi.org/10.3406/ahess.1974.293505>; www.persee.fr/doc/ahess_0395-2649_1974_num_29_3_293505
3. Brigitte Horiot, "Les Français et leurs langues : enquêtes sur les patois, dialectes et mots régionaux", *La Clé des Langues* [en ligne], Lyon, ENS de LYON/DGESCO (ISSN 2107-7029), octobre 2011. Consulté le 03/09/2019. URL: <http://cle.ens-lyon.fr/plurilingues/langue/le-changement-linguistique/les-francais-et-leurs-langues-enquetes-surles-patois-dialectes-et-mots-regionaux>
4. Gordon D. The French Language and National Identity 1930-1975. vol. 22 of Contributions to the Sociology of Language. Mouton, the Hague, Paris, New-York. p. 453

5. Бочарова Ю. В., Мартемьянова Е. В. Роль французского языка в мире // Юный ученый. 2017. №3. 100-102. – URL <https://moluch.ru/young/archive/12/968/> (дата обращения: 03.09.2019)
6. Sedykh A.P. (2011) *O personosfere francuzskoj kul'tury* // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [On the personosphere of French culture // Philological sciences. Questions of theory and practice] № 2 (9). 154-156.
7. Vigier Philippe. Diffusion d'une langue nationale et résistance des patois en France au XIXe siècle. In: *Romantisme*, 1979, n°25-26. Conscience de la langue. pp. 191-208. DOI : <https://doi.org/10.3406/roman.1979.5281> www.persee.fr/doc/roman_0048-8593_1979_num_9_25_5281
8. Jean-Pierre Pélissier and Danièle Rébaudo, « Une approche de l'illettrisme en France », *Histoire & mesure* [Online], XIX – 1/2 | 2004, Online since 15 June 2007, connection on 09 September 2019. URL : <http://journals.openedition.org/histoiremesure/816>
9. Autres sources utilisées https://www.herodote.net/10_ao_t_1539-evenement-15390810.php
https://www.francetvinfo.fr/societe/combien-de-francais-parlent-vraiment-une-langue-regionale_952677.html
https://www.ined.fr/fichier/s_rubrique/18724/pop_et_soc_francais_376.fr.pdf
https://fr.wikipedia.org/wiki/Langue_d%27o%C3%AFl <https://fr.wikipedia.org/wiki/Occitan>
https://ru.wikipedia.org/wiki/Языковая_политика_во_Франции
https://fr.wikipedia.org/wiki/Exception_culturelle
https://fr.wikipedia.org/wiki/Politique_linguistique_de_la_France <https://positivr.fr/atlas-france-langues-regionales/> https://seenthis.net/tag/langues_r%C3%A9gionales

УДК 811.133.1

К ВОПРОСУ ОБ АФРИКАНСКОЙ ФРАНКОФОНИИ

Багана Жером

профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, доктор филологических наук, профессор
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / baghana@yandex.ru

Глебова Яна Андреевна

доцент кафедры второго иностранного языка, кандидат филологических наук, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / glebova_ya@bsu.edu.ru

Аннотация

Французский язык является родным или первым языком для почти 200 миллионов человек. На африканском континенте насчитывается наибольшее количество франкоговорящих в мире – 140 миллионов человек. Цель работы является анализ исторических и социокультурных предпосылок, позволивших франкофонии широко распространиться и укрепиться в странах Африки, несмотря на крушение колониальной империи, а также предложить осмысление современного состояния африканской франкофонии. Под африканской франкофонией понимается совокупность народов Африки, использующих французский язык в ситуациях общения в большей или меньшей степени. В Африке французский язык сталкивается с многочисленными местными языками. Однако французский язык остается единственным языком, который объединяет народы Африки. В перспективе французский язык останется официальным государственным языком франкофонных стран Африки, а местные национальные языки (например, волоф в Сенегале, бамбара в Мали) будут приобретать все большее влияние. В свою очередь, местные этнические языки постепенно могут оказаться под угрозой исчезновения.

Ключевые слова: франкофония, африканская франкофония, французский язык, Франция, Африка, официальный язык.

ON THE ISSUE OF AFRICAN FRANCOPHONIE

Baghana Jerome

Professor, Department of Romance-Germanic
Philology and Intercultural Communication,
Doctor of Philology, Professor,
Belgorod State University, Belgorod, Russia /
baghana@yandex.ru

Glebova Yana Andreevna

Associate Professor, Department of Second
Foreign Language
PhD in Philology
Belgorod State University
Belgorod, Russia / *glebova_ya@bsu.edu.ru*

Abstract

French is the mother tongue or first language of almost 200 million people. The African continent has the largest number of French speakers in the world, 140 million people. This paper aims to analyse the historical and socio-cultural preconditions that allowed francophonie to spread and strengthen in African countries despite the collapse of the colonial empire, and to offer an insight into the current state of African francophonie. African Francophonie refers to the totality of peoples in Africa who use French in communication to a greater or lesser extent. In Africa, French is confronted with numerous local languages. However, French remains the only language that unites the peoples of Africa. In the long term, French will remain the official state language of the Francophone countries of Africa, while local national languages (e.g. Wolof in Senegal, Bambara in Mali) will become increasingly influential. In turn, local ethnic languages may gradually become endangered.

Key words: francophonie, African francophonie, French, France, Africa, official language.

Введение

Французский язык является родным или первым языком для почти 200 миллионов человек. Он является одним из официальных языков таких международных организаций, как ООН, Международный олимпийский комитет, Красный Крест и НАТО. Тем не менее, политические и экономические факторы глобализации, привели к тому, что сегодня английский язык занимает доминирующее положение на международном уровне. Несмотря на значительные протекционистские усилия, международный статус французского языка находится в некотором упадке.

На африканском континенте насчитывается наибольшее количество франкоговорящих в мире, для которых французский язык является первым или вторым языком. Согласно данным международной организации Франкофонии, в 2018 году на французском языке говорили около 140 миллионов человек, проживающих на территории франкоязычной Африки [Observatoire de la langue française de l'Organisation internationale de la Francophonie, 2018: 7].

Термин «франкофония» может быть рассмотрен в лингвистическом (как франкофония) или политическом аспекте (Франкофония –Международная организация франкоязычных стран). Под африканской франкофонией мы понимаем совокупность народов Африки, использующих французский язык в общении в большей или меньшей степени. Характерной особенностью африканской франкофонии является необходимость «сосуществовать и функционировать вместе с местными африканскими языками, которые не были забыты населением за время колонизации» [Багана, Глебова 2021: 23]. В свою очередь, французский язык, став языком межэтнического общения, случит важным объединяющим фактором [Багана 2006: 93].

Целью работы является анализ исторических и социокультурных предпосылок, позволивших франкофонии широко распространиться и укрепиться в странах Африки, несмотря на крушение колониальной империи, а также предложить осмысление современного состояния африканской франкофонии.

Методы исследования

Методологическая база представлена стандартными общенаучными методами (индукция и дедукция, анализ и синтез), на основе которых реализован комплексный подход.

Результаты исследования

Предпосылки зарождения франкофонии сформировались уже в период колониальной империи Франции, величайшей по количеству захваченных территорий. К 1900 году, Франции принадлежали:

- 1) страны Магриба (Алжир, Тунис, Марокко);
- 2) страны Западной Африки (Гвинея, Кот-д'Ивуар, Французский Судан (Мали), Сенегал, Нигер, Дагомея (Бенин), Верхняя Вольта (Буркина-Фасо), Мавритания);
- 3) страны Экваториальной Африки (например, Конго, Габон, Чад и др.).

Как отмечает С.И. Косенко, Франция придерживалась прямого способа управления колониями, при котором доколониальные властно-управленческие структуры полностью заменялись на структуры, подобные европейским. Это привело к установлению и навязыванию французского языка в колониях с целью обеспечения межкультурного взаимодействия [Косенко 2011: 30].

Заметное ухудшение положения французского языка обусловлено экстралингвистическими факторами. Так, после первой мировой войны, английский язык приобрел статус языка международной дипломатии. А уже через несколько десятилетий, после второй мировой войны, французский язык разделил статус официального языка ООН с китайским, русским, английским и испанским языками.

В 60-х годах XX века, Франция предоставила независимость большей части своих африканских колоний. Бывшая Французская империя оказала большое влияние на страны бывших колоний, особенно в административной системе и в культурно-лингвистическом распространении французского языка. Лидеры бывших колоний также продолжили предпринимать усилия, направленные на сохранение политических, экономических, культурных и прочих связей с Францией.

Заметим, что несмотря на сохранение тесных связей с бывшей метрополией, намечается изменение характера отношений между странами: прежние отношения метрополии и колонии сменяются отношениями между независимыми странами. В сложившихся условиях на первый план выходит идея о необходимости сохранять и распространять французский язык, который стал объектом особого культа и объединяющим фактором для франкофонов.

Совокупность вышеизложенных факторов привела к образованию Франкофонии (Международной организации Франкофонии (МОФ). Созданная 20 марта 1970 года, Франкофония представляет собой уникальное объединение, осуществляет политическое, образовательное, экономическое и культурное сотрудничество между странами-членами на благо населения [L'Organisation internationale de la Francophonie]. Целью организации является «обеспечению мира и демократии, соблюдению прав человека, популяризации французского языка и культурного разнообразия, а также обеспечению устойчивого всеобщего процветания» [Дипломатия Франции].

Многие лидеры также выступали за регулярное проведение переговоров между франкофонными странами. На первом Саммите Франкофонии в 1986 году было принято решение о принятии французским языком официального статуса в большинстве бывших африканских колоний. Поскольку большинство африканских государств объединяет множество мелких этнических и племенных групп внутри каждой страны, принятие французского языка как государственного играет важную роль в их объединении, применяется в сфере административного управления, используется в образовательной сфере и в прессе, а также является языком политических элит и интеллигенции.

Международная организация Франкофонии прогнозирует, что в условиях глобализации, количество франкофонов будет зависеть от демографических изменений, а также от места французского языка в системах образования и качества преподавания в каждой из стран. Сегодня французский язык является вторым языком для большинства франкофонов. Африканцы изучают его в школе, используются в ситуациях официального общения (например, при обращении в администрацию), в медицинской и культурной сфере, на работе и др. Так, К. Сесеп Н'сиаль отмечает что, «примером стран, где французский язык не является первым, но признан официальным, являются такие страны как Бенин, Буркина Фасо, Конго, Кот Дивуар, Габон, Гвинея, Мали, Нигер, Демократическая республика Конго, Сенегал и Того» [Sesep N'sial 1993: 163]

Заметим, что среди африканских государств есть лингвистически однородные государства (например, Руанда и Бурунди), где доминирующим языком является местный африканский язык (руанда и кирунди соответственно), обладающий статусом официального языка, наравне с французским языком. Некоторые африканские государства являются лингвистически неоднородными, при этом имея доминирующий язык (например, в Сенегале доминирующим языком является волоф, в Габоне – фанг, в Нигере – хауса). Многочисленны также лингвистически неоднородные государства (например, Бенин, Буркина-Фасо, Гвинея, Камерун, Кот-д'Ивуар, Того, Чад), которые характеризуются отсутствием доминирующего языка на национальном уровне. Таким образом, несмотря на сложную социолингвистическую ситуацию в этих странах, неоспоримым является тот общий факт, что французский язык выполнял и продолжает выполнять функции языка межэтнического общения, являясь официальным языком, также языком обучения.

Особого внимания заслуживает система начального образования в Африке, на которое Франкофония регулярно выделяет средства с целью улучшения качества образования. С 2012 года программа ELAN-Afrique организовала работу 423 двуязычных школ (свыше 100 000 учеников) на базе французского и африканских языков. Около 2,1 миллионов преподавателей будут наняты к 2030 году в странах франкофонной Африки, поэтому Франкофония и Университетское агентство франкофонии (l'Agence universitaire de la francophonie (AUF)) разработали дистанционный курс обучения преподавателей и учителей.

По данным Обсерватории демографии и статистики франкоязычного пространства (ODSEF), в 2050 году более 70% франкоговорящих будут африканцами, а на Африку будет приходиться более 90% молодых франкоговорящих в возрасте 15-29 лет.

Французский язык, являясь обязательным фактором интеграции, становится средством международного общения африканских государств, а также развития сотрудничества с Францией, Швейцарией, Бельгией, Канадой, что способствовало разрешению некоторых экономических проблем и модернизации в странах Африки.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что на протяжении длительного времени Франция оставалась высокоразвитой страной с обширным колониальным владением, поэтому французский язык являлся основным языком международных отношений во всем мире. В период активной колониальной деятельности Франции французский язык широко распространился. Однако в связи с поражением Франции в двух мировых войнах, ослаблением ее экономической силы и распадом колониальной системы с одной стороны, и в связи с ростом экономического могущества США, французский язык стал уступать место английскому. Как отмечает Д. Агер, будущему африканской франкофонии угрожают такие факторы как «нестабильность в политике, экономическое разнообразие и отсталость, постоянно меняющиеся отношения с развитым Севером, а также тот факт, что Нигерия и ЮАР – супергосударства Африки к югу от Сахары – имеют англоязычное прошлое и, более того, англоязычные страны имеют высокий статус...» [Ager 1996: 129].

В новых, тяжелых для Франции условиях появляется принципиально новая культурно-политическая организация «Франкофония», в основе которой лежит французский язык.

В Африке французский язык сталкивается с множеством местных языков. Однако, несмотря на подобное лингвистическое разнообразие, единственным языком, способным объединить многочисленные африканские народы, является французский язык. Сегодня французский язык является государственным языком во многих странах Африки, а также выполняет функцию языка межэтнического общения. На наш взгляд, в будущем французский язык в Африке сохранит статус официального языка франкофонных стран, местные национальные языки будут приобретать все большее влияние, а местные этнические языки постепенно исчезнут.

Литература

1. Багана Ж. Французский язык в Африке: проблемы интерференции. М.: Наука, 2006. – 163 с.
2. Багана Ж., Глебова Я. А. Современная африканская франкофония: перспективы развития // INTERLINGUA – 2021: сборник науч. трудов Международной научно-практической конференции. Липецк, 2021. – С. 21-27.
3. Дипломатия Франции. Франкофония – пространство для многостороннего сотрудничества. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/francophonie-et-langue-francaise/la-francophonie-espace-de-cooperation-multilaterale/> (дата обращения: 10.09.2021)
4. Косенко С.И. «Мягкое могущество» в твердой упаковке. Особенности культурной политики Франции. – М.: МГИМО, 2011. – 416 с.
5. Чернов И. В. Международная организация Франкофонии: лингвистическое измерение мировой политики. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. – 222 с.
6. Ager D. *Francophonie in the 1990s: Problems and Opportunities*. Clevedon, England: Multilingual Matters Ltd., 1996. – p. 215.
7. L'Organisation internationale de la Francophonie. URL: <https://www.francophonie.org/lorganisation-internationale-de-la-francophonie-81> (дата обращения: 10.09.2021)
8. Observatoire de la langue française de l'Organisation internationale de la Francophonie, Estimation du nombre de francophones, 2018. URL: <http://observatoire.francophonie.org/2018/synthese.pdf> (дата обращения: 10.09.2021)
9. Sesep N'Sial C. *La francophonie au coeur de l'Afrique: le français zaïrois*. Paris: Didier Erudition, 1993. – p. 211.

References

1. Baghana J. *French in Africa: Problems of Interference*. Moscow: Nauka, 2006. 163 p.
2. Baghana J., Glebova Ya. A. Modern African Francophonie: Prospects for Development. *INTERLINGUA – 2021: collection of scientific works of International scientific-practical conference*. Lipetsk, 2021. Pp. 21-27.
3. Diplomacy of France. Francophonie – space for multilateral cooperation. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/francophonie-et-langue-francaise/la-francophonie-espace-de-cooperation-multilaterale/> (Accessed 10.09.2021).
4. Kosenko S.I. "Soft power" in hard packing. *Peculiarities of French Cultural Policy*. Moscow: MHIMO, 2011. 416 p.
5. Chernov I. V. *International Organisation of Francophonie: Linguistic Dimension of World Politics*. SPb: St. Petersburg University Press, 2006. 222 p.
6. Ager, D. *Francophonie in the 1990s: Problems and Opportunities*. Clevedon, England: Multilingual Matters Ltd., 1996. p. 215.
7. L'Organisation internationale de la Francophonie, 2021. URL: <https://www.francophonie.org/lorganisation-internationale-de-la-francophonie-81> (Accessed 10.09.2021)
8. Observatoire de la langue française de l'Organisation internationale de la Francophonie, Estimation du nombre de francophones, 2018. URL: <http://observatoire.francophonie.org/2018/synthese.pdf> (Accessed 10.09.2021)
9. Sesep N'Sial, C. *La francophonie au coeur de l'Afrique: le français zaïrois*. Paris: Didier Erudition, 1993. p. 211.

О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И АВТОРИЗАЦИИ

Балабаева Юлия Евгеньевна

старший преподаватель
кафедры немецкого и французского языков
Белгородский государственный
национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия / balabaeva@bsu.edu.ru

Мельникова Юлия Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
Белгородский государственный
национальный
исследовательский университет
Белгород, Россия / awdejewa@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию категории эвиденциальности в современном немецком языке, а также рассмотрению точек соприкосновения («пересекаемости») категорий эвиденциальности и авторизации. Особое внимание также уделяется структуре функционально-семантических полей обеих категорий.

Ключевые слова: эвиденциальность, прямая/косвенная эвиденциальность, инференциальность, авторизация, функционально-семантическое поле.

ON THE RELATIONSHIP OF THE CATEGORIES OF EVIDENTIALITY AND AUTHORIZATION

Balabaeva Yuliya

Senior Lecturer
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / balabaeva@bsu.edu.ru

Melnikova Yuliya

Ph. D. in Philology, Associate Professor
Belgorod State National Research
University
Belgorod, Russia / awdejewa@mail.ru

Abstract

The article is concerned with the research of the category of the evidentiality in modern German as well as with the intersection of these two categories of the evidentiality and authorization. Special attention is also paid to the structure of the functional-semantic fields of both categories.

Key words: evidentiality, direct and indirect evidentiality, inferentiality, authorization, functional-semantic field.

В настоящее время многие ученые исследуют языковые явления с точки зрения языковой личности (говорящего/пишущего), т.е. используют антропоцентрический подход, поэтому многие из них приходят к выводу о том, что авторизация выступает в качестве одной из ведущих текстообразующих категорий. Данная категория является универсальной, т.е. присуща любому тексту, независимо от его жанровой принадлежности [Золотова 1988].

Категория эвиденциальности в свою очередь так же является признаком любого речевого высказывания, так как оно всегда сказано кем-то для кого-то, и присутствует в любом диалоге, дискурсе и в текстах разных функциональных стилей. При этом эвиденциальность рассматривается как на уровне предложения, так и на уровне текста и указывает на различные источники получения информации говорящего/пишущего [Балабаева 2008].

Однако в качестве объекта исследования в большинстве работ все же выступает авторская речь, следовательно, авторизация является уже достаточно исследованной категорией, поэтому относительно её сущности и структуры существует много точек зрения, но, несмотря на это, статус категории авторизации по-прежнему остаётся предметом пристального внимания исследователей. В последние годы предпринимаются попытки анализа авторизации с использованием терминологического аппарата категории эвиденциальности.

Употребление двух разных терминов вызвано стремительным развитием лингвистической науки [Прюво, Седых, Бузинова 2018]. Понятия эвиденциальности и авторизации появились в разное время и принадлежат разным ученым. Так термин

эвиденциальность был введен в научный обиход Ф. Боасом в 1947 г., который выявил в рамках глагольной парадигмы наличие специфических форм, противопоставляемых на основании признака «прямой/косвенный способ получения информации» [Boas 1947].

На основе последних исследований, посвященных категории эвиденциальности, можно сделать вывод, что данная категория имеет различный статус в языках мира, в зависимости от характера средств её выражения. Во многих языках категория эвиденциальности является грамматической и репрезентируется специализированными морфологическими формами глагола и (сюда относятся болгарский, македонский, армянский и многие неиндоевропейские языки). В большинстве индоевропейских языков (русском, немецком, английском, французском и др.) значение эвиденциальности выражается средствами различной уровневой принадлежности (морфологическими, лексическими, синтаксическими), и категория эвиденциальности рассматривается как семантическая или функционально-коммуникативная категория [Балабаева 2009].

С позиций теории универсалий, на основании анализа многообразных, национально-специфических категориальных форм эвиденциальности (эвиденциалов), в качестве основополагающих категориальных признаков категории эвиденциальности рассматривается: а) **авторизация** сообщения (указание на **носителя** информации; это так наз. «авторизация в узком смысле слова»); б) маркирование **способа получения** информации (прямая или косвенная эвиденциальность); в) **нейтральность** позиции говорящего/пишущего в плане оценки реальности/нереальности, достоверности/недостоверности информации. На основании этих параметров выявляется оппозиция трёх доминантных (ядерных) категориальных форм эвиденциальности: **экспериентив/перцептив** (прямая эвиденциальность: носителем информации и «очевидцем», «свидетелем» описываемых событий является сам говорящий/пишущий; сюда относится визуальная и аудитивная эвиденциальность) – **инферентив/конклюдив** (косвенная эвиденциальность: информация представляет собой результат когнитивной деятельности говорящий/пишущий: мнения, логические выводы, догадки и т.п.) – **ренарратив/цитатив/квотатив** (косвенная эвиденциальность: передача «чужих» слов, сообщений некоторых лиц, являвшихся свидетелями событий либо получивших эту информацию от участников события [Балабаева 2008].

В то время как понятие авторизации появилось намного позже в работах отечественного ученого Г.А. Золотовой в 1973 г. при описании синтаксических моделей предложения. Согласно её концепции, суть термина «авторизация» заключается в том, что в предложение, содержащее ту или иную информацию об объективной действительности, вводится второй структурно-семантический план, указывающий на субъект, «автора» восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и на характер восприятия [Золотова 1973]. Позже исследователь уточняет понятие авторизации: «Авторизация – это полисубъектное осложнение конструкции, предложения с указанием на «автора» оценки, восприятия, речи-мысли» [Золотова 1988].

Средства авторизации при этом могут быть самыми различными – от предложно-падежной формы имени (*по его мнению*) до двусоставной глагольно-именной модели (*я вижу, он считает*), либо её «обезличенных» вариантов, с синтаксически и стилистически значимым устранением названия лица (*представляется, считается* и т.п.). Г.А. Золотова использует понятия «**авторизирующая модель**», т.е. тот структурно-смысловой компонент предложения, с помощью которого вводится второй субъектный план высказывания, и «**авторизируемая модель**», т.е. основная модель предложения, в которую вводится осложняющий её авторизирующий компонент [Золотова 1973].

Согласно концепции Т.В. Шмелёвой авторизация является модусной категорией, с помощью которой излагаемая в предложении информация квалифицируется в отношении источников или способов её получения. План содержания авторизации организуется противопоставлением своё/чужое, или авторское/цитируемое; при этом специальной маркировки требует только второй случай – изложение чужой информации, пересказ,

цитирование: для передачи информации «от себя» (стандартная форма изложения информации) показатели авторизации могут быть как эксплицитными, так и имплицитными. Для выражения собственной информации автор может указать, каким образом она получена: в результате восприятия (зрительного, слухового, интеллектуального), логической или оценивающей деятельности. При эксплицитной авторизации используются глаголы соответствующей семантики (*Я слышал, увидел, догадался и др.*) При передаче заимствованной информации указывается её источник (в том случае, если информация может быть получена единственным способом и источник очевиден из ситуации речи). Имплицитная авторизация предполагает либо общеизвестность информации, либо избыточность указания на источник (в том случае, если информация может быть получена единственным способом и источник очевиден из ситуации речи). Авторизационная характеристика высказывания, по мнению Т.В. Шмелёвой, обязательна, но присутствие её показателей в высказывании факультативно, что объясняется, во-первых, принципом «авторизационного ключа» – распространения первичной авторизующей ссылки на все последующие высказывания текста от его начала до «знака переключения» (ссылки уже на другой источник), а во-вторых, достаточно прозрачным соответствием диктумного содержания и «канала» его получения. Т.В. Шмелёва обращает внимание также на тесную связь авторизации и семантики достоверности/недостоверности. Разные способы получения информации по-разному воспринимаются в отношении их надёжности, поэтому авторизационные показатели часто являются одновременно показателями нейтральной, положительной или отрицательной оценки говорящего [Шмелёва 1984].

С.В. Гричин, исследуя категорию авторизации в семантическом синтаксисе, трактует ее с точки зрения форм проявления рефлексии (отношения сознания к действительности), выражающейся во множестве измерений – аксиологическом, эйдетическом и эпистемическом. В этом ключе авторизующие конструкции относятся к лексическим (в некоторых языках, также и к грамматическим) средствам кодирования эпистемической информации, наряду с ментальными глаголами и дискурсивными словами. К числу эпистемических значений С.В. Гричин относит эвиденциальность, адмиративность и эпистемическую модальность. По мнению ученого, эвиденциальность соотносится, главным образом, с авторизацией наблюдения. Таким образом, согласно концепции С.В. Гричина, авторизация – это модусная категория, которая отражает интерпретацию информации с авторских позиций в отношении источников информации или способов её получения: являясь модальной категорией коммуникативного плана, она пересекается со многими другими модальными и немодальными категориями, имея с этими категориями общий семантический признак (указание на эпистемическое пространство говорящего), и относясь тем самым к эгоцентрическим элементам языка, представляющим наибольший интерес для стилистических исследований [Гричин 2003].

Особую точку зрения на оппозицию «свое/чужое» высказывает Н.А. Козинцева, которая утверждает, что семантика категории авторизации пересекается с категорией эвиденциальности, но не совпадает с ней. Авторизованным может быть как прямое, так и косвенное свидетельство. Н.А. Козинцев отмечает также что, авторизация может быть не связанной с указанием на источник информации. Авторизирующее обстоятельство может обозначать субъекта, восприятие или мыслительное представление которого образует модальную рамку для информации, передаваемой в предложении. Источник информации при этом никак не выражен – это может быть как собственное впечатление говорящего, так и сведения, полученные от другого лица [Козинцева 1994].

А.Г. Етко, используя терминологию общей теории эвиденциальности, рассматривает авторизацию, с одной стороны, как семантическую категорию, служащую для выражения источника знания, лежащего в основе сообщения; с другой стороны, как базирующееся на данной семантике функционально-семантическое поле, представляющее собой группировку разноуровневых средств, взаимодействующих на основании общей семантики и/или функции и обнаруживающая иерархическую структуру: «ядро –

периферия». Семантическим инвариантом функционально-семантического поля авторизации является значение указания на субъект восприятия, констатации, оценки явлений действительности, а в ряде случаев на характер либо способ восприятия. Вместе с тем, авторизация в рамках художественного текста включает в себя элементы так называемого «речевого портрета»: стилизованную прямую речь, несобственно-прямую либо несобственно-авторскую речь, внутренний монолог и другие средства выражения «потока сознания», которые не имеют прямого отношения к категории эвиденциальности и являются художественным приёмом создания «образа персонажа» [Етко 2008].

Функционально-семантическое поле авторизации является полицентрическим и имеет исходно-семантическую структуру, т.е. состоит из двух семантических центров: прямая/косвенная засвидетельствованность. Семантика прямой засвидетельствованности объединяет два микрополя: *перцептивности и инференциальности*. Семантика косвенной засвидетельствованности объединяет три микрополя: *пересказывательности, оценочности и персуазивности*. Каждое из этих микрополей имеет собственную структуру и обладает собственными средствами выражения, часто пересекающимися друг с другом. В центре функционально-семантического поля авторизации находится микрополе пересказывательности, другие микрополя имеют комбинированную семантику. Таким образом, функционально-семантическое поле авторизации – это система разнородных семантик и средств их репрезентации, объединённых общим значением засвидетельствованности [Етко 2008].

Функционально-семантическое поле эвиденциальности также является полицентрическим и конституируется двумя секторами, эвиденциалы которых маркируют два типа засвидетельствованности: автореферентную эвиденциальность и косвеннореферентную эвиденциальность, условно обозначаемые нами как «Я – эвиденциальность» и «Он – эвиденциальность», каждое из которых имеет своё «ядро» и «периферию», в которой разноуровневые средства выражения эвиденциального значения либо различные функционально-семантические варианты конкретной грамматической конструкции располагаются в иерархической последовательности, удаляясь от ядра в направлении крайней зоны периферии по мере ослабления соответствующего эвиденциального значения и появления семантических признаков других грамматических категорий [Балабаева 2008].

То, что сведения, передаваемые в высказывании, имеют значение очевидности (прямая засвидетельствованность) либо не являются собственным знанием говорящего/пишущего (семантика косвенной засвидетельствованности), уже предполагает факт соотнесения высказывания с его источником и наличие субъекта восприятия. Категория авторизации является рамочным средством, оформляющим все структуры, в которых содержится дополнительный содержательный план, указывающий на информацию, полученную из какого-либо источника. Источником может быть и сам говорящий/пишущий. Само содержание этой информации либо отношение к ней субъекта речи обуславливает другие значения, осложняющие семантику авторизации – оценочность, персуазивность и т.д.

Таким образом, эвиденциальность и авторизация являются двумя разными категориями, однако они имеют много точек пересечения. Маркеры категории эвиденциальности выражают также и категорию авторизации (например, модальные глаголы, отглагольные существительные речемыслительной деятельности, указывающие на источник информации, конъюнктив косвенной речи и др.), в то время как не все средства авторизации являются эвиденциальными. Термином эвиденциальность можно в целом обозначать семантику категории авторизации, включающую в себя оппозицию прямой/косвенной засвидетельствованности.

Литература

1. Балабаева Ю.Е. Автореферентные эвиденциальные конструкции немецкого языка с глаголом *scheinen* (к проблеме межкультурных различий маркеров

эвиденциальности) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический и прикладной журнал. №1 (3). – Тамбов: Грамота, 2009. – С. 23 – 27.

2. Балабаева Ю.Е. Средства выражения категории эвиденциальности в немецком научном тексте (к проблеме исследования) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Научный журнал. Серия филология. 4 (18). – С-Пб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. – С. 20 – 36.

3. Гричин С.В. Авторизация в научном стиле современного русского языка: Диссертация ... канд. филол. наук. – Томск, 2003 – 178с.

4. Етко А.Г. Категория авторизации в аспекте функционального подхода // Вестник молодых учёных «Филологические науки» https://elibrary.ru/download/elibrary_11658117_43556039.pdf, 2008. – С. 80 – 88.

5. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 351с.

6. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. – 440с.

7. Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблема типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994, №3. – М.: Наука. – С. 94 – 104.

8. Прюво Ж., Седых А.П., Бузинова Л.М. Текст, контекст, интертекст: синтез смыслопорождения // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4. № 3. С. 21-35.

9. Шмелева Т.В. Смысловая организация предложения и проблема модальности // Актуальные проблемы русского синтаксиса / под. Ред. К.В. Горшковой. – М.: МГУ, 1984. – С. 84 – 100.

10. Boas F.K. Kwakiutl Grammar, with a Glossary of the Suffixes // Transactions of the American Philosophical Society 37, 1947. – P. 201-377.

References

1. Balabaeva Yu. E. Autoreferential evidential constructions of the German language with the verb *scheinen* (to the problem of intercultural differences in evidentiality markers) // Philological Sciences. Questions of theory and practice. Scientific-theoretical and applied journal. No. 1 (3). – Tambov: Gramota, 2009. – P. 23 – 27.

2. Balabaeva Yu. E. The means of expressions of the category of the evidentiality in the german scientific literature (some introductory facts on the problem of research) // Vestnik of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. Science Magazine. Philology Series 4 (18). – St.-P.: LSU them. A.S. Pushkin, 2008. – P. 20 – 36.

3. Grichin S.V. Authorization in the scientific style of the modern Russian language: Dissertation ... Cand. philol. sciences. – Tomsk, 2003. 178p.

4. Etko A.G. Authorization category in the aspect of the functional approach // Bulletin of young scientists "Philological sciences" 2008. – P. 80 – 88 URL https://elibrary.ru/download/elibrary_11658117_43556039.pdf (дата обращения 1.11.2021)

5. Zolotova G.A. Essay on the functional syntax of the Russian language. – М.: Nauka, 1973. – 351p.

6. Zolotova G.A. Syntactic Dictionary: Repertoire of elementary units of Russian syntax. Moscow: Nauka, 1988. – 440p.

7. Kozintseva N.A. The category of evidentially (a problem of typological analysis) // Voprosy jazykoznanija. 1994, №3. – М.: Nauka. – P. 94 – 104.

8. Pruvost J., Sedykh A.P., Buzinova L.M. (2018) *Tekst, kontekst, intertekst: sintez smyslopороzhdениja* // *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki* [Text, context, intertext: synthesis of the generation of meaning // Scientific Result. Theoretical and Applied Linguistics]. Т. 4. № 3, 21-35.

9. Shmeleva T.V. Semantic organization of the sentence and the problem of modality // Actual problems of Russian syntax / pod. Ed. K.V. Gorshkova. – М.: Moscow State University, 1984. – P. 84 – 100.

10. Boas F.K. Grammar, with glossary of suffixes // Transactions of the American Philosophical Society 37, 1947. – P. 201 – 377.

УДК 81'22

**ЗНАК КАК «ВТОРОЕ ТЕЛО» РЕФЕРЕНТА: СЕМИОТИЧЕСКИЕ КЛЮЧИ
К РОМАНУ М. ПАВИЧА «DRUGO TELO»**

Бобрикова Татьяна Анатольевна

аспирант

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Пермь, Россия / tatiana.bobrikowa@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена семиотическим аспектам интерпретации романа Милорада Павича «Drugo telo». В исследовании поднимаются проблемы соотношения знаконосителя и референта, семиозиса как процесса функционирования знака. В тексте романа обсуждаются различные формы знаковых воплощений различных референтов. Это, в свою очередь, даёт возможность рассматривать текст художественной литературы как источник семиотической теории. Цель работы заключается в представлении знаков как «вторых тел» референтов. Показано, что приведённые примеры знаков-персонажей, знаков искусства, религии и верований иллюстрируют не только функции знака, но и представляют идею неограниченного семиозиса. Основной вывод исследования: знак функционирует как «другое тело» своего референта. Это воплощается в идее романа. Только благодаря знакам в романе, как и в реальности, преодолеваются границы времени и пространства.

Теоретико-практические положения работы могут быть использованы для разработки учебных занятий в рамках курса по семиотике.

Ключевые слова: знак, референт, семиозис, Чарльз Пирс, Умберто Эко, Милорад Павич.

**THE SIGN AS THE "SECOND BODY" OF A REFERENT:
SEMIOTIC KEYS TO THE NOVEL "SECOND BODY" BY MILORAD PAVIĆ'S**

Bobrikova Tatiana Anatolievna

graduate student

Perm State Humanitarian Pedagogical University
Perm, Russia / tatiana.bobrikowa@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the semiotic aspects of the interpretation of Milorad Pavić's novel «Second Body». The study raises the problem of the relationship between the sign-carrier and the referent, semiosis as a process of the functioning of the sign. In the text of the novel, various forms of symbolic incarnations of various referents are discussed. This, in turn, makes it possible to consider the text of fiction as a source of semiotic theory. The purpose of the work is to represent signs as «second bodies» of referents. It is shown that the given examples of signs-characters, signs of art, religion and beliefs illustrate not only the functions of a sign, but also represent the idea of unlimited semiosis. The main conclusion of the research: the sign functions as «another body» of its referent. This is embodied in the idea of the novel. Only thanks to signs in the novel, as in reality, the boundaries of time and space are overcome.

The theoretical and practical provisions of the work can be used to develop training sessions within the framework of the course in semiotics.

Key words: sign, referent, semiosis, Charles Pierce, Umberto Eco, Milorad Pavić.

Вводные замечания

Семиотический подход – одна из основных тенденций современных гуманитарных наук. В филологии этот метод применяется в изучении художественной литературы. Семиотическое прочтение или семиотический анализ произведений, как правило, заключается в поиске и интерпретации знаков, сигналов, символов, иконических изображений в тексте. Такой способ работы с текстом использовался нами неоднократно при анализе романа Милорада Павича «Drugo telo».

В этой работе нас интересует другой вектор возможности семиотики. Цель статьи заключается в интерпретации романа М. Павича «Drugo telo» через представление знаков как «вторых тел» референтов. Такой выбор исследовательского направления обусловлен следующей причиной. В тексте обсуждаются различные формы знаковых воплощений различных референтов. Это, в свою очередь, даёт возможность рассматривать текст художественной литературы как источник семиотической теории.

В самом аспекте работы заключается её новизна: художественная литература как маргинальная зона семиотики (семиотика в художественных образах). Роман М. Павича «Drugo telo» рассматривается нами в качестве альтернативного способа представления, а именно визуализации теории знака и семиозиса.

Семиотика в научном и художественном текстах

Начать разговор следует с обозначения проблемы представления знаний в научном и художественном текстах. Мы обсудим этот вопрос на примере работ в области семиотики.

Идея создания науки о знаках и знаковых системах возникла почти одновременно и независимо у нескольких учёных. Первым предложил основные термины семиотики и разработал целостную теорию знаков, в том числе классификацию знаков (индексы, иконы, символы), американский логик и философ Ч. С. Пирс. Его идеи развил американский философ Ч. Моррис, а также определил структуру самой семиотики. Примерно в это же время швейцарский лингвист Ф. де Соссюр сформулировал основы семиологии.

Представления о знаке, функциях и структуре знака, о семиозисе изложены в работах философов и семиотиков: Ф. де Соссюра, Г. Фреге, Э. Кассирера, М. Фуко, Р. Барта, У. Эко, Ю. М. Лотмана, Ю. С. Степанова, В. Н. Топорова, В. А. Успенского, Е. Е. Бразговской и др. Опорными положениями этого исследования стали теории Ч. Пирса [Пирс, 2000], разрабатывавшего проблематику семиотического анализа текста и вопросы соотношения знаковой и объективной реальности, и У. Эко [Эко, 1998, 2005], ориентировавшегося на взгляды Ч. Пирса.

Мы отталкиваемся от пирсовской модели знака, так как она, объединяя язык, человека и реальность, обладает большим, в сравнении с соссюрским биномом, потенциалом. Объясним, как обеспечивается участие субъекта в акте высказывания. По Пирсу, сущность знака заключается в его интерпретирующем замещении объекта действительности. Пирсовская триада знака состоит из материального носителя, референта и представления о референте. Знак наделён обязательной физической оболочкой, и это позволяет человеку воспринимать его органами чувств. Знак направлен вовне – на объект, внеположенный языку. Смысл знака рождается в процессе отображения референта, и этот процесс связан исключительно с человеком. Познание физического и ментального мира возможно благодаря «работе» знака: указывать, замещать, переводиться другим знаком. Знак позволяет не просто оторваться от точки в настоящем времени, но и оказаться там, где мы никогда не были.

Вводя в структуру знака носитель физической природы, референт и способ его отображения, мы получаем возможность:

- передавать информацию от субъекта к субъекту;
- анализировать связь между языком и внеязыковой реальностью;
- говорить о степени истинности языкового отображения мира, асимметрии языка и реальности, вероятности языкового отображения;
- анализировать, как язык конструирует новое видение реальности, или возможные миры [Бразговская, 2019, с. 21].

Итак, согласно основной аксиоме семиотики человек обретает мир только в процессе означивания, никогда не соприкасаясь с миром «непосредственно». Когда мы «даём» вещи имя, мы включаем её в акт коммуникации, и, следовательно, получаем возможность говорить о неприсутствующем как о присутствующем. Благодаря имени

знака мы имеем информацию о «существовании» референта – знак доказывает его «реальность». И поэтому можно сказать, что знак функционирует как «другое тело» референта и жизнь вещи в знаке обеспечивает этой вещи бесконечность в теле языка.

Теперь перейдём к взглядам У. Эко. Проблема интерпретации знака – сквозная тема всех работ У. Эко. Научные взгляды о семиотике были изложены У. Эко в работах «Открытое произведение» (1962) и «Отсутствующая структура. Введение в семиологию» (1968), «Роль читателя» (1978). Художественные тексты Эко – например, романы «Имя розы», «Маятник Фуко», «Остров накануне», «Баудолино» – тоже можно рассматривать как пособия по семиотике. Более того, по мнению Усмановой, читатель академических текстов и романов – это один и тот же человек [Усманова, с. 86].

Разберём несколько положений семиотики на примере романа «Имя розы». Аксиома Ч. Пирса – знак указывает на нечто вне себя самого и соотносит не с самой вещью, а с идеей-понятием – находит отражение в деталях романа «Имя розы». Так, Вильгельм Баскервильский рассуждает: за словом «конь» стоит только конь как таковой.

Указывая на вещь или называя её, знак тем самым подтверждает её присутствие в мире и этим обеспечивает её существование. И снова в уста Вильгельма Баскервильского Эко вкладывает тезис семиотики: «Если существует отпечаток, значит, существует то, что его отпечатало» [Имя розы, с. 390].

Чтение и интерпретация знаков позволяют читателю читать мир как книгу. Об этом У. Эко говорит в «Имени розы» устами того же францисканского монаха: «Добрейший Адсон... Всю поездку я учу тебя различать следы, по которым мы читаем в мире, как в огромной книге» [Имя розы, с. 38]. В этом эпизоде Вильгельм Баскервильский по следам пробежавшего коня описывает внешний вид и местонахождение коня, которого он никогда не видел.

В теории семиотики У. Эко главными объектами внимания является не только знак, но и семиозис. Понятие неограниченного семиозиса как процесса функционирования знака – центральное понятие семиотики Ч. Пирса – используется и «Имени розы». Именно об этом вопрос Адсона: «Значит, я всегда могу рассуждать только о чем-либо, указывающем мне на что-либо, и так далее до бесконечности, и при этом что-то окончательное, то есть истинное и верное, вообще не существует?» [Имя розы, с. 391]. Семиозис – это бесконечный процесс означивания, где нет и не может быть ни начального знака, ни конечного.

Таким образом, возвращаясь к разговору о читателе научных и художественных текстов Эко, читатель должен владеть огромной затекстовой информацией для декодирования и интерпретации. «Образцовый» читатель Эко – обязательное условие для порождения любого текста. То же самое хочется сказать и о потенциальном читателе Павича – это интеллектуал, обладающий знаниями из истории, литературы, фольклора южнославянской и восточноевропейской культур, мифологии, богословия, психологии и, конечно, семиотики.

Семиотическое прочтение романа М. Павича «Drugo telo»

Обращаясь к научному и художественному творчеству М. Павича, мы обнаруживаем разные исследовательские векторы: от написания художественных текстов до переводов стихотворений с немецкого и французского языков, произведений А. С. Пушкина и Дж. Байрона на сербский язык, от изучения философии до истории сербской литературы XVII, XVIII и XIX веков. И именно его романы наталкивают на мысль: а знал ли Павич как филолог и переводчик о семиотике? Порассуждаем об этом и обратимся к романам, имеющим семиотические основания.

«Хазарский словарь» – это образец постмодернистской литературы, полностью функционирующий на принципе неограниченного семиозиса. В словарных статьях используются символы для отсылки к другим статьям. Например, в статье «Атех» из Красной книги (Христианский источник о хазарском вопросе) есть знак, отсылающий читателя к статье «Даубманнус» из Жёлтой книги (Еврейский источник о хазарском

вопросе). В статье «Атех» из Зелёной книги (Исламский источник о хазарском вопросе) есть знаки, отсылающий к статьям «Каган», «Ку», «Масуди Юсуф» из той же книги и к статье «Даубманнус» из Жёлтой книги. Так, одна статья отсылает к другой статье, одно имя или явление интерпретируется через другое, демонстрируя пример семиозиса.

Роман «Ящик для письменных принадлежностей» имеет два финала, один из которых приведён в печатной версии книги, другой можно найти в интернете (электронный доступ по ссылке: <http://www.khazars.com/visnjasazlatnomkosticom>). Роман «Уникальный роман» построен как роман-дельта: у него одно начало и 100 финалов. Возможные финалы историй вступают в комбинации друг с другом, обретая новый смысл и образуя поле интерпретаций.

Предметом нашего исследования стал роман Милорада Павича «Drugo telo». Для удобства изложения цитируемый материал приводится по русскоязычному переводу Л. Савельевой.

Наша гипотеза о носителе знака как «втором теле» референта будет проверена на следующих группах знаков: знаки-персонажи, знаки искусства, знаки религии и верований.

А) Соотношение закононосителя и референта у знаков-персонажей.

Основная цель главных героев романа – узнать, имеет ли человек другое тело и что его ждёт после смерти. Безымянный писатель (в котором угадывается сам Павич) и его жена Лиза Свифт, археолог, живущие в наше время, ищут ответ на вопрос: а может ли и человек обрести другое физическое тело, как это произошло с Иисусом Христом после воскресения? Но оказывается, что этим же вопросом задавались и Анна Поцце в Венеции (1770 год), и монах Гавриил Стефанович-Венцлович в Венгрии (1749 год), гадая с помощью стиха, Богородицыных слез и перстня из живого камня.

Отмечая то, что персонажи в разных временных и пространственных точках занимаются одинаковым вопросом, то с семиотической точки зрения, меняясь местами, они замещают друг друга. «Похожесть» их жизни, работа, увлечения дают возможность при сопоставлении сформировать пары «писатель + его возлюбленная».

XVIII в.	XVIII в.	Наше время
Захария Орфелин	Гавриил Стефанович-Венцлович	Безымянный писатель
Анна Поцце	Аксиния	Лиза Свифт

Так мы используем один и тот же закононоситель «писатель» и «возлюбленная писателя» для замещения различных референтов, и персонажи становятся «знаками-омонимами» [Бразговская, 2017, с. 20].

Внутри этой семиотической связи между персонажами есть ещё одна закономерность: в Сербии писатель рассказывает жене о парах в Италии и Венгрии – вербальный рассказ о случившемся как знак замещает реальность. У человека есть возможность увидеть прошлое, иметь память, помнить историю благодаря способности знака замещать свой референт.

Б) Соотношение закононосителя и референта у знаков искусства.

Знаки искусства – имена авторов и произведений – обеспечивают бессмертие культурного наследия. Замещая свой референт, знаковые репрезентации обретают автономность и живут в культуре собственной жизнью.

Например, древнееврейские книги по каббалистике «Сефер ха-Темунах» («Книга образа») и «Сефер ха-Зогар» («Книга сияния») относят нас не к конкретному изданию, а ко всему религиозному знанию и наследию. У сербских источников («Приветствие Моисею Путнику» (1757), «Апостольское молоко» (1763), «Славяно-сербский журнал» (1766), «История о жизни и славных делах великого государя и императора Петра

Первого» (1772) З. Орфелина; «Разглагольник» (1734) и «Преображение Господне» (1735) Г. Стефановича-Венцловича) иная идея: это одни из первых книг на сербском языке.

Репрезентация перечисленных в романе книг носит индексальный характер: в романе приводятся их названия и имена авторов. Павич не сообщает цвет, формат и объём изданий. За индексальным указанием на книгу или писателя стоит литераутрная эпоха. Для читателя это, в первую очередь, символические предметы, а не материальные.

К знакам музыкального искусства относятся имена итальянских композиторов Доменико Скарлатти, Джузеппе Тартини, Антонио Вивальди и др. Из творчества Дж. Тартини Павич выбирает необходимую для контекста сонату «Дьявольская трель». За именем А. Вивальди стоит символический контекст – это символ Венеции. Упомянутый скрипичный концерт «Времена года» прочитывается как знак жизни – от момента зарождения до момента смерти, который созвучен идее романа.

Из всего наследия живописи Павич отбирает несколько произведений XV–XVIII вв. С сюжетной линией в Венеции связана работа итальянского художника и мастера городского пейзажа Джованни Антонио Канала, известного как Каналетто (1697–1768 гг.). В комнате маэстро Джеремии на стене висит «карандашный рисунок, вид Венеции, Рио-деи-Мендиканти». Именно такие знаки-индексы относят читателя к реальным работам художников, а значит, позволяют читателю «увидеть» итальянский город.

Две другие картины тоже связаны с итальянским изобразительным искусством. Павич обращает внимание на две работы с одним сюжетом (сюжет актуализирован также в истории Гавриила Стефановича-Венцловича): это «Благовещение» Леонардо да Винчи и Якопо Тинторетто. Картина да Винчи детализирована в романе следующим образом: «Всё изображение размещено по горизонтали, оно колеблется, удерживая равновесие, словно чаши весов. На одной стороне ангел, на другой Дева Мария. Они находятся в совершеннейшей гармонии среди совершеннейшего сада. Мгновение назад она читала книгу, он, с лилией в руке, только что спустился с неба. Всё исполнено покоя». Работа Тинторетто носит следующее иконическое описание: «Это квадрат, в котором выделяется диагональ. Дева Мария сидит в доме, а с небес, проломив крышу, в её комнату влетает целая стая ангелов во главе с архангелом Гавриилом, который несёт благую весть. Если вся эта стая, что видна на небе, ворвётся в дом, он рухнет, так же как с рождением Иисуса Христа рухнул весь существовавший до тех пор мир греха. Тинторетто изобразил непорочное зачатие как взрыв». Экфрасисы картин – это пример иконического знака.

Все индексальные и иконические обозначения текстов культуры имеют символический подтекст. За указаниями на пейзажи Венеции и полотна «Благовещение» стоят референты подлинных работ художников.

В) Соотношение законодателя и референта у знаков религии и верований.

Религия и верования занимают важное место в пространственной структуре романа «Другое тело». Евангелие и предметы для гадания – знаки веры. Благодаря им соединятся тело и душа человека. Через пространство религии и верований реализуется основная идея романа. Персонажи трёх сюжетных линий исследуют связь физического тела человека с нефизическим миром и ищут ответ на вопрос, что их ждёт после смерти и будет ли дано человеку после смерти другое тело, как Иисусу Христу.

В нашем анализе фигура Иисуса Христа – пример знака без чувственно воспринимаемого референта, так как он нам недоступен. Земной облик Иисуса, в котором он являлся ученикам после Воскресения, – это и есть его *другое тело*.

С этим мотивом связан эпизод археологических раскопок в Китае, в которых участвует Лиза. Китайский император составил книгу, включающую инвентарную опись своей армии. Там были представлены «пехота, вспомогательные войска, повара и конники, копы и щиты, все, что имеет и теряет в походах армия, все, что ей служит и чему служит она». В этой книге было инвентаризовано всё: «от пряжки на поясе солдата до бороды командира конного эскадрона. Каждый конский хвост, каждое седло и уздечка,

каждая неповторимым образом заплетенная грива жеребца <...>. Записан был каждый ус и цвет глаз каждого солдата, его обувь и его нож, знак различия и годы, запечатленные на лице». Но император посчитал, что книга ненадежна, и по его приказу из глины сделали армию в натуральную величину. Если каждый солдат – это слово, то целая армия – книга из комбинации этих слов. Терракотовая армия стала своего рода другим телом войска. По замыслу императора династии Цинь глиняная армия должна сопровождать его после смерти, поэтому она была закопана.

Практически все знаки «веры» репрезентированы в романе по индексальному типу, однако их оборотной стороной является символический (мистический) смысл. Прежде всего, они символизируют связь между пространством физического мира (физической жизни человеческого тела) и нефизическим существованием. Символическое значение пространства религии и верований актуализирует основную идею романа – верующий обретает бессмертие в другом теле и переходит в вечную жизнь.

Подобный эпизод романа, не связанный с религией и верой, также опирающийся на идею другого тела, связан с писателем. Писатель предполагает, что написанные им книги – это его другое тело. В них остаются его радости, прошлое, забытые воспоминания, растроченные силы, бывшие любви и ненависти. Книги продолжают жизнь писателя после его смерти.

Таким образом, приведенные примеры иллюстрируют не только функции знака, но и представляют идею неограниченного семиозиса. Только благодаря знакам в романе, как и в реальности, преодолеваются границы времени и пространства.

Заключение, перспективы исследования

Подводя итоги работы, вернемся к вопросу: знал ли Милорад Павич о семиотике, был ли знаком с работами Ф. де Соссюра, Ч. Пирса, Ч. Морриса, У. Эко? Скорее всего, да, ведь по его романы служат образцом визуализации теории семиотики. Не исключение и роман «*Drugo telo*». В его сюжете и идее заложена семиотическая идея: знак функционирует как *другое тело* референта, здесь обсуждаются формы знаковых воплощений для того, что готово исчезнуть. Если физический или ментальный объект конечны, то перевод этого объекта в знаковую форму способен сделать его бесконечной. Жизнь вещи продолжится в знаковом теле.

В итоге, актуальное для современной семиотики изучение соотношения законотворителя и референта может с успехом проводиться на материале художественных текстов. Теоретико-практические положения работы могут быть использованы для разработки учебных занятий в рамках курса по семиотике.

Литература

1. Бразговская Е. Е. В лабиринтах семиотики: Очерки и этюды по общей семиотике и семиотике искусства / Е. Е. Бразговская. – Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. – 224 с.
2. Бразговская Е. Е. Семиотика. Языки и коды культуры: учебник и практикум для академического бакалавриата / Е. Е. Бразговская. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 187 с. – (Серия: Бакалавр. Академический курс).
3. Павич М. Другое тело / М. Павич; пер. с серб. Л. Савельевой. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – 336 с.
4. Пирс Ч. С. Начала прагматизма: пер. с английского, предисловие В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина / Ч. С. Пирс. – СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ; Алетейя, 2000. – 352 с.
5. Усманова А. Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации / А. Р. Усманова. – Минск: Пропилеи, 2000. – 199 с.
6. Эко У. Имя розы / У. Эко; пер. с итал., глоссарий и послесловие Е. Костюкович. – Москва: Издательство АТ: CORPUS, 2016. – 678 с.

7. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – СПб.: Петрополис, 1998. – 432 с.
8. Эко У. Роль читателя: Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Серебряного. СПб.: Symposium; М.: Изд-во РГГУ, 2005. – 502 с.
9. Pavić, M. Drugo telo. Veštački mladež / M. Pavić. – Beograd, 2014. – 298 p.

References

1. Brazgovskaya E. E. In the labyrinths of semiotics: Essays and studies on general semiotics and semiotics of art. Yekaterinburg: Cabinet Scientist, 2017. 224 p.
2. Brazgovskaya E. E. Semiotics. Languages and codes of culture: textbook and workshop for academic bachelor's degree. M.: Yurayt Publishing House, 2019. 187 p.
3. Pavić M. Another body; per. from Serb. L. Savelyeva. SPb.: Publishing House «Azbuka-classic», 2007. 336 p.
4. Pierce Ch. S. Beginnings of pragmatism: trans. from English, foreword by V.V. Kiryushchenko, M.V. Kolopotin. SPb.: Laboratory for Metaphysical Research, Faculty of Philosophy, SPbSU; Aletheia, 2000. 352 p.
5. Usmanova A. R. Umberto Eco: paradoxes of interpretation. Minsk: Propylaea, 2000. 199 p.
6. Eco U. The name of the rose; per. with ital., glossary and afterword E. Kostyukovich. Moscow: Publishing house AT: CORPUS, 2016. 678 p.
7. Eco U. Absent structure. Introduction to semiology. SPb.: Petropolis, 1998. 432 p.
8. Эко У. The Reader's Role: Research on the Semiotics of the Text / Пер. from English and ital. С. Серебряного. СПб.: Symposium; М.: Publishing house of the Russian State University for the Humanities, 2005. 502 p.
9. Pavić M. Drugo telo. Veštački mladež. Beograd, 2014. 298 p.

УДК 81'373.7

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ЗООНИМНЫМ КОМПОНЕНТОМ КАК ЧАСТЬ НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Бузинова Людмила Михайловна

д.ф.н., доцент

зав. каф. лингвистики и межкультурной коммуникации

АНОВО «Московский международный университет»

Москва, Россия / rluda@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются семантические и функциональные особенности немецких фразеологических единиц с зоонимным компонентом. Предлагается авторская дефиниция термина «зооним», который в свете проблемы культурной коннотации представляет особый интерес для исследователей. Культурогенный багаж фразеологических единиц несет в себе наиболее яркие стереотипные представления, символы и традиции народа, поэтому основным принципом, определяющим подход и методы исследования, является антропоцентрический принцип. Зоонимный компонент специализируется на характеристике человека, прежде всего как общественного и разумного существа, описывая разносторонние особенности человеческой личности. В статье раскрываются существенные для человека в его восприятии животного, антропологические признаки следующих категорий: «физические свойства», интеллектуальные способности, черты характера (темперамент), морально-нравственные и экспрессивно-эмоциональные качества. Намечаются перспективы исследования, которые связываются с выявлением национально-культурной специфики немецкой зооморфной картины мира.

Ключевые слова: фразеологизм, зооним, лингвокультура, языковая картина мира, фразеологическая коммуникация.

PHRASEOLOGISMS WITH A ZOONYMIC COMPONENT AS PART OF THE GERMAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Buzinova Lyudmila

Doctor of Philology

Head of linguistics and intercultural communication department

Moscow International University

Moscow, Russia / rluda@mail.ru

Abstract

The article discusses the semantic and functional features of German phraseological units with a zoonymic component. The author's definition of the term "zoonym" is proposed, which, in the light of the problem of cultural connotation, is of particular interest to researchers. The cultural baggage of phraseological units carries the most vivid stereotypical representations, symbols and traditions of the people, therefore, the main principle determining the approach and methods of research is the anthropocentric principle. The zoonymic component specializes in the characterization of a person, primarily as a social and rational being, describing the versatile features of a human personality. The article reveals the anthropological features of the following categories that are essential for a person in his perception of an animal: "physical properties", intellectual abilities, character (temperament), moral and expressive-emotional qualities. The prospects of research are outlined, which are associated with the identification of the national and cultural specifics of the German zoomorphic picture of the world.

Key words: phraseology, zoonym, linguistic culture, linguistic picture of the world, phraseological communication.

В последнее время интерес лингвистов устойчиво смещается в сторону соотношения языка и культуры. Проблема взаимодействия языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов функционирования и эволюции языка как составного элемента культуры чаще обращает на себя внимание. В данном случае интегральной частью создания особого видения мира является фразеология, которая представляет собой самый яркий, живой и своеобразный пласт словарного состава любого языка. При этом «фразеологическая система языка выступает важнейшей составляющей образного видения народа, в которой отражаются как глубоко национальные, так и универсальные признаки человеческой экзистенции» [Седых, Сопова 2010: 49]. Фразеологические единицы (далее ФЕ), не раз являясь объектом исследования в гуманитарных и филологических науках [см.: Кунин 1972; Бинович 1995; Алефиренко 2008; Бузинова 2006, 2010; Томенко, Седых 2020], отличаются культурным своеобразием, «определенной спецификой структурно-семантических признаков» [Бузинова 2018: 82]. Природа их значения тесно связана с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями нации.

Анализ фразеологического состава современного немецкого языка с точки зрения лингвокультурологического подхода позволил выделить значительный пласт фразеологизмов, содержащих зоонимы. Целевая установка данной статьи очерчивается исследованием национально-культурной семантики ФЕ с зоонимным компонентом в русле характеристики личностных качеств индивида.

В лексике любого языка мира зоонимы представляют собой весьма специфический слой. Именно зооним отражает различия в национальных культурных представлениях, психологические, ментальные и социальные особенности, присущие определенному языковому сообществу и культуре в целом. Лингвисты отмечают, что перенос наименований животных на человека и объекты реального мира представляет собой универсальный способ выражения оценочных значений. Эта идея заложена в научных трудах А.В. Кунина, Л.П. Смита и продолжена в работах современных лингвистов Е.К. Лукониной, Г.С. Григорьевой, Ф.А. Литвина, Т.В. Новиковой и др.

В нашей работе зооним рассматривается как составной элемент фразеологической единицы, усиливающий ее культурогенный багаж в целом. И древнему, и современному

человеку свойственна тенденция моделирования социальных явлений на биологической основе: выражение душевных состояний через природные явления, а моральных качеств человека – через обращение к миру животных. Животные по своей природе ближе к человеку и больше втянуты им в мир своих преобразований, больше связаны с историческим развитием цивилизации. Культ животных – первая грань, которую человек провёл между собой и миром природы, ещё признавая её господство, но, уже не отождествляя себя с ней. Культовые изображения животных были одним из первых проявлений творчества человека. С развитием цивилизации наблюдается снижение роли животных в духовной культуре человечества. Но, несмотря на это, анимализм остаётся тем смыслообразующим фоном, на котором формируются языковые и культовые стереотипы, поэтические образы. Как правило, поэтические образы и метафоры основаны или на бытовых наблюдениях человека над поведением диких и домашних животных, или на древнейших мифологических представлениях о животных.

Немецкие ФЕ с зоонимным компонентом, являясь знаками косвенной номинации, представляют собой открытую подсистему немецкого языка, постоянно пополняющуюся новыми комплексными единицами, возникающими под влиянием лингвистических факторов. Они способны служить не только средством вербальной коммуникации, но и средством познания. Познавательная ценность ФЕ с зоонимным компонентом состоит в способности этих языковых знаков отражать своим внутренним содержанием объективную действительность и тем самым служить средством её познания.

Весь фразеологический инвентарь с зоонимным компонентом группируется в следующие фразеологические группы, релевантным объектом для выделения которых выступают наименования различных особей животного мира. Это могут быть домашние животные: *auf dem Hund sein* (перевод автора) – быть в нужде; дикие животные: *er schläft wie ein Bär* – он спит как сурок; птицы: *eine diebische Elster* – сорока-воровка; рыбы: *den Aal beim Schwanz fassen* – начать не с того конца; пресмыкающиеся: *eine Schlange am Busen nähren* – пригреть змею на груди; насекомые: *aus einer Mücke einen Elefanten machen* – делать из мухи слона и другие.

В составе фразеологической единицы, зоонимный компонент трансформирует её значение, в результате чего денотативно-сигнификативный аспект ФЕ становится полипризнаковым. Справедливо отмечено О.Н. Иванищевой и Е.В. Болговой, «значения зоонимической лексики имеют разные функции и несут семантические нагрузки, в частности функции, характеризующие человека. Характеризующая функция зоонимической лексики национально специфична и подразумевает характеристику человека со стороны его поведения, поступков, а также внешнего вида» [Иванищева, Болгова 2018: 122].

В русле наших наблюдений и комментариев целесообразно рассмотреть именно ФЕ с зоонимным компонентом, в которых ярко проявляются разносторонние качества личности: «физические свойства», интеллектуальные способности, черты характера (темперамент), морально-нравственные и экспрессивно-эмоциональные качества. Приведем примеры:

1. Физические свойства личности:

- здоровье, сила: *gesund wie ein Bär* – здоровый как бык;
- слабость: *matt wie eine Fliege* – слабый, как муха;
- худоба: *dünn wie ein Hering* – худой как селёдка/вобла;
- красота: *dufte Biene* – красотка.

2. Интеллектуальные способности:

- ум, смекалка: *j-d ist klug wie eine Schlange* – умный;
- глупость: *ein dummer Esel* – глупый.

3. Характер человека:

- радость, счастье: *ein junger Hecht* – сорвиголова;
- неудача, несчастье: *ein armes Huhn* – горемыка; *ein armer Hund* – бедолага;

- доброта: *ein gutes Tier* – добрая душа;
- робость, нерешительность: *einen Hasen im Busen tragen* – трястись как заяц;
- лень: *auf der Bärenhaut liegen* – бездельничать, лентяйничать;
- наглость: *ein frecher Spatz* – наглый, как воробей.

4. Морально-нравственные качества:

- решительность, смелость: *den Stier an den Hörnern fassen* – взять быка за рога;
- надменность: *auf dem hohen Pferd sitzen* – важничать, хвастаться;
- смиренность: *wie ein begossener Pudel stehen* – стоять, поджавши хвост;
- трудолюбие: *emsig wie eine Biene* – работающий;
- лицемерие: *ein falscher Hund* – неискренний.

5. Экспрессивно-эмоциональные качества:

- подавленность: *da stehen wie der Ochs am Berge* – смотреть, как баран на новые ворота;
- веселье: *einen Affen tanzen lassen* – веселиться;
- выходить из себя: *die Hunde los lassen* – спускать собак;
- раздражительность: *den schlafenden Löwen aufwecken* – разбудить в ком-либо зверя;
- бестактность: *sich benehmen wie ein Elefant im Porzellanladen* – быть неуклюжим (как слон в посудной лавке).

Таким образом, «особенность» места фразеологических единиц с зоонимным компонентом в процессе выявления в языке этнической историко-культурной памяти определяется их четко выраженным антропологическим характером, ведь своей специфической номинацией фразеологические единицы в большинстве случаев охватывают те фрагменты действительности, которые непосредственно связаны с психическими процессами, деятельностью человека, ее индивидуально-психологическими особенностями. Фразеологизмы являются не только средством выразительности и добавляют экспрессивности речи говорящего, но также хранят в себе большой багаж свернутой информации, при изучении которой мы можем составить представление об определенных аспектах жизни и мышления тех или иных представителей культуры. Анализ зоонимов в составе фразеологизмов позволяет проследить становление когнитивного опыта человека, получить информацию о культуре того или иного этноса, познакомиться с особенностями восприятия и понимания человеком окружающего его мира, что открывает перспективы для дальнейшего исследования.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. – М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. – 272 с.
2. Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь / Л.Э. Бинович; под ред. С.И. Константиновой; – М.: Аквариум, 1995. – 768 с.
3. Бузинова Л.М. Фразеологические особенности французской коммуникации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 4 (32). – С. 78-85
4. Бузинова Л.М. Категория роста в картине мира (на примере глаголов немецкого языка) // Иностранные языки в высшей школе. 2010. № 4 (15). – С. 14-20.
5. Бузинова Л.М. Характерные особенности языковой картины мира // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы международной научной конференции: в 2 ч.. 2006. – С. 75-78.
6. Иванищева О.Н., Болгова Е.В. Инвективная зоонимическая лексика русского языка // Известия Волгоградского государственного. 2018. №8 (131) – С.122-125.
7. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. – М.: Изд-во «Международные отношения», 1972. – 288 с.

8. Седых А.П., Сопова И.В. Фразеология в период становления новых исследовательских парадигм // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность, № 3. М.: Издательство РУДН, 2010. С. 49-53.
9. Томенко Д.А., Седых А.П. Фразеологизмы и лингвокультура: *carpe diem* // Лексикография и коммуникация – 2020. Сборник материалов VI Международной научной конференции. 2020. – С. 166-174.
10. Филимонова А.А. Лингвокультурные особенности фразеологизмов с зоонимическим компонентом (на примере зоонима «ворон/Rabe») // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков в свете современных тенденций // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2021. – С. 34-39.

References

1. Alefirenko N.F. *Phraseology in the light of modern linguistic paradigms*: Monografiya. – М.: ООО Izd-vo «Elpis», 2008. 272 p.
2. Binovich L.E. *German-Russian phraseological dictionary* / L.E. Binovich; pod red. S.I. Konstantinovej; – М.: Akvarium, 1995. 768 p.
3. Buzinova L.M. *Phraseological features of French communication* // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. 2018. № 4 (32). P. 78-85.
4. Buzinova L.M. *The category of growth in the picture of the world (using the example of German verbs)* // Inostrannye yazyki v vysshej shkole. 2010. № 4 (15). P. 14-20.
5. Buzinova L.M. *Characteristic features of the linguistic picture of the world* // YAzykovaya lichnost' – tekst – diskurs: teoreticheskie i prikladnye aspekty issledovaniya: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: v 2 ch. 2006. P. 75-78.
6. Ivanishcheva O.N., Bolgova E.V. *Invective zoonymic vocabulary of the Russian language* // Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo. 2018. №8 (131) – P.122-125.
7. Kunin A.V. *Phraseology of modern English*. – М.: Izd-vo «Mezhdunarodnye otnosheniya», 1972. 288 pp.
8. Sedykh A.P., Sopova I.V. *Phraseology in the period of formation of new research paradigms* // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya. Yazyki i special'nost', № 3. М.: Izdatel'stvo RUDN, 2010. P. 49-53.
9. Tomenko D.A., Sedykh A.P. *Phraseological units and linguoculture: carpe diem* // Leksikografiya i kommunikaciya – 2020. Sbornik materialov VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 2020. P. 166-174.
10. Filimonova A.A. *Linguistic and cultural features of phraseological units with a zoonymic component (on the example of the zoonym "raven / Rabe")* // Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov v svete sovremennyh tendencij // Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Rostov-na-Donu 2021. P. 34-39.

УДК 81'22

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Буторина Наталья Федоровна

кандидат филол. наук, доцент кафедры русского языка
Оренбургский государственный медицинский университет
Оренбург, Россия / n.f.butorina@orgma.ru

Аннотация

Глобализация как процесс интеграции различных культур, языков, организаций, стран мирового сообщества является одной из широко обсуждаемых проблем человечества в XXI в. Данная статья затрагивает лингвистические аспекты глобализации. Под языковой глобализацией понимается повсеместное использование английского, связанное с расширением межкультурных контактов, что приводит к появлению новых разновидностей языка. В статье выдвигается рабочая

гипотеза о том, что развитие языка по пути глобализации имеет ряд преимуществ и недостатков. Приводятся доказательства того, что языковая глобализация ведет не только к образованию универсального языка для всего мирового сообщества, но и к утрате национальной специфики языков и культур. С помощью методов сравнительного и сопоставительного анализов устанавливаются основные лексические и грамматические инновации в современном русском языке. Особое внимание уделяется классификации новообразований в русском языке и дальнейшей перспективе языкового развития в целом.

Ключевые слова: языковая глобализация, английский язык, русский язык, культура, межкультурная коммуникация, языковые контакты

THE INFLUENCE OF GLOBALIZATION ON THE DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Butorina Natalia Fedorovna

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Russian language department
Orenburg State Medical University,
Orenburg, Russia / *n.f.butorina@orgma.ru*

Abstract

Globalization as an integration process of different cultures, languages, organizations, countries of the world community is one of the widely discussed problems of humanity in the XXI century. This article reveals the linguistic aspects of globalization. Linguistic globalization refers to the widespread use of English associated with the expansion of intercultural contacts, which leads to the emergence of new varieties of the language. The article puts forward a working hypothesis that the development of the language along the path of globalization has a number of advantages and disadvantages. Evidence is given that linguistic globalization leads not only to the formation of a universal language for the entire world community, but also to the loss of national specificity of languages and cultures. Using the methods of comparative and contrastive analysis, the main lexical and grammatical innovations in modern Russian language are established. Special attention is paid to the classification of new phenomena in the Russian language and the further perspective of language development in general.

Key words: language globalization, English, Russian, culture, intercultural communication, language contacts

Тема о влиянии процессов глобализации на развитие современных языков обсуждается еще с начала 90-х годов прошлого столетия, однако, она не перестает быть актуальной и вызывает все большую полемику в научных кругах.

Термин «глобализация» появилось в лексиконе современного человека в начале 1980-х гг. благодаря американскому социологу Роланду Робертсону. Чуть позже он дает подробное определение, отмечая, что «глобализация – это процесс всевозрастающего воздействия различных факторов международного значения (например, тесных экономических и политических связей, культурного и информационного обмена) на социальную действительность в отдельных странах» [Робертсон 1992, 388]

Многие исследователи считают, что глобализация затрагивает больше экономические и политические сферы развития общества. Однако в последнее время, как замечает А.Н. Чумаков, обнаруживается «первичность культуры на глобальном уровне» [Чумаков 2006, 220]. Идея, что именно культура является тем связующим звеном, которое обеспечивает комплексное взаимодействие глобальных процессов, находит свое отражение в трудах многих зарубежных и отечественных исследователей, занимающихся этой проблемой.

Язык как субстанция культуры способствует ее формированию посредством словарного запаса, служит важным символом групповой принадлежности и формирует культурную идентичность народа. Языки являются важнейшим средством общения, которое дает возможность взаимодействовать с разными культурами. Овладение несколькими языками позволяет людям расширить свой личный кругозор, мыслить глобально, а также повысить уровень собственного самосознания и понимания своих

соседей. Таким образом, языки являются самой основой глобализации: без языка (как средства коммуникации) глобализация была бы невозможна.

В настоящей статье ставится задача рассмотрения лингвистических аспектов глобализации и определения основных проблем, связанных с влиянием процессов глобализации на русский язык. В ходе работы над данной темой были использованы метод теоретического анализа литературы по исследуемому вопросу, методы описания, сравнительного и сопоставительного анализа. Материалом исследования послужили заимствования русского языка из английского языка за последние 10 лет, употребляющиеся в повседневной речи и СМИ.

Глобализация – это естественный процесс, который ведет к изменениям в глобальном пространстве, в котором не существует границ между странами и все мировое пространство постепенно преобразуется в «глобальную деревню» с мгновенным и беспрепятственным перемещением информации, товаров, услуг, капитала. С точки зрения лингвистики термин «языковая глобализация» означает «процесс взаимопроникновения языков» и появление «глобального языка», единого языка межкультурного общения. Прежде всего, конечно, в эпоху глобализации в лидирующем положении оказался английский язык, поэтому под языковой глобализацией понимают распространение английского языка и проникновение англицизмов в другие языки.

Исследования показывают, что глобализация английского языка привела к появлению нового чувства идентичности, когда люди, владеющие английским языком, считают себя принадлежащими к определенной группе. Новый класс, который формируется опытными носителями второго английского языка в странах третьего мира, таких как Африка и Азия, в основном находится под влиянием английского языка. Ученые называют английский язык отличительным знаком, который сигнализирует о принадлежности к определенной группе.

Однако, как справедливо отмечают Баландина Л. А. и Ганина Е.В., языковая глобализация изменяет не только роль и место английского языка в современном мире, она меняет «привычную картину существования и других мировых языков» [Баландина, Ганина 2016, 73]

Многие исследователи отмечают, что глобализация оказывает значительное влияние на язык, как положительное, так и отрицательное. В данной работе мы разделяем эту точку зрения. Анализ влияния глобальных процессов на состояние языка и культуры отражает двоякий «негативно-позитивный» характер глобализации. С одной стороны это проявляется в интегративных процессах, создании общности языков и культур. Глобализация способствует распространению некоторых языков и культур и их доминированию в глобальном масштабе. С другой стороны – негативные последствия глобализации, заключающиеся в потере культурной самобытности народов и вымирании языков. Именно глобализация привела к исчезновению некоторых языков и культур. Среди наиболее очевидных последствий глобализации для языков мира – влияние на языки меньшинств, пренебрежение богатством и разнообразием языковых форм и стилей, а также снижение мотивации изучать иностранный язык среди носителей английского языка.

В связи с этим необходимо отметить эффективную политику ЮНЕСКО по сохранению культурного и языкового наследия, которая призвана сбалансировать две радикальные тенденции глобализации, примирить всеобщее стремление к появлению одной доминирующей культуры и одного глобального языка за счет вытеснения и отмирания национальных культур и языков и борьбу за чистоту локальных культур и языков с целью их сохранения [Смокотин, 21]. «Всеобщая Декларация о культурном разнообразии» ЮНЕСКО (2001г.) регулирует взаимопроникновение лингвокультур, делая акцент на культурных правах человека, возможности самовыражаться на языке выбора с целью сохранения языкового разнообразия [Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001].

Бесспорно, язык, развивающийся по пути глобализации, имеет ряд преимуществ перед другими языками. Он становится многофункциональным, обслуживающим разные

сферы деятельности человека; он вне пространства и времени; он стремительно развивается за счёт притока новых носителей языка и их родных языков, что способствует поддержанию жизнеспособности языка.

Однако, стремясь к универсальности, многофункциональности и максимальному покрытию всех сфер использования, глобализованные языковые системы включают в себя неограниченное количество новых языковых единиц, что приводит к неконтролируемому расширению объема глобализованных языков и приближает человечество к антропологическому языковому кризису. К тому же, стремление к получению универсального языка сопровождается потерей народами своей этнической уникальности.

Говоря о влиянии процессов глобализации на состояние и развитие современного русского языка, необходимо отметить большой поток заимствований из английского языка, который значительно увеличился за последние 10 лет. Заимствования из английского стали незаменимой частью русского языка, своеобразной модой в молодежном обществе, обусловленной идеализированием американского общества с более высоким уровнем жизни и постоянно ускоряющимися темпами технического прогресса.

Однако, появление в языке заимствований объясняется не только данью моде, но и внедрением в нашу жизнь новых технологий, предметов быта, новых явлений, названия которых в русском языке либо отсутствовали, либо не точно передавали смысл.

Так можно объяснить появление таких слов как *бейдж*, *блогер*, *кэшбэк*, *маркетплэйс*, *шоу-ру*, *таргетолог*, *маркетолог* и др.

Наряду с заимствованием слов целиком, распространен процесс калькирования.

Например: *Черная Пятница* (ср. англ. Black Friday), финансовая *грамотность* (ср. англ. *finance literacy*), *целевая аудитория* (ср. англ. *target audience*)

Причем, иногда калькироваться могут фразеологические единицы или целые предложения.

Например: *Это не про деньги* (ср. англ. *It's not about money*). *Ты сделал мой день!* (ср. англ. *You made my day!*»)

Глобализация приводит к лексическим инновациям, связанным с расширением семантики слова по образцу языка-донора. Например, слово *проект* и его производные приобрели новые значения, связанные с понятиями *обязательства*, *намерения* (например, *долгосрочный проект*), *маркер* приобрело значение *показатель*.

Некоторые неологизмы, появляющиеся в языке, обязаны своим появлением также процессам глобализации и стремлению подражать существующей моде на использование иностранных слов в речи. Так возникают слова, которые принимают за англицизмы, потому что они имеют похожую структуру, но в реальности не существуют в современном английском языке. Например, *лоукостер* очень похоже на английское заимствование по структуре, но в английском языке ему соответствует *low cost carrier*. Некоторые слова заимствуются в русский язык из английского с изменением значения. Например, *руфер* – *это человек, который увлечен лазанием по крышам*. В отличие от русского, англ. *roofer* – *это кровельщик, человек, который кроет или ремонтирует крыши*. То же самое можно сказать о *пранкер*, *digger*, *showman* и др.

Следует подчеркнуть, что инновации как следствия языковой глобализации обнаруживаются не только в лексике, но и затрагивают грамматическую структуру языка. Так, в последнее время в русском языке появилось много новых слов, построенных по германскому способу словообразования, так называемые бленды. Они не содержат соединительные гласные и могут содержать усеченные основы. Предлагается разделить их на три группы.

Первая группа включает транслитерированные заимствования целых выражений, например *веб-сайт* (ср. англ. *website*), *кофе-брейк* (ср. англ. *coffee break*), лаундж-зона (ср. англ. *lounge zone*), тайм-менеджмент (ср. англ. *time management*), барбершоп (ср. англ. *barbershop*), коронавирус (ср. англ. *Corona+virus*)

Ко второй группе относятся формы, которые повторяют словообразовательную модель языка-донора. Например: *Президент-отель, Натали-стайл, Бош-авто-сервис, конференц-зал, Топ-Финанс, Кастом Кэпитал*

В третью группу можно отнести новообразования, первый элемент которых, по сути, выполняет функцию прилагательного. Некоторые исследователи полагают, что в русском языке появилась новая грамматическая форма – прилагательное, образованное методом конверсии из другой части речи, которое предшествует определяемому существительному. Например: *маркетплэйс, фитоняша, оверсэйз, веб-дизайнер, селфи-палка, интернет-менеджер*.

Причем, иногда первый элемент может представлять собой английское сокращение, которое сохраняет написание латинскими буквами. Например: *sms-жаргон, sms-сообщение, sms-рассылка, sms-переписка, vip-персона, vip-вклад, vip-отель, vip-тур, vip-зал, vip-зона, lgbt – парад, lgbt-вечеринка, lgbt-подростки*. Однако иногда эти сокращения так же транслитерируются, что обычно редко случается в русском языке с сокращениями. Например: *смс-рассылка, лгбт-флаг, лгбт-мероприятия, вип-зал, вип-клиент, вип-текстиль и др.*

Необходимо отметить, что заимствованные слова, пришедшие в язык из языка-донора, укрепляются в языке-реципиенте, становятся полноценными элементами русского языка, начинают функционировать так же, как и остальная лексика, подчиняться тем же правилам словообразования и словоизменения.

Заимствованные существительные влекут за собой образование новых производных, ранее отсутствующих в русском языке. Например: от слова *пиар* образовались слова *пиарщик, отпиарить*; от слова *шопинг* – *шопиться*. Целый ряд глаголов образован от заимствованных существительных: *лайкать, миксовать, постить, донатить, апгрейдить, пранковать, гуглить, банить, чекиниться, зумиться и др.*

В заключение хочется отметить, что описанные здесь глобализирующие процессы, несомненно, изменяют русский язык. Возможно – обогащают, усложняют, возможно – упрощают в какой-то мере. С одной стороны, языковая глобализация в современном мире – неизбежность, ибо человек стремится быть понятым обществом, в котором он живет. С другой стороны, языковая глобализация необходима, она сопровождает социально-политические и экономические процессы в обществе. Она делает язык конкурентоспособным и увеличивает его шансы на выживание, ведь язык остается живым только в том случае, если он развивается, и его развитие удовлетворяет потребностям его носителей. Будем надеяться, что, несмотря на все изменения, русский язык останется русским языком – тем самым «великим, могучим, правдивым и свободным...»

Литература

1. Баландина Л.А., Ганина Е.В. Лингвистические аспекты глобализации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. №3 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-aspekty-globalizatsii> (дата обращения: 03.11.2021).
2. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (31-я сессия генеральной конференции ЮНЕСКО, Париж 2 ноября 2001 г.)// URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 03.11.2021)
3. Робертсон Р. Глобализация: социальная теория и мировой культуры. Лондон, 1992. – 338 с.
4. Смокотин В.М. Многоязычие и проблемы преодоления межъязыковых и межкультурных коммуникативных барьеров в современном мире. Томск, 2010. – 21 с.
5. Чумаков А.Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст: монография. М., 2006. – 220 с.

References

1. Balandina L.A., Ganina E.V. Lingvisticheskie aspekty globalizatsii // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2016. №3 (23). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskie-aspekty-globalizatsii> (data obrashcheniya: 03.11.2021).
2. Vseobshchaya deklaraciya YUNESKO o kul'turnom raznoobrazii (31-ya sessiya general'noj konferencii YUNESKO, Parizh 2 noyabrya 2001 g.)// URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (data obrashcheniya: 03.11.2021)
3. Robertson R. Globalizatsiya: social'naya teoriya i mirovoj kul'tury. London, 1992. – 338 p.
4. Smokotin V.M. Mnogoyazychie i problemy preodoleniya mezh'yazykovykh i mezhkul'turnykh kommunikativnykh bar'erov v sovremennom mire. Tomsk, 2010. – P. 21.
5. Chumakov A.N. Metafizika globalizatsii. Kul'turno-civilizacionnyj kontekst : monografiya. M., 2006. – 220 p.

УДК 81'373.7

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТОПОНИМОВ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР В ЖАНРЕ ФЭНТЕЗИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИГРЫ «THE ELDER SCROLLS V: SKYRIM»)

Волкова, Анастасия Игоревна

магистрант кафедры немецкого и французского языков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / korolina45@yandex.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются некоторые особенности перевода топонимов компьютерных игр в жанре фэнтези на примере игры «The Elder Scrolls V: Skyrim». Топонимы – один из самых объемных и интересных для перевода пластов дискурса компьютерной игры. Их перевод и адаптация способны оказать большое влияние на восприятие игры иноязычным геймером, а потому требуют от локализаторов особого мастерства, чувства стиля и способности выбрать адекватную, наиболее подходящую переводческую стратегию.

Ключевые слова: топонимы, дискурс компьютерной игры, перевод, локализация, адаптация, переводческая трансформация

FEATURES OF THE TRANSLATION OF TOPONYMS OF COMPUTER GAMES IN THE FANTASY GENRE (ON THE MATERIAL OF THE GAME «THE ELDER SCROLLS V: SKYRIM»)

Volkova Anastasia Igorevna

graduate student of the German and French languages department

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / korolina45@yandex.ru

Abstract

This article considers some features of the translation of toponyms of computer games in the fantasy genre on the example of the game "The Elder Scrolls V: Skyrim". Toponyms are one of the most voluminous and the most interesting for translation formations of computer game discourse. Their translation and adaptation can have a great impact on the perception of the game by a foreign-language gamer, and therefore they require from localizers special skills, the sense of style and the ability to choose an adequate, appropriate translation strategy.

Key words: toponyms, computer game discourse, translation, localization, adaptation, translation transformation

Индустрия видеоигр непрерывно развивается и набирает популярность. Каждый год создаются тысячи новых продуктов, пользующихся огромным спросом у игроков по всему земному шару. Так, например, согласно календарю выхода игр, представленному популярным российским изданием «Игромания», в период с 1 января 2020 по 1 января 2021 года вышло 20325 новинок, включая web-игры и мобильные игры [Календарь].

Одним из самых популярных жанров видеоигр является жанр фэнтези. От других жанров его прежде всего отличают мифологические и сказочные сюжетные мотивы, наличие магии и необычных сверхъестественных существ (феи, эльфы, драконы и т.д.). Кроме того, действие фэнтезийных игр чаще всего происходит в вымышленных мирах, существующих и развивающихся по своим законам и правилам.

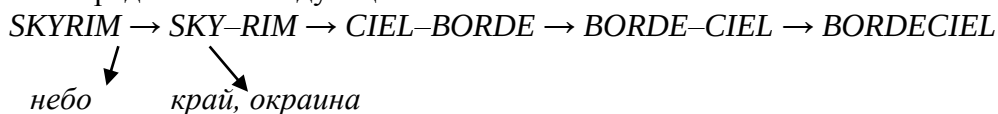
Вымышленные миры видеоигр в жанре фэнтези характеризуются необычными и представляющими большой интерес с точки зрения переводоведения топонимами – собственными названиями каких-либо географических объектов [Большой]. Данный пласт игрового дискурса является одним из самых интересных для исследования и сложных для перевода, а потому требует от локализаторов не меньшего мастерства, чем, к примеру, речь персонажей. Иноязычный вариант топонима должен не только отражать суть оригинального названия локации, но и быть благозвучным, не «резать слух» игроков.

Стоит отметить, что главной целью языковой локализации компьютерно-игрового дискурса является воссоздание схожего игрового опыта у представителей целевой аудитории, независимо от уровня владения языком и культурного опыта [Болотина, Кузьмина 2019, 43]. Это несомненно касается и топонимов игрового мира, поскольку их адаптация может оказать большое влияние на восприятие игры ее непосредственным потребителем.

Для осуществления качественного перевода игрового дискурса, в том числе топонимов, локализаторы должны в отсутствие словарного соответствия или при невозможности его использования подобрать наиболее адекватную и целесообразную переводческую трансформацию – преобразование, с помощью которого можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле [Комиссаров 1990, 170].

Для нашего исследования были выбраны топонимы открытого мира видеоигры «The Elder Scrolls V: Skyrim» 2011 года от студии Bethesda. Данный продукт является ярким представителем жанра фэнтези и с момента выхода не утратил своей популярности и востребованности. В издании «Legendary Edition» (2013) игра насчитывает более 300 различных локаций. Материалом для сравнительно-сопоставительного анализа послужили оригинальная англоязычная версия игры, а также ее русская и французская локализации.

Начать сравнительный анализ оригинальной англоязычной версии игры и ее локализаций представляется целесообразным с «главного» топонима – *Skyrim*. Для адаптации названия провинции, где разворачивается действие игры, российские локализаторы прибегли к такому приему, как транслитерация: *Skyrim* → *Скайрим*. Во французской версии оно звучит как *Bordeciel*, т.е. использовано калькирование с перестановкой частей слова. Общий процесс переводческих преобразований в данном случае можно представить следующей схемой:

Уже здесь можно отметить, что французские локализаторы, в отличие от русских, не слишком охотно прибегают к таким видам переводческих трансформаций, как транслитерация и транскрипция. Французы известны своим бережным отношением к родному языку и борьбой за его чистоту [Прюво, Седых, Бузинова 2018]. Данная черта национального французского менталитета довольно ярко проявляется в переводе игры.

Не менее интересными и показательными примерами являются названия владений (холдов) провинции Скайрим и их столиц:

Владения Скайрима

Оригинал	Русский вариант	Французский вариант
Eastmarch	Истмарк	Estemarche
Falkreath	Фолкрит	Épervine
Haafingar	Хаафингар	Haafingar
Hjaalmarch	Хьялмарк	Hjaalmarche

The Pale	Белый Берег	Le Clos
The Reach	Предел	La Crevasse
The Rift	Рифт	La Brèche
Whiterun	Вайтран	Blancherive
Winterhold	Винтерхолд	Fortdhiver

Столицы владений Скайрима

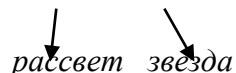
Оригинал	Русский вариант	Французский вариант
Windhelm	Виндхельм	Vendeaume
Falkreath	Фолкрит	Épervine
Solitude	Солитюд	Solitude
Morthal	Морфал	Morthal
Dawnstar	Данстар	Aubétoile
Markarth	Маркарт	Markarth
Riften	Рифтен	Faillaise
Whiterun	Вайтран	Blancherive
Winterhold	Винтерхолд	Fortdhiver

Анализ приведенных выше номинаций показывает, что большая часть из них – лексемы, построенные и оформленные с использованием английского языка полностью либо частично [Жигунов 2017, 11]. К примеру, название города *Whiterun* состоит из двух отдельных английских лексических единиц: *white* (белый) и *run* (бег).

В русской локализации подавляющее большинство топонимов-названий владений Скайрима и их столиц переведено с помощью транслитерации и транскрипции: *Winterhold* → *Винтерхолд*, *Falkreath* → *Фолкрит* и т.д. Исключение составляют лишь лексемы *The Pale* и *The Reach*. Регион *The Reach* в русской адаптации звучит как *Предел*, что соответствует словарной трактовке указанной лексемы. Холд располагается на западе провинции, на склоне горной цепи, и является приграничным регионом. Отсюда и выбор англоязычной номинации – граница долины, очерченная горами [Жигунов 2017, 12]. Владение *The Pale* располагается в северной части провинции Скайрим и покрыта преимущественно лесами и снежным покровом. В русскоязычной версии номинация переведена как *Белый Берег*, что в целом соответствует оригинальному названию владения (англ. *pale* – бледный, белый, блеклый). Очевидно, что при переводе и интерпретации авторы принимали во внимание региональные условия, климат, рельеф. В данном случае переводчики прибегли к своего рода лексическому добавлению [Жигунов 2017, 12].

Что же касается французского варианта, то здесь большинство номинаций было адаптировано с помощью калькирования:

DAWNSTAR → *DAWN-STAR* → *AUBE-ÉTOILE* → *AUBÉTOILE*

Примечателен во французской локализации следующий момент: помимо значений «бледный», «блеклый» английская лексема *pale* может переводиться как «черта», «граница», «ограда». Именно ко второму варианту склонились в своей интерпретации французские переводчики, используя лексему *clos* – огороженное место, обнесенный оградой участок земли.

В отношении немногих названий владений провинции Скайрим и их столиц французские локализаторы использовали транслитерацию и транскрипцию: *Hjaalmarch* → *Hjaalmarche*.

Что же касается более мелких локаций, расположенных на территории Скайрима, то в обеих локализациях используются как прямые переводы, кальки, так и транслитерация с транскрибированием (например, для лексических единиц, не

подлежащих прямому переводу): *Clearpine Pond* – *Пруд Чистых Cосен* – *Étang de Pinclair*; *Tower of Mzark* – *Башня Мзарк* – *Tour de Mzark*; *Riverwood* – *Ривервуд* – *Rivebois*.

Таким образом, при сравнительном анализе топонимов оригинальной англоязычной версии игры «The Elder Scrolls V: Skyrim» с их переводами на русский и французский языки можно прийти к выводу, что русские локализаторы чаще прибегали к таким приемам, как транслитерация и транскрипция, в то время как французские переводчики стремились интерпретировать оригинальные наименования с помощью прямого перевода, калькирования.

Перевод и адаптация топонимов игрового мира – важный аспект локализации компьютерной игры. Иноязычный вариант названия игровой локации должен не только отражать суть названия оригинального насколько это представляется возможным, но и быть благозвучным, ни в коем случае не «резать слух» геймера и соответствовать атмосфере игры.

Литература

1. Болотина М.А., Кузьмина Е.В. Лексические проблемы перевода компьютерных игр // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2019. №1. С. 43–50.
2. Большой толковый словарь русского языка URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 22.10.2021)
3. Жигунов А.Ю. Небесный край: некоторые особенности перевода топонимов игрового мира (на примере топонимов вселенной игры The Elder Scrolls V: Skyrim // Лингвокультурологические особенности иноязычного дискурса: сборник научных работ. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. – С. 11–13.
4. Календарь игр 2020-2021 URL: <https://www.igromania.ru/games-calendar/all/all/all/all/all/1/20200101/20210101/> (дата обращения: 22.10.2021).
5. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
6. Прюво Ж., Седых А.П., Бузинова Л.М. Текст, контекст, интертекст: синтез смыслопорождения // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4. № 3. С. 21-35.

References

1. Bolotina M.A., Kuz'mina E.V. (2019) Leksicheskie problemy perevoda komp'uternyh igr. – Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Filologiya, pedagogika, psihologiya. – 2019. – Issue 1. 43-50.
2. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 22.10.2021)
3. Zhigunov A.Yu. (2017) Nebesnyi kraj: nekotorye osobennosti perevoda toponimov igrovogo mira (na primere toponimov vselennoi igry The Elder Scrolls V: Skyrim [Skyrim: some peculiarities of the computer game toponyms translation (on the examples of toponyms of The Elder Scrolls V: Skyrim game universe)]. – Lingvokul'turologicheskiye osobennosti inoiazыchnogo diskursa: sbornik nauchnyh rabot. – Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2017. – S. 11–13.
4. Game calendar 2020-2021 URL: <https://www.igromania.ru/games-calendar/all/all/all/all/all/1/20200101/20210101/> (Accessed 22.10.2021).
5. Komissarov V.N. (1990) Teoriia perevoda (lingvisticheskiye aspekty): Ucheb. dliia in-tov i fak. inostr. iaz. – M.: Vyssh. shk., 1990. – 253.
6. Pruvost J., Sedykh A.P., Buzinova L.M. (2018) Tekst, kontekst, intertekst: sintez smyslopороzhdeniya // Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki [Text, context, intertext: synthesis of the generation of meaning // Scientific Result. Theoretical and Applied Linguistics]. T. 4. № 3, 21-35.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ЖУРНАЛИСТА В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Губайдулина Мария Вильевна

преподаватель

Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия / est-idea@yandex.ru

Аннотация

В статье предпринимается попытка рассмотрения понятия языковой личности современного журналиста, а также факторов, которые оказывают влияние на ее формирование. В качестве теоретической базы используются работы Л.Б. Зубановой, М.С. Тарасовой, О.А. Черныш. Описание языковой личности строится на основе концепции, разработанной Ю.Н. Карауловым. Анализ языковой личности современного журналиста осуществляется на примере старшего корреспондента российской ежедневной общественно-политической газеты «Коммерсантъ» Андрея Винокурова – в частности, анализу подвергается стиль написания текстов и заголовочный комплекс. При анализе языковой личности журналиста внимание также обращается на перечень тем, к которым обращается Андрей Винокуров. Материалом исследования стали публикации журналиста за 2020 год. Сделаны соответствующие выводы и указаны перспективы дальнейшего исследования языковой личности современного журналиста, которая имеет полное право рассматриваться как самостоятельный индивидуальный лингвистический феномен.

Ключевые слова: языковая личность, медиатекст, медиaproстранство, особенности журналистского текста, публичная языковая личность.

FEATURES OF A JOURNALIST'S LINGUISTIC PERSONALITY IN THE MODERN MEDIA SPACE

Gubaidulina Maria Vilievna

Teacher

Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russia / est-idea@yandex.ru

Abstract

The article attempts to consider the concept of the linguistic personality of a modern journalist, as well as the factors that influence its formation. The works of L.B. Zubanova, M.S. Tarasova, O.A. Chernysh are used as a theoretical basis. The description of the linguistic personality is based on the concept developed by Y.N. Karaulov. The analysis of the linguistic personality of a modern journalist is carried out on the example of the senior correspondent of the Russian daily socio-political newspaper Kommersant Andrey Vinokurov – in particular, the style of writing texts and the headline complex is analyzed. When analyzing the linguistic personality of a journalist, attention is also drawn to the list of topics addressed by Andrei Vinokurov. The research material was the journalist's publications for 2020. The relevant conclusions are drawn and the prospects for further research of the linguistic personality of a modern journalist are indicated, which has every right to be considered as an independent individual linguistic phenomenon.

Keywords: linguistic personality, media text, media space, features of journalistic text, public linguistic personality.

Языковая картина мира часто интерпретируется как отражение взглядов носителя языка на окружающий его мир. Самовыражаясь через текст, носитель языка отражает свое мировосприятие и выступает в роли языковой личности (ЯЛ).

В вопросах изучения ЯЛ современная лингвистика опирается на концепцию Ю.Н. Караулова, которая позволяет сформировать представление о языковой личности как «личности, реконструированной в основных своих чертах на базе языковых средств» [3, с. 38].

Значимыми чертами языковой личности многие исследователи выделяют высокую степень владения языком и установление иерархии ценностей [4, с. 42]. Все это можно отнести к ЯЛ журналиста, с учетом того, что до недавнего времени источником литературной нормы считалась художественная классическая литература (в силу

литературоцентричности сознания), то в настоящее время ее центр перемещается в сторону средств массовой информации.

Актуальность изучения индивидуальных особенностей публичной ЯЛ, коей является журналист, неоспорима. Журналист, выступая в роли посредника между информацией и аудиторией, потребляющей ее, способен оказывать влияние на массы – в частности, формировать общественное мнение.

Целью работы является попытка рассмотреть факторы, оказывающие влияние на формирование языковой личности современного журналиста.

Материалом исследования стала научная литература, а также тексты старшего корреспондента газеты «Коммерсантъ» Андрея Винокурова за 2020 год.

Развитие любой языковой личности напрямую связано с развитием окружающих ее факторов, таких как национальная культура и социальная среда. Немалое значение играют и индивидуальные особенности личности – ее способности и мировосприятие. Наиболее полное осмысление окружающей действительности, согласно мнению исследователей, возможно при «попадании в аналогично стремительный ритм – каждодневную изменчивость средств массовой информации, образующих единое медиапространство» [2, с. 6].

Понятие медиапространства неразрывно связано со СМИ, основным инструментом которых является медиатекст, – сообщение любого медийного жанра или вида, главным элементом которого исследователи выделяют информационно-медийную личность журналиста, которая строится на основе его ЯЛ [5, с. 84]. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что языковая личность современного журналиста и медиатекст, по сути, формируют друг друга.

При изучении ЯЛ журналиста особое внимание стоит обратить на его публичную речь, главной функцией которой является воздействие на целевую аудиторию с применением тех или иных языковых средств. Итогом деятельности журналиста является журналистский текст, через который журналист получает возможность самовыражения. Сам текст содержит в себе информацию о специфике мировосприятия данной языковой личности – журналист, перенося свою мысль в текст, подбирает средства определенным образом, стараясь сохранить баланс между качествами его личности и нормами профессиональной среды.

Например, сегодня журналисты чаще создают небольшие информационные заметки, время чтения которых занимает около пары-тройки минут. В публикациях часто присутствуют инфографика, что способствует более быстрому усвоению информации.

Тексты корреспондента газеты «Коммерсантъ» Андрея Винокурова посвящены политической теме, что требует обязательного знания терминологии и достаточного сдержанного стиля изложения информации. Несмотря на это, язык изложения журналиста достаточно понятный и простой; Винокуров часто использует вводные слова («согласно», «по мнению», «напомним», «впрочем»), которые не отражают состояние журналиста, а выступают в роли «связок», что несколько упрощает восприятие текста читателем. Винокуров часто оперирует фактологическими данными, обращается к цитированию, номенклатурным наименованиям («правительство», «суд»). Изобразительно-выразительные единицы речи, такие как метафора, перифраз, сравнительный оборот журналист почти не использует, что, в первую очередь, обуславливается тематикой его текстов.

Тематические особенности текста оказывают влияние на формирование языковой личности журналиста – в описанном нами случае стиль изложения не является полностью индивидуальным, во многом он соответствует современному медиапространству и общей тематике, с которой работает журналист.

Обратим внимание и на особенности современного заголовочного комплекса, который непосредственно связан с медиатекстом. При написании небольших новостей журналист почти не может проявить фантазию – элементы художественности перестают быть востребованы. Во многом на этой тенденции сказывается быстрая сменяемость новостей, благодаря которому читатель ищет яркие заголовки, наделенные фактами и

данными, а не каламбуры или аллитерации. Заголовки Андрея Винокурова состоят либо из цитат, заносимых в кавычки («Людей не очень много, но достаточно» (25.06.2020), «Сейчас что-то перевернется возле Байкала, и что тогда?» (7.09.2020), «Пространство для политической деятельности просто нереальное» (29.10.2020), лиюл из конкретных фактов, которые раскрываются в тексте статьи («Сенаторов направляют на консультации» (5.02.2020), «Дмитрий Овсянников лишился партбилета» (8.04.2020), «Протестовать готовы, а голосовать – нет» (30.11.2020). Однако имеют место быть и каламбурные заголовки, например «Отступить некуда – позади парад» (5.05.2020).

Такие жанры как лонгрид, аналитическая статья и развернутое интервью сегодня не «канули в Лету», но пользуются уже меньшей популярностью, что также связано с быстрой сменяемостью новостей, так как у читателя зачастую не хватает времени дочитать текст до конца. Это также оказало влияние на формирование языковой личности современного журналиста, который становится более лаконичным и точным при подаче информации. Однако наибольшее проявление креативности и личностных качеств журналиста можно наблюдать именно в объемных жанрах, в которых нет жесткой привязки к структуре.

Особенностью современных СМИ является публичность – круг их пользователей неограничен. Основную роль в этом сыграло развитие технологий и последующий за ним переход многих печатных изданий на онлайн-платформы. Таким образом, современный журналист должен создавать тексты, доступные для восприятия как можно большему количеству пользователей, что существенно определяет его владение языковой нормой.

В своих текстах Андрей Винокуров часто использует сложноподчиненные предложения с союзом «что» и избегает причастных и деепричастных оборотов, которые пользовались популярностью в журналистских текстах еще пару лет назад. При цитировании Винокуров часто совмещает косвенную и прямую речь в пределах одного абзаца (*«Глава Фонда развития гражданского общества Константин Костин обращает внимание, что эти цифры отражают исключительно текущий момент, который он считает серединой эпидемии: «Сейчас существующая угроза консолидирует людей вокруг власти». В будущем, по его словам, настроения граждан могут измениться и будут в первую очередь зависеть от действий власти по поддержке пострадавших»*). Все это позволяет читателю проще воспринимать информацию. Ключевые фрагменты текста Винокуров выделяет жирным шрифтом, тем самым расставляя смысловые акценты и помогая читателю ориентироваться в тексте.

На основе всего вышесказанного можно сделать вывод, что языковая личность на сегодняшний день является одной из актуальных проблем лингвистики. Журналист, передавая информацию аудитории, должен сохранять свои индивидуальные качества и соответствовать нормам профессиональной среды и языка, которые быстро и безостановочно развиваются.

Перспективой исследования является дальнейшее рассмотрение комплексное изучение языковой личности современного журналиста как индивидуального феномена.

Литература

1. Витковская Л.В. Языковая личность журналиста и проблемы социокультурного воздействия СМИ // Медийные стратегии современного мира 2012. С. 392-394.
2. Зубанова Л.Б. Современное медиапространство: подходы к исследованию и принципы интерпретации // Вестник ЧГАКИ. 2008. №2 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-mediaprostranstvo-podhody-k-issledovaniyu-i-printsipy-interpretatsii> (дата обращения: 02.10.2021).
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
4. Тарасова М.С. Роль языковой личности в дискурсе СМИ // Вестник МГОУ. Серия: Русская филология. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-yazykovoy-lichnosti-v-diskurse-smi> (дата обращения: 30.09.2021).

5. Черныш О.А. Языковая личность журналиста сквозь призму коллективного и индивидуального языкового сознания // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2013. №5 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-zhurnalista-skvoz-prizmu-kollektivnogo-i-individualnogo-yazykovogo-soznaniya> (дата обращения: 30.09.2021).

References

1. Vitkovskaja L.V. Jazykovaja lichnost' zhurnalista i problemy sociokul'turnogo vozdejstviya SMI // Medijnye strategii sovremennogo mira 2012. 392-394.
2. Zubanova L.B. Sovremennoe mediaprostranstvo: podhody k issledovaniju i principy interpretacii // Vestnik ChGAKI. 2008. №2 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-mediaprostranstvo-podhody-k-issledovaniyu-i-printsipy-interpretatsii> (data obrashhenija: 02.10.2021).
3. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. 7-e izd. M.: Izdatel'stvo LKI, 2010. 264.
4. Tarasova M.S. Rol' jazykovoj lichnosti v diskurse SMI // Vestnik MGOU. Serija: Russkaja filologija. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-yazykovoy-lichnosti-v-diskurse-smi> (data obrashhenija: 30.09.2021).
5. Chernysh O.A. Jazykovaja lichnost' zhurnalista skvoz' prizmu kollektivnogo i individual'nogo jazykovogo soznaniya // V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedenija i kul'turologii. 2013. №5 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-lichnost-zhurnalista-skvoz-prizmu-kollektivnogo-i-individualnogo-yazykovogo-soznaniya> (data obrashhenija: 30.09.2021).

УДК 81'1

К ВОПРОСУ ОБ АССОЦИАТИВНОМ ОБРАЗЕ АРКТИКИ

Долгих Анастасия Игоревна

Аспирант направления «Языкознание и литературоведение»
Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия / dolgix.n@yandex.ru

Аннотация

В данной статье исследуется современный образ Арктики, конструируемый путем обобщения ассоциативных нарративов, полученных в результате свободного ассоциативного эксперимента, в котором участвовали представители арктических и неарктических регионов России. Эксперимент включал в себя два блока с заданиями, первый из которых содержал словесные стимулы, а второй – словесные и визуальные стимулы. Задания первого блока направлены на выявление общих закономерностей построения ассоциативных связей, участвующих в формировании образа Арктики. Задания второго блока направлены на изучение словесно-визуальных ассоциативных пар, составленных самими участниками эксперимента, помогающих раскрыть особенности восприятия и репрезентации образа Арктики информантами. В заключении работы делается вывод о сходствах, различиях и сущностных характеристиках ассоциативного образа Арктики, а также определяется направление для дальнейшего изучения данной темы в частности и исследования особенностей репрезентации современного образа Арктики в целом.

Ключевые слова: образ Арктики, ассоциативный образ, ассоциативное поле, словарь ассоциаций

THE ASSOCIATIVE IMAGE OF THE ARCTIC REGION

Dolgikh Anastasia Igorevna

Postgraduate student of Linguistics and Literary Studies
University of Tyumen
Tyumen, Russia / dolgix.n@yandex.ru

Abstract

This article examines the modern image of the Arctic region, constructed by generalizing associations obtained as a result of a free associative experiment in which representatives of the Arctic

and non-Arctic regions of Russia participated. The experiment included two blocks with tasks, the first one provided verbal stimuli, and the second provided both verbal and visual stimuli. The tasks of the first block are aimed at identifying common patterns of building associative connections involved in the formation of the Arctic image. The tasks of the second block are aimed at studying verbal and visual associative pairs compiled by the participants of the experiment, what helps to reveal the peculiarities of informants' perceptions and representations of the Arctic image. In conclusion, the paper discusses the similarities, differences and essential characteristics of the associative image of the Arctic region, and also determines the direction for further study of this topic in particular and the study of the modern circumpolar image representation as a whole.

Key words: Image of the Arctic region, associative image, associative field, dictionary of associations

На сегодняшний день междисциплинарное исследование Арктики как региона с особой идентичностью, формируемой, с одной стороны, географической изоляцией, а с другой – нарастающей глобализацией, является весьма актуальным [Фельдт, с. 122]. В гуманитарных и социальных науках интерес к Арктике выражается в изучении циркумполярной цивилизации, репрезентации образа Арктики в популярной культуре, исследовании жизненных миров жителей Арктики, а также анализе сложившихся циркумполярных отношений (культурных, экономических, научных, политических, социальных и т.д.) внутри региона и за его пределами [Филиппова, с. 73]. Закономерно, что образ Арктики не универсален и не одинаков для тех, кто проживает на ее территории, и тех, кто имеет опосредованное представление о ней (из внешних источников без личного опыта). При этом исследование и формирование комплексного образа российской Арктики представляется необходимым для привлечения специалистов, сохранения идентичности региона, поддержания имиджа на международной арене и обеспечения устойчивого развития [Интервью с ...].

Таким образом, **цель** данной работы заключается в исследовании современного образа Арктики. При этом **объектом** исследования выступают связанные с Арктикой и ее населением ассоциации информантов, а **предметом** – сущностные характеристики репрезентации образа Арктики, отраженные в ассоциативных нарративах участников исследования.

Материалами для исследования послужили ассоциации, в том числе ассоциативные нарративы, отражающие логику формирования ассоциативных связей у информанта и раскрывающие дополнительную информацию о них [Роговский, с. 443], которые были получены в результате открытого ассоциативного эксперимента, призванного выявить особенности конструирования и репрезентации современного образа Арктики у жителей арктических и неарктических регионов РФ [Бахор и др., с. 83]. В исследовании приняли участие 26 информантов. При этом 13 из них являлись постоянными жителями регионов Арктической Зоны Российской Федерации (АЗРФ), в данном случае Мурманской области, Архангельской области, Ненецкого АО и Ямало-Ненецкого АО, чье представление об Арктике складывалось, в том числе на основе личного опыта проживания и работы в данном регионе. Остальные 13 информантов, напротив, никогда не посещали ни субъекты АЗРФ, ни какие-либо другие территории, относящиеся к Арктике в ее широком понимании, и их представление об Арктике формировалось только из опосредованных источников. Исследование проводилось с применением онлайн-платформы для сбора ответов.

В первом блоке вопросов исследовались ассоциации к концептам «Арктика» (основной), «арктическое поселение» и «житель Арктики» (дополнительные). Информантам предлагалось написать реакции к данным словесным стимулам, при этом они не были ограничены ни в их количестве, ни в выборе языковых инструментов – разрешалось отвечать и отдельными словами либо словосочетаниями (ассоциатами), и полноценными высказываниями (ассоциативными нарративами).

- Ассоциации к слову «Арктика». Ассоциативное ядро примерно одинаково в ответах всех информантов и также совпадает с самыми популярными ассоциациями к данному слову в словарях ассоциаций [Арктика...], [Ассоциации...] – это «холод», «лед»,

«медведи», «север», «снег», «океан», «тюлени», «Антарктида», «айсберг», «полюс», «мерзлота», «олени» и т.д., а также производные от этих ответов. Однако если посмотреть на нарративы периферии ассоциативного поля, то можно заметить некоторые различия.

Так, помимо упомянутых в предыдущем абзаце отсылок к флоре, фауне и погоде, ответы информантов, никогда не бывавших в Арктике и имеющих о ней представление, сформированное опосредованными внешними источниками, рисуют образ Арктики как необжитого человеком места практически без упоминания примеров антропогенного воздействия (среди всех ответов перечислено только два примера – «полярник» и «полярная станция», ассоциаций к коренному и постоянному населению написано не было). Ассоциативные нарративы в основном отражают картину торжества природы, непокоренной человеком, населенной животными и немногочисленной флорой. Так, Святослав К. пишет: *«зимой жуткий мороз, летом жуткая жара и мошки»*; Александр В.: *«непроходимые болота, вечная мерзлота, нет деревьев, нет домов, изменение климата»*; Булат М.: *«белый цвет: белая пустыня, белый снег, белая ночь, северное сияние»*. Кроме того, описаны стереотипные ассоциации, которые, по мнению информантов, хоть и фактически не имеют места, но все равно первыми приходят им на ум. Ирина С. пишет: *«знаю, что пингвины не живут в Арктике, но первым пришли в голову они из-за популярного стереотипа»*; Дарья О.: *«сразу пришла в голову Антарктида, хотя это скорее антоним. Поняла, что мало знаю про Арктику, надо сходить в музей Арктики и Антарктики»*.

При этом нестереотипные ответы, данные информантами, проживающими в арктических регионах России, напрямую связаны с личным опытом работы и пребывания там и конструируют образ холодной, суровой, но обжитой, компактно населенной местности, активно изменяемой человеком. Появляются более конкретные ассоциации, в первую очередь отсылающие к профессиональной деятельности жителей: «оленоводы», «сопки», «нефтегазодобыча», «фронтир», «бездорожье», «суровые условия», «укусы комаров» и т.д. Подытоживает противоположный описываемому в предыдущем абзаце образ Арктики Михаила Г.: *«это обширная и активно населенная местность, которую эксплуатируют в целях получения энергетических ресурсов»*.

• Ассоциации к словосочетанию «Арктическое поселение». Реакции на данный стимул в целом сформировали три основных образных сюжета, которые повторялись у всех информантов:

1) Научное и техническое освоение Арктики: «гляциологи», «биологи», «ученые», «полярная станция», «консервы», «Газпром», «буровые установки», «освоение земель», «вахтовый поселок», и т.д. Дарья К. пишет: *«люди переезжают из других мест в Арктику, чтобы ее осваивать»*. Юлия Ш. описывает двойкий образ арктического поселения: *«с одной стороны, это небольшое и компактное поселение, в котором проживают люди на время выполнения трудовых отношений, вахты. Другая сторона – небольшое поселение коренных жителей севера: ненцы, чукчи, эскимосы и др., которые заняты оленеводством»*. Вера А. также ассоциирует арктическое поселение с краткосрочностью: *«небольшое поселение, организованное на короткий срок для достижения определенной цели»*.

2) Постоянное поселение в арктических городах и малых населенных пунктах: ассоциативные нарративы конструируют два противоположных образа. С одной стороны, это далекое и изолированное от большой земли поселение с малоразвитой инфраструктурой: Дарья О. пишет: *«это небольшая изолированная территория (в смысле отсутствия постоянных многочисленных связей с внешним миром)»*; Софья Г.: *«маленький поселок с бараками в Заполярье, холодный, далекий, оторванный от мира»*; Владимир Л.: *«одинокая кучка крупнопанельных пятиэтажек посреди пустыря»*; Игорь П. *«нет путей сообщения, дефицит товаров первой необходимости»*; Богдан Ч. *«вахтовый поселок, нефть, ржавчина, разрушенные дома, сваи»*. С другой стороны, создается образ развитого поселения с новыми домами и всем необходимым для жизни:

Татьяна Ф. *«это неравномерное расселение с островками жизни, крупные города посреди снежной пустыни»*; Сергей Б.: *«небольшие комфортные благополучные города для проживания, учебы, работы»*; Михаил М.: *«молодые города, новые дома с яркими стенами, удобная планировка»*.

3) Коренные жители Арктики и их быт: *«кочевники», «манси», «саамы», «ненцы», «чукчи», «оленьи упряжки», «чумы», «рыбная ловля», «дым от костров», «сани»*. Ассоциативные нарративы связывают быт коренных жителей с деятельностью жителей северных городов и работниками арктических компаний. Так, Фарид С. пишет: *«Компании платят коренным народам компенсацию. Коренные жители проводят в городах традиционные праздники и знакомят других со своей культурой»*.

Из ассоциаций, полученных в ответах на данный вопрос, формируется образ Арктики как места дихотомии природного и антропогенного, научного и бытового, инновационного и традиционного, холодного и морозоустойчивого, профессионального и ремесленного, далекого и близкого, старого и нового, изолированного и компактного и т.д.

- Ассоциации к словосочетанию «житель Арктики». Спектр ответов имеет различия между жителями арктических и неарктических регионов.

Так, информанты из неарктических регионов описывали три основных образа: отсутствие жителей (*«там никто не живет», «никого на много километров»*); коренной житель, его атрибуты и качества (*«эвенки», «ханты», «манси», «ненцы»* и т.д., *«исторически живущий коренной народ», «снегоступы, красные щеки, оленевод, малица, зипун», «маленький, крепкий, весь в теплых вещах с капюшоном, в теплых ботинках, ездит на снегоходе и на оленях»*); а также вахтовик/исследователь и его характерные атрибуты и качества (*«ученый», «капитан ледокола», «морозоустойчивый и одинокий северянин», «серьезный, но довольный жизнью человек, очень умелый и в очень теплой одежде», «северные льготы, миграция»*).

Информанты, проживающие в АЗРФ, помимо коренных жителей (*«коренные народы Севера», «ненцы», «чукчи», «эскимосы», «кочевник», «человек в огромной тяжёлой шубе в снежной пустыне»*) и временных работников (Игорь П.: *«тепло одетый бородатый вахтовик»*; Екатерина Л.: *«военный, который получает льготы»*; Александр Ш.: *«нефтяник на заработках»*; Вера А.: *«узкоспециализированный сотрудник, привлечённый для организации добычи и нефтепереработки»*) ассоциируют с жителями Арктики еще и животных (*«белый медведь», «песец», «росомаха», «северный олень», «лемминг», «овцебык», «мамонт», «краснозобая гагарка», «морж»*), а также раскрывают в ассоциативных нарративах современные процессы, происходящие в арктическом регионе, например, его многонациональность и полиэтничность (Святослав К.: *«кавказцы – добрые, отзывчивые, готовые всегда прийти на помощь, богатые»*), а также приток молодого населения (Виктория К.: *«закалённый, не боящийся морозов, стойкий, выносливый молодой человек»*; Михаил М.: *«много молодых семей, а пенсионеры уезжают на Юг»*).

Таким образом, информанты ассоциируют жителей Арктики в первую очередь именно с коренным населением, а также с временным населением в лице ученых, вахтовиков и полярников, что отражается в стереотипном образе жителя Арктики. Постоянное население арктических городов и сельских поселений, а также арктические животные являются менее распространенными и нестереотипными ассоциациями.

Во втором блоке исследовалось обоснования составления ассоциативных пар (концепт + картинка), раскрывающих логику построения ассоциативных связей. Информантам предлагалось сопоставить словесные и визуальные стимулы, а именно подобрать наиболее подходящие на их взгляд иллюстрации (из предложенных, не более четырех) к уже упомянутым концептам «Арктика», «арктическое поселение», «житель Арктики» и объяснить свой выбор. Картинки не были подписаны, и интерпретация того, что на них изображено, оставалась на усмотрения самих информантов.

- Ассоциативная иллюстрация к слову «Арктика». Информантам были предложены следующие картинки:

- 1 – Белые медведи на снегу
- 2 – Цветущие арктическим летом растения
- 3 – Пингвины на айсберге
- 4 – Северное сияние
- 5 – Вид Антарктиды из космоса
- 6 – Руки, собирающие морошку
- 7 – Буровая установка среди вечной мерзлоты
- 8 – Северные олени на пастбище

Среди информантов без личного опыта посещения Арктики наиболее популярными ассоциативными парами к «Арктике» стали изображения 1, 3, 5 и 7. Среди объяснений такого выбора встречались следующие: Марина С.: *«потому что там должно быть много зверушек и мало людей»*; Татьяна Ф.: *«потому что Арктика – это пространство вечного льда, толщи снега и холода»*; Ирина С.: *«потому что это арктические животные (пингвины все равно ассоциируются) и наука»*; Маргарита М.: *«место обитания белых медведей и богатое месторождение нефти, газа и других природных ресурсов»*. В большинстве случаев фото, на которых нет снега и изображены другие времена года помимо зимы, информантами этой подгруппы не выбирались. Можно заметить пересечение ответов с первым вопросом первого блока: ассоциации рисуют образ Арктики как места вечной зимы без смены времени года, где есть только арктические животные и полезные ископаемые, но нет постоянного присутствия человека.

Информанты, проживающие в АЗРФ, отличались разнообразием ответов, при этом никто не выбрал изображения с пингвинами и Антарктидой. В этой подгруппе ассоциативная пара составлялась в первую очередь на основе личного опыта жизни и работы в арктическом регионе, или истории, связанной с этим местом, которой делился информант. Юлия Ш. так описывает свой выбор: *«1 – живет только в Арктической зоне, имеет все приспособления к жизни в суровых условиях. 2 – Северное сияние, явление, которое появляется в северных широтах, и чем ближе к полюсу, тем красочнее. 7 – Газовое месторождение, так как большая часть природного газа добывается в Арктической зоне, на Ямале»*. Сергей Б.: *«2 – тундра, 4 – северное сияние, 8 – олени, 7 – месторождение по добыче полезных ископаемых: все это окружает наиболее часто жителей северных регионов»*. Екатерина Л.: *«4 – сюда ездят охотиться почти со всего мира, приезжают туристы за северным сиянием, 6 – северные ягоды, которые растут только в этих краях»*. Игорь Г.: *«4 и 2 – потому что это видно раз в году, и там ещё такие комары огромные, их не нарисовали»*. Евгения М.: *«4 – потому что в Арктике северные сияния – частое явление; 6 – потому что в Арктике болотистая местность, растет много ягод на болотах, в особенности морошка и клюква; 8 – потому что в Арктике много оленей»*. Михаил М.: *«2 – типичный северный пейзаж (редкие лиственницы, пушица), 6 – в тундре и тайге много ягод, 7 – на севере ведется добыча нефти и газа, 8 – коренные жители разводят оленей»*.

- Ассоциативная иллюстрация к словосочетанию «Арктическое поселение».

Информантам были предложены следующие картинки:

- 1 – Зброшенныя панельныя многэтажкы
- 2 – Новыя многэтажныя дома в европейском стиле
- 3 – Яркая полярная станция среди снега
- 4 – Эскимос рядом с иглу
- 5 – Пляж с людьми летом на фоне цветных домов
- 6 – Детский сад и цветные многэтажки на фоне заснеженной горы
- 7 – Семья возле чума, рядом сани-волокуши и собака
- 8 – Ветхие деревянные дома и бараки на берегу реки

При составлении ассоциативных пар в этом вопросе также проявляются три основных образа арктического поселения:

1) Научно-техническое, временное поселение: выбор иллюстрации 3 объяснялся научной и ресурсной эксплуатацией региона, например *«в Арктике всегда есть станции, где живут экологи или нефтяники», «так и выглядит, станция среди снега, и нет деревьев», «дом полярников», «часто на месторождениях живут в разных подобных постройках, хотя чаще там простые балки».*

2) Постоянное поселение в арктических городах: в ассоциативных нарративах присутствуют такие сопоставления, как *«компактные маленькие жилища, которые рядом, и все жители в куче», «прям фотки Уренгоя. Красочные дома нужны специально, чтобы радовать жителей на фоне серой погоды», «потому что в Арктике специфическая застройка»* к иллюстрациям 2, 5, 6, 8. Также упоминаются заброшенные дома и города Арктики к иллюстрации 1: *«много забытых поселений, техники и мусора», «встречаются поселения, которые заброшены человеком, общество больше не нуждается в данных объектах, пример – Воркута», «похоже на один из вымирающих северных городов России», «видел в фильме у Дудя про Арктику», «потому что очень похоже на остальную Россию, почему Арктика должна отличаться».*

3) Коренное поселение: наиболее популярные у всех информантов варианты 4 и 7, *«потому что малые коренные народы и снег», «чум, иглу и весла как часть арктической жизни», «потому что иллюстрируют загадочную территорию с высокой степенью снежности», «поселение сохранившихся коренных народов со своей культурой»* и т.д.

• Ассоциативная иллюстрация к словосочетанию «житель Арктики». Информантам были предложены следующие картинки:

1 – Семья коренных жителей на нартах с собакой

2 – Песец в зеленой высокой траве

3 – Зрители на городском празднике возле сцены, украшенной северными орнаментами

4 – Рабочие возле заснеженного газопровода

5 – Залюченные в заснеженном дворе тюрьмы

6 – Выступление шамана на городском празднике

7 – Тепло одетый человек в палатке на зимней рыбалке

8 – Белая сова на снегу

Среди ассоциативных пар здесь прослеживается закономерность «житель Арктики = коренной житель» и «житель Арктики = вахтовик», например *«4 – добыча нефти и природного газа, 1 и 6 – самобытные коренные народы», «1 – коренные народы, 4 – добыча газа как основная отрасль, 6 – день оленевода», «1, 4, 6 – первое, что приходит на ум, это коренное население и трудяги, приехавшие на заработки», «1 – это местное кочевое население, 4 – основные объемы природных ресурсов находятся в Арктике, и добыча будет продолжаться, 5 – тюрьма (в Харпе) для самых опасных преступников».* Остальные варианты выбирались единично: Полина А.: *«2, 4, 8 – мне бы не хотелось, чтобы люди жили в Арктике или на крайнем севере, потому что там уровень жизни ниже, поэтому я выбрала зверюшек и газовиков»;* Юлия Ш.: *«1 – коренные жители, родились и выросли на этой земле, питание только из местных продуктов: рыба, мясо, дикоросы. Тяжело адаптируются к другой пище, алкоголю. Люди жизнерадостные и гостеприимные, довольствуются тем, что имеют. 2 и 8 – животные и птицы, приспособленные жить только в этой климатической зоне, в другой территории не выживут. На остальных картинках "временники", приехали либо на заработки, на либо на отдых, либо отбывать срок»;* Виктория К.: *«5 – много северных тюрем (Лабытнанги, Харп), родственник в такой работает»;* Маргарита М.: *«2 (песец как один из главных представителей Арктики), 8 (полярная сова как символ региона)»;* Дарья К.: *«3 – не думаю, что жители Арктики сильно отличаются от жителей других частей России».*

В итоге, если обобщить все полученные ассоциации, связанные с Арктикой, арктическими поселениями и жителями, можно увидеть закономерный образ Арктики, с одной стороны, как чего-то малообжитого, изолированного, далекого, коренного,

сельского, ремесленного и пустынного, а с другой стороны – активно изменяемого человеком, ресурсного, научного, городского, профессионального и снабженного всем необходимым для жизни. Яркими образами, связанными с Арктикой, в большей степени являются арктические природные и погодные явления, арктические животные, коренной житель с предметами быта и традиционным жилищем, а также арктический работник – ученый, нефтяник, и т.д., суровый и выносливый.

Как уже было сказано, наиболее распространенные (стереотипные) ассоциации, формирующие образ Арктики, связаны с погодой, флорой и фауной, а также бытом коренных народов Севера. Можно предположить, что они в первую очередь сформированы популярной культурой и обывательским представлением об арктическом регионе [Hansson, с. 45]. Менее распространенные (нестереотипные) ассоциации связаны с деятельностью постоянного городского населения, инфраструктурой арктических населенных пунктов, а также с культурой и другими сферами жизни, не связанными с освоением природных ресурсов. Образ Арктики и формы его репрезентации могут зависеть от тех источников, которые сформировали у информанта представление об Арктике, что более полно раскрывается в ассоциативных нарративах.

Данное исследование задумывалось в первую очередь для апробации инструментария в контексте исследования современного образа Арктики. Проблематичным представляется сделать обобщение всех закономерностей репрезентации ассоциативного образа Арктики на его примере, так что необходимо дальнейшее изучение данной темы. При этом ассоциативные нарративы, конструирующие образ Арктики и ее населения, можно исследовать и в рамках результатов, полученных другими качественными методами, например, в интервью с жителями и работниками арктических регионов России [Хакназаров, с. 114].

Литература

1. Арктика: ассоциации // Sinonim.org URL: <https://sinonim.org/as/арктика> (дата обращения: 31.10.2021).
2. Ассоциации к слову «Арктика» // Сеть словесных ассоциаций URL: <https://wordassociations.net/ru/ассоциации-к-слову/арктика?button=Найти> (дата обращения: 31.10.2021).
3. Бахор Т.А., Зырянова О.Н., Лобарева В.С. Ассоциативные поля как воплощение региональной самоидентификации // Материалы конференции «Инновационные технологии научного развития». 2016. – С. 83-84.
4. Интервью с А.И. Широковым о необходимости формирования современного образа Арктики // Информационно-аналитический журнал для профессионалов «Региональная энергетика и энергосбережение» URL: <https://energy.s-kon.ru/nuzhno-sformirovat-obraz-arktiki/> (дата обращения: 31.11.2021).
5. Роговский А.А. Модификация жанра мемуара в сборнике Г. Иванова «Петербургские зимы» // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2017. №3. – С. 443-448. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-443-448
6. Фельдт И.Н. Образ Русского Севера и образ Арктики в современной культурной политике Архангельской области // Человек. Культура. Образование. 2015. №3 (17). – С. 122-135.
7. Филиппова Д.Н. К вопросу арктической идентичности студентов университетов Арктики // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. №6. С. 73-79.
8. Хакназаров С.Х. Социологический портрет проблем социально-экономического развития коренных народов Севера Нижневартовского района Югры // Культура Арктики. 2014. №1. – С. 112-122.
9. Hansson H. The Arctic in literature and the popular imagination (chapter from The Routledge Handbook of the Polar Regions). – Abingdon-on-Thames: Routledge, 2018. – 556.

References

1. Arctic: Associations. Sinonim.org URL: <https://sinonim.org/as/арктика> (Accessed: 31.10.2021).
2. Associations to the word «Arctic». Wordassociations.net URL: <https://wordassociations.net/ru/ассоциации-к-слову/арктика?button=Найти> (Accessed: 31.10.2021).
3. Bahor, T., Zyryanova, O., Lobareva, V. Associative fields as an embodiment of regional self-identification. Materials of the conference «*Innovacionnye tekhnologii nauchnogo razvitiya*». (2016): 83-84.
4. Interview with A.I. Shirokov about the need to form a modern image of the Arctic. Information and analytical journal for professionals «*Regional'naya energetika i energosberezhenie*» URL: <https://energy.s-kon.ru/nuzhno-sformirovat-obraz-arktiki/> (Accessed: 31.10.2021).
5. Rogovsky, A. Genre modification in G. Ivanov's memoir «Petersburg winters». *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika*. 3 (2016): 443-448. DOI 10.22363/2312-9220-2017-22-3-443-448
6. Feldt, I. Image of the Russian North and Image of Arctic in modern cultural policy of Arkhangelsk region. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*. 3, 17 (2015): 122-135.
7. Filippova, D. The Arctic identity of the Arctic university students. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika*. 6 (2020): 73-79.
8. Khaknazarov, S. A sociological portrait of the problems of socio-economic development of the indigenous peoples in the North of the Nizhnevartovsk region of Yugra. *Kul'tura Arktiki*. 1 (2014): 112-122.
9. Hansson, H. *The Arctic in literature and the popular imagination* (chapter from *The Routledge Handbook of the Polar Regions*). Abingdon-on-Thames: Routledge, 2018. P. 556.

УДК 81

ЛИНГВИСТИКА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Дрябина Елена Георгиевна

ст. преподаватель

каф. лингвистики и межкультурной
коммуникации

АНОВО «Московский международный
университет»

Москва, Россия / elena015@bk.ru

Костина Мария Леонидовна

ст. преподаватель

каф. лингвистики и межкультурной
коммуникации

АНОВО «Московский международный
университет»

Москва, Россия / kostina@yandex.ru

Аннотация

На современном этапе развития общества процесс глобализации охватывает различные стороны современной жизни. Происходит постоянное сближение отдельных стран и народов, возрастают их взаимосвязи и взаимозависимость. Основным языковым каналом процессов интенсификации и акселерации межнационального взаимодействия служит мировой универсальный английский язык – лингва франка, который является одновременно глобализованным и глобализующим феноменом. В настоящей статье детерминируется понятие «глобализация английского языка», рассматриваются особенности функционирования английского лингва франка, характеризуются положительные и отрицательные аспекты влияния всеобщей глобализации на язык.

Ключевые слова: глобализация, «лингва франка», английский язык, межкультурная коммуникация, родной язык, социолингвистика

LINGUISTICS AND GLOBALIZATION

Driabina Elena

Senior teacher of linguistics and intercultural
communication department Moscow

International University

Moscow, Russia / elena015@bk.ru

Kostina Maria

Senior teacher of linguistics and intercultural
communication department Moscow

International University

Moscow, Russia / marialkostina@yandex.ru

Abstract

At the present stage of development of society the process of globalization encompasses various aspects of modern life. There is a constant rapprochement of countries and peoples and their interrelationships and interdependence are increasing. The main linguistic channel of the processes of intensification and acceleration of interethnic interaction is the universal English language – the lingua franca, which is both a globalized and globalizing phenomenon. This article defines the concept of “globalization of the English language”, examines the features of the functioning of the English lingua franca, characterizes the positive and negative aspects of the impact of globalization on the language.

Key words: globalization, “lingua franca”, the English language, cross-cultural communication, the native language, sociolinguistics.

Термин «глобализация» описывает объективный многосторонний процесс, охватывающий различные стороны современной жизни, который с каждым днем приобретает все более трансграничный характер. Он предполагает постоянное сближение отдельных стран и народов, возрастание их взаимосвязи и взаимозависимости, создание глобальных рынков, в которых могут свободно перемещаться капиталы, услуги и трудовые ресурсы. В настоящее время пандемия вносит свои коррективы в общество: усиливается вынужденная миграция населения, усиливается желание посетить зарубежные страны [Бузинова, Пашковская 2021]. Очевидно, что все эти процессы создают условия для формирования общего для многих, а в перспективе – для всех людей средства коммуникации, которым в настоящее время выступает английский язык. Поэтому неудивительно, что ELF (английский язык как лингва франка) вызывает интерес и у лингвистов.

По мнению Д. Дженкинс, использование английского языка в качестве «лингва франка» не является новым, недавно возникшим явлением. Она отмечает, что в этом качестве английский язык использовался в прошлом и продолжает использоваться сейчас, в частности в странах, которые были колонизированы Британией, начиная с конца шестнадцатого века, таких как Индия и Сингапур. Что является новым, по ее мнению, так это расширение сферы его влияния [Jenkins 2013].

Английский язык в качестве универсального языка общения используется как на самом примитивном уровне, например, туристами, так и в сфере международной политики и дипломатии, в международном публичном и частном праве, бизнесе, средствах массовой информации, компьютерных технологиях, в сфере образования научных исследований. Расширение сферы влияния английского языка проявляется в первую очередь в быстрых и интенсивных лексических заимствованиях, а также использовании английских грамматических структур. Повсеместное активное распространение английского языка, рост его влияния, а в некоторых случаях и давление на другие языки мира получило название лингвистической глобализации [Graddol 2006: 13-15].

Термин «глобализация английского языка» можно интерпретировать несколькими способами.

Во-первых, это понятие может относиться к растущему вторжению английского языка в жизнь городских жителей по всему миру. Это представляется тревожным явлением, которое не только угрожает загрязнением или уничтожением местных языков и культур, но и может привести к искажению социально-экономического порядка в ущерб тем, кто не владеет английским языком.

Во-вторых, глобализация английского языка может относиться к быстрому распространению английского языка в качестве второго иностранного. Д. Грэддол отмечал влияние глобализации на повсеместно возрастающее количество людей, изучающих английский язык в качестве иностранного в целях его использования в качестве универсального языка общения [Graddol 2006]. Соотношение общего числа людей, говорящих на английском языке, который не является для них родным (NNS), к носителям языка (NS) по разным оценкам колеблется в диапазоне от двух к одному до четырех к одному. В начале 2000-х гг. английский учебный Д. Кристалл полагал, что из

миллиарда ста миллионов человек, говорящих на английском языке, лишь четверть признавала его родным [Crystal 2001: 3].

Исследователи ELF уделили особое внимание влиянию родного языка говорящего на то, как английский используется в качестве инструмента международного общения [Прюво, Седых, Бузинова 2018]. Было отмечено, что, поскольку ELF является средой, соединяющей носителей разных языков, он подпадает под влияние родного языка и культуры говорящего, как на фонетическом, так и на лексико-грамматическом уровнях, так как каждый пользователь ELF в межъязыковой и межкультурной коммуникации адаптирует его к своим собственным потребностям с учетом структуры родного языка и его культуры [Firth 2009; Seidlhofer 2011]. По мнению Д.Грэддола, для «неносителей» английского языка нормы носителей постепенно перестают выполнять функцию языкового стандарта [Graddol 2006]. В результате говорящим на языке ELF не нужно строго следовать лингвистическим и культурным нормам носителей английского языка, поскольку общение часто происходит без участия последних.

При описании ELF исследователи выделяют следующие характерные черты [Meierkord 1998; Gnutzmann 2000; Jenkins 2000; Knapp and Meierkord, 2002; Cogo 2008]:

1. *Лексические и грамматические особенности ELF:*

- тенденция опускать s-окончания в глаголах в настоящем времени 3-го лица единственного числа (3rd person singular zero), как в *I think, he think*; – взаимозаменяемость относительных местоимений 'who' и 'which', как в *things who, people which*;
- использование существительных без формы множественного числа в стандартном английском в форме множественного числа, как в *knowledges, advices*;
- сдвиг в использовании артиклей в соответствии с нормами стандартного английского языка (включая использование нулевых артиклей);
- неизменяемые вопросительные предложения, как в *you are leaving today, isn't it?* ;
- увеличение эксплицитности высказываний за счет использования дополнительных слов, например: *black color вместо black, how long time вместо how long* и т.д.;
- новое использование морфем, например: *angriness, importancy*;
- широкое использование таких универсальных глаголов, как 'have', 'do', 'make', 'put' и т.д., например: *make sport, put attention*;
- приписывание новых значений служебным словам, например: *I back to Korea next week* и т.д.;

2. *Фонетические особенности ELF:*

- замена "th", в результате чего произношение слов с "th" не соответствует нормам стандартного английского языка, например: "think" произносится как "tink", "sink" или "fink";
- изменение качества гласных, что приводит к нестандартному английскому произношению, например, "cake" произносится как [kaik];
- изменение ударения в слове, например: "perfectionist" произносится как [PERfectionist];
- неиспользование особенностей связной речи, таких как элизия и ассимиляция и т.д.

Эти «неосновные» особенности считаются приемлемыми и не рассматриваются как ошибки, если они не мешают пониманию речи.

Таким образом, фокусирование на отклонениях в использовании грамматических, лексических и фонетических форм стандартного английского языка и представление их как характерных особенностей английского «лингва франка» отвлекает внимание лингвистов и преподавателей языка от существенных отличий ELF в сравнении с национальными стандартами. Эти различия обусловлены функциями, которые выполняют национальные варианты английского языка, по сравнению с использованием ELF в коммуникативной функции общения людей с разным языковым и культурным опытом. ELF, в отличие от основных национальных стандартов английского языка, не используется для выражения национальной или этнической идентичности и является культурно нейтральным. Традиционно языки были тесно связаны с культурой народов,

которые их использовали. Когда английский язык, еще не приобретя глобальный статус, использовался как один из самых распространенных международных языков, он, в своем статусе иностранного языка, был тесно связан с национальными культурами основных англоязычных народов. Однако в настоящее время, когда английский язык используется для общения во всем мире, возникает новая, глобальная культура, и ценности глобальной культуры становятся частью идентичности членов сообщества носителей ELF наряду с их этнической и национальной идентичностью.

Литература

1. Бузинова Л.М., Пашковская Н.Д. «Коронные» неологизмы: влияние пандемии COVID-19 на немецкий язык // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. №7, 2021 – С. 33-38
2. Прюво Ж., Седых А.П., Бузинова Л.М. Текст, контекст, интертекст: синтез смыслопорождения // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4. № 3. С. 21-35.
3. Crystal D. Global Understanding for Global English// Global English for Global Understanding/ Summaries of the International Conference. Moscow, 2001. – 3-5 pp.
4. Cogo A. (2008). English as a lingua franca. Form follows function. English Today, 95 (3). 58 – 61 pp.
5. Firth, A. (2009). The Lingua Franca Factor. URL: http://www.academia.edu/200739/The_Lingua_Franca_Factor_Alan_Firth_2009
6. Gnutzmann C. (2000). Lingua franca. In: M. Byram (Ed.). The Routledge encyclopedia of language teaching and learning. London, Routledge
7. Graddol D. English Next / Graddol D/ – London: British Council, 2006 – 128 pp.
8. Jenkins J. English as a Lingua Franca in the International University: The Politics of Academic English Language Policy. 1st ed., Routledge, 2013.
9. Kirkpatrick A. World Englishes: Implications for International Communication and English Language Teaching. Cambridge University Press, 2007.
10. Mackenzie I. English as a Lingua Franca: Theorizing and Teaching English. Routledge, 2014.
11. Modiano M. "EIL, Native-Speakerism and the Failure of European ELT." English as an International Language: Perspectives and Pedagogical Issues. Multilingual Matters, 2009.
12. Seidlhofer B. "English as a Lingua Franca in the Expanding Circle: What It Isn't." English in the World: Global Rules, Global Roles. Continuum, 2006.

References

1. Buzinova L.M., Pashkovskaya N.D. "Crown" neologisms: the impact of the COVID-19 pandemic on the German language // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki. №7. 33-38 pp.
2. Pruvost J., Sedykh A.P., Buzinova L.M. (2018) *Tekst, kontekst, intertekst: sintez smyslopороzhdeniya* // *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki* [Text, context, intertext: synthesis of the generation of meaning // Scientific Result. Theoretical and Applied Linguistics]. T. 4. № 3, 21-35.
3. Crystal D. *Global Understanding for Global English*// *Global English for Global Understanding/ Summaries of the International Conference*. Moscow, 2001. 3-5 pp.
4. Cogo A. *English as a lingua franca*. Form follows function. English Today, 95 (3). 2008. 58 – 61 pp.
5. Firth, A. The Lingua Franca Factor. URL: http://www.academia.edu/200739/The_Lingua_Franca_Factor_Alan_Firth_2009
6. Gnutzmann C. *Lingua franca*. In: M. Byram (Ed.). The Routledge encyclopedia of language teaching and learning. London, Routledge. 2000
7. Graddol D. *English Next*. London: British Council, 2006. 128 pp.

8. Jenkins J. *English as a Lingua Franca in the International University: The Politics of Academic English Language Policy*. 1st ed., Routledge, 2013.
9. Kirkpatrick A. *World Englishes: Implications for International Communication and English Language Teaching*. Cambridge University Press, 2007.
10. Mackenzie I. *English as a Lingua Franca: Theorizing and Teaching English*. Routledge, 2014.
11. Modiano M. "EIL, Native-Speakerism and the Failure of European ELT." *English as an International Language: Perspectives and Pedagogical Issues*. Multilingual Matters, 2009.
12. Seidlhofer B. *"English as a Lingua Franca in the Expanding Circle: What It Isn't."* *English in the World: Global Rules, Global Roles*. Continuum, 2006.

УДК 81.27

ОБРАЗНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА «СТРАСТЬ»: ПРИЗНАКИ СТИХИЙ

Иваненко Валерия Михайловна

студент-исследователь

РГПУ им. Герцена

Санкт-Петербург, Россия / *Ivanenko.Valeriia.M@yandex.ru*

Аннотация

Данная статья посвящена результатам исследования образных признаков концепта *страсть* согласно кодам лингвокультуры. В языковом материале проанализированы концептуальные метафоры, объективирующие признаки стихий в русской лингвокультуре. Актуальность исследования заключается в том, что ранее детально образные признаки концепта *страсть* не были изучены. Материал для исследования был взят из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

Ключевые слова: образные признаки, концептуальная метафора, концепт, лингвокультура, когнитивная лингвистика, страсть, структура концепта.

SYMBOLS OF THE CONCEPT «PASSION»: SIGNS OF ELEMENTS

Ivanenko Valeria Mikhailovna

research student

Russian State Pedagogical University named after Herzen

St. Petersburg, Russia / *Ivanenko.Valeriia.M@yandex.ru*

Abstract

This article is devoted to the results of the study of figurative features of the concept of passion according to the codes of linguistic culture. In the linguistic material, conceptual metaphors are analyzed that objectify the signs of the elements in Russian linguoculture. The relevance of the study lies in the fact that previously, the figurative features of the concept of passion have not been studied in detail. The research material was taken from the Russian National Corpus (www.ruscorpora.ru).

Key words: figurative signs, conceptual metaphor, concept, linguoculture, cognitive linguistics, passion, concept structure.

Когнитивная лингвистика – молодое и новое направление лингвистической науки, активно развивающееся в XXI веке. «Когнитивная лингвистика складывается в последние два десятилетия XX века, но ее предмет – особенности усвоения и обработки информации, способы ментальной репрезентации знаний с помощью языка – был намечен уже в первых теоретических трудах по языкознанию в XIX веке» [2, с.6]. Одной из задач когнитивной лингвистики является изучение деятельности подсознания, а также изучение тех единиц, которые вербализуют в языке той или иной культуры определенный концепт. Концепт – это и «принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности» [2, с.14], и «единица концептосферы» [2, с.14]. Исходя из вышесказанного, можно сказать, что концепты являют собой ядра подсознательного конкретного народа, что выражается вербально – в словах и речи.

Концепты имеют определенную структуру, необходимую для их существования. Руководствуясь изысканиями Санкт-Петербургско – Кемеровской научной школы концептуальных исследований, можно дать более полное, из существующих, определение структуры концепта. Концептуальная структура – это комплекс синтезированных признаков, необходимых и представленных достаточно полно для распознавания и определения предмета или явления в качестве элемента картины мира. Структура концепта состоит из шести классов признаков: мотивирующие, образные, понятийные, функциональные, категориальные и символические признаки. Одним из компонентов концептуальной структуры являются образные признаки, представляющие собой метафорические трансформации первичных признаков. По мнению В.А. Масловой «В когнитивной лингвистике сохраняется интерес к метафоре, что объясняется возможностью осмысления основ мышления, процесса освоения мира, связи концепта и его реализацией в языке» [1, с. 36]. И здесь под метафорой понимается не литературный прием, а ее способность выражать коды лингвокультуры. Метафора выступает, как способ познания одного предмета, через призму другого; она пронизывает всю нашу жизнь, начиная от мышления и заканчивая действием. «Метафорическая модель – это существующая или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между двумя понятийными сферами, которую можно представить определённой формулой: ‘X – это Y’» [3, с. 64]. Например, страсть – это пламя. Отношение между этими двумя компонентами является подобием: ‘X подобен Y’, страсть подобна пламени.

Концепты представляют собой набор определённых понятий и знаний о мире, отраженных в сознании человека исключительно индивидуально. Концепты задают движение мысли, речевую деятельность, кардинально отличающиеся у языковых личностей разных культур. Исходя из этого, следует вывод, что изучение концептов важно и необходимо для более глубокого понимания носителей различных культур.

Коды лингвокультуры многообразны. В структуре концепта страсть, обладают ярким символизмом и занимают особую позицию признаки стихий. Стихии или элементы, от латинского «elementa» – «первовещество», представлялись в виде четырех первоначальных веществ в античные и средневековые времена: воды, земли, огня и воздуха. Изначально это понятие было употреблено Платоном и Аристотелем, а в дальнейшем было раскрыто более полно Эмпедоклом. Принято считать, что именно из этих четырех элементов и возникает мир.

На нынешнем этапе развития когнитивной лингвистики исследование концептов производится множеством научных школ, что детерминирует разнообразие терминологического аппарата изысканий. Руководствуясь, при исследовании образных признаков стихий концепта *страсть*, методикой исследования Санкт-Петербургско–Кемеровской школы концептуальных исследований, следует сказать, что в данной школе, первоначально, детальному изучению подвергались именно образные признаки концептов [2, с.151].

В структуре концепта *страсть* отмечены признаки четырех стихий: огня, воды, земли и воздуха. Высокой продуктивностью отличается метафора огня. Когнитивная модель ‘страсть → огонь’ вербализуется в языке рядом разнообразных глаголов: *палить, прогорать* (*Моя безумная, бешеная **страсть** палила женщин, как солому, и нередко **так же быстро прогорала...** я стыдился моих идолов. А. Бестужев-Марлинский. Письма*), *вспыхивать* (*Первая часть, то есть нечаянно **вспыхнувшая страсть** его к незнакомке, хлопоты его, чтоб познакомиться с Леоновой ... Р. Зотов. Два брата, или Москва в 1812 году.*), *гасить* (*Театр совсем **погасил страсть** мою к Щербатовой. И. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни*). Данная модель в языковом материале выражается прилагательными: *пламенная* («*Одна, но **пламенная страсть***», – как писал Лермонтов. А. Городницкий. «И жить еще надежде»), *горячая* (*Говорят, что даже и в танцах их будто бы сразу чувствуется срыв, резкость,*

сила и горячая страсть... Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох), *огненная (На минуту показалось, что действительно не умерла старая огненная страсть, что все эти ссоры и тоска по новому счастью могут быть забыты, как недоразумение. М. Арцыбашев. У последней черты), разжигающая (...Разжигающая страсть в момент, когда пьешь ее, и гасящая наслаждение внезапной мукой, когда отрываешься от питья, чтобы перевести дух. А. Ким. Белка).* Интерпретируя примеры, важно сказать о том, что страсть часто отождествляется огню. Это ярко прослеживается в том, с какой внезапностью возникает страсть, как развивается, подобно движению огненных всполохов костра, как она затухает и приносит необратимые, иногда отрицательные последствия, сравниваемые с оставленным пепелищем.

Модель 'страсть → воздух' так же отмечена в языковом материале. Движение воздушных масс, управляемых страстью, вербализуется глаголом *дуть* и его производными (...*Но мои искры: они тлеют едва, глубоко под холодеющей золой, и ни одна страсть не раздувает их. А. Бестужев-Марлинский. Письма).* Буря, как природное явление, по мнению С. И. Ожегова, представляет собой ненастье с сильным разрушительным ветром. В данном примере *страсть* выступает, как буря, ограниченная временем (*Сытых рачков в определенное время суток обуревают страсть к увеличению численности популяции и забота о сохранении вида в том же самом месте, где им сейчас так хорошо живется. Л. Буторина. Сложная жизнь полифема).* В метафоре бури скрывается сила страсти, поглотившей человека (*«Страсть обуревала ее, – растолковывает суду г-н Утин, – ревность уничтожила, поглотила ее ум и заставила играть страшную игру». Ф. Достоевский. Дневник писателя).* В представленной текстовой конструкции страсть функционирует так же, как и буря; она способна разрушить то, что встречает на своем пути (...*Если страсть, всемогущая страсть не разрушит, как буря, одним порывом высокие подмостки его рассудка и старание...* М. Лермонтов. Княгиня Лиговская). В русской лингвокультуре страсть традиционно привязывается к сердцу, локализуется в груди (*Страсть во всей своей силе, забушевала в груди* Гриши. Р. Зотов. Таинственный монах).

Когнитивная модель 'страсть → вода' в большей степени реализуется метафорой *кипения* (*В них страсть кипит, но рассудок вечно недоволен. В. Соллогуб. Тарантас).* В следующем примере *страсть* вербализуется глаголом *остывать*, как происходит с любой нагретой жидкостью (*Любовь прошла. Страсть остыла. Все было кончено. Ю. Безелянский. В садах любви*) [2].

Следует упомянуть учение Аристотеля, в основу которого легло четыре стихии – тепло, холод, сухость и влажность. Если тепло – это огонь, то холод – воплощение воды. Таким образом, *вода* вербализуется прилагательным *холодный* (*Подлинная познавательная пытливость, умозрительная обеспокоенность, Аристотелевское «изумление», и рядом – сухая и холодная страсть к опрощению...* Г. Флоровский. Пути русского богословия).

Признак 'земная' имеет символическую природу. Страсть земная противопоставляется небесной жизни; земная жизнь – духовной. Под земной страстью подразумевается *земля*, как место бушующих страстей, часто – грешных (*Никогда, ни одна земная страсть не внедрялась в чистую душу его. Н. Полевой. Клятва при гробе Господнем).* В данном примере скрытая метафора недр эксплицирует признак 'земная'. Страсти земные и небесные переплетаются (*Просим, хоть и знаем, что карты нам путает не небо, а наша земная страсть. В. Скрипкин. Тинга).* Любая страсть на вечна, она заканчивается (*Я подросла и немного охладела к нему – естественный процесс. Так проходит страсть земная...* Т. Соломатина. Мой одесский язык).

Камень, как еще один первоэлемент, существует в фольклоре и мифологии славян, под обозначением неживой природы – мертвой. Страсть, покоящаяся на глубине, выкапывается, она тяжела как камень, из которого можно что-либо соорудить (*Такую страсть лишь выкопать, столько земли выбросить, да еще с такой глубины ее тягать*

надо ведрами, да заготовить камень, привезти, опустить вниз, выложить стены, дважды перекрыть... Б. Екимов. На хуторе). Признак камень представлен в языковом материале реже других стихий.

Страсть в выделенных примерах является объектом неживой природы, выражением стихий. Как видно из языкового материала, преобладающими являются признаки 'огня', 'воды' и 'воздуха'. Интересно, что признак 'камня' встречается единично, но его присутствие среди примеров свидетельствует о близости концепта *страсть* к славянской культуре. Образный признак 'земля' среди текстовых репрезентаций концепта в Национальном корпусе русского языка не обнаружен, но встречен признак 'земная', который является символическим.

Литература

1. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры: учебное пособие, 3-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА: Наука, 2018.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: учебное издание. Москва : АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
3. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2003а. 250с.

References

1. Maslova V.A., Pimenova M.V. (2018) *Kody lingvokul'tury: uchebnoe posobie* [Linguoculture codes: a tutorial], 3-e izd., ster. Moscow: FLINTA: Nauka.
2. Popova Z.D., Sternin I.A. (2007) *Kognitivnaja lingvistika: uchebnoe izdanie* [Cognitive Linguistics: Study Edition]. Moscow: AST: Vostok-Zapad. 314 p.
3. Chudinov A.P. *Metaforicheskaja mozaika v sovremennoj politicheskoj kommunikacii: Monografija* [Metaphorical mosaic in modern political communication: Monograph]. Ekaterinburg: Izd-vo UrGPU, 2003a. 250s.

УДК 82

LA PRÉSENCE DE L'HISTOIRE ET DE LA CULTURE EUROPÉENNE DANS LES ŒUVRES D'HENRY BAUCHAU)

Koteneva Inna Anatolievna

Université nationale de recherche de Belgorod
Belgorod, Russie / koteneva@bsu.edu.ru

Krivchikova Nelya Leonidovna

Université nationale de recherche de Belgorod
Belgorod, Russie / krivchikova@bsu.edu.ru

Résumé

Cet article aborde l'activité littéraire d'Henry Bauchau, sa réécriture des récits bibliques et de la mythologie grecque en poésie et en pièces théâtrales. L'article vise à démontrer la particularité de l'œuvre de l'écrivain et comment il se fait entendre sur la scène et dans la poésie. Dans les histoires assez complexes qui se déroulent au cours des siècles l'auteur persécute la lutte constante et primordiale de ses personnages en mettant en valeur la forte présence de l'histoire et de la culture européenne.

Mots clés: écriture, l'art littéraire, figure, image, analyse.

La vocation littéraire d'Henry Bauchau a commencé par la poésie et par le théâtre. S'il s'incarne dans la poésie et le théâtre, c'est certainement parce que ces deux arts se rapprochent le plus pour Bauchau de la parole vive. De surcroît, qu'il s'agisse de théâtre ou de poésie a peu de conséquences, et les transferts de l'une à l'autre forme générique ne sont pas rares, comme le montrent les exemples de *Gît le Coeur* (un poème avant d'être une pièce) et du *Rire de Rembrandt* (une pièce avant d'être un poème). De ce fait s'expliquent aussi les nombreux chants que l'on retrouve dans les textes dramatiques (ou tout du moins dans les avant-textes), et qui rendent compte de cette porosité des genres qui existe pour Henry Bauchau: «L'arbre de Gengis Khan» est initialement inséré dans la scène du septième tableau de la pièce, la «chanson de

Spartacus» (dont il existe de nombreuses versions) dans la première scène de la pièce du même nom l'«Hymne de Rome» ouvre le premier acte de Rome d'or.

Ce qui retient l'attention de Bauchau dans la pensée héraclitéenne, c'est la mise en oeuvre et la nécessité de la lutte. A l'instar de celle des oracles la parole d'Héraclite se manifeste sous la forme du paradoxe, forme linguistique dont Michel Riffatterre rappelle qu'elle a la particularité «de faire entrevoir une vérité profonde sous le couvert d'une absurdité» [Riffatterre 1990]. Somme toute, cette parole se rapproche de celle de Blanché, dont les contradictions apparentes désarçonnent Bauchau, qui l'habille dès lors du titre de «Sibylle».

Le principe que renferme le fragment d'Héraclite, «la guerre est le père de toutes choses», semble parfaitement convenir à Bauchau, dont les premiers textes révèlent une lutte constate de la lumière contre l'ombre. L'obscurité est l'état dans lequel dit être maintenu l'écrivain, qui cherche avec ardeur une réponse, comme le 17 décembre 1951, où, évoquant l'épisode de l'aveugle-né dans l'Evangile de Jean, il déclare, anticipant ce que dira Œdipe trois décennies plus tard: «Cet aveugle-né, c'est bien moi, avec mon persistant aveuglement, le doute et l'obscurité où je vis». Il existe chez Bauchau une perception très pessimiste de cette situation qu'il considère comme un état de fait, à l'instar des dramaturges de l'entre-deux-guerres qui soulignent la part maudite inaliénable des figures mythiques qu'ils mettent en scène: «Serait-ce mon destin d'avoir un avenir obscur et de porter cette obscurité?» (12 février 1952). Et, de fait, les textes dramatiques dont il entame l'écriture tiennent de la tragédie classique, portant en leur sein la lutte inflexible de l'homme et du *fatum*: «Les deux pièces que j'envisage, Œdipe et Spartacus peuvent être conçues dans cette perspective de la lutte contre le destin et pourtant de son acceptation» (30 mai 1956). Ainsi, loin d'appartenir au théâtre engagé socialement (tel que le prônent Sartre ou Camus), le théâtre de Bauchau est tout entier dans une lutte de type ontologique de l'homme contre son destin. Ce destin, l'individu ne désire pas tant l'annihiler que l'accepter pour, *in fine*, le dépasser dans un mouvement vers la vie, un terme qui revient fréquemment sous la plume du dramaturge.

Cet *amour fati* s'incarne de façon spécifique dans chacun des projets dramatiques d'Henry Bauchau. Dans «La naissance de l'homme», ensemble de 12 feuilles non datées, le dramaturge présente, en deux actes, une réécriture du récit biblique de la création de l'homme et de la femme jusqu'à leur expulsion de l'Eden. Le premier acte s'ouvre sur l'image de Dieu qui s'interroge sur la création de l'homme. S'ensuit la naissance d'Adam, qui «jailli d'un jet de poussière», et la «présentation des animaux à Adam» afin que ce dernier apprenne qu'il les dirige tous.

La réécriture bauchalienne est assez canonique, si ce n'est pas le dispositif d'apparition de la figure divine: une didascalie renseigne en effet que «chaque fois que Dieu apparait (sur un écran), c'est avec un visage nouveau suivant l'idée que s'en fait Adam» – ce qui amène ainsi Dieu à se matérialiser, dans la scène deux de l'acte I, en «grand nègre ressemblant à Adam» (la notion est importante, nous le verrons). Entamer la rédaction d'un récit sur la naissance de l'homme est signifiant: ce que met en place Bauchau, c'est la lutte primordiale, c'est-à-dire la tentation d'Eve et d'Adam de goûter au fruit de l'arbre de la connaissance. Car c'est à la suite de rupture de cet interdit que l'homme est devenu comme l'un de nous, pour la connaissance du bien et du mal». Et, effectivement, c'est ce sur quoi insiste Bauchau dans le «schéma» préparatoire de sa pièce, notant pour la dixième scène de l'acte II: «Eve se sent chassée. Naissance de l'ombre».

L'épique, affirme l'écrivain, qui suit en cela un mot du philosophe Alain, c'est «ce qui se jette en avant». Aussi l'homme qui souhaite faire face à son destin n'a-t-il d'autre choix que, précisément, se jeter en avant de lui, continuer, à avancer, quelles que soient les luttes intestines qui l'animent. C'est la décision que prend Gengis Khan, soutenu par Timour, Spartacus, quand il prend la tête de la révolte des esclaves, Pierre lorsqu'il quitte sa famille et s'engage dans la Guerre de Sécession dans *Le Régiment noir* ou enfin Orion quand il s'en va mendier dans le métro à la fin de *L'Enfant bleu*.

Dans *Le Rire de Rembrandt*, c'est une tout autre disposition à l'égard de la lutte qui est envisagée. Un seul feuillet compose ce projet qui prévoit une pièce en deux actes, dont le

premier comporterait trois scènes. L'histoire est celle d'un jeune peintre copiant dans un musée un Rembrandt, lorsqu'un vieillard survient derrière et lui propose de corriger le sourire du maître flamand qu'il vient de dessiner. Le vieillard poursuit alors sa promenade au milieu des tableaux et s'arrête devant l'«Autoportrait de Rembrandt avec Saskia». Les deux personnages sortent du tableau et tous trois partent dans Paris. Ce projet, qui n'est pas sans faire penser à *Déluge* ou, surtout, à la nouvelle inédite «La peinture en feu», a surgi dans Cologne. Riant d'un rire inextinguible en regardant le monde et sa propre vie».

La pièce n'aboutira pas, mais elle donnera cependant naissance à un poème intitulé «le rire», qui sera publié dans la *Poésie complète* de 2009. Loin du ton badin que laisse entendre le projet théâtral, le poème se révèle beaucoup plus sombre: «Il (Rembrandt) sait que le pauvre sera humilié / Que le riche et le pharisien triomphent / Et que le Christ sera brisé / [...] Il sait immensément, il rit, barque échouée / Dans le port de miséricorde». Ce qui attire l'attention du poète est ici le caractère inépuisable du *rire* alors même que l'injustice du monde se déploie.

La scène ultime de la pièce, utilisant le même procédé dramaturgique, anticipe étonnamment la scène final du roman *Oedipe sur la route*:

Le mur s'ouvre. On voit un énorme pan de ciel où semble se dessiner le chemin.

LE DOCTEUR

Et si on y allait?

[...]

Le docteur l'[la mère] aide à monter [...]. Elle s'élance dans le ciel.

Le docteur ramasse sa trousse et s'apprête à la suivre tandis que descend le rideau.

La lutte dont il est question est double: il s'agit dans un premier temps de la mort qui consume progressivement le corps malade de Jeannette, mais aussi, dans un second temps, de la désobéissance aux ordres de la part de Marco qui refuse de tuer un autre être humain – un refus qui le mènera inévitablement à être exécuté pour trahison. Cette double lutte en outre à l'aune du fil ténu qui lie les deux protagonistes: déménageant de la cuisine, où était son lit, vers la chambre de Marco, Jeannette est saisie d'un regain de vitalité et c'est finalement en tant qu'assomption de leur *amour* chaste que peut être comprise leur mort concomitante – un dénouement qui n'est pas sans rappeler l'absence cruelle de Laure dans la vie d'Henry Bauchau au début des années 1950.

Le dernier texte des projets dramaturgiques d'Henry Bauchau s'intitule *Rome d'Or* (ou *Les défenseurs*). Ensembles de 88 feuillets, la pièce, complète, se compose de quatre actes précédés d'un prologue proposant une histoire assez complexe. La pièce se déroule au Bas Moyen Age, à Rome. On y voit une chrétienté menacée par une armée sarrasine, prête à assaillir la ville. Rome est désertée et seuls restent, hormis de quelques bandes de brigands, le Pape, son Cardinal-Juge et Père Anselme, conseiller du pape, tous trois réfugiés dans les catacombes. L'action de *Rome d'Or* se présente comme un dilemme. Dans un premier temps, Antonio, alchimiste ayant reçu en Orient les enseignements les plus avancés, vient proposer son aide au souvenir ponfite: il a mis au point un «homme de fer», qui possède la force de cent hommes et qu'il souhaite mettre à la disposition du pape. La constitution d'une armée de tels chevaliers étant longue, Antonio propose au pape de retarder l'avancée des Arabes en glissant une fiole de poison (le choléra) dans leurs points d'eau. L'autre partie de ce dilemme tient en la proposition du Prince Omar, qui suggère au pape d'«allier la Croix et le Croissant» afin de former militaire et la Croix la stratégie politique.

Alors qu'il se retire pour réfléchir, le Pape fait un rêve dans lequel il voit un cygne blanc attaqué par des aigles et l'eau du lac dans lequel il se trouve se transformer bientôt en un lac de sang. Le Pape comprend qu'il doit rejeter les deux propositions, refuser l'effusion de sang et le dévoiement, et qu'il doit au contraire suivre l'enseignement du Christ dans son Sermon sur la montagne: «Ne résistez pas à celui qui vous veut du mal». Le Cardinal-Juge refuse de suivre l'ordre du pape et l'empoisonne avant d'annoncer au Prince Omar que ses troupes ont été également empoisonnées et de s'autocondamner à la pendaison pour trahison et parricide.

La lutte qui s'exprime dans cette pièce, au-delà de la simple opposition guerrière entre la chrétienté et l'islam, est bien celle d'homme pris entre deux tentations qui, inexorablement,

мènent à l'échec. Aussi cette lutte contre la tentation de la violence est-elle bien la trame qui sous-tend toute la pièce, comme le révèle de façon oraculaire le personnage d'Aurélia, dont on rappellera qu'il s'agit du prénom de la mère de Jules César, endosse en ce sens un rôle prophétique qui va jusqu'à l'apparenter à la figure christique: alors que son décès est annoncé au pape, celui-ci déclare que «des temps nouveaux vont venir et comme l'évangile s'ouvre par le massacre des Saints Innocents, l'ère nouvelle s'ouvre par ta mort, Pâquerette au coeur pur».

Dès le début de la pièce, Aurélia annonce le risque encouru, qui est celui du sang versé: «je voudrais tant ne plus rien voir d'autres que ce que vous voyez tous [...]; plus de sang, plus de sang, plus de ces ombres qui sortent de partout». Ce sang, Aurélia l'associe au personnage de César, qui, on le comprend bientôt, plus qu'une référence à la personne historique, est une représentation symbolique de l'entraînement spiralaire de la violence («Tu ne vas plus tuer, dis César»). Reproduction mécanique de l'affirmation de la mort, le sang versé apparaît toujours comme consubstantiel au destin de César: «Un destin tout rouge» (Prologue), un «grand destin rouge» (Prologue). Aurélia, à l'instar d'Antigone, une fois encore, met en garde contre la répétition de la violence dont elle voit l'ombre se profiler sur Rome et, particulièrement, derrière le pape alors en proie au doute quant à la décision qu'il doit prendre. L'«ombre de César», véritable moteur de la pièce, se manifeste derrière le souverain ponctif à deux reprises, dans la scène troisième de l'acte II, et utilise notamment des versets du texte biblique afin de semer le trouble dans son esprit et l'inciter à la violence: «Je ne suis pas venu apporter la paix mais le glaive», «Je suis venu apporter le feu sur la terre».

References

1. Khalsi K. La desinée selon Henry Bauchau // L'écriture à l'écoute – Revue internationale Henry Bauchau. – URCL: Presse Universitaire de Louvain, 2015. pp. 265-278.
2. Riffatterre M. Fictional Truth. – Londres: Johns Hopkins University Presse, 1990. – 160 p.

УДК 811.111

ОСНОВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ РЕКЛАМНОГО СООБЩЕНИЯ

Лазарев Владимир Александрович
доктор филологических наук, профессор
кафедры перевода и информационных
технологий в лингвистике, ФГАОУ ВО
«Южный федеральный университет»
Ростов-на-Дону, Россия /
valazarev@sfedu.ru

Пономарева Полина Александровна
магистрант кафедры перевода и
информационных технологий в
лингвистике, ФГАОУ ВО «Южный
федеральный университет»
Ростов-на-Дону, Россия /
pponomareva@sfedu.ru

Аннотация

Рекламная индустрия в современных реалиях является одной из наиболее быстро развивающихся аспектов рыночной деятельности. Высокая конкуренция и большое разнообразие товаров и услуг вынуждают компании применять всевозможные методы привлечения внимания потенциального покупателя. Огромную роль в эффективности рекламного текста играют, в том числе и лексические средства. Основной целью данного исследования являлось изучение лингвистических факторов, влияющих на успешное восприятие рекламы реципиентом. В работе над данной статьёй использовались следующие методы исследования: сплошной лингвистический анализ текста, лексический анализ, морфологический анализ, семантический анализ, синтаксический анализ, контекстуальный анализ. В результате работы мы пришли к выводу, что эффективность рекламного текста зависит от многих факторов: узнаваемость рекламного образа, наличие запоминающихся лексических элементов, ярко-выраженная эмотивность используемого в рекламном тексте языка. Особую роль играют также фоновые знания реципиента, на которого транслируется реклама.

Ключевые слова: реклама, эффективность рекламного текста, лексические особенности, культурные особенности.

THE MAIN MECHANISMS OF INFLUENCE OF THE ADVERTISING MESSAGE

Lazarev Vladimir Alexandrovich

Doctor of Philology, Professor of the
Department of Translation and Information
Technologies in Linguistics, Federal State
Autonomous Educational Institution of
Higher Professional Education "Southern
Federal University" Rostov-on-Don, Russia /
valazarev@sfedu.ru

Ponomareva Polina Alexandrovna

Master's Degree student of the Department of
Translation and Information Technologies in
Linguistics, Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Professional
Education "Southern Federal University"
Rostov-on-Don, Russia /
pponomareva@sfedu.ru

Abstract

The advertising industry in modern realities is one of the fastest growing aspects of market activity. High competition and a wide variety of goods and services force companies to use all sorts of methods to attract the attention of a potential customer. Lexical means play a huge role in the effectiveness of the advertising text. The main purpose of this study was to study the linguistic factors that affect the successful perception of advertising by the recipient. In the work on this article, the following research methods were used: continuous linguistic analysis of the text, lexical analysis, morphological analysis, semantic analysis, syntactic analysis, contextual analysis. As a result of the work, we came to the conclusion that the effectiveness of the advertising text depends on many factors: the recognition of the advertising image, the presence of memorable lexical elements, the pronounced emotiveness of the language used in the advertising text. A special role is also played by the background knowledge of the recipient to whom the advertisement is being broadcast.

Key words: advertising, the effectiveness of the advertising text, lexical characteristics, cultural characteristics.

Реклама как вид массовой коммуникации возникла несколько тысяч лет назад. Прототип рекламного текста возник еще в античных цивилизациях: в Риме, Древней Греции, Вавилоне и Египте. Потребность в рекламе появилась сразу после становления торговли как социального института, потому что возникла необходимость распространять информацию среди большого количества человек. Само слово «реклама» происходит от латинского «*réclame*» – громко кричать, подзывать, что в те времена прямо указывало на механизм воздействия рекламы на народ.

Из-за низкой грамотности населения первые рекламные тексты распространялись в устной форме – этим занимались глашатаи, то есть специально обученные люди, которые посредством различных вербальных тактик воздействовали на людей с целью продажи определённого товара или услуги. Зачастую в этих устных сообщениях глашатаи использовали рифму или игру слов, чтобы привлечь внимание потенциальных покупателей. Позже появились рекламные граффити на стенах домов, свитки из пергамента, глиняные таблички с описанием всевозможных качеств рекламируемого продукта [Купова: 2015, с. 122].

С течением времени реклама стала одним из важнейших факторов реализации товаров и услуг и, соответственно, роста экономики страны. Развитие торговли и рыночных отношений привело к интенсивному развитию рекламного бизнеса. Влияние рекламы на повседневную жизнь стало особенно заметно в конце двадцатого и начале двадцать первого веков, когда массовое распространение получили телевидение и интернет. Развитие технологий массовых коммуникаций позволило транслировать информацию миллионам людей по всему миру с минимальными затратами на ее передачу. Конечно, с увеличением числа потенциальных покупателей увеличились и требования к представлению рекламы. Теперь недостаточно просто описать характеристики предлагаемого к покупке продукта – он должен выделяться на фоне своих конкурентов. Поэтому над созданием рекламных текстов и видеороликов трудятся целые маркетинговые агентства с несколькими десятками

профессионалов, среди которых есть и специалисты по продвижению, дизайнеры, копирайтеры, маркетологи, арт-директора и многие другие.

В условиях современной мировой экономической ситуации можно утверждать, что реклама – это один из наиболее важных факторов экономического и социального развития общества. Массовое распространение рекламы является прямым следствием развития общества потребления. Реклама экономически выгодна всем участникам рекламного взаимодействия: начиная от создателей и заканчивая потребителями рекламного контента. Население узнает о новых товарах или об акциях, а производители получают прямую коммерческую выгоду. Реклама также играет важнейшую экономическую роль в существовании средств массовой коммуникации, формирует огромное количество рабочих мест, способствует развитию новых технологий. Общество и реклама выгодно сосуществуют в едином социо-экономическом пространстве: общество стимулирует развитие рекламного бизнеса, а реклама в свою очередь развивает экономику той или иной общественной группы [Головлева: 2015, с. 163-164].

Одна из причин, которая может объяснить популярность и огромное влияние рекламы на современный социум – это многообразие форм, то есть широкий спектр применения рекламы в разных областях деятельности человека [Байдалова: 2012, с. 69]. Такое широкое распространение феномена рекламы позволяет говорить о ней как об отдельной форме массовой коммуникации.

Рекламная коммуникация имеет ряд особенных характеристик. Наиболее важной является именно массовость, то есть способность рекламы оказывать влияние на большую аудиторию. Этому в значительной степени способствуют СМИ, которые придают потреблению рекламы среди населения массовый характер [Дмитриева: 2006, с. 130]. Например, в Российском законодательстве установлено, что количество рекламы не может превышать 15% времени вещания круглосуточного телеканала, однако даже 15% – это 216 минут экранного времени, то есть больше трех с половиной часов [ФЗ-38 «О рекламе»]. При условии, что по данным исследовательской компании «Медиаскоп» почти 66% населения России ежедневно проводят некоторое время за просмотром телевизора, масштабы распространения рекламных сообщений среди общественности огромны [официальный сайт «Медиаскоп»].

Второй не менее важный фактор – это разнообразие форм выражения рекламы. Рекламные продукты проникли во все формы распространения информации, будь то телевидение, Интернет, газеты или радио. Отличительной особенностью рекламы как формы массовой коммуникации является то, что в зависимости от вида информационного потока, с помощью которого транслируется реклама, она приобретает специфические особенности, характерные именно для данного средства передачи информации. Рекламная коммуникация видоизменяется, чтобы оказать наибольшее воздействие на потребителей рекламных продуктов.

Несмотря на то, что в своей изначальной сути реклама – это экономическое явление, преследующее исключительно коммерческие цели, сейчас рекламный дискурс включает в себя и социокультурный аспект жизни, что также позволяет говорить о рекламе как о виде массовой коммуникации. В современном мире реклама стала не просто одним из способов убеждения потребителя приобрести товар. Жесткая конкуренция на рынке побуждает производителей творчески подходить к созданию и продвижению рекламных кампаний. Реклама становится не просто одним из методов реализации товаров, а готовым культурным продуктом.

Количество рекламы во всех СМИ настолько велико, что реципиенту приходится строго фильтровать поступающую информацию. Чтобы рекламное сообщение было максимально эффективно, оно должно отражать социокультурный аспект жизни аудитории, на которую она транслируется. Только в этом случае цель рекламы – надолго запомниться и побудить адресата купить тот или иной товар – будет достигнута.

Наиболее действенной считается реклама, которая содержит узнаваемый образ, то есть послание, опирающееся на фоновые знания реципиента. Как правило, используется

общеизвестный культурный образ, который в рамках культурной коммуникации приобретает новый смысл. Популярный образ, наделенный иным содержанием, позволяет реципиенту воспринять новую информацию намного быстрее, потому что использованный в рекламе общекультурный феномен уже закреплён в его сознании как часть фоновых знаний.

Подобные рекламные сообщения легче всего декодируются потребителем, потому что в своей структуре уже имеют знакомую и понятную всем участникам данного социума идею. В рекламе в большинстве случаев обращаются к эгалитарным образам, потому что они с большей вероятностью будут очевидны большому количеству людей. Чаще всего источниками данных образов является фольклор и мировой кинематограф [Анашкина: 2012, с. 257].

Наглядным примером адаптации рекламы мирового бренда к национально-культурным особенностям страны является реклама американского бренда «Nike» 2017 года «Сделана из...» для России. В качестве главной песни видеоролика была использована известная большинству жителей страны советская песня «Из чего же сделаны наши девчонки», стилизованная таким образом, чтобы отвечать общей тематике видеоролика. Использование яркого и знакомого всем образа позволило этому рекламному продукту оказать большее влияние именно на российскую аудиторию, потому что образ был взят из национального тезауруса. Данная реклама в итоге получила большое количество положительных отзывов и оценок, что позитивно сказалось и на продажах рекламируемого товара.

Реклама настолько интегрирована в социокультурный аспект жизни современного человека, что рекламный дискурс можно рассматривать не только как культурный феномен, а как способ хранения и передачи культурных фоновых знаний. Реклама – это наглядный пример выражения нынешней массовой культуры, где основной упор делается на конвенциональность, то есть общедоступность рекламных образов и текстов.

Конвенциональностью обладают не только образы из популярной мировой культуры, но также и общечеловеческие ценности, по-своему отраженные в каждой отдельно взятой национальности. Например, концепт «красота» в разных языковых культурах может принимать совершенно разные формы. Этим активно пользуются компании по производству косметики и парфюмерии в своих рекламных акциях. Например, в Соединенных Штатах последние несколько лет наблюдается тенденция к либерализму во всех аспектах деятельности человека, в том числе и в уходе за собой. Поэтому американский рынок косметики подстраивается под требования общественности, продвигая в своей рекламе идеи индивидуализма, толерантности и плюрализма. Всем известный слоган от мирового бренда L'Oreal «Because you're worth it», который на российском рынке переведен как «Ведь вы этого достойны», наглядно показывает индивидуальный подход к рекламе косметических товаров. Акцент делается на доступность продуктов данного бренда всем слоям общества, независимо от пола, возраста и расы человека.

На российском рынке почти все косметические товары ориентированы на женскую аудиторию. Российский бренд косметики «Чистая линия» в своих рекламных кампаниях делает акцент именно на натуральность и простоту компонентов, равно как и на сохранение молодости у потенциальных покупательниц: «Задача Чистой линии – беречь и заботиться о естественной красоте и молодости российских женщин, делая их жизнь счастливее с каждым днем» [офиц. сайт «Чистая линия»]. Выбор тематики неслучаен: перечисленные характеристики – это то, что ценится обществом в современных российских реалиях. Использование таких семантических конструкций как «натуральность» и «молодость» в контексте ухода за собой поощряет использование данной продукции для поддержания так называемой «естественной красоты» – главной тенденции в макияже последних лет.

Любой рекламный продукт в первую очередь основывается на тексте, то есть на языковых средствах. Рекламный текст имеет ряд специфических функций, благодаря

которым рекламная коммуникация и становится возможной. Одна из важнейших функций рекламной коммуникации – побудительная. Эффект воздействия на адресата обычно достигается посредством специальных вербальных и невербальных тактик: провокационные заявления, инновационность, ограниченное предложение и т. д.

Другой немаловажной функцией является информационная. Одна из целей рекламы – осведомить аудиторию об определенных товарах или услугах, то есть выполнить функцию объявления. Особенно ярко эта функциональная особенность заметна, когда на рынок выходит новый продукт, прежде неизвестный покупателям. В этом случае информация о продукте – это база, на которой основывается стратегия убеждения адресата купить рекламируемый товар [Морозов: 2009, с. 232].

Еще одна важная функция рекламной коммуникации – эмотивная. Зачастую в рекламных текстах мы видим скорее эмоциональную аргументацию, чем рациональную. Под эмоциональной аргументацией принято понимать воздействие на реципиента с целью вызвать у него определенную эмоцию, тогда как в тексте с рациональной аргументацией упор делается на положительные качества продукта, его эффективность и преимущество перед конкурентами [Ухова: 2011, с. 224-225]. Из-за реальной конкуренции за внимание потенциальных покупателей рекламодатели чаще всего прибегают к наиболее действенной в условиях ограниченного времени тактике: вызвать у реципиента сильный всплеск эмоций, который запомнится, побудит адресата узнать о товаре больше и в конечном итоге приобрести его. Спектр эмоций может быть различен: от страха, как, например в социальных рекламах, [Байдалова: 2012, с. 7] до восторга, который вы испытаете, купив рекламируемый продукт. Резко негативный или вызывающий отрицательные эмоции контекст в рекламном сообщении, несомненно, привлечет внимание покупателя, но не всегда способствует желанию купить товар. Поэтому чаще, конечно, реклама направлена на то, чтобы вызвать у адресата приятные эмоции, которые впоследствии будут ассоциироваться с этим продуктом, что увеличит его шансы быть купленным. Реклама некоторых товаров построена так, чтобы показать их элитарность и эксклюзивность, чем вызывает у реципиента чувство превосходства и роскоши при пользовании данным продуктом.

Рекламный текст стилистически разнообразен. Главная характеристика рекламного сообщения – лаконичность, то есть наполнение языковой единицы максимально возможным содержанием [Печетова: 2018, с. 100]. Это связано в первую очередь со спецификой распространения рекламы: потребитель должен получить максимум информации о товаре за короткое время, потому что время трансляции рекламных сообщений в СМИ ограничено. Более того, информация в тексте должна заинтересовать потенциального покупателя, остаться в памяти. Рекламное сообщение обязано выделяться на фоне огромного информационного потока, с которым сталкивается среднестатистический потребитель ежедневно.

Аудитория потенциальных потребителей рекламного продукта слишком широка и неоднородна, чтобы использовать в рекламных текстах специальную лексику или сложные суггестивные конструкции. Информация, заложенная в рекламе, должна быть понятна максимально возможному числу людей, поэтому в большинстве случаев в рекламной коммуникации используется стилистически нейтральная лексика [Дурицкая: 2009, с. 222]. Тем не менее, исключительно нейтрально окрашенные слова не смогут вызвать у реципиента такой же отклик как, например, экспрессивная лексика или художественные приемы. Поэтому нейтральный стиль в рекламном сообщении часто является базой для стилистически окрашенных элементов. В этом случае лексическая единица с ярким коннотативным значением не кажется неестественной в контексте рекламного сообщения, а наоборот, придает рекламе индивидуальность и делает ее запоминающейся.

Итак, главная цель рекламы – продать продукт, поэтому создатели рекламы используют все возможные методы убеждения, чтобы заставить человека купить

рекламируемый товар. Основными факторами воздействия на реципиента являются: использование узнаваемого образа, нейтральной лексики в комбинации с яркими лексическими элементами и акцент на эмоциональную интерпретацию сообщения. Также особое значение имеет культурный фон аудитории, на которую транслируется реклама. Правильная адаптация национально-культурных феноменов в рекламе усиливает ее воздействие на потребителя. В совокупности все эти методы и оказывают нужный эффект на потенциального покупателя.

Литература

1. Анашкина Н.А. К вопросу о взаимодействии рекламы и массовой культуры // Омский научный вестник. 2012. № 1 (105). – С. 256–259.
2. Байдалова О.В. Емельянова Е.А. Социальная реклама как форма передачи информации в современной массовой коммуникации // Вестник калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. – С. 69–74.
3. Головлева Е.Л. Формирование коммуникативного пространства рекламы // PolitBook. 2015. № 2. – С. 158–166.
4. Дмитриева Л.М. Ракитина Л. С. Интеграция рекламной коммуникации в культурный процесс // Омский научный вестник. 2006. № 6 (41). – С. 130–133.
5. Дурицкая Н.К. Лексические особенности англоязычных рекламных текстов // Вестник Чувашского университета. 2009. № 1. – С. 222–226.
6. Купова Е.М. Анализ общих черт рекламы различных исторических периодов: современная реклама и реклама античных времен // Современная наука: теоретический и практический взгляд: материалы II Международной научно-практической конференции: сборник научных трудов. Москва, 2015. – С. 122–125.
7. Морозов А.Ю. Функциональная специфика рекламного текста // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. № 4–1. – С. 232–237.
8. Официальный сайт бренда косметики «Чистая Линия», 2021 URL: <https://www.chistaya-linia.ru/about> (дата обращения: 06.09.2021).
9. Официальный сайт исследовательской компании «Медиаскоп», 2021 URL: <https://mediascope.net/services/media/media-audience/tv/national-and-regional/description/> (дата обращения: 05.09.2021).
10. Печетова Н.Ю., Николаева В.Г. Способы и средства реализации воздействующей функции в рекламных текстах сети интернет // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2018. № 5 (67). – С. 97–106.
11. Ухова Л.В. Аргументация в текстах печатной рекламы: к вопросу об эффективности коммуникации // Филология и культура. 2011. № 4 (26). – С. 224–228.
12. Федеральный закон от 13.03.2006 N 38 (ред. от 31.07.2020) "О рекламе" // Собрание законодательства РФ. 2020. № 38. Ст. 14.

References

1. Anashkina N.A. To the question of the interaction of advertising and mass culture. Omsk Scientific Bulletin. No. 1 (105) (2012): P. 256–259.
2. Baidalova O.V. Emelyanova E.A. Social advertising as a form of information transfer in modern mass communication. Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research RAS. No. 4 (2012): P. 69–74.
3. Golovleva E.L. Formation of the communicative space of advertising. PolitBook. No. 2 (2015): P. 158–166.
4. Dmitrieva L.M. Rakitina L.S. Integration of advertising communication into the cultural process. Omsk Scientific Bulletin. No. 6 (41) (2006): P. 130–133.
5. Duritskaya N.K. Lexical features of English-language advertising texts. Bulletin of the Chuvash University. No. 1 (2009): P. 222–226.
6. Kupova E.M. Analysis of common features of advertising of various historical periods: modern advertising and advertising of ancient times. Modern science: theoretical and practical

view: materials of the II International scientific and practical conference: collection of scientific papers. Moscow (2015): P. 122–125.

7. Morozov A. Yu. Functional specificity of advertising text. Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. No. 4-1 (. 2009): P. 232–237.

8. Of the «Chistaya Linia» cosmetics brand, 2021 URL: <https://www.chistaya-linia.ru/about> (Accessed 09.06.2021).

9. The official website of the research company «MediaScope», 2021 URL: <https://mediascope.net/services/media/media-audience/tv/national-and-regional/description/> (Accessed 05.09.2021).

10. Pechetova N.Yu., Nikolaeva V.G. Methods and means of implementing the influencing function in advertising texts on the Internet. Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. No. 5 (67) (2018): P. 97-106.

11. Ukhova L.V. Argumentation in the texts of print advertising: to the question of the effectiveness of communication. Philology and Culture. No. 4 (26) (2011): P. 224-228.

12. Federal Law of 13.03.2006 N 38 (revised on 31.07.2020) "On Advertising". Collection of Legislative Acts of the Russian Federation. 2020.

УДК 81'24

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ ДЕЛОВОГО СТИЛЯ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РОССИИ И ИТАЛИИ

Марабини Алессандра

ассистент кафедры немецкого и французского языков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / marabini@bsu.edu.ru

Аннотация

Межкультурная коммуникация – это общение и взаимодействие между представителями разных культур. Она является теорией, которая придаёт нормы общения и поведения в контексте взаимодействия с иностранными собеседниками. Культура играет важную роль, поскольку в процессе общения с иностранными собеседниками необходимо учитывать их культурные особенности, чтобы не обижать или оскорблять собеседника. Межкультурная коммуникация проявляется даже в общении между деловыми партнёрами. В этом направлении деловые партнёры должны обладать устойчивыми и образными выражениями, свойственными деловому стилю. Целью данной статьи является выявить образно-переносные фразеологические единицы делового стиля, употребляемые в межкультурной коммуникации между партнёрами России и Италии. Объектом анализа выступают некоторые терминологические фразеологические единицы делового дискурса и их перевод на итальянский или русский языки.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, культура, язык, фразеологизмы, деловой дискурс, перевод.

PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE BUSINESS STYLE IN THE ASPECT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION BETWEEN REPRESENTATIVES OF RUSSIA AND ITALY

Marabini Alessandra

Teacher assistant of the Department of German and French languages

Belgorod State University

Belgorod, Russia / marabini@bsu.edu.ru

Abstract

Intercultural communication is the interaction between representatives of different cultures. It is a theory that gives rules of communication and behavior in the context of interaction with foreign interlocutors. Culture plays an important role, since in the process of communication with foreign interlocutors, it is necessary to consider their cultural characteristics in order to not offend the interlocutor. Intercultural communication occurs in the communication between business partners.

Therefore, business partners should master the stable and figurative expressions of the business style. The purpose of the present article is to identify the figurative phraseological units of the business language used in the intercultural communication between partners of Russia and Italy. Object of the analysis are some terminological phraseological units of the business discourse and their translation into Italian or Russian languages.

Key words: intercultural communication, culture, language, phraseological units, business discourse, translation.

Дисциплина межкультурной коммуникации изучает процессы межкультурного взаимодействия людей разных культурных сообществ, которые по-разному воспринимают окружающий мир. Межкультурная коммуникация направлена на решение проблемы непонимания и конфликтных ситуаций, которые могут возникать в результате разнообразного видения мира (а также, разнообразного поведения в обществе и разнообразных традиций). В межкультурной коммуникации учитывается роль языка и культуры. Каждая культура имеет свою языковую систему, с помощью которой её носители имеют возможность общаться друг с другом. Соотношение языка и культуры – вопрос сложный и многогранный. Язык вступает как зеркало культуры, через язык мы формируем, а затем вербализируем наши мысли. Язык строит мир в нашем сознании, поэтому люди видят мир так, как они говорят.

Каждый народ обладает собственными национально-культурными традициями, выраженными в языке. Среди языковых средств, обеспечивающих межкультурную коммуникацию, особое место занимают фразеологические обороты. Они представляют собой устойчивые, воспроизводимые в речи и образные выражения, употребление которого рассчитано на то, что собеседник также их знает и понимает. Таким образом, фразеологизмы под названием «терминологические фразеологические единицы» являются объектом данной статьи. Следует уточнить, что мы их рассматриваем в аспекте межкультурной коммуникации между бизнес-партнёрами стран России и Италии. Анализ межязыковой эквивалентности (контрастов и сходств между русским и итальянским языками) служит инструментом эффективной межкультурной коммуникации. Вслед за лингвокультурологической парадигмой фразеологии, мы рассматриваем фразеологизмы экономического дискурса как в их культурном аспекте, т.е. как знаки национальной культуры русского и итальянского народа, так и в их лингвистическом аспекте, т.е. мы сопоставляем их лексико-грамматические особенности.

Язык бизнеса принадлежит официально-деловому стилю русского языка и фразеологизмы такого стиля характеризуются отсутствием образности и экспрессивности. Так, «если в художественной литературе и публицистике на первый план выдвигается образность, эмоциональность и оценочность фразеологических оборотов, то в официально-деловом стиле используются устойчивые выражения книжного характера или стилистически нейтральные фразеологизмы, лишенные экспрессивности» [Водина, Иванова 2008: 103]. Примером может быть **оставляет желать лучшего**. Фразеологизм такого рода возникает и в итальянском языке на основе такого же образного представления отказа в связи с тем, что что-то не соответствует требованиям. Итак, фразеологизм на итальянском переводится **lascia a desiderare**. Доминантной особенностью русской лингвокультурологии является преобладание высказываний пожелания. Это отражается в языке: глагол «желать» согласуется с именем прилагательным в родительном падеже. Поэтому, в русском языке преобладает конструкция «глагол + имя прилагательное». С другой стороны, в итальянском языке, поскольку глагол не согласуется ни с каким-либо падежом, имя прилагательное отсутствует. Важный элемент итальянского предложения – это использование фразеологического глагола (*verbo fraseologico*), характеризованного из предлога (*a*), который выполняет функцию соединителя двух глаголов.

Образно-вторичное значение слова возникает в результате семантической трансформации какого-то другого значения, которое по отношению к нему является

первичным и исходным [Солодуб, Альбрехт 2003: 63]. Многозначные слова встречаются в дискурсе бизнеса, в котором, например, слово **лицо** считается не как «передняя часть головы человека», а как «человек как член общества [Седых, Марабини 2021] физическое лицо (о правоспособном человеке)» [Ожегов 2012: 319]. В русском языке первоначальное значение не актуально для специального словоупотребления. Наоборот, в итальянском языке термин в его первичном значении актуален для употребления в языке бизнеса (**persona**).

В межкультурной коммуникации экономики выделяют метафоры зоологического характера. Итак, в языке бизнеса, **тигр** используется для описания экономической модели страны, а также ее значительного роста; **дракон** указывает на страны, которые из разряда развивающихся переходят к высокоразвитой экономике; **бык** является инвестором на бирже, играющим на повышение; **медведь** тоже является инвестором на бирже, но играющим на понижение [Макеева, Бородулина 2020: 23-24]. В межкультурной экономической коммуникации между странами эти метафоры зоологического характера становятся универсальными понятиями как для русского, так и для английского и итальянского (анг. **tiger** – итал. **tigre**, англ. **dragon** – итал. **drago**, англ. **bull** – итал. **toro**, англ. **bear** – итал. **orso**). На наш взгляд, особенностью многозначных слов является экспрессивность, что противопоставляет вышеуказанное о нейтральных фразеологизмах. Поэтому, можно утвердить, что язык экономики характеризуется как стилистически нейтральными фразеологизмами, так и экспрессивно-метафорической образностью.

Помимо метафор зоологического характера, в языке экономики выделяют многозначные термины, вступающие в дискурс как тропы. Например, термины **доход** или **расход** представляют собой персонификации. Процесс персонификации данных слов замечается и в общении с представителями итальянского общества. В связи с этим, **доход** переводится как **entrata**, а **расход** как **uscita**. В данном случае буквальный перевод в межкультурной профессиональной коммуникации достаточен для взаимного понимания, так как он сохраняет иноязычный образ.

В одном языке образная основа фразеологизма может быть специфична с точки зрения национального и лингвистического характера, в то время как в другом языке она может быть опущена. Например, фразеологическое сочетание **банковский перевод** содержит образную основу в термине «перевод». Переосмысление специфично для русской формулировки и связано с национальными и языковыми особенностями русского народа. В самом деле, в русском языке «деньги переводятся». Глагол «переводить» не имеет собственного лексического значения, а служит для того, чтобы быть носителем движения вместе с семантическим полем «деньги». В итальянском языке метафора движения теряется, в связи с этим **банковский перевод** не может быть переведено буквально (**trasferimento bancario**), а словосочетанием, лишено выразительности и образности (**bonifico bancario**).

Фразеологизмом делового стиля бизнеса можно считать устойчивое словосочетание, составленное из одного образного термина и одного термина, который употребляется в его первом значении. Итак, в языке экономики можно найти составные термины, как например, **денежные средства**. Второй компонент, слово «средства» вступает как образный компонент. В переводе с итальянского на русский отмечается полная эквивалентность на уровне словаря (**денежные средства** переводится как **mezzi monetari**). Нужно замечать, что каждое словосочетание строится по определённой лингвокультурологической схеме, которая отражается и в языке: русская модель сочетания имён существительных с именами прилагательными предусматривает фиксированный порядок «имя прилагательное + имя существительное»; а итальянская модель сочетания формируется по порядку «имя существительное + имя прилагательное».

В любом языке присутствуют фразеологические заимствования из других языков. Однако, наряду с универсальными терминами бизнеса, выделяют и национально-культурные фразеологизмы, которые выражают подлинность структуры в экономической организации. Итак, в общении с русскими деловыми партнёрами итальянский собеседник должен

учитывать, что в языке фигурирует заимствования из английского языка, которые непосредственно являются более интуитивными. Однако, русский аналог представляет собой ближе к чистому русскому языку и к самой русской структуре. Поэтому, для итальянского бизнесмена, словосочетание **risorse umane** непосредственно связано с английским выражением **human resources**. Буквальный параллель **человеческие ресурсы** понятен даже русскому деловому представителю, однако лингвокультурный и лексический слоя русского языка характеризуются наличием чистого аналога (**кадровый потенциал**), который, по нашему мнению, является более подлинным. Иными словами, чистый аналог связан с материальной и социальной культурой данной языковой общности.

Корреляция между культурой и семантикой профессиональных экономических терминов проявляется в фразеологизме. Таким образом, фразеологизм является хранилищем культурного опыта народа. Национально-специфические единицы русского языка, будучи способными передавать культурно-национальные установки, могут вступать реалиями русского языка и культуры. Это верифицируется и по этимологическим причинам. Например, «рубль» называется так от глагола «рубить» и был четвёртой частью от целой гривны. Из-за того, что гривну «рубили» восходит выражение **деревянный рубль**. Другие источники утверждают, что рубль называли «деревянным», так как основным экспортным товаром на Руси был лес, следовательно, лес являлся основным источником дохода, поэтому и рубль – деревянный. В советском времени рубль называли «деревянным» из-за коричневого оттенка купюры. Сегодня устойчивое сочетание означает «слабый, рыхлый рубль» [<https://zen.yandex.ru/media/antiq/pochemu-rubl-prozvali-dereviannym-5e615bccdbf48a391f4c6813>]. В межкультурной коммуникации выражение маркировано с точки зрения культуры и языка, поэтому, при переводе на итальянский деловые соперники должны обладать культурными и языковыми знаниями для того, чтобы понимать их российскую противную сторону. Эквивалент на итальянском будет: **rublo debole / inflazionato**.

В заключение терминологические фразеологические единицы выражают концепты, символы и знаки общечеловеческой культуры, свойственны носителям языка. Применительно к общению в межкультурной среде вопрос о фразеологизмах с культурно-национальной спецификой способствует взаимопониманию деловых партнёров. Несовпадение в восприятии мира представителями разных культур может представлять определённые трудности в коммуникации, что приведёт к недопониманию или к конфликту между деловыми партнёрами. Деловые вопросы могут быть решены посредством знаний культурных правил, отражаемые в языке, а особенно в фразеологии. Помимо лингвокультурных норм культура речи деловых переговоров должна предусматривать языковые различия и сходства на уровне конструкций.

Литература

1. Бородулина Н.Ю., Макеева М.Н. Словарь метафор экономического лексикона русского языка. -Тамбов: Изд-во «Грамота», 2010. – 118 с.
2. Водина Н.С., Иванова А.Ю., Ключев В.С., Лопаткина О.Р., Панова М.Н., Поспелова Г.М., Рожкова И.М., Толстопятова М.Ф., Топильская Н.Ф. Культура устной и письменной речи делового человека: справочник. Практикум. – 14-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 315 с.
3. Макеева М.Н., Бородулина Н.Ю. Методы и подходы к переводу метафор языка экономики // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. С. 24-29
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 53 000 слов. 24-е изд., испр. – М.: ООО «Издательство «Мир и Образование»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство Оникс», 2012. 896 с.
5. Седых А.П., Марабини А. Фразеология и перевод: французский, итальянский и русский языки. Учебно-методическое пособие. Белгород, 2021. 252.

6. Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б. Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект): Учебник для студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков. 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2003. 246 с.

References

1. Borodulina N.Ju., Makeeva M.N. Dictionary of metaphors of the economic lexicon of Russian language. – Tambov: Izd-vo «Gramota», 2010. – 118 s.
2. Vodina N.S., Ivanova A.Ju., Kljuev V.S., Lopatkina O.R., Panova M.N., Pospelova G.M., Rožkova I.M., Tolstopjatova M.F., Topil'skaja N.F. The culture of oral and written speech of a businessperson: reference book. Workbook. – 14-e izd. – M.: Flinta: Nauka, 2008. – 315 s.
3. Makeeva M.N., Borodulina N.Ju. Methods and approaches for the translation of metaphors of the language of economics // Vestnik Severnogo (Arktičeskogo) federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2020. – S. 24-29
4. Ožegov S.I. Dictionary of Russian language: around 53 000 words. 24-e izd., ispr. – M.: OOO «Izdatel'stvo «Mir i Obrazovanie»: OOO «Izdatel'stvo Astrel'»: OOO «Izdatel'stvo Oniks», 2012. – 896 s.
5. Sedykh A.P., Marabini A. (2021) *Frazeologija i perevod: francuzskij, ital'janskij i russkij jazyki. Učebno-metodičeskoe posobie* [Phraseology and translation: French, Italian and Russian. Study guide]. Belgorod. 252.
6. Solodub Ju.P., Al'brecht F.B. Modern Russian language. Vocabulary and phraseology (comparative aspect): Textbook for students of philological faculties and faculties of foreign languages. 2-e izd. – M.: Flinta: Nauka, 2003. – 246 s.

УДК 81'42

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО КОНТИНУУМА В КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННЫХ ТЕКСТОВЫХ КОНСТРУКТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА У. ТЕККЕРЕЯ «ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ»)

Огнева Елена Анатольевна

доктор филол. наук, заведующая кафедрой иностранных языков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия /ogneva@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье рассматривается моделирование как способ получения новых знаний об исследуемом объекте. Дается определение таксономическому и графическому моделированию. Моделируется культурно-маркированный текстовый конструкт, выявленный в романе У. Теккерея «Ярмарка тщеславия». Интерпретируются лингвокультуемы как высокочастотные номинанты исследуемой культурно-маркированной модели. Впервые определяется встроенность пространственно-временного континуума в структуру лингвокультуемы, что является отличительной чертой когнитивно-сюжетной матрицы романа У. Теккерея.

Ключевые слова: художественный текст, моделирование, таксономическое моделирование, графическое моделирование, пространственно-временной континуум, лингвокультуема, текстовый конструкт.

MODELING SPACE-TIME CONTINUUM IN CULTURAL-MARKED TEXT CONSTRUCTIONS IN W. TEKKERAY'S «VANITY FAIR»

Ogneva, Elena Anatolievna

Doctor of Philology, Head of Department of foreign languages
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia /ogneva@bsu.edu.ru

Abstract

The article discusses modeling as a way to gain new knowledge about the object under study. The definition of taxonomic and graphical modeling is given. The culturally marked text construct revealed in W. Thackeray's "Vanity Fair" is modeled. Linguoculturemes are interpreted as high-frequency nominees

for the studied culturally-marked model. For the first time, the integration of the space-time continuum into the structure of the linguocultureme is determined, which is a distinctive feature of the cognitive-plot matrix of the novel by W. Thackeray.

Key words: literary text, modeling, taxonomic modeling, graphic modeling, space-time continuum, linguocultureme, text construct.

Моделирование текстовых конструкторов является одним из перспективных направлений развития современной теории текста. Это обусловлено тем, что в целом в языкознании происходит смена исследовательского вектора с «описательности» на «моделируемость». По мнению К.И. Белоусова «следствием смены вектора явилась установка на достоверность, количественность и прогностический характер создаваемых языковых моделей» [Белоусов 2010: 94].

В свете нового исследовательского подхода под моделированием предлагается понимать «целостную деятельностную программу, включающую последовательно применённый набор методов и приёмов, направленных на системное представление какой-либо предметной области объекта (или предметов объекта) для получения информации об этом предмете, которую нельзя выявить в случае описательного подхода» [Белоусов 2010: 95], в частности, в случае описательного подхода к «определению текста» [Sedykh et al. 2019].

Моделирование как таксономическое, так и графическое нацелено на получение новых знаний о моделируемом объекте, поскольку ещё В.А. Штоф писал, что «под моделью понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что её изучение даёт нам новую информацию об этом объекте» [Штоф 1966: 19].

Таксономическое моделирование предоставляет целостную словесную модель объекта, тогда как графическое моделирование схематически отражает те информативные грани объекта, которые существенно значимы для решения поставленных исследовательских задач.

И таксономическое, и графическое моделирование текстовых конструкторов, рассматриваемых в качестве информационных форматов, позволяет интерпретировать особенности идиостиля писателя и векторы его интенции при формировании когнитивно-сюжетной матрицы текста. Под когнитивно-сюжетной матрицей художественного текста понимается «комплексная текстовая модель реального или вымышленного мира, репрезентированного писателем в произведении и обусловленного его индивидуально-авторским видением тематики произведения, воплощаемой в речевых конструкциях текста» [Огнева 2016 <http>]. Речевые конструкции текста рассматриваются как «текстовые фрагменты, включающие несколько межфразовых единств, обеспечивают необходимую целостность тексту» [Жирова 2020: 88], целостность его когнитивно-сюжетной матрицы. Целостность информации в данном случае обеспечивает «совокупность типичных проявлений в категориях родного языка понимания человеком (членом данного культурно-языкового общества) внешнего и внутреннего мира» [Алефиренко 2006б:7]. Корреляция внешнего и внутреннего мира реализуется через «невидимую нить текстового пространства» [Бузина 2018: 86]

Именно когнитивно-сюжетная матрица текста обуславливает соотношение обыденных и культурно-маркированных моделей текстовых конструкторов в том или ином литературно-художественном произведении с учетом того факта, что «текстовое пространство предоставляет адекватное поле для осуществления наиболее всестороннего анализа языковых событий» [Прюво, Седых, Бузинова 2018: 24], репрезентирующих часть индивидуально-авторской этномаркированной языковой картины мира.

В свете этого Н.Ф. Алефиренко подчеркивает тот факт, что «этноязыковое сознание отражает именно ту, а не иную картину мира, способ ее восприятия и кодировки» [Алефиренко 2006а: 38], в том числе и текстовой кодировки. Изучение архитектоники текста предполагает «анализ речевого произведения как объекта

декодирования содержащейся в нем информации» [Федотова 2021: 28]. Декодирование информации текста – это многоэтапный процесс интерпретации, в котором «literary text as a treasure trove of national consciousness in author's individual conceptsphere retraction» [Ogneva et al 2014: 51]. В этом случае декодирование представляет собою интерпретацию, выходящую «за рамки информации, которая представлена в языковой форме» [Кушнерук 2018: 116], в том числе и культурно-маркированную информацию.

Культурно-маркированные модели текстовых конструкторов выстраиваются преимущественно из лингвокультурем. Однако, проведенные нами исследования показали, что в архитектонике культурно-маркированных моделей могут быть включены маркеры пространства художественного – проксемы и маркеры темпоральности – хронемы и лексические таймеры. Под проксемами понимаются «маркеры невербального кода, репрезентирующие художественное пространство» [Огнева, Даниленко 2021: 62]. Под хронемами понимаются «маркеры невербального кода, репрезентирующие художественное время» [там же]. Под лексическим таймером понимаются «слова или словосочетания, семантика которых косвенно репрезентирует темпоральный аспект в номинативном поле художественного концепта «ВРЕМЯ»» [Бузина 2019: 177].

Примечательно, что часть проксем, хронем, лексических таймеров в данном случае также культурно-маркированы, а часть представляют собой нейтральные смысловые единицы. Культурно-маркированные проксемы, хронемы, лексические таймеры в совокупности реализуют пространственно-временной континуум, под которым понимается категория «внутренняя, семантическая, размытая в тексте, создаваемая всеми уровнями языка и всем набором лексических, грамматических средств текста, отражающая ценностные, порой подсознательные аспекты языковой личности автора» [Харченко, Григоренко 2010: 81-82].

Смоделируем культурно-маркированную модель текстового конструктора, в который встроен пространственно-временной континуум, в следующем контексте из романа У. Теккерея «Ярмарка тщеславия»:

While the present century was in its teens, and on one sunshiny morning in June, there drove up to the great iron gate of Miss Pinkerton's academy for young ladies, on Chiswick Mall, a large family coach, with two fat horses in blazing harness, driven by a fat coachman in a three-cornered hat and wig, at the rate of four miles an hour. A black servant, who reposed on the box beside the fat coachman, uncurred his bandy legs as soon as the equipage drew up opposite Miss Pinkerton's shining brass plate, and as he pulled the bell at least a score of young heads were seen peering out of the narrow windows of the stately old brick house [Thackeray 2018: 6].

В контексте выявлены следующие лингвокультуры, которые можно рассматривать в качестве текстовых конструкторов, составляющих общий текстовый конструктор – культурно-маркированную модель: а) *Miss Pinkerton's academy for young ladies* (академия мисс Пинкертон для девушек), б) *the great iron gate* (большие железные ворота), в) *a large family coach* (просторная семейная карета), г) *coachman in a three-cornered hat and wig* (кучер в треуголке и парике), д) *a black servant* (черный слуга), е) *he pulled the bell* (нажал на звонок), ж) *the narrow windows of the stately old brick house* (узкие окна величественного старого кирпичного дома).

Примечательно, что все лингвокультуры различны, однако, все они репрезентируют реалии традиционного быта [подробнее классификация реалий: Влахов, Флорин 2006].

Итак, лингвокультура *Miss Pinkerton's academy for young ladies* (академия мисс Пинкертон для девушек) употреблена первой в анализируемой культурно-маркированной модели из текста романа У. Теккерея. Лингвокультура номинирует один из типов образовательных учреждений для девушек из богатых семей Англии в XIX веке. Лингвокультура одновременно является проксемой, поскольку указывает на здание, а здание – это персонифицированное пространство, а также лингвокультура является хронемой, поскольку название учебного заведения маркирует время, когда существовали

такие учебные заведения в Англии, то есть культурно-маркированный номинант одновременно является и пространственно-временным континуумом.

Лингвокультурема *the great iron gate* (большие железные ворота) маркирует значимость дома, который находится за этими воротами, то есть маркирует пространство, а также солидный вид ворот говорит об их возрасте, то есть в лингвокультуреме присутствует пространственно-временной континуум.

Лингвокультурема *a large family coach* (просторная семейная карета) маркирует традиционный вид транспорта в Англии. В номинанте указывается пространственный параметр *large* / *просторная*, а также номинант *family* / *семейная*, то есть маркирует преемственность поколений, тем самым маркирует время, являясь лексическим таймером. Очевидно, что просторная карета свидетельствует о многолетнем благоденствии семьи. Следовательно, во второй лингвокультуреме также выявлен пространственно-временной континуум.

Лингвокультурема *coachman in a three-cornered hat and wig* (кучер в треуголке и парике) описывает наряд кучера, характерный для определенного исторического периода Англии, то есть номинанты одежды одновременно являются и лексическими таймерами.

Лингвокультурема *a black servant* (черный слуга) маркирует определенный период в истории Англии, когда в дворянских семьях было принято держать черных слуг, то есть лингвокультурема одновременно является и лексическим таймером.

Лингвокультурема *he pulled the bell* (нажал на звонок) маркирует наличие нового типа сообщения о том, что кто-то прибыл – наличие звонка, на который нажимают, то есть является лексическим таймером.

Лингвокультурема *the narrow windows of the stately old brick house* (узкие окна величественного старого кирпичного дома) описывает старинный английский дом, поэтому является лексическим таймером. Кроме того описывается пространство – узкие окна здания. Следовательно, в данной лингвокультуреме также выявлен пространственно-временной континуум.

Примечательной чертой рассматриваемой культурно-маркированной модели является наличие хронем в начале описания, а именно точечных хронем: точечной хронемы в прошлом *While the present century was in its teens* (в то время, когда нынешний век был совсем молодым) и точечной хронемы в повествовательном настоящем времени *on one sunny morning in June* (в одно солнечное утро июня).

После перечня хронем указывается место – *Miss Pinkerton's academy for young ladies* (академия мисс Пинкертон для девушек). Следовательно, пространственно-временной континуум встроен не только в структуры большинства лингвокультурем контекста, но и в начальные слоты самой модели.

Таким образом, интерпретация культурно-маркированной модели выявила высокую частотность встроенности пространственно-временного континуума в структуру лингвокультурем, составляющих эту модель, что, как показывают исследования, в целом характерно и для архитектуры других культурно-маркированных моделей романа У. Теккерея «Ярмарка Тщеславия».

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-семиологические аспекты лингвокультурологии // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006а. № 1 (6). С. 36-44.
2. Алефиренко, Н. Ф. Текст и дискурс в фокусе языковой личности // Языковая личность. Текст. Дискурс. Теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы междунар. науч. конф. (Самара, 3–5 окт. 2006 г.). Самара, 2006б. С. 6-10.
3. Белоусов, К.И. Модельная лингвистика и проблемы моделирования языковой реальности // Вестник ОГУ. 2010. № 11 (117). С. 94-97.
4. Бузина, Е.И. Специфика выражения динамики текстового пространства в произведении “Rebecca” Дафны Дюморье // Лексикография и коммуникация 2018: сб. материалов IV Международной научной конференции / Отв. Ред. А.П. Седых. 2018. С. 86-88.

5. Бузина, Е.И. Детерминация лексических таймеров в темпоральной структуре художественного текста // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2019. № 44. С. 174-178.
6. Влахов, С., Флорин, С. Непереваемое в переводе. 3-е изд. испр. и доп. М.: «Р.Валент», 2006. 448 с.
7. Жирова, И.Г. Структура высказывания и система языковых коммуникативных средств: на материале современных художественных произведений // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6. № 3. С. 85-98.
8. Кушнерук, С.Л. Развитие теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования за рубежом и в России // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4 (57). С. 115-125.
9. Огнева, Е.А. Пространственно-временной континуум как основа динамики текстовой пейзажной модели // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2016. Т. 2. № 2 (8). – URL: <http://rr.bsu.edu.ru/journal/linguistics/issue/2-8-2016/> (дата обращения 29.07.2016)
10. Огнева, Е.А., Даниленко, И.А. Дуальность художественного концепта как текстовый информативный код. М.: Эдитус, 2021. 208 с.
11. Прюво, Ж., Седых А.П., Бузинова Л.М. Текст, контекст, интертекст // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т.4. № 3. С. 21-35.
12. Федотова, О.С. Принципы конструирования англоязычного художественного нарратива (к проблеме дискурса и метадискурса художественной прозы). М.: Перспектива, 2021. 306 с.
13. Харченко, В. К. Языковые механизмы создания пространственно-временного континуума в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» / В. К. Харченко, С. Г. Григоренко // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 24 (95). Вып. 8. С. 81-87.
14. Штоф, В.А. Моделирование и философия. М.; Л.: Наука, 1966. 304 с.
15. Ogneva, E.A., Kutsenko, A.A., Kireeva, Y.I., Besedina, I.G., Danilenko, I.A. Fiction cognitive coordinates. Journal of Language and Literature. 2014. Т. 5. № 4. P. 51-54.
16. Sedykh, A.P. Bezrukova, E.I., Krivchikova, N.L. Naydenova, M.V., Skokova, T.N., Moisseeva, S.A. Text definitions of classifying type // Humanities and Social Sciences Reviews. 2019. Т. 7. № 5. С. 811-815.
17. Thackeray W. Vanity Fair. М.: RUSGRAM, 2018. 772 p.

References

1. Alefirenko, N.F. (2006) Kognitivno-semiologicheskie aspekty lingvokul'turologii [Cognitive and semiological aspects of cultural linguistics]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. 2006. # 1 (6). S 36-44.
2. Alefirenko, N. F. (2006) Tekst i diskurs v fokuse jazykovoj lichnosti [Text and discourse in the focus of the linguistic personality]. *Jazykovaja lichnost'. Tekst. Diskurs. Teoreticheskie i prikladnye aspekty issledovanija: materialy mezhdunar. nauch. konf. (Samara, 3–5 okt. 2006 g.)*. Samara, 2006. S. 6-10.
3. Belousov, K.I. (2010) Model'naja lingvistika i problemy modelirovanija jazykovoj real'nosti [Model linguistics and problems of modeling linguistic reality]. *Vestnik OGU*. # 11 (117). S. 94-97.
4. Buzina, E.I. (2018) Specifika vyrazhenija dinamiki tekstovogo prostranstva v proizvedenii "Rebecca" Dafny Djumor'e [The specifics of expressing of the text space dynamics in Daphne Du Maurier's "Rebecca"]. *Leksikografija i kommunikacija 2018: sb. materialov IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / Otv. Red. A.P. Sedyh* S. 86-88.
5. Buzina, E.I. (2019) Determinacija leksicheskikh tajmerov v temporal'noj strukture hudozhestvennogo teksta [Determination of lexical timers in the temporal structure of a literary text]. *Inostrannye jazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*. # 44. S. 174-178.

6. Vlahov, S., Florin, S. (2006) *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation]. 3-e izd. ispr. i dop. M.: «R.Valent». 448 s.
7. Zhironova, I.G. (2020) Struktura vyskazyvaniya i sistema jazykovykh kommunikativnykh sredstv: na materiale sovremennykh hudozhestvennykh proizvedenij [The structure of the utterance and the system of linguistic communication means: on the material of modern literary texts] // *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki*. T.6. # 3. S. 85-98.
8. Kushneruk, S.L. (2018) Razvitie teorii kognitivno-diskursivnogo miromodelirovaniya za rubezhom i v Rossii [Development of the theory of cognitive-discursive world modeling abroad and in Russia]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. # 4 (57). S. 115-125.
9. Ogneva, E.A. (2016) Prostranstvenno-vremennoj kontinuum kak osnova dinamiki tekstovoj pejzazhnoj modeli [The space-time continuum as the basis for the dynamics of the textual landscape model] // *Nauchnyj rezul'tat. Seriya: Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki*. T. 2. # 2 (8). – URL: <http://rr.bsu.edu.ru/journal/linguistics/issue/2-8-2016/> (data obrashheniya 29.07.2016)
10. Ogneva, E.A., Danilenko, I.A. (2021) *Dual'nost' hudozhestvennogo koncepta kak tekstovoj informativnyj kod* [The duality of the literary concept as a textual informative code]. M.: Jeditus, 2021. 208 s.
11. Prjuvo, Zh. Sedyh A.P., Buzinova L.M. (2018) Tekst, kontekst, intertekst [Text, context, intertext] // *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki*. T.4. # 3. S. 21-35.
12. Fedotova, O.S. (2021) *Principy konstruirovaniya anglojazychnogo hudozhestvennogo narrativa (k probleme diskursa i metadiskursa hudozhestvennoj prozy)* [The principles of constructing an English-language fictional narrative (to the problem of discourse and metadiscourse of fiction)]. M.: Perspektiva, 2021. 306 s.
13. Harchenko, V. K. (2010) Jazykovye mehanizmy sozdaniya prostranstvenno-vremennogo kontinuum v romane M. Bulgakova «Master i Margarita» [Linguistic mechanisms of creation of the space-time continuum in M. Bulgakov's "The Master and Margarita"] / V. K. Harchenko, S. G. Grigorenko // *Nauchnye vedomosti. Seriya Gumanitarnye nauki*. # 24 (95). Vyp. 8. S. 81-87.
14. Shtof, V.A. *Modelirovanie i filosofija* [Modeling and philosophy]. M.; L.: Nauka, 1966. 304 s.
15. Ogneva, E.A., Kutsenko, A.A., Kireeva, Y.I., Besedina, I.G., Danilenko, I.A. Fiction cognitive coordinates. *Journal of Language and Literature*. 2014. T. 5. № 4. P. 51-54.
16. Sedykh, A.P. Bezrukova, E.I., Krivchikova, N.L. Naydenova, M.V., Skokova, T.N., Moiseeva, S.A. Text definitions of classifying type. *Humanities and Social Sciences Reviews*. 2019. T. 7. № 5. S. 811-815.
17. Thackeray W. *Vanity Fair*. M.: RUSGRAM, 2018. 772 p.

УДК 811

**ПРАДМЕТНА-СЕМАНТИЧНАЯ ДЫФЕРЕНЦІАЦЫЯ
ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ З КАМΠΑНАНТАМІ-БІБЛЕІЗМАМІ
Ў БЕЛАРУСКАЙ, РУСКАЙ, АНГЛІЙСКОЙ МОВАХ***

Рамачкоў Арцём Аляксандравіч

выпускнік спецыялітэта

кафедры тэарэтычнай і прыкладнай лінгвістыкі,
Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова,
Магілёў, Рэспубліка Беларусь / ling-msu@mail.ru

Анотацыя

У артыкуле разглядаюцца прадметна-тэматычныя палі фразеалагічных падсістэм беларускай, рускай і англійскай моў з кампанентамі біблейскага паходжання. Вылучаюцца такія прадметна-тэматычныя групы, як “маральныя якасці”, “эмоцыі і пачуцці”, “маўленчыя акты”, “эстэтычная ацэнка”, “вера”, “няведанне”, “смерць”. Робіцца выснова аб блізкасці прадметнага і

---

* Даследаванне выканана ў межах задання Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2021–2025 гг., № 20211335 (Рэспубліка Беларусь)

аксіялагічнага зместу фразеалагізмаў з кампанентамі-біблеізмамі ў беларускай і рускай мовах, нязначных адрозненнях у беларускай і англійскай мовах.

Ключавыя словы: Біблія, біблеізм, фразеалогія, семантыка, прадметна-тэматычныя палі, беларуская мова, руская мова, англійская мова.

SUBJECT-SEMANTIC DIFFERENTIATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH BIBLICAL COMPONENTS IN THE BELARUSIAN, RUSSIAN, ENGLISH LANGUAGES*

Ramachkou Artsyom Alyaxandravich

a graduate of the specialty

Department of Theoretical and Applied Linguistics

Mogilev State A. Kuleshov University

Mogilev, Republic of Belarus / ling-msu@mail.ru

Abstract

The article presents the subject-thematic fields of phraseological subsystems of the Belarusian, Russian and English languages with the components of biblical origin. There are such subject-thematic groups as “moral qualities”, “emotions and feelings”, “speech acts”, “aesthetic assessment”, “faith”, “ignorance”, “death”. The conclusion is made about the closeness of the substantive and axiological content of phraseological units with the biblical components in the Belarusian and Russian languages, minor differences in the Belarusian and English languages.

Key words: Bible, biblical unit, phraseology, semantics, subject-thematic fields, Belarusian, Russian, English.

Уводзіны. Біблія з’яўляецца неад’емнай часткай духоўнага жыцця ўсіх народаў, якія прынялі хрысціянства, таму фразеалагізмы і прыказкі з біблейскім кампанентам – універсальная з’ява, агульная для моў такіх народаў. Біблеізмы натуральна шырока ўжываюцца ў рэлігійным дыскурсе, адкуль масава трапляюць у самыя розныя сферы камунікацыі [5]. Даследаванне біблейскіх выразаў і афарызмаў у беларускай мове ў кантэксце еўрапейскай ідыяматыкі – адна з асноўных праблем сучаснай беларускай фразеалогіі [3; 4; 13; 16]. Трэба адзначыць, што вывучэнне ўстойлівых выразаў і афарызмаў біблейскага паходжання як асобнай групы адзінак у беларускай мове пачалося адносна нядаўна [7; 8; 10; 14; 18; 19; 24; 26], у тым ліку, што паказальна, у супастаўляльным аспекце [11; 12; 15; 17; 25; 27; 28; 29]. Актуальнасць супастаўляльнага даследавання біблеізмаў беларускай, рускай і англійскай моў тлумачыцца развіццём, па-першае, параўнальнай лінгвакультуралогіі [2; 23], па-другое, адпаведнага аспекту міжкультурнай камунікацыі [6; 9].

Мэта даследавання – вылучыць у беларускай мове ўстойлівыя адзінкі з кампанентамі-біблеізмамі і супаставіць іх з адпаведнымі адзінкамі ў рускай і англійскай мовах у рэчышчы прадметна-тэматычнай дыферэнцыяцыі.

Матэрыялы і метады даследавання. Фактычным матэрыялам для даследавання паслужылі тэксты Бібліі на трох мовах: беларускай – «Біблія: кнігі Сьвятога Пісання Старога і Новага Запавету», рускай – «Библия: книги Священного писания Ветхого и Нового завета», англійскай – «The Holy Bible», а таксама слоўнікі біблеізмаў [1; 22], фразеаграфічныя і парэміяграфічныя даведнікі [20; 21], прыказкавыя мінімумы і асноўныя прыказкавыя фонды беларускай і рускай моў [30]. У якасці асноўнага выкарыстаны супастаўляльны метады з элементамі семантычнага аналізу і структурна-семантычнага мадэлявання.

Вынікі даследавання. Чалавек, чытаючы Біблію, атаясамлівае сябе з яе галоўнымі дзеючымі асобамі, захапляецца іх цнотамі або прыходзіць у жах ад іх заганаў. Дзякуючы гэтаму атаясамленню, з’яўляюцца ўстойлівыя выразы, якія ўключаюць імёны біблейскіх персанажаў, што дазваляе вылучыць у розных мовах вялікую групу фразеалагізмаў і

---

* The study was carried out of the task of the State Program of Scientific Research in 2021–2025, No 20211335 (Republic of Belarus).

прыказак з кампанентам «імя біблейскага персанажа». Такія фразеалагізмы і прыказкі часта шчыльна звязаны з тэкстам Бібліі або паходзяць з яе. Другая вялікая група фразеалагізмаў-біблейзмаў уключае кампаненты «Бог» і «Д’ябал». Вечнае супрацьстаянне гэтых двух сіл ляжыць у аснове многіх біблейскіх сюжэтаў. Бог лічыцца Абсалютам, увасабленнем ідэалу, да якога імкнецца любой вернік, Д’ябал – яго антыподам, які ўвасабляе ў сабе ўсе адмоўныя якасці і заганы. Не выпадкова гэтыя два імя паслужылі асновай для ўтварэння многіх фразеалагічных і парэміялагічных адзінак. Вылучаюцца таксама ўстойлівыя адзінкі з кампанентам «анёл». Анёлы – паўнаважныя біблейскія персанажы, у многіх з іх ёсць імёны. Разам з тым цяжка вылучыць кампаненты «чорт», «бес», «сатана», «дэман» у асобную групу, паколькі гэтыя персанажы часцей за ўсё з’яўляюцца ўвасабленнямі Д’ябла, а не самастойнымі героямі. І нарэшце варта таксама вылучыць кампаненты «рай» і «пекла» ў складзе фразеалагізмаў і прыказак. Гэтыя два месцы з’яўляюцца ключавымі лакацыямі, адлюстраванымі ў Бібліі, месцамі, куды веруючы чалавек імкнецца трапіць або ўсімі сіламі спрабуе пазбегнуць, дзякуючы чаму яны знаходзяць шырокае адлюстраванне ў звышсёўных моўных адзінках.

У выніку даследавання вылучаны наступныя прадметна-тэматычныя палі фразеалагічных адзінак з кампанентам-біблейзмам.

«Маральныя якасці асобы». Ва ўсіх трох мовах дадзенае поле дзеліцца на два вялікія разрады «Станоўчыя якасці» і «Адмоўныя якасці», якія, у сваю чаргу, дыферэнцуюцца на падразряды, што канкрэтызуюць тую ці іншую рысу характару. Носьбіты ўсіх трох моў сыходзяцца ў меркаванні, што чалавек павінен валодаць такімі станоўчымі якасцямі, як талент, розум, цярдлівасць і справядлівасць, што адлюстроўваецца ў наяўнасці аднайменных падразрадаў ва ўсіх трох мовах.

Станоўчыя якасці			Адмоўныя якасці		
<i>Angelic patience</i>	<i>Хітёр (умён) как дьявол</i>	<i>Хітры (разумны) як д’ябал</i>	<i>as proud as Lucifer</i>	<i>Ангел без крылышек</i>	<i>Анёл без крыльцаў</i>
<i>As patient as Job</i>	<i>Искра божья Божий дар</i>	<i>Искра Божья Божы дар</i>	<i>Possessed with/by demons Devil’s spawn</i>	<i>Богом убитый Олух царя небесного</i>	<i>Богам забіты Ёлуп Цара Нябеснага</i>
<i>David and Jonathan</i>	<i>Ангел во плоти</i>	<i>Анёл у плоти</i>	<i>A doubting Thomas</i>	<i>Богом обделённый Богом забытый</i>	<i>Богам абдзелены Богам пакінуты</i>
<i>Solomon’s wisdom</i>	<i>Суд Соломона Соломоново решение</i>	<i>Суд Саламона Саламонава рашэнне</i>	<i>A Judas kiss Satan rebuking sin</i>	<i>Иуда-предатель Иудино лобзание</i>	<i>Юда-зраднік Юдзіна цалаванне</i>
<i>Be on the side of the angels a judgment of Solomon</i>	<i>Валаамова ослица Ангельское терпение</i>	<i>Валаамава аслица Анёльскае цярдненне</i>	<i>Rush in where the angels feat to tread</i>	<i>Кающаяся Магдалина</i>	<i>Каяцца як Магдаліна</i>

«Тэрміналагічныя адзінкі». Фразеалагізмы дадзенага поля з’яўляюцца адначасова тэрмінамі ў розных сферах жыццядзейнасці носьбітаў мовы, а таму таксама могуць быць культурна-спецыфічнымі. Ва ўсіх трох мовах дадзенае поле дзеліцца на разрады паводле сфер ужывання. Агульнымі для трох моў з’яўляюцца разрады «Царкоўныя тэрміны», «Юрыдычная тэрміналогія» і «Біялагічныя тэрміны». Наяўнасць апошніх двух разрадаў тлумачыцца тым, што доўгі час у Еўропе прадстаўнікі царквы займаліся навукавай дзейнасцю і мелі права тварыць правасуддзе.

<i>День ангела</i>	<i>Дзень анёла</i>	<i>Angel food</i>
<i>Адамовы слезы</i>	<i>Адамавы слёзы</i>	<i>Angels' eyes</i>
<i>Бог войны</i>	<i>Бог вайны</i>	<i>Angel shark</i>
<i>Налоговый рай</i>	<i>Падатковы рай</i>	<i>Truce of God</i>
<i>Адский камень</i>	<i>Пякельны камень</i>	<i>Angel lust</i>
<i>Божья коровка</i>	<i>Багоўка</i>	<i>Society of Jesus</i>
<i>Адамово яблоко</i>	<i>Адамаў яблык</i>	<i>God's advocate</i>

«Эмоцыі і пачуцці». У англійскай мове гэта поле дзеліцца на 7 разрадаў, 6 з якіх маюць яскрава негатыўнае значэнне. Напрыклад, разрад «Пакута», у які ўваходзіць выраз *go through hell* (моцна пакутаваць), або разрад «Зайздрасць». Неабходна адзначыць, што дадзенае поле складаецца з фразеалагізмаў з кампанентамі «пекла», «д'ябал» і «біблейскі персанаж», два з якіх у свядомасці вернікаў валодаюць адмоўнай канатацыяй.

<i>Боятся как чёрт ладана</i>	<i>Баяцца як чорт ладану</i>	<i>Fear smt as the devil fears holy water</i>
<i>Ангелы на душе запели</i>	<i>Анёлы на душы заспявалі</i>	<i>Hate smb as the devil hates holy water</i>
<i>Скука адская</i>	<i>Нуда пякельная</i>	<i>Naboth's vineyard</i>
<i>Чёрт с младенцем связался</i>	<i>Чорт з немаўлём звязаўся</i>	<i>Merryhell</i>
<i>Ад кромешный на душе</i>	<i>Апраметная ў душы</i>	<i>Blue devils</i>
<i>Ад в груди</i>	<i>Пекла ў грудзях</i>	<i>Go through hell</i>

«Фізічныя велічыні». У англійскай мове вылучаюцца такія разрады, як «Узровень шуму» і «Хуткасць», у той час як беларусы і рускія сыходзяцца ў меркаванні, што колькасць таксама важна.

<i>У чёрта на куличках</i>	<i>У чорта на кулічках</i>	<i>Like a bat out of hell</i> <i>Jonah's gourd</i>
<i>Чёрта лысого</i>	<i>Чорта лысага</i>	<i>Benjamin's mess</i>
<i>До чёрта</i>	<i>Да чорта</i>	<i>Black as hell</i>
<i>Мафусаилов век</i>	<i>Мафусаілавы вякі</i>	<i>Devil's dozen</i>
<i>Адамовы времена</i>	<i>часы Адама</i>	<i>The devil rides on a fiddle stick</i> <i>Raise hell</i>
<i>Бог знает сколько</i>	<i>Бог ведае колькі</i>	<i>At the back of God-speed</i>

«Маўленчыя акты». Рускія і англічане выкарыстоўваюць фразеалагізмы з біблейскімі кампанентамі для таго, каб пажадаць поспеху суразмоўцу або для таго, каб выказаць яму сваё незадавальненне і прапанаваць у даволі грубай форме пакінуць моўніка ў спакоі.

<i>Бог-свидетель!</i>	<i>Бог-сведка!</i>	<i>Bid smb God speed</i>
<i>Вот тебе Христос!</i>	<i>Вось табе Хрыстос!</i>	<i>Call down the wrath of the god on smb's head</i>
<i>К чёртовой бабушке</i>	<i>Да чортавай бабулі</i>	<i>Get the hell out of here</i>
<i>Вот тебе Бог, а вот порог</i>	<i>Вось Бог, а вось парог</i>	<i>The devil take the hindmost</i>
<i>Бог в помощь</i>	<i>Божжа памагай</i>	

«Эстэтычная ацэнка». Як і поле «Маральныя якасці асобы», ва ўсіх трох мовах дзеліцца на два проціпастаўленыя ідэаграфічныя разрады «Станоўчая ацэнка» і «Адмоўная ацэнка». Поле «Эстэтычная ацэнка» не мае сэнсавых адрозненняў у розных мовах. Таксама ва ўсіх трох мовах для фразеалагізмаў, якія ўваходзяць у разрад «Станоўчая ацэнка», выкарыстоўваюцца станоўчыя кампаненты «рай», «анёл», «біблейскі персанаж», а для фразеалагізмаў, якія ўваходзяць у разрад «Адмоўная ацэнка» –

кампаненты адпаведна з негатыўным значэннем. Эмацыйная афарбоўка кампанента ў дадзеным выпадку ўплывае на афарбоўку фразеалагізма. Фразеалагізмы з нейтральным значэннем маюць яскрава адмоўную афарбоўку з-за імя Юды ў сваім складзе.

Станоўчая ацэнка			Адмоўная ацэнка		
<i>Красив как ангел</i>	<i>Прыгожы як анёл</i>	<i>A bird of paradise</i>	<i>Исчадие ада</i>	<i>Вырадак пекла</i>	<i>The brand\mark of Cain</i>
<i>Райские кущи</i>	<i>Райскія шаты</i>	<i>Earthly paradise</i>	<i>Каинова печать</i>	<i>Каінава пячатка</i>	<i>Judas hair</i>
<i>Рай земной</i>	<i>Рай зямны</i>	<i>a little paradise</i>	<i>Страшный как чёрт</i>	<i>Страшны як чорт</i>	<i>A hell on earth</i>
<i>Божий одуванчик</i>	<i>Божы чалавек</i>	<i>voice of an angel</i>	<i>Чёрт в корзине нёс, да растрёс</i>	<i>Чорт у кошыку нёс, ды растрас</i>	<i>Devil's spawn</i>
<i>Бог лба ему прибавил</i>	<i>Бог ілба яму дадаў</i>	<i>Joseph's coat</i>	<i>Чёрт ногу сломит</i>	<i>Чорт нагу зломіць</i>	<i>The devil's limb</i>

«Вера». На першы погляд здаецца, што ў гэтым полі цяжкая вылучыць культурную спецыфіку, паколькі яно адлюстроўвае пэўныя рэлігійныя рэаліі, стаўленні ды Бога, падобныя ва ўсіх народаў, якія лічаць хрысціянства сваёй рэлігіяй. Акрамя разраду «Адмова», у англійскай мове вылучаецца яшчэ адзін культурна-спецыфічны разрад «Акт». Гэты разрад утрымлівае фразеалагізмы, што апісваюць паўсядзённыя дзеянні, якія здзяйсняюцца вернікамі, ці нейкія выбітныя ўчынкі, якія здзяйсняюцца ў імя хрысціянскай рэлігіі, што сведчыць аб значнасці веры ў жыцці носьбітаў англійскай лінгвакультуры.

<i>Бог не без милости</i>	<i>Бог не без літасці</i>	<i>Bring smb to Christ</i>
<i>Все в руках Господа</i>	<i>Усё ў руках Госпада</i>	<i>To accept Christ</i>
<i>Обращать к Богу душу</i>	<i>Звяртацца да Бога</i>	<i>Stand in awe of God</i>
<i>Как у Христа за пазухой</i>	<i>Як у Хрыста за пазухай</i>	<i>To call upon God</i>

«Дэвіянтнае паводзіны». Дадзенае поле апісвае паводзіны, непрымальнае ў грамадстве. Ва ўсіх трох мовах яно вылучаецца ўжываннем кампанентаў «д’ябал», «дэман», «чорт» і да т.п.

<i>Бес попутал</i>	<i>Нячысік падбіў</i>	<i>Baal worship</i>
<i>Христовым именем перебиваться</i>	<i>Хрыстовым імем харчавацца</i>	<i>Take the name of God in vain</i>
<i>Нализаться как ангел с рожками</i>	<i>Нажлуціцца як анёл з рожкамі</i>	<i>Hold a candle to the devil</i>
<i>Рассыпаться мелким бесом</i>	<i>Рассыпацца дробным чортам</i>	<i>The old Adam</i>
<i>Искушать Бога</i>	<i>Спакушаць Бога</i>	<i>The devil's own luck</i>
<i>Словно бес дразнит</i>	<i>Нібы чорт дражніць</i>	<i>The devil's playthings</i>

«Паказ няведання». Дадзенае поле таксама аднастайна ва ўсіх трох мовах, яго наяўнасць кажа пра тое, што ўсе схільныя да сумнення, можам чагосьці не ведаць, быць у чымсьці няўпэўненымі, і што гэта з’яўляецца агульначалавечай рысай, а не прыкметай носьбітаў нейкай адной лінгвакультуры. У рускай мове гэта поле самае вялікае па аб’ёме і складаецца ў асноўным з фразеалагізмаў з кампанентам «Бог», гэты ж кампанент дамінуе ў англійскай мове. На другім месцы па ўжывальнасці знаходзіцца кампанент «д’ябал».

<i>Одному Богу известно</i>	<i>Аднаму Богу вядома</i>	<i>And the devil knows what</i>
<i>Не Бог весть (знает) как</i>	<i>Бог ведае як</i>	<i>Not to know smb from Adam</i>
<i>Бог её душу знает</i>	<i>Бог яго ведае</i>	<i>The devil alone knows</i>
<i>Бог весть</i>	<i>Бог ведае</i>	<i>God knows –I don't!</i>
<i>Бес его знает</i>	<i>Чорт ведае</i>	<i>Entertain an angel unawares</i>

«Выраз смерці». Дадзенае поле прысутнічае ва ўсіх трох мовах, што зноў жа кажа аб агульначалавечым характары дадзенага феномену. Яно аднастайнае па структуры і невялікае па колькасці фразеалагічных адзінак.

<i>Отдать Богу душу</i>	<i>Аддаць Богу душу</i>	<i>Join the angels</i>
<i>Господь прибрал</i>	<i>Гасподзь прыбраў</i>	<i>Be with God</i>
<i>Бог прибрал</i>	<i>Бог прыбраў</i>	<i>Depart to God</i>
<i>Бог посетил</i>	<i>Бог наведаў</i>	<i>In Abraham's bosom</i>

Заклучэнне і перспектывы даследавання. У фразеалагічных адзінках англійскай мовы кампанентаў-біблеізмаў ужываецца прыкладна пароўну (за выключэннем малапрадуктыўнага для ўсіх трох моў кампанента «рай»), англічане аднолькава ставяцца да Бога, д'ябла і біблейскім герояў. Аднак у англійскай мове фразеалагізмаў з кампанентам «пекла» значна больш, чым у іншых мовах. Такія фразеалагізмыносяць у асноўным павучальны ці папераджальны характар, з чаго можна зрабіць выснову пра веру прадстаўнікоў англійскай лінгвакультуры ў жыццё пасля смерці, а таксама пра імкненне пазбегнуць незаыздроснай долі знаходжання пасля смерці ў пекле. У цэлым прадстаўнікі ўсіх трох культур імкнуцца да светлага і добрага, пра што кажа агульная перавага фразеалагічных адзінак з станоўчымі кампанентамі «Бог», «анёл» і «рай».

Перспектывным з'яўляецца вывучэнне ступені ўплыву семантыкі біблеізмаў на ўнутраную форму тых фразеалагічных адзінак, у якіх яны выкарыстоўваюцца ў якасці кампанентаў, а таксама стварэнне міжмоўнай полевай мадэлі прадметна-тэматычнай дыферэнцыяцыі фразеалагізмаў з кампанентамі-біблеізмамі і рэлігійнамі беларускай, рускай і англійскай моў.

Літаратура

1. Балакова Д., Вальтер Х., Венжинович Н.Ф., Гутовская М.С., Иванов Е.Е., Мокиенко, В.М. Лепта библейской мудрости: библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках. – Могилёв: МГУ, 2014. – 208 с.
2. Вальтер Х., Иванов Е.Е., Мокиенко В.М. Национально-культурная маркированность библейских выражений и афоризмов русского языка (лингвострановедческая зона русско-белорусского словаря библеизмов с соответствиями в немецком языке) // Но мы сохраним тебя, русский язык!: колл. монография, посвящённая 90-летию академика В.Г. Костомарова. – М.: Флинта, 2020. – С. 134–160.
3. Зверева Ю.С., Иванов Е.Е. Национально-культурный компонент семантики фразеологических единиц английского и русского языков // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь. – Могилёв: МГУ, 2017. – С. 164–168.
4. Зверева Ю.С., Иванов Е.Е., Шестернёва А.Н. Сравнительная типология фразеологии английского и белорусского языков (актуальность, методология, перспективы исследования) // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – 2015. – Могилёв: МГУ, 2016. – С. 164–168.
5. Иванов Е.Е. Афоризмы в религиозном дискурсе // Учёные записки ВГУ им. П.М. Машерова. – 2019. – Т. 29. – С. 142–147.
6. Иванов Е.Е. Качество лингвистического образования в Республике Беларусь (в аспекте межкультурной коммуникации) // Проблемы качества образования в Белоруссии и России в контексте интеграционных процессов: в 2 ч. – М.: РАО, 2008. – Ч. 1. – С. 161–170.
7. Иванов Е.Е. Критерии систематизации устойчивых выражений-библеизмов в современном белорусском литературном языке // Итоги научных исследований учёных МГУ имени А.А. Кулешова 2018 г. – Могилёв: МГУ, 2019. – С. 58–59.
8. Иванов Е.Е. Объём и состав устойчивых выражений-библеизмов в современном белорусском языке // На перекрёстке культур: единство языка, литературы и образования – I. – Могилёв: МГУ, 2019. – С. 87–91.

9. Иванов Е.Е. Общность задач преподавания русского и иностранных языков белорусам (в аспекте межкультурной коммуникации) // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте. – Могилёв: МГУ, 2012. – С. 3–7.
10. Иванов Е.Е. Типы устойчивых выражений-библейизмов в современном белорусском языке // Текст. Язык. Человек. – Мозырь: МГПУ, 2019. – С. 144–151.
11. Иванов Е.Е., Мокиенко В.М. Европейский словарь библейизмов // Слово и словарь. – Минск: Четыре четверти, 2017. – С. 523–528.
12. Иванов Е.Е., Мокиенко В.М. Типы эквивалентности устойчивых выражений-библейизмов в русском и белорусском языках // Религия и общество – XIII. – Могилёв: МГУ, 2019. – С. 211–213.
13. Иванов Е.Е. Белорусская паремиялогия и афористика в общеевропейском контексте (актуальные проблемы изучения) // XV Міжнародны з’езд славістаў, Мінск, 20–27 жніўня 2013 г.: тэзісы дакладаў: у 2 т. – Мінск: Беларуская навука, 2013. – Т. 1. – С. 322–323.
14. Іваноў Я.Я. Біблейская афарыстыка ў беларускай мове // Романовские чтения – XIII. – Могилёв: МГУ, 2019. – С. 129–130.
15. Іваноў Я.Я. Беларускія прыказкі з біблейных крыніц (матэрыялы да руска-беларуска-англійскага слоўніка біблейізмаў) // Авраамиевские чтения. – Смоленск: Радопа, 2014. – С. 11–24.
16. Іваноў Я.Я. Універсальнае і нацыянальнае ў фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы ў еўрапейскім моўным кантэксце (актуальнасць, метадалогія, перспектывы даследавання) // Славянская фразеология в синхронии и диахронии. – 2016. – Вып. 3. – С. 46–49.
17. Казлоўская-Дода Я. Біблейная фразеалогія беларускай і польскай моў: агульнае і рознае // Studia Białorutenistyczne. – 2013. – Т. 7. – S. 245–258.
18. Качаноўская В.Б. Тэкставыя фразеалагічныя біблейізмы беларускай літаратурнай мовы // Веснік ГДУ імя Я. Купалы. Серыя 3. – 2007. – № 4. – С. 39–43.
19. Лепешаў І.Я. Біблія і біблейізмы // У пошуках ісціны. – Ліда: ТБМ, 2007. – С. 42–59.
20. Лепешаў І.Я. Этымалагічны слоўнік прыказак. – Мінск: Вышэйшая школа, 2014. – 139 с.
21. Лепешаў І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў. – Мінск: БелЭн, 2004. – 443 с.
22. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. / под ред. Е.Е. Иванова, В.М. Мокиенко, Д. Балаковой, Х. Вальтера. – Могилёв: МГУ, 2019. – Т. 1. – 334 с.; Т. 2. – 308 с.
23. Сацыякультурная прастора мовы (сацыяльныя і культурныя аспекты вывучэння беларускай мовы) / С.Ф. Иванова, Я.Я. Іваноў, Н.Б. Мячкоўская. – Мінск: Веды, 1998. – 112 с.
24. Теплякова А.Д. Источники крылатых выражений в белорусском языке // Фразеология и языковая динамика / науч. ред. В.М. Мокиенко, А.В. Савченко. – Greifswald: E.-M.-A. Universität; Санкт-Петербург: СПбГУ, 2011. – С. 67–69.
25. Фурс В. Біблейная афарыстыка ў беларускіх перакладах // Роднае слова. – 2003. – № 6. – С. 78–80.
26. Цеплякова А.Д., Иванова С.Ф. Запазычаныя крылатыя выразы ў сучаснай беларускай мове // Фразеология германских, романских и славянских языков = Phraseology of Germanic, Romanic and Slavic Languages. – 2009. – Вып. 1. – С. 98–112.
27. Цеплякова А.Д. Структура, семантыка і функцыі запазычаных крылатых слоў у беларускай мове // Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах. – Гомель: ГГУ, 2007. – С. 236–240.
28. Цеплякова А.Д. Іншамоўныя запазычанні крылатых слоў у сучаснай беларускай літаратурнай мове // Теоретические и практические предпосылки подготовки полилингвальных специалистов в вузе. – Могилёв: МГУ, 2015. – С. 74–77.

29. Шальманова К. Пра некаторыя разыходжанні ў фразеалагічных мікрасістэмах (на матэрыяле біблейскага і антычных міфалагізмаў у англійскай і беларускай мовах) // Роднае слова. – 2000. – № 12. – С. 39–41.
30. Ivanov E.E. Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian). – Prague: RSS, 2002. – 136 p.

References

1. Balakova, D., Valter, H., Venzhinovich, N.F., Gutovskaya, M.S., Ivanov, E.E., Mokienko, V.M. *Mite of biblical wisdom: biblical catchphrases and aphorisms in the Russian, English, Belarusian, German, Slovak and Ukrainian languages*. Mogilev: MGU, 2014. 208 p.
2. Valter, H., Ivanov, E.E., Mokienko, V.M. National-cultural marking of biblical expressions and aphorisms of the Russian language (linguistic and regional zone of the Russian-Belarusian dictionary of biblicalisms with correspondences in German) // *But we will save you, Russian!:* coll. monograph dedicated to the 90th anniversary of Academician V.G. Kostomarova. Moscow: Flinta, 2020. pp. 134–160.
3. Zvereva, Yu.S., Ivanov, E.E. National-cultural component of the semantics of phraseological units of the English and Russian languages // *Actual Problems of Teaching Foreign Languages in the Higher School of the Republic of Belarus*. (2017): pp. 164–168.
4. Zvereva, Yu.S., Ivanov, E.E., Shesternyova, A.N. Comparative typology of phraseology of the English and Belarusian languages (relevance, methodology, research prospects) // *East Slavic Languages and Literatures in the European Context – 2015*. (2016): pp. 164–168.
5. Ivanov, E.E. Aphorisms in religious discourse // *Scientific notes of Vitebsk State University named after P.M. Masherova*. T. 29 (2019): pp. 142–147.
6. Ivanov, E.E. The quality of linguistic education in the Republic of Belarus (in the aspect of intercultural communication) // *Problems of the Quality of Education in Belarus and Russia in the Context of Integration Processes: in 2 vol. V.1*. (2008): pp. 161–170.
7. Ivanov, E.E. Criteria for the systematization of set biblical expressions in the modern Belarusian literary language // *Results of Scientists' Research of the Mogilev State A. Kuleshov University in 2018*. (2019): pp. 58–59.
8. Ivanov, E.E. The volume and composition of fixed biblical expressions in the modern Belarusian language // *At the Crossroads of Cultures: the Unity of Language, Literature and Education – I*. (2019): pp. 87–91.
9. Ivanov, E.E. Commonality of tasks of teaching Russian and foreign languages to Belarusians (in the aspect of intercultural communication) // *East Slavic Languages and Literatures in the European Context*. (2012): pp. 3–7.
10. Ivanov, E.E. Types of set biblical expressions in the modern Belarusian language // *Text. Language. Human*. (2019): pp. 144–151.
11. Ivanov, E.E., Mokienko, V.M. European Biblical Dictionary // *Word and Vocabulary*. (2017): pp. 523–528.
12. Ivanov, E.E., Mokienko, V.M. Types of equivalence of stable biblical expressions in Russian and Belarusian // *Religion and Society. XIII* (2019): pp. 211–213.
13. Ivanov, E.E. Belarusian paremiology and aphoristics in a common European context (topical issues of study) // *XV International Congress of Slavists, Minsk, August 20–27, 2013: abstracts: in 2 vol. V.1*. (2013): pp. 322–323.
14. Ivanou, Ya.Ya. Biblical aphorisms in the Belarusian language // *Romanov Readings. XIII* (2019): pp. 129–130.
15. Ivanou, Ya.Ya. *Belarusian proverbs from biblical sources (materials for the Russian-Belarusian-English dictionary of biblical studies)* // *Abrahamic Readings*. (2014): pp. 11–24.
16. Ivanou, Ya.Ya. Universal and national in phraseological and paremiological subsystems of the Belarusian language in the European language context (relevance, methodology, research perspectives) // *Slavic Phraseology in Synchronicity and Diachrony*. Issue 3 (2016): pp. 46–49.

17. Kazlouskaya-Doda, Ya. Biblical phraseology of the Belarusian and Polish languages: general and different // *Studia Bialorutenistyczne*. V. 7 (2013): pp. 245–258.
18. Kachanouskaya, V.B. Text phraseological biblical units in the Belarusian literary language // *Vesnik of Yanka Kupala Sate University of Grodno*. S.3, №4 (2007): pp. 39–43.
19. Lepeshau, I.Ya. The Bible and biblical units // *In Search of the Truth*. (2007): pp. 42–59.
20. Lepeshau, I.Ya. *Etymological Dictionary of Proverbs*. Minsk: Vyshejschaya shkola, 2014. 139 p.
21. Lepeshau, I.Ya. *Etymological Dictionary of Phraseological Units*. Minsk: BelEn, 2004. 443 p.
22. Ivanov, E.E., Mokienko, V.M. Balakova, D., Valter, H. (Eds.) *Mite of biblical wisdom: biblical catchphrases and aphorisms in the Russian, English, Belarusian, German, Slovak and Ukrainian languages*. V.1 (2019): 334 p., V.2 (2019): 308 p.
23. Ivanova, S.F., Ivanov, E.E. Mechkovskaya, N.B. *Socio-Cultural Space of the Language (Social and Cultural Aspects of the Study of the Belarusian Language)*. Minsk: Vedy, 1998. 112 p.
24. Teplyakova, A.D. Sources of catch phrases in the Belarusian language // *Phraseology and Language Dynamics*. (2011): pp. 67–69.
25. Furs, V. Biblical aphorisms in Belarusian translations // *Rodnae slova*. № 6 (2003): pp. 78–80.
26. Ceplyakova, A.D., Ivanova, S.F. Borrowed winged expressions in the modern Belarusian language // *Phraseology of Germanic, Romanic and Slavic Languages*. Issue 1 (2009): pp. 98–112.
27. Ceplyakova, A.D. Structure, semantics and functions of borrowed winged words in the Belarusian language // *Slavic Phraseology in Areal, Historical and Ethnocultural Aspects*. (2007): pp. 236–240.
28. Ceplyakova, A.D. Foreign borrowings of winged words in the modern Belarusian literary language // *Theoretical and Practical Prerequisites for the Training of Multilingual Specialists at the University*. (2015): pp. 74–77.
29. Shalmanava, K. On some discrepancies in phraseological microsystems (on the material of biblical units and ancient mythologies in English and Belarusian) // *Rodnae slova*. №12 (2015): pp. 39–41.
30. Ivanov E.E. *Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian)*. Prague: RSS, 2002. 136 p.

УДК 811.161.1

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: МАСС-МЕДИА И ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

Седых Аркадий Петрович

доктор филол. наук, профессор

Белгородский государственный

национальный исследовательский университет

Белгород, Россия / sedykh@bsu.edu.ru

Аннотация

Рассматриваются актуальные направления пропаганды языка и популяризации лингвистических знаний в современной Франции. Описываются массмедийные и электронные инструменты продвижения и защиты национального языка, а также региональных вариантов французского языка. Выявляются причины семиотического возрождения речевой культуры, обусловленные кризисным состоянием французского социума. Выдвигается тезис об обусловленности повышения лингвокультурной активности современного дискурса предрасположенности и любви французов к языковым основам нации. Намечаются перспективы изучения динамики развития французской языковой картины мира в русле модификаций когнитивно-коммуникативного пейзажа национальной ментальности и концептосферы.

Ключевые слова: современный французский язык, региональные варианты французского языка, массмедийный дискурс, семиотика языкового возрождения, лингвокультурная активность, электронные лингвоприложения.

MODERN TRENDS IN FRENCH LINGUISTIC CULTURE: MASS MEDIA AND ELECTRONIC RESOURCES

Sedykh, Arkadiy Petrovich

Dr. philol. sciences, professor

Belgorod State National Research University

Belgorod, Russia / sedykh@bsu.edu.ru

Abstract

The current directions of language promotion and popularization of linguistic knowledge in modern France are considered. It describes the mass media and electronic tools for the promotion and protection of the national language, as well as regional variants of the French language. The reasons for the semiotic revival of speech culture, caused by the crisis state of the French society, are revealed. The thesis is put forward about the conditionality of the increase in the linguocultural activity of the modern discourse of the predisposition and love of the French for the linguistic foundations of the nation. Prospects for studying the dynamics of the development of the French linguistic picture of the world in line with modifications of the cognitive-communicative landscape of the national mentality and the concept sphere are outlined.

Key words: modern French, regional variants of the French language, mass media discourse, semiotics of linguistic revival, linguocultural activity, electronic linguistic applications.

Языковая культура современной Французской республики характеризуется всевозрастающим вниманием к национальному языку и поиску путей его защиты, прославления и продвижения в мировое языковое сообщество [Седых 2011]. Это касается не только официальных организмов, отвечающих за реализацию вышеуказанной миссии (*Альянс Франсез* или *Генеральная делегация французского языка и языков Франции*), но массмедийных изданий и электронных приложений. К подобным медиапродуктам следует отнести наиболее активные журналы и газеты, в частности «*Le Figaro*», «*Le Monde*», а также создателей недавно вышедшего приложения «*Français de nos régions*». Несомненно, это лишь малая толика активнодействующих мультимедийных структур. Объем данной статьи не позволяет описать весь набор организаций, выполняющих высокую миссию по поддержке французского языка. Нам лишь хотелось выделить наиболее продуктивные, по нашему мнению, организации, работающие в русле просветительской деятельности на благо французской культуры.

Рассмотрим компоненты лингвистической популяризации старейшей французской газеты «*Le Figaro*», основанной в начале XIX столетия. Данное издание с завидной частотой публикует лингвистические статьи, касающиеся особенностей и трудностей современного французского языка. Перечислим лишь часть тем недавних публикаций, названия которых красноречиво говорят сами за себя: *Cinq fautes de français que vous ne voulez plus (jamais) lire / Publié le 07/11/2021* (Пять ошибок французского языка, которые вы больше никогда не захотите читать / опубликовано 7 ноября 2021); *Cinq expressions très françaises et désuètes dont vous ne pourrez plus vous passer / Publié le 24/10/2019* (Пять очень французских и вышедших из употребления выражений, без которых вы больше не сможете обойтись); *Bac 2021: les tics de langage à éviter au grand oral / Publié le 18/06/2021* (Выпускной экзамен 2021: слова-паразиты, которых следует избегать на устном экзамене); *Connaissez-vous l'étrange argot des polytechniciens? / Publié le 23/08/2021* (Знаете ли вы странное арго студентов политехнической школы?); *Orthographe, syntaxe... la maîtrise du français, nouveau critère pour les recruteurs qui déplorent de nombreuses lacunes / Publié le 29/10/2021* (Орфография, синтаксис ... владение французским языком, новые критерии работодателей, которые жалуются на многочисленные пробелы в знаниях претендентов); *Cinq anglicismes à bouter hors de la langue française / Publié le 28/10/2021* (Пять англицизмов, которые следует «выдворить» из французского языка) etc.

Редакция «*Le Figaro*» публикует также тесты (*quiz*), помогающие французам проверить свои знания в различных областях терминологии от профессиональной, до чисто

лингвистической. Так выпуск от 25.10.2021 посвящён искоренению засилья англицизмов, в частности в области юриспруденции. Недавно на полосе журнала представлен тест под названием «*Dix nouveaux mots français pour parler du droit*» [<https://www.lefigaro.fr/langue-francaise/quiz-francais/dix-nouveaux-mots-francais-pour-parler-du-droit-20211025>]. В статье в частности говорится ряде англицизмов, которые вполне могли бы быть заменены исконными французскими словами: «*phishing*» и «*jackpotting*». Эти заимствования относятся к сфере права, где есть множество слов, написанных по образцу английского языка. В частности, когда речь идет о методах, связанных с Интернетом. Отнюдь не фаталистическое, французское министерство культуры через платформу *France Terme* (терминологическую экспертную комиссию), разработало ряд терминов и определений, «по сути проливающих свет на мошенническую практику, имеющую место в сферах финансов и цифровых технологий» [Прюво, Седых, Бузинова 2018].

Так, например выражение «*money mulling*» переводится как «отмывание денег мулом». Это выражение означает «отмывание денег через клиента». Последний называется «денежный мул» («*money mule*») – тот, кто переводит средства через свой банковский счет, прежде чем перевести их на счет стороны-заказчика. Среди англицизмов мы также находим слово «*smurfage*», заменяющее английское «*smurfing*», которое также было заимствовано, когда-то, как это ни странно, из французского профессионального жаргона. Этот яркий термин обозначает «множество мелких пользователей, которые вносят свой вклад в большие массовые финансовые потоки» [Le Robert. Dico en ligne 2021].

К одной из «свежих» тенденций французской языковой политики можно отнести «желание» руководства страны возродить региональные варианты национального языка, и связанное с ним недавно (27/10/2021) вышедшее приложение «*Français de nos régions*» (Французский язык наших регионов).

Специалисты по изучению французской вариативности создали приложение, чтобы выслушивать и фиксировать в словарях различия в произношении языка. Это первый опыт подобных электронных ресурсов во Франции. Приложение «Французский наших регионов», доступное сегодня, позволяет любому пользователю смартфона открыть для себя французский язык франкофонии. Вы говорите «*grôse*» или «*rause*»? «*Pain au chocolat*» или «*chocolatine*»? «*blanco*» или «*tipe*»? От Бельгии до Люксембурга, через Канаду или Швейцарию, становится возможным не только услышать различия в произношении языка, определить ваше географическое местоположение, но и зарегистрироваться, чтобы продемонстрировать свои языковые региональные особенности.

По мнению создателей лингвистического продукта: «Вместе с французским языком наших регионов мы создаем первый атлас, посвященный франкофонии» [Trésor de la Langue Française informatisé 2021]. Несколько лет назад Матье Аванзи, лингвист и преподаватель Сорбонны, обнаружил приложения, позволяющие людям записывать, как они произносят определенные слова, и отправлять свои данные, чтобы показать существующие различия между немецким языком и его диалектами, американским английским и британским английским, фризским и люксембургским языками. Увлечшись идеей, он начал безуспешно искать французский эквивалент этого интерактивного ресурса. Он принимает решение создать подобное приложение на французском языке.

В 2018 году лингвист получает грант Сорбонны в размере 95000 евро на завершение своего проекта. Создаётся научный комитет, состоящий из различных преподавателей-исследователей из Университета Сорбонны, специалистов по изучению вариаций французского языка и автоматической обработки. Бесплатное приложение теперь онлайн и предлагает настоящую «звуковую библиотеку» [Седых, Быканова 2016].

Таким образом, не претендуя на исчерпывающий анализ современного состояния лингвистики франкофонии, нам хотелось лишь очертить проблемное поле рассматриваемого явления современной языковой культуры Франции с целью использования вышеуказанного опыта в русле конструктивного и перспективного развития национальных культур, в частности культуры русофонии.

Литература

1. Прюво Ж., Седых А.П., Бузинова Л.М. Текст, контекст, интертекст: синтез смыслопорождения // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2018. Т. 4. № 3. С. 21-35.
2. Седых А.П. О персонификации французской культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 2 (9). С. 154-156.
3. Седых А.П., Быканова М.С. Языковая личность музыканта: Александр Скрябин, Клод Дебюсси (монография). – Белгород: Издательский дом "Белгород", 2016. 156.
4. Le Robert. Dico en ligne (2021) URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/> (date d'accès 05.11.2021)
5. Trésor de la Langue Française informatisé (2021) URL: <http://atilf.atilf.fr/> (date d'accès 05.11.2021).

References

1. Pruvost J., Sedykh A.P., Buzinova L.M. (2018) *Tekst, kontekst, intertekst: sintez smysloporozhdenija // Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki* [Text, context, intertext: synthesis of the generation of meaning // Scientific Result. Theoretical and Applied Linguistics]. T. 4. № 3, 21-35.
2. Sedykh A.P. (2011) *O personosfere francuzskoj kul'tury // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [On the personosphere of French culture // Philological sciences. Questions of theory and practice] № 2 (9). 154-156.
3. Sedykh A.P., Bykanova M.S. (2016) *Jazykovaja lichnost' muzykanta: Aleksandr Skrijabin, Klod Debjussi (monografija)* [The linguistic personality of the musician: Alexander Scriabin, Claude Debussy (monograph)]. Belgorod: Publishing House «Belgorod», 156.
4. Le Robert. Dico en ligne (2021) URL: <https://dictionnaire.lerobert.com/> (Accessed 05.11.2021)
5. Trésor de la Langue Française informatisé (2021) URL: <http://atilf.atilf.fr/> (Accessed 05.11.2021).

УДК 811.133.1'373.613

ВЛИЯНИЕ АНГЛИЦИЗМОВ НА ЯЗЫКОВУЮ СИТУАЦИЮ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ

Смирнов Никита Николаевич

студент кафедры немецкого и французского языков

факультет иностранных языков педагогического института

НИУ «БелГУ»

Белгород, Россия / 1238433@bsu.edu.ru

Аннотация

Мы живем во время глобализации и интеграции, характеризующееся сотрудничеством в обмене информацией и новыми идеями. Формирование многокультурного общества может привести к культурной и языковой путанице. Многочисленные международные научные и коммерческие контакты, культурный обмен, новые технологии требуют появления, внедрения в повседневную жизнь, а также постепенного усвоения и активного функционирования новых концепций и их словесных обозначений, соответствующих новым реалиям. В середине двадцатого столетия социальная роль глобальных языков в международных коммуникативных связях возросла благодаря объединению всевозможных сторон государственной жизни. Английский является одним из основных языков международного общения. Влияние английского языка присутствует во всех областях человеческой деятельности. Французский язык – не исключение, так как в последние десятилетия в нем свободно «работают» английские слова. В современном французском языке англицизмы занимают определенную нишу, английские заимствования активно используются в речи и уже укоренились в умах французов. В статье рассматриваются некоторые аспекты языковой картины заимствований через англицизмы, во французском языке. Используется методология концептуального

анализа высказывания и сравнения теоретических знаний. Намечаются перспективы дальнейшего исследования влияния англицизмов на языковую ситуацию в современной Франции.

Ключевые слова: заимствование; английский язык; французский язык; лингвокультурология.

THE INFLUENCE OF ENGLISHISMS ON THE LANGUAGE SITUATION IN MODERN FRANCE

Smirnov Nikita

Faculty of Foreign Languages

Belgorod State University

Belgorod, Russia / 1238433@bsu.edu.ru

Abstract

We live in a time of globalization and integration, characterized by cooperation in the exchange of information and new ideas. The formation of a multicultural society can lead to cultural and linguistic confusion. Numerous international scientific and commercial contacts, cultural exchange, new technologies require the emergence, introduction into everyday life, as well as the gradual assimilation and active functioning of new concepts and their verbal designations, consistent with new realities. In the middle of the twentieth century, the social role of global languages in international communication relations increased due to the unification of all kinds of aspects of public life. English is one of the main languages of international communication. The influence of the English language is present in all areas of human activity. French is no exception, since in recent decades English words have been freely "working" in it. In modern French, Anglicisms occupy a certain niche, English borrowings are actively used in speech and are already rooted in the minds of the French. The article examines some aspects of the language picture of borrowings through Anglicisms, in French. The methodology of conceptual analysis of utterance and comparison of theoretical knowledge is used. Prospects for further research are outlined for the influence of Anglicisms on the linguistic situation in modern France.

Key words: English, French, cultural linguistics.

Язык это постоянно развивающаяся система, которая находится в тесном контакте с историей и политикой государства, в котором оно функционирует. В ходе таких исторических причин как войны, путешествия торговля и прочее, происходит тесный контакт, и ощущается влияние одного языка на другой. То с какой скоростью перетекают заимствования, зависит от каждого из периода. В зависимости от данных условий, это процесс может идти по возрастающей или по убывающей. Также одним из факторов, который влияет на процесс заимствования, является степень близости взаимодействующих языков, то есть, являются ли они близкородственными или нет.

В том, что касается английского и французского языков, можно сказать, что их скорее объединяют «геополитические факторы их реального исторического взаимодействия» [Седых 2011]. Большинство французских лингвистов считают, что англицизмы с трудом поддаются устранению. Они даже придумали специальный термин для этого «вирального» явления – *Franglais*, который, по их мнению, наносит ущерб языку Мольера, богатому созвездием французских эквивалентов.

Современный мир сильно подвержен влиянию информации, которая поступает при помощи английского языка, и как результат любое государство, которая стремится к модернизации и глобализации должна использовать эту лексику. Широкое распространение английского языка в повседневном общении и употреблении достигла такого уровня, что переходит рамки языка, и становится одним из главных факторов существования цивилизации. Процесс заимствования англицизмов имеет длинную историю, и даже по сей день продолжается и набирает обороты. Количество англицизмов значительно возрастает в языках [Гапликова 2016]. Французский язык также подвержен «вторжению» англицизмов, и в нем насчитывают больше англицизмов, чем заимствований из других языков. Словарь советского лингвиста Ожегова С.И. дает следующее определение англицизму – это «слово или оборот речи в каком-нибудь языке, заимствованные из английского языка или созданные по образцу английского слова или выражения» [Ожегов 2020]. Само слово *anglicisme* впервые засвидетельствовано в 1652 году.

Вследствие проникновения английских заимствований, французский язык в значительной степени обогатился. Первые заимствования были связаны с географическими терминами. В их число входит – *nord, est, sud, oue*. С XIV-XV века наблюдалось затишье в сфере заимствования, несмотря взаимоотношения в период Столетней войны. Из более часто употребляемых слов того времени можно назвать *bigot* (m) «ханжа, святоша», *milord* (m) «милорд» [Dictionnaire de L'Académie française 1835]. Число англицизмов возрастает во французском языке в период таких социально-экономических процессов как «славная революция». Также в этот период Англия имела статус державы задающей общественный и экономический тон развития, ее политические принципы и экономические порядки и идеи, в полной мере влияют на развития других, что, конечно же, отражается на лексическом уровне.

Парламентский республика, приходит на смену буржуазному строю, а вместе с этими изменениями, Англия обгоняет другие державы в области техники и индустрии, а также судостроение, что не может не отразиться на этой отрасли, так как именно Англия задавала тон в этом деле. В связи с этим во французском языке появляется целый ряд заимствований из этой области:

- *dock* (m) «портовый бассейн, док, склад»;
- *drague* (f) «землечерпательный снаряд, экскаватор, трал»;
- *paquebot* (m) «пассажирское судно, теплоход»;
- *tonnage* (m) «тоннаж, водоизмещение, грузоподъемность»;
- *yacht* (m) «яхта»

Кроме судостроения, одной из востребованных отраслей того времени являлась коммерция, откуда также появлялось больше количество заимствований, как например: *rhum* (m) – ром, *moire* (f) – муар (ткань); заимствования связанные со сферой парламента: *speaker* (m) – спикер, *trade-union* (m) – профсоюз. Конечно же так и сейчас, так и в восемнадцатом веке, одной из ведущих сфер жизни общества являлась политика, и как следствия возникает большое количество заимствований: *législature, motion, vote, session, partenaire, meeting*. Другой важной составляющей нашей жизни является сфера спорта и такие заимствования как: *boxe, jockey, compétition*; и быт: *redingote, bifteck, rosbif* и др.

XIX век набирает быстрый темп развития который приводит как к революциям, так и к прогрессам, как философским течениям так и к экономическим и политическим контактам, что конечно же находит свое отражения в вокабуляре языка. Таким образом в 19 веке, огромный пласт лексики приходит во французский язык из технической сферы, как например: *rail, tender, tramway, tunnel, wagon*; связанных со спортом: *football, lawn-tennis, match, golf, water-polo*; политические термины: *boycott, interview*; из общественной жизни и быта, *smoking, snob, barman, cocktail, blue-jean, gangster* [Dictionnaire de L'Académie française 1835].

Согласно известному советскому лингвисту Л.М. Скредлину, половина англицизмов, которые проникли во французский язык с середины 19 века, являются терминологическими словами. Такие слова можно встретить в научных статьях, или в печатных изданиях, как слово *sea-line* (m) – нефтепровод в море. Конечно же есть слова, которые можно встретить в любом из текстов, и которые чаще всего являются общеупотребительными словами, как слова *cocktail* (m) – коктейль или *chewing-gum* (m) – жевательная резинка. Но также количество заимствований будет зависеть от тематики статьи. Так как английский язык, присутствует не только в Британии, но и в Америке, а в XX веке Америка становится страной передовых технологий, то заимствования во французский язык проникают и из этой языковой культуры.

Проникновения англицизмов в научно-техническую литературу находятся в прямой зависимости от сферы индустрии, которая в ней описывается. Та сфера деятельности, которая на определенном этапе является лидирующей, а именно, сфера деятельности, которая перенимает больше опыта, технических научных открытий и технических достижений, и будет ведущей в плане заимствований из другого языка.

После заимствования англицизмов французским языком, принадлежность к британскому или американскому варианту английского языка не имеет особо значения.

По мнению Л.Гилберта в большинстве случаев заимствования являются американизмами. По утверждению Гилберта в работе «La créativité lexicale», как только иноязычный термин входит в языковую среду другой системы, он перестает быть иноязычным. По сравнению с предыдущими столетиями, в XX веке количество англицизмов в составе французского языка увеличилось. Именно в XX веке во французский язык проникло около половины англицизмов из 2,5 тыс заимствований, который находились в активном употреблении. Наглядным примером могут выступить такие слова как *after-shave, badge, briefing, discount, drugstore, flash, mixer, overdose* и т.д, которые как правило современный носитель французского либо сам использует в обиходе, либо слышит в ходе общения

Французский язык заимствует из английского языка слова, принадлежащие следующим сферам деятельности:

Во французском языке англицизмы относятся к таким сферам как:

- наука и техника: *big-bang, dumping, fading, randomisation*;
- средства массовой информации, реклама, шоу-бизнес: *best-seller, hit-parade, play-back, poster, remake, scoop, box-office, sponsor*;
- спорт: *jogging, score, skateboard*;
- повседневная жизнь: *fast-food, chewing-gum, hot-dog* и др. [Букина 2015].

Преподаватель-лингвист Бухрякова М.В. отмечает, что зачастую заимствования настолько ассимилируются в принимающем языке, что носители этого языка не ощущают их иноязычное происхождение. Их происхождение может быть обнаружено лишь с помощью этимологического анализа. Смешения и заимствования, как результат длительного исторического взаимодействия языков, занимает значительное место во многих языковых структурах [Бухрякова 2009].

Таким образом, заимствование английских слов является динамичным лингвистическим явлением, занимая лидирующие позиции в лексике политического, экономического характера и обыденных выражений из англоязычных стран на протяжении нескольких тысячелетий. Было показано, что экономические, торговые и политические конфликты предоставляют «благоприятные» условия для интенсивного иноязычного заимствования.

Литература

1. Букина Л. М., Лунькова Л. Н. Англицизмы в современных интернет-статьях на французском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 9 (2). 419-422.
2. Бухрякова М. В. Англицизмы в современном французском языке // Вестник Казахстанско-американского свободного университета, 2009, № 2. 24-30.
3. Брейтер М.А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы. Пособие для иностранных студентов-русистов. Владивосток: «Диалог», 2013. 132-135
4. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. М.: МАНН, 1977. 264 -266.
5. Гапликова М.И. Англицизмы в современном французском языке. // Международный студенческий научный вестник, 2016, № 5 (3). 415 – 416.
6. Седых А.П. О персонификации французской культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2011, № 2 (9). 154-156.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. – М., 1997. 156-157
8. Dictionnaire de L'Académie française [Электронный ресурс]. URL: <https://academie.atilf.fr/consulter/ANGLICISME?optionsParam=motExact>
9. Franglais et anglicismes: quand le français se met à parler anglais [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slate.fr/story/69533/francais-anglais-anglicismes-franglais>
10. History of the French Language [Электронный ресурс]. URL: https://slmc.uottawa.ca/?q=french_history

References

1. Bukina L. M., Lunkova L. N. (2015) *Anglicizmy v sovremennyh internet-stat'yah na francuzskom yazyke* [Anglicisms in modern online articles in French. Philological sciences. Questions of theory and practice], 419-422
2. Bukhryakova M.V. (2009) *Anglicizmy v sovremennom francuzskom yazyke* [Anglicisms in modern French language]. Kazakhstan, Vestnik, 24-30.
3. Breiter M.A. (2013) *Anglicizmy v sovremennyh internet-stat'yah na francuzskom yazyke // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Anglicisms in Russian: History and Perspectives: Book for Foreign Russian Students]. Vladovostok, Dialog, 132-135.
4. Gak V.G. (1977) *Sopostavitel'naya leksikologiya* [Comparative lexicology]. Moscow, MANN, 264-266.
5. Gaplikova M.I. *Anglicizmy v sovremennom francuzskom yazyke* [Anglicisms in modern French]. International Student Science Bulletin, 415-416.
6. Sedykh A.P. (2011) *O personosfere francuzskoj kul'tury // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [About the personosphere of French culture. Philological sciences. Questions of theory and practice], 154-156.
7. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. (1997) *Tolkovyj slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language], 156-157
8. Dictionnaire de L'Académie française [Электронный ресурс]. URL: <https://academie.atilf.fr/consulter/ANGLICISME?optionsParam=motExact>
9. Franglais et anglicismes: quand le français se met à parler anglais [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slate.fr/story/69533/francais-anglais-anglismes-franglais>
10. History of the French Language [Электронный ресурс]. URL: https://slmc.uottawa.ca/?q=french_history

УДК 811

ПРЫКАЗКАВАЯ КАРЦІНА СВЕТУ Ё БЕЛАРУСКАЙ І ФРАНЦУЗСКОЙ ЛІНГВАКУЛЬТУРАХ

Салтанава Анастасія Аляксандраўна

выпускніца спецыялітэта кафедры тэарэтычнай і прыкладной лінгвістыкі

Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова

Магілёў, Рэспубліка Беларусь / aosja_mgu@mail.ru

Анотацыя

У артыкуле разглядаюцца агульныя і спецыфічныя рысы у адлюстраванні карціны свету ў беларускіх і французскіх парэміялагічных адзінках (прыказках). Звяртаецца ўвага на ўяўленні пра чалавека і на яго ацэнку самога сябе і навакольнай рэчаіснасці. Робіцца выснова аб светапогляднай і аксіялагічнай блізкасці беларускіх і французскіх прыказак як з'яў агульнай еўрапейскай парэміялагічнай прасторы.

Ключавыя словы: лінгвакультуралогія, карціна свету, беларуская мова, французская мова, прыказка, нацыянальна-культурная семантыка.

A PROVERBAL PICTURE OF THE WORLD IN BELARUSIAN AND FRENCH LINGUISTIC CULTURES

Saltanova Anastasia Alyaxandrauna

a graduate of the specialty

Department of Theoretical and Applied Linguistics

Mogilev State A. Kuleshov University

Mogilev, Republic of Belarus / aosja_mgu@mail.ru

Abstract

The article considers general and specific features in the reflection of the world picture in Belarusian and French paremiological units (proverbs). Attention is paid to the idea of a man and his

assessment of himself and the surrounding reality. The conclusion is made about the ideological and axiological similarity of Belarusian and French proverbs as phenomena of a single European paremiological field.

Key words: linguaculturology, picture of the world, Belarusian language, French language, proverb, national-cultural semantics.

Уводзіны. Як вядома, прыказкавая карціна свету [9] – гэта адзін з асноўных «кодаў» нацыянальнай культуры, тая яе частка, якая ўзнікла на працягу стагоддзяў фарміравання штодзённай культуры, якая перадаецца з пакалення ў пакаленне, якая адлюстроўвае ўсе катэгорыі і ўстаноўкі жыццёвай філасофіі народа-носьбіта мовы. Менавіта прыказкавая карціна свету надае прыказкам лінгвакультурную каштоўнасць [17]. Актуальнай праблемай сучасных лінгвакультуралагічных даследаванняў з’яўляецца выяўленне і апісанне нацыянальна-культурнай спецыфікі моўных адзінак розных узроўняў, у шэрагу якіх прыказкі займаюць адно з цэнтральных месцаў. Вывучэнне беларускай прыказкавай карціны свету ў шырокім моўным і лінгвакультурным кантэксце з’яўляецца адной з задач сучаснай беларускай парэміялогіі [8; 13]. Актуальнасць супастаўляльнага апісання прыказкавых карцін свету беларускай мовы і іншых еўрапейскіх моў тлумачыцца, па-першае, вывучэннем аб’ёму нацыянальнага кампанента ў прыказкавым фондзе беларускай мовы [19; 20; 21; 23; 24], па-другое, неабходнасцю ўзбагаціць лінгвакультуралагічным зместам параўнальна-тыпалагічныя апісанні прыказак [1; 5; 6; 7; 11; 12; 28], і па-трэцяе, развіццём прыкладных аспектаў у беларускай парэміялогіі – стварэннем беларуска-іншамоўных парэміялагічных слоўнікаў [25; 26; 30], лінгвакраіназнаўчым апісаннем беларускіх прыказак [10; 14; 15], зваротам да прыказак пры выкладанні замежных моў у аспекце міжкультурнай камунікацыі [3; 4]. Трэба адзначыць, спецыяльных лінгвакультуралагічных даследаванняў беларускіх і французскіх прыказак да нядаўняга часу не праводзілася [2].

Мэта даследавання – супастаўленне карцін свету, адлюстраваных у беларускіх і французскіх прыказках. Гіпотэза даследавання заключаецца ў тым, што ў беларускіх прыказкавых карцінах свету будзе назірацца больш агульнага, чым адрознага, паколькі і адны, і другія на працягу стагоддзяў былі і застаюцца нераўнаважнымі, але арганічнымі часткамі агульнаеўрапейскага прыказкавага кантынууму.

Матэрыялы і метады даследавання. Фактычным матэрыялам паслужылі тлумачальны слоўнік беларускіх прыказак [16], прыказкавы мінімум і асноўны прыказкавы фонд беларускай мовы [27], слоўнік французскіх прыказак [29], а таксама полілінгвальны даведнік [22]. У якасці асноўнага метада даследавання выкарыстаны супастаўляльны метады, семантычны аналіз, структурна-семантычнае мадэляванне.

Вынікі даследавання. Вербалізацыя ведаў аб свеце і чалавеку ў свеце ажыццяўляецца з дапамогай розных моўных адзінак, кожная з якіх у сілу сваёй прыроды перадае гэтыя веды па-рознаму. Існаванне ў мове рознаўзроўневых і разностатусных сродкаў вербалізацыі ведаў аб свеце прадвызначаецца складанасцю і важнасцю кожнага фрагмента карціны свету, а таксама разнастайнасцю задач, якія стаяць перад носбітамі мовы пры апісанні як навакольнай рэчаіснасці, так і самога чалавека як яе арганічнай часткі. Прыказкі з’яўляюцца закончанымі суджэннямі, вербалізуюць погляд на свет і на чалавека ў свеце скрозь прызму іх сацыякультурнага разумення, якое складалася на аснове шматвяковага вопыту народа і кожны дзень правяраецца ў розных відах дыскурсу [18].

На аснове даследаванага беларускага і французскага парэміялагічнага матэрыялу можна сцвярджаць, што ў прыказкавых фондах абедзвюх моў знаходзяцца адлюстраванне ўсе асноўныя, базавыя ўяўленні пра свет і пра чалавека, што пацвярджае шырока вядомае палажэнне аб універсальнасці чалавечай мудрасці і змештавай агульнасці еўрапейскіх прыказак.

І ў беларускай, і ў французскай мовах шматлікія прыказкі пра гора і смутку. Пры гэтым прыказак пра радасць менш, чым пра сум. Тлумачыцца гэта характарам эмоцый. Радасць прымаем як належнае, што спрыяе чалавечай дзейнасці. І толькі часткова хочам

нешта выправіць у прайве гэтага эмацыйнага стану, ацаніць яго, падправіць, падкрэсліць яго значнасць. Носьбіты абедзвюх моў падкрэсліваюць важнасць радасці, якая напаўняе сэрца, без яе ў сэрцы пустата: *Сэрца без радасці, што хата пустая*. У жыцці не адны толькі радасці, за радасцю ідзе гора: *Ліха без добра не бывае* = *A quelque chose malheur est bon*.

Чалавек вясёлы, калі ў яго за душой няма ніякіх амаральных учынкаў. У абедзвюх мовах ухваляецца сумленнасць: *Адзін за ўсіх, і усё за аднаго* = *Tous pour un, un pour tous*. Калі ў чалавека радасць, вакол яго шмат сяброў; у бядзе ж сябры часта пакідаюць пацярпелага: *Сябры пазнаюцца ў бядзе* = *Au besoin on connaît l'ami*. У абедзвюх мовах прасочваецца вера ў магутнасць Усявышняга: *Беражонага і Бог беражэ* = *Deux sûretés valent mieux qu'une*. Аднак, калі спадзявацца толькі на Бога, будзе кепска: *На Бога спадзявайся, але і сам не давайся* = *Aide-toi, et le ciel t'aidera*.

Носьбіты беларускай і французскай моў лічаць напышлівасць адмоўнай эмоцыяй. І прыказкі асуджаюць гэта, лічаць напышлівасць кароткачасовым вар'яцтвам: *Пустыя каласы высокая трымаюцца* = *Ce sont les tonneaux vides qui font le plus de bruit*. Прыказкі вучаць разумна ацэньваць свае магчымасці: *Хто высокая заглядае, той нізка сядзе* = *Bien bas choit qui trop haut monte*. І не перабольшваць уласныя заслугі перад іншымі: *Мовай у Вільні, а галава за печчу* = *Beaucoup de bruit, peu de fruit*.

Усім людзям уласцівы страх. Прыказкі пра страх створаны носьбітамі і беларускай, і французскай моў. Інтэрпрэтацыя яго ў абедзвюх мовах у большасці выпадкаў аднолькавая: *У страху вочы на яблыку* = *La peur grossit les objets*. Прыказка абавіраецца на ўласцівасць вачэй пашырацца ад страху і выказвае перабольшанне небяспекі, выяўленне яе там, дзе яе няма. У французаў некалькі падобных адзінак, у якіх для выражэння думкі выкарыстоўваюцца розныя вобразы, напрыклад, жывёл: *On crie toujours le loup plus grand qu'il n'est*.

У прыказках гаворыцца, што праўда з'яўляецца галоўным у жыцці, нават калі яна непрыемная: *Хлусня як алей – выйдзе наверх* = *Il vaut mieux une vérité qui fait pleurer qu'un mensonge qui fait sourire*. Прыказкі вучаць не баяцца маючай адбыцця небяспекі, якая можа быць не такой страшнай, як здаецца: *Не такі страшныя чорт, як яго малююць* = *Le corbeau ne peut être plus noir que ses ailes*. Хто перажыў няшчасці, цяжкасці, становіцца асцярожны і баіцца нават таго, што не тоіць у сабе небяспекі: Напужаная варона і вераб'я баіцца = *Chat échaudé craint l'eau froide*. Страх не павінен перашкаджаць нашым справам, не павінен кіраваць намі, сцвярджаецца ў прыказках: *Баючыся ваўкоў, застанешся без грыбоў* = *Qui a peur des feuilles, ne va point au bois*. Прыказкі паказваюць, што варта трымацца далей ад неразумных людзей: *Благая помач гара за немач* = *Sont ami c'est un ennemi*. У прыказках выяўляецца назіральнасць беларусаў і ўменне аналізаваць пэўныя сітуацыі, рабіць высновы. Так, сцвярджаецца, што добра знаёмае не страшна: *Мыш капы не баіцца*. Пагроза можа зыходзіць ад жывёлы і чалавека, але самую вялікую небяспеку варта чакаць ад чалавека: *Казы бойся спераду, каня ззаду, а чалавека з усіх бакоў*.

У абедзвюх мовах маюцца прыказкі аб сораме. Носьбіты абедзвюх моў сцвярджаюць, што сорам можна стрываць, ён не небяспечны: *Сорам не воран – вочы не выдзяўбе; Ад сораму вочы не павылазяць*. Можна адзначыць, што ў беларускай мове пачуццё сораму выяўляецца ў прыказках пры дапамозе частак цела, у дадзеных прыкладах пры дапамозе вачэй. У беларускай мове таксама ёсць прыказкі, якія сцвярджаюць, што ад пачуцця сораму няма ніякай карысці: *Ад сораму карысці няма*. Пра сорам гэтак жа гаворыцца, што гэта пачуццё лёгка перамагчы: *Сорам можна і ў кішэнь схваць*. Прааналізаваўшы прыказкі аб сораме, можна сказаць, што ў беларускай мове прыказак якія выказваюць гэта пачуццё, значна больш, чым у французскай мове.

У прыказках абедзвюх моў абмяркоўваецца беднасць, але не негатыўна, а наадварот: *Беднасць сораму ня знае* = *Pauvreté n'est pas vice*. Гэтак жа ў прыказках можна ўбачыць падтрымку людзей, якія бедныя, але любяць адзін аднаго: *Хоць у будане жыць, абы з каханым быць* = *Une chaumière et un cœur*.

Эмацыйны стан, які з'яўляецца самапакараннем за парушэнне існуючага правапарадку, этычных, маральных ці рэлігійных прадпісанняў, тлумачыцца ў прыказках як

віна ці грэх. Эмоцыя віны цягне за сабой раскаянне. Віна, грэх, пакаянне – усё гэта ў прыказках абедзвю моў. Асабліва шмат прыказак пра грэх ў беларускага народа, як у традыцыйных вернікаў, што эмацыйна хвалююцца за свае грахі. Беларускія прыказкі сцвярджаюць, што кожны чалавек сутыкаецца з грахам: *І на дзеўку грэх бывае*. Можна адзначыць, што ў французскіх прыказках падаецца тое ж, аднак сутнасць у тым, што грахоў бывае вельмі шмат, яны могуць напаткаць нават беззаганнага: *Le juste pêche sept fois le jour*.

Нешматлікія прыказкі з пагардай, адзінкавыя з агідай, бо пагарда і агіда – гэта не норма міжчалавечых адносін. Пагарда ўзнікае да чалавека, які чымсьці адрозніваецца ад сацыяльных уяўленняў аб правільнасці, норме: *Воўк казе не таварыш = Il ne faut pas atteler les ânes avec les chevaux*. З пагардай кажуць пра тых, хто бярэцца судзіць пра чужыя ўчынкі, а сам сябе чымсьці запляміў: *Чужыя грахі перад вачыма, а сваё за плячыма = Voir la paille dans l'œil du voisin et ne pas voir la poutre dans le sien*. Пагарджаюць тымі, хто спрабуе патрапіць у нейкае грамадства, маючы якасці, якія рэзка адрозніваюць яго ад членаў гэтага таварыства. Пагарда звязана з пачуццём перавагі, прыказкі забараняюць прадстаўнікам ніжэйшых сацыяльных слаёў меркаваць аб тым, што выходзіць за межы іх ладу жыцця: *Хто высокая заглядае, той нізка сядзе = Bien bas choit qui trop haut monte*. Трэба адзначыць, што ў беларускіх прыказках можна ўбачыць пагарду, якая паказвае на тое, што чалавек псуе свой род: *Усякі род не без вырадка*. Французы апынуліся трохі мякчэй, і гэтая ж прыказка выяўляецца ў іх пры дапамозе жывёл, у дадзеным выпадку авечак: *Chaque troupeau a sa brebis galeuse*.

Матывацыйны стан у чалавечай дзейнасці вызначаецца як цікавасць. А паколькі прыказкі нясуць у сабе звычайна павучанне, то сама па сабе цікавасць у іх фіксуецца рэдка. Ёсць шмат прыказак, мэта якіх узрасціць цікавасць да працы: *Рана не ўстанеш – шмат не зробіш*. У французскім варыянце прыказкі, мы можам убачыць не толькі цікавасць, але і свайго роду веліч: *Paris appartient à ceux qui se lèvent tôt*. У прыказках праглядаецца матывацыя да спраў: *Хочаш есці калачы, дык не сядзі на пячы = A qui se lève matin Dieu prête la main*; *Ад працы ўцякаць – дабра не відаць = Nul bien sans peine*; *Любіш ездзіць – кармі кабылу = Il n'y a pas de plaisir sans peine*. Можна сказаць, што прыказкі выказваюць не толькі матывацыю, але і заклікаюць да рацыянальнасці: *Воўка зубы гадуюць = La faim chasse le loup du bois*; *За двума зайцамі пагонішся, ніводнага (ні аднаго) не зловіш = Qui court deux lièvres, n'en prend point*. Прыказкі заклікаюць не баяцца працы: *Дзельніка дзела байца = Bon berger tond et n'écorche pas*.

Прыказкі абедзвюх моў часта звяртаюцца да сумлення. Як прыклад можна прывесці прыказкі, дзе людзі, якія здзейснілі дрэнны ўчынак, выдаюць сябе: *На злодзеі і шапка гарыць = Qui se sent morveux se mouche*. У некаторых беларускіх і французскіх прыказках згадваецца цяпленне: *Памаленьку далей зойдзеш = Qui veut voyager loin ménage sa monture*. Аднак тут жа мы знаходзім прыказку з процілеглым значэннем: *Лепш пагань ехаць, чым дабра ісці = Mieux vaut un gigot prochain qu'un (gros) mouton lointain*. Існуюць прыказкі пра тое, што не трэба прыспешваць падзеі: *Усё свой час мае = Chaque chose en son temps*. Сюды ж можна аднесці прыказкі, якія кажуць нам пра тое, што спяшацца не варта: *Паспех людзям (чорту) на смех = Mieux vaut bonne attente que mauvaise hâte*.

Эмоцыя радасці вельмі часта перадаецца прыказкамі праз пачуццё надзеі на лепшае. Напрыклад, у беларускай мове ёсць прыказка: *Будзе і на маім (на нашым) рынку кірмаш = Le diable n'est pas toujours à la porte d'un pauvre homme*; *Загляне сонца і ў наша аконца = Le diable n'est pas toujours à la porte d'un pauvre homme*.

Прыказкі часта заклікаюць чалавека да высакародных пачуццяў. Адно з такіх пачуццяў – падзяка, уменне шанаваць тое, што ёсць: *Доранаму каню ў зубы не глядзяць = A cheval donné on ne regarde pas à la bride*; *Наварыў піва, сам і панівай здароў = Il a fait la faute, qu'il en boive la sauce*. Негатыўную ацэнку ўтрымліваюць прыказкі аб разнавіднасці цікавасці – цікаўнасці: *Будзеш многа ведаць – рана пастарэеш = Moins on en sait, mieux on se porte*. Кароткачасовым раптоўным эмацыйным станам з'яўляецца здзіўленне. Характар гэтай эмоцыі супярэчыць духу прыказак. У іх адлюстраваны шматвяковы вопыт, а гэта

рэакцыя імгненная. Цяжка прадбачыць яе, тым больш накіраваць у патрэбнае рэчышча. І, мабыць, таму прыказак са здзіўленнем няма.

Заклучэнне і перспектывы даследавання. Супастаўляльны аналіз рэпрэзентацыі фрагментаў карціны свету ў беларускіх і французскіх прыказках паказвае культуралагічную агульнасць іх зместу. Нацыянальная спецыфіка праяўляецца ў расстаноўцы акцэнтаў, гэта значыць у тым, якая інфармацыя аб свеце і чалавеку ў свеце мае большую кагнітыўную значнасць для носьбітаў беларускай ці французскай моў.

Перспектывным бачыцца ўкладанне супастаўляльнага даведніка беларускіх і французскіх прыказак, у якім мэтазгодна адлюстраваны шэраг найбольш аксіялагічна вартасных духоўных каштоўнасцей беларускага і французскага народаў, вербалізаваных у прыказкавых адзінках.

Літаратура

1. Зверева, Ю.С., Иванов, Е.Е., Шестернёва, А.Н. Сравнительная типология фразеологии английского и белорусского языков (актуальность, методология, перспективы исследования) // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – 2015. – Могилёв: МГУ, 2016. – С. 164–168.
2. Иванов Е.Е., Петрушевская Ю.А. Белорусская паремиология конца XX – начала XXI века (1991–2014 гг.) // Паремиология в дискурсе / под ред. О.В. Ломакиной. – М.: URSS: Ленанд, 2015. – С. 252–292.
3. Иванов, Е.Е. Качество лингвистического образования в Республике Беларусь (в аспекте межкультурной коммуникации) // Проблемы качества образования в Белоруссии и России в контексте интеграционных процессов: сб. науч. тр.: в 2 ч. – М.: РАО, 2008. – Ч. 1. – С. 161–170.
4. Иванов, Е.Е. Общность задач преподавания русского и иностранных языков белорусам (в аспекте межкультурной коммуникации) // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте. – Могилёв: МГУ, 2012. – С. 3–7.
5. Иванов, Е.Е., Петрушевская, Ю.А. Различия в семантике и структуре белорусских и английских пословиц // Актуальные проблемы преподавания иностранных языков в высшей школе Республики Беларусь. – Могилёв: МГУ, 2011. – С. 213–215.
6. Иванов, Е.Е., Романова Н.К. Типы межъязыковых сходств и различий паремиологических единиц (на материале белорусского и немецкого языков) // Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica VII. – 2006. – С. 161–164.
7. Иванов, Е.Е., Тарасова, М.В. Семантические типы русских и белорусских пословиц // Даследаванні па германскай і славянскай філалогіі = Acta Germano-Slavica. – 2008. – Вып. 2. – С. 188–212.
8. Иванов, Е.Е. Белорусская паремиология и афористика в общеевропейском контексте (актуальные проблемы изучения) // XV Міжнародны з’езд славістаў, Мінск, 20–27 жніўня 2013 г.: тэзісы дакладаў: у 2 т. – Мінск: Беларуская навука, 2013. – Т. 1. – С. 322–323.
9. Иванова, Е.В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). – Санкт-Петербург: Филол. фак. СПбГУ, 2002. – 155 с.
10. Іваноў, Я.Я. Нацыянальна-культурная семантыка беларускай мовы як аб’ект лінгвакраіназнаўства (пры вывучэнні беларускай мовы як замежнай і як другой ва ўмовах блізкароднаснага руска-беларускага білінгвізму) // Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы. – Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001. – С. 285–290.
11. Іваноў, Я.Я. Параўнальнае мовазнаўства і нацыянальна-культурная семантыка мовы (на матэрыяле парэміялагічных адзінак) // Нацыянальная мова і нацыянальная культура: аспекты ўзаемадзеяння. – Мінск: БДПУ, 2009. – С. 54–57.
12. Іваноў, Я.Я. Параўнальны аналіз беларускіх і польскіх прыказак і нацыянальна-культурная семантыка беларускай мовы (лінгвакраіназнаўчы аспект) // Polsko-białoruskie związki językowe, literackie, historyczne i kulturowe. – Białystok: UwB, 2002. – S. 117–126.

13. Іваноў, Я.Я. Універсальнае і нацыянальнае ў фразеалагічнай і парэміялагічнай падсістэмах беларускай мовы ў еўрапейскім моўным кантэксце (актуальнасць, метадалогія, перспектывы даследавання) // Славянская фразеология в синхронии и диахронии. – 2016. – Вып. 3. – С. 46–49.
14. Іваноў, Я.Я. Нацыянальна-культурная семантыка беларускай мовы і праблема яе лінгвакраіназнаўчай рэпрэзентацыі (на матэрыяле моўнай афарыстыкі) // Сацыякультурная прастора мовы (сацыяльныя і культурныя аспекты вывучэння беларускай мовы). – Мінск: Веды, 1998. – С. 33–62.
15. Іваноў, Я.Я. Нацыянальна-культурная семантыка беларускай моўнай афарыстыкі (лінгвакраіназнаўчы аспект) // Нацыянальна-культурны кампанент у тэксце і ў мове: докл. Міжнароднага навуковага канф., 5–7 кастрычніка 1994 г.: у 2 ч. / рэдкал.: С. М. Прохорова (адв. рэд.) [і др.]. – Мінск: Універсітэцкае, 1994. – Ч. 2. – С. 55–57.
16. Лепешаў, І.Я., Якалцэвіч, М.А. Тлумачальны слоўнік прыказак. – Гродна: ГрДУ, 2011. – 695 с.
17. Парэміялогія без граніц / пад рэд. М.А. Бредіса, О.В. Ломакінай. – М.: Изд-во РУДН, 2020. – 244 с.
18. Парэміялогія ў дыскурсе / В.М. Мокиенка, Т.Г. Бочына, Е.Е. Іванов [і др.]; пад рэд. О.В. Ломакінай. – М.: URSS: Ленанд, 2015. – 294 с.
19. Петрушэўская, Ю.А. Вывучэнне нацыянальна-культурнага кампанента ў парэміялагічным фондзе беларускай мовы // Труды БГТУ. Сэрыя 4. – 2019. – № 1 (217). – С. 123–129.
20. Петрушэўская, Ю.А. Да праблемы вызначэння нацыянальнай адметнасці прыказкавага фонду беларускай мовы // Філолагічны часопіс. – 2018. – Вып. 2 (12). – С. 70–75.
21. Петрушэўская, Ю.А. Нацыянальная адметнасць прыказкавага фонду беларускай мовы // Учыёныя запіскі ВГУ ім. П.М. Машэрава. – 2018. – Т. 27. – С. 150–154.
22. Петрушэўская, Ю.А. Універсальныя і інтэрнацыянальныя кампаненты ў парэміялагічным складзе беларускай мовы: беларуска-іншамовны слоўнік. – Магілёў: МДУ, 2020. – 316 с.
23. Петрушэўская, Ю.А. Універсальныя, інтэрнацыянальныя і нацыянальныя кампаненты парэміялагічнага фонду сучаснай беларускай літаратурнай мовы (на матэрыяле публіцыстычных тэкстаў) // Філолагічныя студыі. 2017. Вып. 16. С. 195–201.
24. Сацыякультурная прастора мовы (сацыяльныя і культурныя аспекты вывучэння беларускай мовы) / С.Ф. Іванова, Я.Я. Іваноў, Н.Б. Мячкоўская. – Мінск: Веды, 1998. – 112 с.
25. Belarussisches-Deutsch paremiologisches Wörterbuch = Беларуская-нямецкі парэміялагічны слоўнік / Я.Я. Іваноў, Н.К. Раманава. – Магілёў: МДУ, 2006. – 108 с.
26. English-Belarusian Paremiological Dictionary = Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік / пад рэд. Я.Я. Іванова. – Магілёў: МДУ, 2009. – 240 с.
27. Ivanov E.E. Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian). – Prague: RSS, 2002. – 136 p.
28. Ivanov, E., Feldman, V. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarussian and Russian Languages) // Даследаванні па германскай і славянскай філалогіі = Acta Germano-Slavica. – 2007. – Вып. 1. – С. 85–97.
29. Kogout, V. Proverbs et dictons de France et leurs équivalents russes = Французскія прыказкі і пагаворкі і іх рускія эквіваленты. – Санкт-Пецярбург: Анталогія, 2016. – 238 с.
30. Polsko-białoruski słownik paremiologiczny = Польска-беларускі парэміялагічны слоўнік / С.Ф. Іванова, Я.Я. Іваноў. – Магілёў: МДУ, 2007. – 192 с.

References

1. Zvereva, Yu.S., Ivanov, E.E., Shesternyova, A.N. Comparative typology of phraseology of the English and Belarusian languages (relevance, methodology, research prospects) // *East Slavic Languages and Literatures in the European Context* – 2015. (2016): pp. 164–168.

2. Ivanov E.E., Petrushevskaya Yu.A. Belarusian paremiology of the late XX – early XXI century (1991–2014) // *Paremiology in Discourse*. (2015): pp. 252–292.
3. Ivanov, E.E. The quality of linguistic education in the Republic of Belarus (in the aspect of intercultural communication) // *Problems of the Quality of Education in Belarus and Russia in the Context of Integration Processes: in 2 vol. V.1*. (2008): pp. 161–170.
4. Ivanov, E.E. Commonality of tasks of teaching Russian and foreign languages to Belarusians (in the aspect of intercultural communication) // *East Slavic Languages and Literatures in the European Context*. (2012): pp. 3–7.
5. Ivanov, E.E., Petrushevskaya, Yu.A. Differences in the semantics and structure of Belarusian and English proverbs // *Current Problems of Teaching Foreign Languages in Higher Education of the Republic of Belarus*. (2011): pp. 213–215.
6. Ivanov, E.E., Romanova N.K. Types of interlanguage similarities and differences in paremiological units (based on the material of the Belarusian and German languages) // *Acta Albaruthenica, Rossica, Polonica*. VII (2006): pp. 161–164.
7. Ivanov, E.E., Tarasova, M.V. Semantic types of Russian and Belarusian proverbs // *Acta Germano-Slavica*. Issue 2 (2008): pp. 188–212.
8. Ivanov, E.E. Belarusian paremiology and aphoristics in a common European context (topical issues of study) // *XV International Congress of Slavists, Minsk, August 20–27, 2013: abstracts: in 2 vol. V.1*. (2013): pp. 322–323.
9. Ivanova, E.V. *Proverbial pictures of the world (based on English and Russian proverbs)*. St. Petersburg: Filol. fak. SPbGU, 2002. 155 p.
10. Ivanou, Ya.Ya. National-cultural semantics of the Belarusian language as an object of linguistics (in the study of the Belarusian language as a foreign language and as a second in terms of closely related Russian-Belarusian bilingualism) // *Belarusian Language: Ways of Development, Contacts, Prospects*. (2001): pp. 285–290.
11. Ivanou, Ya.Ya. Comparative Linguistics and National-Cultural Semantics of Language (on the Material of Paremiological Units) // *National Language and National Culture: Aspects of Interaction*. (2009): pp. 54–57.
12. Ivanou, Ya.Ya. Comparative analysis of Belarusian and Polish proverbs and national-cultural semantics of the Belarusian language (linguocultural aspect) // *Polsko-białoruskie związki językowe, literackie, historyczne i kulturowe*. (2002): pp. 117–126.
13. Ivanou, Ya.Ya. Universal and national in phraseological and paremiological subsystems of the Belarusian language in the European language context (relevance, methodology, research perspectives) // *Slavic Phraseology in Synchronicity and Diachrony*. Issue 3 (2016): pp. 46–49.
14. Ivanou, Ya.Ya. National and cultural semantics of the Belarusian language and the problem of its linguistic representation (on the material of linguistic aphorisms) // *Socio-Cultural Space of the Language (Social and Cultural Aspects of the Study of the Belarusian Language)*. (1998): pp. 33–62.
15. Ivanou, Ya.Ya. National-cultural semantics of the Belarusian language aphorism (linguocultural aspect) // *National-Cultural Component in the Text and in the Language: rep. International. scientific Conf., October 5-7, 1994: in 2 vol. V.2* (1994): pp. 55–57.
16. Lepeshau, I.Ya., Yakalcevic, M.A. *Explanatory Dictionary of Proverbs*. Grodno: GrDU, 2011. 695 p.
17. Bredis, M.A., Lomakina, O.V. *Paremiology without Borders*. Moscow: Izd-vo RUDN, 2020. 244 p.
18. Mokienko, V.M., Bochina, T.G., Ivanov E.E. *Paremiology in Discourse*. Moscow: URSS: Lenand, 2015. 294 p.
19. Petrushevskaya, Yu.A. Study of the national-cultural component in the paremiological fund of the Belarusian language // *Proceedings BSTU. Seriya 4, № 1* (217) (2019): pp. 123–129.
20. Petrushevskaya, Yu.A. On the problem of determining the national identity of the proverbial fund of the Belarusian language // *Philological Journal*. Issue 2 (12) (2018): pp. 70–75.

21. Petrusheuskaya, Yu.A. National distinctiveness of the proverbial fund of the Belarusian language // *Scientific notes of Vitebsk State University named after P.M. Masherova*. V. 27 (2018): pp. 150–154.
22. Petrusheuskaya, Yu.A. *Universal and International Components in the Paremiological Structure of the Belarusian Language: Belarusian-Foreign Dictionary*. Mogilev: MDU, 2020. 316 p.
23. Petrusheuskaya, Yu.A. Universal, international and national components of the paremiological fund of the modern Belarusian literary language (based on journalistic texts) // *Philological Studies*. Issue 16 (2017): pp. 195–201.
24. Ivanova, S.F., Ivanov, E.E. Mechkovskaya, N.B. *Socio-Cultural Space of the Language (Social and Cultural Aspects of the Study of the Belarusian Language)*. Minsk: Vedy, 1998. 112 p.
25. Ivanou, Ya.Ya, Ramanava, N.K. *Belarussisches-Deutsch Paremiologisches Wörterbuch*. Mogilev: MDU, 2006. 108 p.
26. Ivanou, Ya.Ya *English-Belarusian Paremiological Dictionary*. Mogilev: MDU, 2009. 240 p.
27. Ivanov, E.E. *Paremiological Minimum and Basic Paremiological Stock (Belarusian and Russian)*. Prague: RSS, 2002. 136 p.
28. Ivanov, E., Feldman, V. Principles of the Contrastive Description of Aphoristic Paremiology (in Belarussian and Russian Languages) // *Acta Germano-Slavica*. Issue 1 (2007): pp. 85–97.
29. Kogout, V. *Proverbs et Dictons de France et Leurs Équivalents Russes*. St. Petersburg: Antologiya, 2016. 238 p.
30. Ivanou, Ya.Ya, Ivanova S.F. *Polsko-Białoruski Słownik Paremiologiczny*. Mogilev: MDU, 2007. 192 p.

УДК 81'72

**КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННАЯ АДАПТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЗЛО»
ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА М. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»
НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК И ЭСПЕРАНТО**

Сушенюк Маргарита Олеговна

аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Россия / ilmafae96@gmail.com

Аннотация

В статье анализируется художественный концепт «Зло» как один из базовых концептов архитектоники концептосферы романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Выявляются тенденции кросскультурной адаптации номинантов номинативного поля художественного концепта «зло» как культурно-маркированных единиц художественного текста. Определяется частотность симметричной и асимметричной передачи номинантов номинативного поля художественного концепта «зло» с русского языка на испанский язык и эсперанто. Намечаются перспективы дальнейших исследований

Ключевые слова: художественный текст, перевод, культурно-маркированные единицы, симметрия, асимметрия.

**CULTURAL-MARKED ADAPTATION OF THE CONCEPT «EVIL»
IN THE TRANSLATION OF M. BULGAKOV'S ROMAN «MASTER
AND MARGARITA» INTO SPANISH LANGUAGE AND ESPERANTO**

Sushenok Margarita Olegovna

Postgraduate student of the Department of Romance and Germanic Philology and
Intercultural Communication,
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / ilmafae96@gmail.com

Abstract

The article analyzes the artistic concept "Evil" as one of the basic concepts of the architectonics of the concept sphere of M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". The tendencies of cross-

cultural adaptation of the nominees of the nominative field of the artistic concept "evil" as culturally marked units of the artistic text are revealed. The frequency of symmetric and asymmetric transmission of the nominees of the nominative field of the artistic concept "evil" from Russian into Spanish and Esperanto is determined. Prospects for further research are outlined.

Key words: literary text, translation, culturally marked units, symmetry, asymmetry.

Введение

Художественный перевод является искусством среди переводчиков, поскольку при прочтении на других языках передается мысль автора оригинального произведения. А.В. Федоров, говоря о переводе, обращал внимание на необходимость учитывать «языковые явления, анализировать и оценивать языковые средства» [Федоров 2016: 13], которые представляют собой «текстовые фрагменты, включающие несколько межфразовых единств» [Жирова 2020, 88].

Целостность текста как совокупность межфразовых единств обеспечивается посредством взаимосвязи разноуровневых компонентов текста, образующих «невидимую нить текстового пространства» [Бузина 2018: с. 86], интерпретируемую при переводе посредством ряда трансформационных шагов, поскольку, как говорил Н.К. Гарбовский, «действительность, простирающаяся перед взором автора оригинала, совсем не та, что видит перед собой переводчик» [Гарбовский 2021: 35].

Следовательно, при переводе осуществляется «процесс преобразования речевого произведения» [Бархударов 2015: 10].

Речевое произведение в оригинале и переводе может быть рассмотрено в виде концептосферы, которая представляет собой совокупность концептов, «объединённых интенцией автора в единую комплексную информативную модель» [Огнева 2019: 60-70], при переводе которой «смысловой вывод строится с учетом логико-семантической схемы высказывания и вербализованного концепта» [Седых, Бузинова, Зиборов 2019: 171].

Концепт, по определению Ю.С. Степанова, это «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов 2004: 43]. В свете этого очевидно, что «the construction of the interpretative models is based on linguistic and cultural knowledge» / «конструирование интерпретативных моделей основано на лингвистических и культурных знаниях» [Ogneva, Danilenko, Kireeva, Kutsenko 2015: 1102].

Основная часть

Материалом нашего исследования послужил роман «Мастер и Маргарита» М. Булгакова и тексты переводов на испанский язык и на язык эсперанто.

Целью нашего исследования является определение тенденций адаптации номинативного поля художественного концепта «зло» при переводе.

Результаты исследования

В современном переводоведении очевидно, что необходимо «когнитивно-дискурсивное изучение концептосферы текста-оригинала и текста-перевода» [Огнева 2013: 6], поскольку при кросскультурной когнитивно-дискурсивной интерпретации номинативного поля художественного концепта «могут быть выявлены дополнительные лексические единицы» [Даниленко 2021: 28].

Процесс кросскультурной когнитивно-дискурсивной интерпретации основан на том факте, что, по мнению Г.Т. Хухуни и И.И. Валуйцевой, «the interaction of languages is always to some extent the interaction of cultures [Khukhuni Valuitseva 2019: 45] / «взаимодействие языков всегда до некоторой степени это взаимодействие культур». В свете этого значимо, что механизм трансфера текстов из «одних социокультурных координат в другие закономерно предполагает трансфер кодируемых и активируемых этими текстами схем» [Леонтьева 2018: 37].

В данной статье рассматривается номинативное поле художественного концепта «зло» в тексте оригинала и текстах переводов на испанский язык и язык эсперанто. Рассматривается сегмент номинативного поля, где репрезентируется Воланд, как символ зла в романе «Мастер и Маргарита».

Прежде всего, лексема «зло» в толковом словаре русского языка обозначает «всё дурное, плохое, вредное» [Толковый словарь, 1999]. В толковом словаре эсперанто указано: «*deziri al iu malbonon*» (желать кому-то зла – перевод Борис Кондратьев) [Кондратьев [http](http://)]. В толковом словаре испанского языка обозначено: «*daño/demonio*» (делать зло/желать кому-либо зла – перевод С.М.) [Diccionario [http](http://)]. Однако, Воланд как «некая сила» воспринимается чем-то «мифическим» потому, что само появление Воланда в квартире не было описано, создавая ощущение, что он возник из ниоткуда.

Один из сегментов номинативного поля концепта «зло» включает в себя описание «Нехорошая квартира» в произведении М.Булгакова «Мастер и Маргарита».

Пример 1. Появление Воланда.

«... а рядом с зеркалом увидел неизвестного человека, одетого в черное и в черном берете» [Булгаков 2013: 69].

В примере дано описание внешности «неизвестного человека», чтобы иметь представление о Воланде, представляющем собой номинант номинативного поля концепта «зло». Сопоставительный анализ текста показывает, что при переводе на испанский язык номинанта «... pero de pronto descubri junto a él a un desconocido vestido de negro con una boina del mismo color» [Bulgakov 1991] (... но внезапно он обнаружил рядом с собой незнакомца, одетого в черное с беретом того же цвета – перевод С.М.) переводчиком был применен асимметричный и симметричный переводы.

Асимметрия проявляется тем, что номинант «pero de pronto descubri junto» (он внезапно обнаружил – перевод С.М.) отличается от формулировки оригинального номинанта тем, что применена хронема.

Также сопоставительный анализ выявил симметричный перевод номинанта «a un desconocido vestido de negro con una boina del mismo color» (неизвестного человека, одетого в черное и в черном берете – перевод С.М.) При переводе этого же номинанта на язык эсперанто «*kaj apud la spegulo li vidis nekonatan viron, nigre vestitan, kun nigra bereto*» [Bulgakov 2017] (... и у зеркала он увидел неизвестного мужчину, одетого в черное, с черным беретом – перевод С.М.) переводчиком применен симметричный перевод.

Пример 2. Пунктуальность Воланда.

«← Одиннадцать! И ровно час, как я дожидаюсь вашего пробуждения, ибо вы назначили мне быть у вас в десять» [Булгаков 2013: 70].

Анализ контекста показывает, что складывается ощущение того, что у Воланда все должно идти как по часам. Рассматриваемый в примере номинант переведен на испанский язык следующим образом: «*Son las once. Hace una hora que estoy esperando a que despierte, porque usted me citó a las diez*» [Bulgakov 1991] (Сейчас одиннадцать часов. Я ждал, когда Вы проснетесь целый час, потому что Вы назначили мне быть в десять – перевод С.М.) Сопоставительный анализ показал, что номинант был переведен симметрично. Исследуемый номинант в тексте на языке эсперанто передан следующим образом: «*La dek unua. Do, ĝuste unu horon mi atendas vian vekigon, ĉar vi fiksitis nian rendevuon por la deka ĉe vi*» [Bulgakov 2017] (Одиннадцатый. Вот уже как час я жду, когда Вы проснетесь, потому что Вы назначили мне встречу на десять часов). Сопоставленный анализ показал, что перевод был дан симметрично.

Пример 3. Угощение Воланда.

«Следуйте старому мудрому правилу, – лечить подобное подобным». [Булгаков 2013: 70].

Перед тем, как поставить угощения на стол, Воланд говорит старую русскую поговорку о том, как надо лечить похмелье. Номинант переведен на испанский язык следующим образом: «*Siga el viejo y sabio consejo de que hay que curar con lo mismo que produjo el mal*» [Bulgakov 1991] (Следуйте старому и мудрому совету, что вы должны лечиться тем же, что произвело зло – перевод С.М.).

Сопоставительный анализ перевода номинанта показывает, что перевод был дан ассиметрично, у испано-говорящих нет слова «подобное», поэтому номинант перевели как

«que produjo el mal» (что делает человеку плохо – перевод С.М.). Данный номинант был представлен на язык эсперанто следующим образом: «Sekvu la saĝan maksimumon de la antikvuloj: similan kuracu per simila» [Bulgakov 2017] (Следуйте мудрому изречению древних: лечите подобное подобным – перевод С.М.). Сравнительный анализ номинанта в оригинальном тексте и переведенном тексте показал, что перевод был применен симметрично.

Пример 4. Изгнание Степана из квартиры Воландом.

«– И свита эта требует места, – продолжал Воланд, – так что кое-кто из нас лишний в квартире. И мне кажется, что этот лишний – именно вы!» [Булгаков 2013: 75].

Представленный в примере номинант из монолога Волонда, показывает, что номинативный сегмент концепта «зло», принимающего облик Волонда, указывает на свиту. Номинант был переведен на испанский язык как: «–Y como el séquito necesita espacio –seguna Voland–, alguien de los presentes sobra en esta casa. Y me parece que el que sobra es usted» [Bulgakov 1991] (Поэтому свите нужно место, – продолжил Воланд, – в этой квартире стало много людей. И мне кажется, что лишний – это Вы). Сопоставительный анализ номинанта показывает, что перевод дан симметрично. Этот же номинант на язык эсперанто был дан следующим образом «– Nu, mia sekvantaro bezonas lokon, – daŭrigis Voland, – tiel ke unu el ni estas troa en la loĝejo. Al mi ŝajnas ke tiu troa estas ĝuste vi!» [Bulgakov 2017] (И, моей свите нужно место, – продолжал Воланд, – потому что на одного нас в квартире больше. Мне кажется, что лишний здесь – это Вы! – перевод С.М.). Сопоставительный анализ текста показал, что перевод номинанта был дан симметрично.

Заключение, перспективы исследования

Когнитивно-сопоставительный анализ концептосферы романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» и текстов его перевода на испанский язык и язык эсперанто показал, что таксономическая модель художественного концепта «зло» в сегменте, описывающем Воланда, переведена преимущественно симметрично на оба языка, асимметричная перекодировка номинантов низкочастотна.

Литература

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка Текст. – Воронеж: Воронеж, гос. ун-т, 1996. –104 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Междунар. отношения, 2015. – 240 с.
3. Бузина Е.И. Специфика выражения динамики текстового пространства в произведении “Rebecca” Дафны Дюморье // Лексикография и коммуникация 2018: сб. мат-лов IV Междунар. науч. конф. / Отв. Ред. А.П. Седых. – 2018. – С. 86-88.
4. Гарбовский Н.К. Теория перевода / Учебное издание. – М.: Издательство Московского университета «Знак Почета», 2021. – 539 с.
5. Даниленко И.А. Когнитивно-герменевтическое моделирование художественного концепта (на материале романа Э.М. Ремарка «Der funke leben») // Гуманитарные исследования. – 2021. – № 1 (77). – С. 26-32.
6. Жирова И.Г. Структура высказывания и система языковых коммуникативных средств: на материале современных художественных произведений // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2020. – Т.6. – № 3. – С. 85-98.
7. Леонтьева К. И. Доминантный принцип перевода и механизмы его реализации в дискурсе // ВКЛ. – 2018. – № 4. – С. 37-46.
8. Огнева Е.А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста: Моногр. – 2-е изд. доп. – М.: Эдитус, 2013. – 282 с.
9. Огнева Е.А. Лингвокультуры в концептосфере романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» на русском, английском, испанском, французском и эсперанто языках // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2019. – Т.5. – №3. – С.60-70.

10. Седых А.П., Бузинова Л.М., Зиборов С.И. Коммуникативно-когнитивные технологии и алгоритм перевода // Известия ВГПУ. – 2019. – № 5 (138). – С. 170-173.
11. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 992 с.
12. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): уч. пособие. Изд-е 5-е. – СПб.: Фил. фак-т СПбГУ. – М. ООО Издательский Дом "ФИЛОЛОГИЯ ТРИ", 2016. – 416 с.
13. Khukhuni G. T. Traslingualism / transculturality and ethno-cultural identity: complementarity or conflictness? / G. T. Khukhuni, I. I. Valuitseva // Polylinguality and Transcultural Practices. – 2019. – Т.16. – № 1. – С.45-51 (accessed 21.10.2021).
14. Elena A. Ogneva, Ilia A. Danilenko, Yana I. Kireeva and Alina A. Kutsenko, 2015. Interpretative Model of Linguacultural Knowledge. *The Social Sciences*, 10: 1101-1106 (accessed 12.10.2021).

Список лексикографических источников:

15. Большие словари Бориса Кондратьева [электронный ресурс]. URL: <http://eoru.ru/sercxo> (дата обращения: 28.09.2021)
16. Толковый словарь русского языка. – М. Издательский дом «ДИАЛОГ», 1999. – 250 с.
17. Diccionario de la lengua espanol [электронный ресурс]. URL: <https://dle.rae.es/color?m=form> (дата обращения: 28.09.2021).

Источник фактического материала:

18. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита – М. Проспект, 2013. – 451 с.
19. Bulgakov M.A. La majstro kaj Margarita: El la rusa tradukis S. Pokrovskij. Jekaterinburg: Sezonoj, 1991. – 376 pĝ.
20. Bulgakov M. A. El Maestro y Margarita, Caracas: Fundación Editorial El perro y la rana, 2017. – 504 p.

References

1. Babushkin A.P. *Types of concepts in the lexico-phraseological semantics of the Text language*. – Voronezh: Voronezh, state. un-t, 1996. –104 p.
2. Barkhudarov L.S. *Language and translation (Questions of general and particular theory of translation)*. – М.: Mezhdunar. relations, 2015. – 240 p.
3. Buzina E.I. The specifics of expressing the dynamics of text space in the work “Rebecca” by Daphne Dumorier // *Lexicography and Communication 2018: collection of articles. materials of the IV International Scientific Conference* / Resp. Ed. A.P. Sedykh. – 2018. – S. 86-88.
4. Garbovsky N.K. *Translation theory / Educational edition*. – М.: Publishing house of the Moscow University "Sign of Honor", 2021. – 539 p.
5. Danilenko I.A. Cognitive-hermeneutic modeling of an artistic concept (based on the novel by EM Remarque "Der funke leben") // *Humanities research*. – 2021. – No. 1 (77). – P. 26-32.
6. Zhironova IG The structure of the statement and the system of linguistic communication means: on the material of modern works of art // *Scientific result. Issues of theoretical and applied linguistics*. – 2020. – Т.6. – No. 3. – P. 85-98.
7. Leontieva K.I. The dominant principle of translation and the mechanisms of its implementation in discourse // *VKL*. – 2018. – No. 4. – P. 37-46.
8. Ogneva E.A. *Cognitive modeling of the conceptual sphere of a literary text: Monograph*. –2nd ed. add. – М.: Editus, 2013. – 282 p.
9. Ogneva E.A. Linguocultures in the concept sphere of M. Bulgakov's novel "The Master and Margarita" in Russian, English, Spanish, French and Esperanto // *Scientific Result. Questions of theoretical and applied linguistics*. – 2019. – Т.5. – No. 3. – С. 60-70.
10. Sedykh A.P., Buzinova L.M., Ziborov S.I. Communication-cognitive technologies and translation algorithm // *Bulletin of the VSPU*. – 2019. – No. 5 (138). – S. 170-173.

11. Stepanov Yu.S. *Constants: Dictionary of Russian Culture: Ed. 3rd, rev. and add.* – M.: Academic Project, 2004. – 992 p.
12. Fedorov A.V. *Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems): uch. allowance.* Publishing house 5th. – St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University. – M. LLC Publishing House "PHILOLOGY THREE", 2016. – 416 p.
13. Khukhuni G. T. *Traslingualism / transculturality and ethno-cultural identity: complementarity or conflictness?* / G. T. Khukhuni, I. I. Valuitseva // Polylinguality and Transcultural Practices. – 2019. – T.16. – No. 1. – P.45-51. (accessed 21.10. 2021).
14. Elena A. Ogneva, Ilia A. Danilenko, Yana I. Kireeva and Alina A. Kutsenko, 2015. Interpretative Model of Linguacultural Knowledge. *The Social Sciences*, 10: 1101-1106 (accessed 10/12/2021).

List of lexicographic sources:

15. Large dictionaries of Boris Kondratyev [electronic resource]. Available at: <http://eoru.ru/sercxo> (date accessed: 28.09. 2021)
16. Explanatory dictionary of the Russian language. – M. Publishing House "DIALOG", 1999. – 250 p.
17. Diccionario de la lengua espanol [electronic resource], available at: <https://dle.rae.es/color?m=form> (date accessed: 28.09. 2021).

Source of factual material:

18. Bulgakov M.A. *The Master and Margarita* – M. Prospect, 2013. – 451 p.
19. Bulgakov M.A. *La majstro kaj Margarita: El la rusa tradukis S. Pokrovskij.* Jekaterinburg: Sezonoj, 1991. – 376 pĝ.
20. Bulgakov M. A. *El Maestro y Margarita*, Caracas: Fundación Editorial El perro y la rana, 2017. – 504 p.

УДК 81'25

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ФИЛЬМОВ

Толстоухова Елена Александровна

студент бакалавр

Пензенский государственный университет

Пенза, Россия / tolstouhova2000@mail.ru

Аннотация

Данная статья представляет собой количественный анализ применения всевозможных переводческих методов при переводе названий кинофильмов, анализ соответствия переводов названий кинолент с английского языка на русский с выводами об использовании той или иной переводческого способа.

Ключевые слова: перевод, кинематограф, название фильма, способы перевода, особенности перевода

FEATURES OF TRANSLATION IN CINEMA ART

Tolstoukhova Elena Aleksandrovna

Bachelor student

Penza State University

Penza, Russia / tolstouhova2000@mail.ru

Abstract

This article is a quantitative analysis of the use of various translation methods in the translation of movie titles, an analysis of the correspondence of translations of movie titles from English to Russian with the conclusions about the use of a particular translation method.

Key words: translation, cinema, film title, translation methods, translation features

Кинематограф – область человеческой деятельности, включающая в себя создание перемещающихся изображений. С выпуска первого фильма в декабре 1985 года киноиндустрия с каждым десятилетием становилась всё популярнее. Каждый день в киностудиях работают над новыми кинолентами с разными сюжетами, историями, жанрами, однако, известность фильма часто зависит от его названия. По проведенному опросу выяснилось, что почти 80 % любителей киноискусства уделяют внимание только заголовкам. Это происходит по той причине, что в первую очередь внимание зрителя привлекает необычный и интересный заголовок и только после этого человек начинает читать описание фильма или смотреть трейлер. Знакомясь с новой информацией, человеку будет достаточно приблизительно 1,5-2 секунды, чтобы решить, интересна ли ему предложенная тема. Собственно, вследствие этого переводчику во время работы следует придерживаться принципов рекламы – заголовок должен быть коротким, ярким, просто выговариваемым и легко запоминающимся [2].

Целью данной статьи является раскрытие встречающихся на практике особенностей перевода названий кинофильмов с английского на русский язык, а также установление способов перевода.

Объектом исследования являются названия англоязычных фильмов. Данная тема является актуальной из-за относительно молодого направления данной переводческой деятельности, которая появилась только в 50-е гг. XX века.

Приступая к переводу названий фильмов, необходимо учесть коммуникативную установку и межкультурные различия. «Без знания культурно-речевых традиций каждого из народов и каждого из языков межкультурная коммуникация не происходит, а имеет место конфликт культур» [3]. В настоящее время существует ниже представленная классификация функций названий фильмов, предложенная Е.В. Кныш. В данной классификации автор употребляет определение «фильмоним», означающий название кинофильма, выполняющий информативную, рекламную функции и функцию воздействия. В своей классификации Е.В. Кныш выделяет три функции фильмонимов: номинативная (заключается в том, что фильмоним является прежде всего именем собственным), коммуникативная (подразумевающая, что в названии фильма содержится определённая информация, которая усваивается потенциальным зрителем) и эстетическая (предполагает, что в названии кинофильма заключено эстетическое отношение к действительности) [1].

Проведя анализ 12 названий кинофильмов и их перевод, мы соотнесли их с выше указанной классификацией.

Разберём подбор эквивалентных высказываний (использование калек), то есть языковых единиц, совпадающие как в английском, так и русском языках. Следует заметить, что описанный способ перевода является одним из самых легких и не создает никаких сложностей [1]. Например, название легендарной кинофраншизы «Mortal Combat». Слово «mortal» в английском означает невозможность какого-либо живого создания существовать вечно, неизбежность смерти, что-то очень серьёзное и опасное, а «combat» – битва, в частности во время войны. Отсюда русское название фильма «Смертельная битва».

Ещё одним таким переводом является американский супергеройский фильм, основанный на персонаже комиксов Marvel, «Spider man: no way home». В названии данного кинофильма две части: первый элемент – это название известного персонажа, созданного Стэном Ли и Стивом Дитко, spider man, означающий человек паук, и второй элемент – это название серии киноленты «no way home». «No way» в данном случае не рассматривается как устойчивое выражение. Здесь соединены два слова: no (в значении «никакой», «нет») и way (означающее направление, используемое для того, чтобы добраться до определённого места). Последний элемент названия второй части – слово «home», имеющее русский эквивалент слово «дом». Так, название фильма переводится как «Человек паук: нет пути домой».

Рассмотрим следующий прием перевода: контекстуальную замену. В этом случае переводчик ищет такое русское выражение, которое, хотя и не является аналогичным по

смыслу английскому, используемому отдельно от контекста, но равное по смысловой точности его содержанию в определённой среде [1]. Например, драматический фильм режиссёра Питера Уира «The way back». Название состоит из трёх элементов: определённого артикля «the», «way» (как уже выше говорилось, оно обозначает «путь», «дорогу», «направление») и «back», имеющее русские эквиваленты «обратно», «назад». Следовательно, перевод по первому методу дал бы следующий результаты: «Обратная дорога» или «Путь обратно». Однако оригинальный перевод звучит иначе, а именно «Путь домой». Если рассмотреть сюжет фильма, то можно сделать вывод, что перевод не является неверным, он передаёт идею фильма. Кинофильм повествует о небольшой группе осужденных, которая смогла выбраться из страшного лагеря для политзаключенных, об их пути домой, который будет долгий и очень трудный. Герои преодолеют пустыни и горы, встречаясь с дикими животными и незнакомыми людьми. Они идут домой из последних сил в надежде встретить своих близких.

В качестве примера также может служить фильм, снятый по мотивам повести американского писателя Джека Лондона, «The call of the wild». Дословный перевод будет выглядеть следующим образом: «Зов дикой природы», так как слово «call» имеет значения «зов», «призыв», а «wild» равносителен русскому сочетанию «дикая природа». Теперь рассмотрим содержания фильма. Нам представлена история дружелюбного пса по кличке Бак, чья размеренная домашняя жизнь переминалась после того, как его украли мошенники и увезли на Юкон. Там Бак живёт и встречается с другими собаками, среди которых были не только дружелюбные, но и агрессивные. Здесь Баку приходится жить по установленным правилам суровой природы Аляски и местных обитателей, и однажды он становится вожаком стаи. В конце Бак следуя «зову предков», внутренней природе собаки, уходит в лес жить среди волков.

Использование представленного способа можно объяснить тем, что переводчик стремился воплотить в название идею фильма. Важно отметить ещё одну важную цель – это стремление разъяснить жанр [2].

Следующий способ – добавление (амплификация). Для данного способа характерно увеличение количества слов в тексте перевода. Потребность в добавлении может быть вызвана неформальностью семантических компонентов, которые содержатся в словосочетании на английском языке, то есть задача переводчика добавлять слова в выражение, чтобы сохранить нормы русского языка. Добавления могут быть обусловлены и прагматическим фактором, так как информация, заключающаяся в названии, может быть ясна иностранным зрителям, и в то же время неясна – русским [1]. Например, американский психологический триллер «The fear of rain», переведенный как «Девушка, которая боялась дождя». Главная героиня фильма Райн страдает от ментального заболевания, связанного с резкими приступами страха, сопровождаемого слуховыми и зрительными галлюцинациями. Этот приступ может быть вызван чем угодно, например, дождём. Так и появилось подлинное название киноленты «Fear of Rain». Оно обладает двояким смыслом, это и сами опасения девушки, и страх дождя.

Или отметим фантастическую романтическую комедию «Palm Springs», которая переведена как «Зависнуть в Палм-Спрингс». История повествует о чужой свадьбе, которая в жарком калифорнийском городе (Палм-Спрингс) превращается в «день сурка» для развязанного Найлза. Каждый день ему приходится проживать одну и ту же вечеринку. Данный фильм пытается заставить зрителей прочувствовать ощущение повторяемого времени, утекающего сквозь пальцы.

В данном случае переводчик должен интерпретировать название кинофильма к принимающей культуре, иначе заголовок получится малоинформативным [3].

Следующий способ перевода, который является противоположностью вышеуказанному, – опущение слов или выражений, использованных в оригинале. При переводе исключаются чаще всего слова, которые являются семасиологически избыточными, т.е. формулирующими значения, которые могут быть опущены в тексте.

Кроме того, извлечения могут быть связаны с «особенностями переводящего языка, стилем перевода, а также невольными, не имеющими стилистического значения тавтологиями, которые иногда появляются в подлинниках, различиями в национальных традициях» [1]. Примером может быть американский боевик с элементами триллера «Sweet Girl». Если переводить название киноленты дословно, то получится следующий перевод: «Милая девочка/девушка». Однако русский перевод «Малышка». Если обратиться к синонимическому ряду слова «girl», то можно найти русский эквивалент «дочка». Теперь перейдём к рассмотрению сюжета: мужчина теряет любовь всей его жизни и остаётся один с дочкой. Из этого, следует, что переводчик специально опустил слово «милая», заменив словосочетание на «малышка», чтобы избежать тавтологии, так как в русском языке слово милая «милая» может подразумевать обращение к родному, любимому человеку.

Американский мелодраматический фильм, снятый по мотивам одноимённого романа, «After We Fell» также переведён рассматриваемым способом. Русское название фильма – «После». История рассказывает о случайной встрече, перевернувшей привычный мир двух молодых людей. Она – усердная студентка и примерная дочь, а он – привлекательный бунтарь со сложным прошлым. Существовая в абсолютно разных вселенных, они никогда бы не обратили внимания друг на друга. Однако этой встрече предназначалось поделить жизнь возлюбленных на до и после. Переводчик опускает глагол «fell» (одно из значений «влюбиться»).

Иначе выглядит следующий метод, так как он предлагает полную замену названия исходного текста. Целостная замена – разновидность смыслового развития, где модификация происходит уже полностью, а не по частям и применяется, когда нет другого способа передать прагматический смысл оригинального названия фильма и переводчику приходится полностью заменять название кинофильма, так как оно содержит в себе неперебиваемую комбинацию слов [1]. Например, музыкальная комедия, вышедшая в свет в 2020 году под названием «The High Note». Буквально словосочетание переводится как «Высокая нота», а если рассмотреть данную комбинацию слов как идиому, означающую, согласно the free dictionary by farlex, самое успешное, значительное, эффективное время, то название фильма следует перевести как «Пик успеха». Сама история киноленты повествует о жизни Мэгги, которая с самого детства увлекалась музыкой. И вот уже на протяжении трёх лет девушка работает личным ассистентом своего кумира – певицы Грэйс Дэвис. Однажды Мэгги неожиданно осознаёт, что всю жизнь мечтала заниматься продюсированием музыки, и когда судьба случайным образом знакомит девушку с начинающим певцом. Мэгги выдаёт себя за продюсера и начинает работать с одаренным незнакомцем. Сюжет повествует об успехе молодого ассистента в музыкальной индустрии, поэтому переводчик подбирает следующий перевод: «Ассистент звезды» – который хорошо передаёт прагматический смысл названия фильма.

Ещё одним примером может служить американский фантастический фильм под названием «Free Guy», переведённый как «Главный герой», но оригинальное название дословно переводится «Освободите парня». Рассмотрим сюжет фильма. Действия фильма происходят в игре, где обычный сотрудник большого банка узнаёт, что мир, в котором он живёт – это часть большой видеоигры, а сам он в ней – второстепенный персонаж. Но у обычного сотрудника банка получается изменить свой код, привлечь на себя внимание симпатичной девушки и спасти мир, то есть у него получается стать главным героем, поэтому перевод, представленный для релиза, прекрасно отражает прагматику киноленты.

Замена, опущение или добавление главных слов кинофильма восполняет в названии смысловую или жанровую недостаточность дословного перевода. Название киноленты «является одной из разновидностей текстов, при переводе которых можно пренебрегать не только особенностями формы и второстепенными по важности элементами информации, но и полностью отказаться от какой бы то ни было (даже семантической) общности исходного и переводного текстов во имя адекватного воспроизведения доминантной функции оригинала» [3].

Употребление англицизмов – это следующий способ, использующийся для переводов названий кинофильмов. Существует мнение, что фильм будет привлекать больше зрительского внимания, если в названии киноленты присутствуют английские слова, написанные кириллицей или латиницей. Скорее всего, это зародилось из стереотипа, сформировавшегося в сознании российских жителей, о том, что все, изготовленное за границей, является отечественного производства [1]. Например, приключенческий фильм-фэнтези, представленной в одноимённой серии компьютерных игр и книг, «Warcraft». Если мы разделим слово на две части, то получим «war» – «война» и «craft» – «ремесло», то есть название фильма переводится как «Военное ремесло/ Искусство войны». Но переводчик решил не переводить слово, а переписал его кириллицей – «Варкрафт».

Или рассмотрим приключенческий фильм 2005 года, ремейк одноимённых фильмов 1933 года и 1976 года «King Kong», так же переписанный кириллицей как «Кинг Конг». Однако дословно перевод звучит иначе: «king» – «король» и «kong» – имя персонажа, которое пришло в голову Мериану Дугласу (американский авиатор, военный, режиссёр, продюсер, сценарист и оператор) под влиянием книги, написанной его другом Дугласом Барденом, побывавшем на острове Комодо (остров в Индонезии), где населяющие остров гигантские вараны называются «королями Комодо» (англ. King of Komodo), т.е. полный перевод «Король Конго».

Таким образом, названия фильмов должны привлекать внимание обширной аудитории стран, в которых выходят в прокат разнообразные киноленты, следовательно, успех фильма на международном рынке зависит от грамотного перевода названия кинофильма. С этапа перевода начинается трудность понимания особенностей каждой отдельной культуры.

Литература

1. Латышев, Л.К. Технология перевода: учебное пособие для студентов вузов. – М.: Академия. – 2007. – 317 с.
2. Мединеева, В. В. Перевод названий английских и американских фильмов / В. В. Мединеева // Перевод и переводоведение. – 2012. – С. 2–3.
3. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 264 с.

References

1. Latyshev, L. K. Translation technology: a textbook for university students. – M.: Academy. – 2007. – 317 p.
2. Medineeva, V. V. Translation of the names of English and American films / V. V. Vedineeva// Translation and translation studies. – 2012. – p. 2-3.
3. Ter-Minasova, S. G. Language and intercultural communication. – Moscow: Slovo, 2000 – 264 p.

УДК 81'42

СЕНСЕМЫ И КИНЕМЫ КАК МАРКЕРЫ НЕВЕРБАЛЬНОГО КОДА ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ THE NEW YORK TIMES)

Трофимова Наталия Алексеевна

аспирант, ассистент кафедры иностранных языков
педагогического института

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Белгород, Россия / translator@mail.ru

Аннотация

В настоящее время публицистический дискурс ввиду его сложности, многокомпонентности и способности не только передавать информацию об окружающей среде, но

и воздействовать на аудиторию, представляет особый интерес. Использование разнообразных средств в публицистическом дискурсе призвано ознакомить с важными фактами жизни общества, вызвать интерес к определенным аспектам реальности, повлиять на формирование положительного или негативного мнения по поводу разнообразных событий. Среди таких средств значимым является выделение в отдельную группу компонентов невербального кода, включающие проксеми, хронемы, сенсемы, кинемы и такемы. В данной статье анализируются сенсемы и кинемы. Сенсемы рассматриваются как компоненты невербального кода коммуникации, передающие информацию, воспринимаемую органами чувств. Кинемы – это компоненты невербального кода коммуникации, передающие информацию, выражаемую при помощи мимики, жестов, движений тела. В статьях журналистов – Марка Лендлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл – популярной американской газеты The New York Times зафиксированы количественные показатели использования сенсем и кинем. Выявлено, что сенсемы и кинемы чаще используются в статьях Эллен Барри и Сары Лайл.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, публицистический дискурс, The New York Times, сенсема, кинема, гендер.

SENSEMEMES AND KINEMES AS MARKERS OF A NON-VERBAL CODE IN MASS-MEDIA DISCOURSE (BASED ON THE NEW YORK TIMES)

Trofimova Nataliya Alexeevna

Postgraduate student, Assistant of the Foreign Languages Department
Belgorod State National Research University
Belgorod, Russia / *translator@mail.ru*

Abstract

At the present time, mass-media discourse, due to its complexity, variability and ability not only to convey information about the environment, but also to influence the audience, is of particular interest. The use of various means in mass-media discourse is intended to familiarize people with important facts of the life of society, arouse interest in certain aspects of reality, and influence the formation of a positive or negative opinion about various events. Among such means, it is significant to single out the components of the non-verbal code into a separate group, including proxemes, chronemes, sensemes, kinemes and takemes. In this article sensemes and kinemes are analyzed. Sensemes are viewed as components of a non-verbal communication code that convey information perceived by the senses. Kinemes are components of the non-verbal communication code that transmit information expressed through facial expressions, gestures, and body movements. In the articles of journalists – Mark Landler, Dan Bilefsky, Ellen Barry and Sarah Lyall – of the popular American newspaper The New York Times, quantitative indicators of the use of sensemes and kinemes are traced. It is found out that sensemes and kinemes are more commonly used in articles by Ellen Barry and Sarah Lyall.

Key words: non-verbal communication, mass-media discourse, The New York Times, senseme, kineme, gender.

В современном языкознании наблюдается постоянное пополнение сведений о дефиниции, видовом разнообразии и особенностях публицистического дискурса. По мнению Н. Ф. Алефиренко, – это «речемыслеобразующее событие характерного характера» [Алефиренко 2019: 31]. Известный лингвист пишет о том, что он характеризуется наличием социокультурного, психологического, прагматического, паралингвистического и др. параметров. Следовательно, в публицистическом дискурсе аккумулируются сведения, получаемые в результате невербальной коммуникации, то есть благодаря тому, что существует «знаковая природа невербальной коммуникации» [Седых 2018: 162].

При непосредственном рассмотрении невербальной коммуникации важно указать на то, что, в отличие от вербальной, она не требует знания иностранных языков для достижения понимания выражаемых эмоций или желаний [Молчанова 2014: 17]. Но следует принимать во внимание, что в разных странах, культурах, для представителей различных социальных групп один и тот же жест может иметь разную интерпретацию.

Если следить за мимикой, жестами и движениями тела собеседника, то появляется возможность не только сразу понять отношение собеседника к различным явлениям, но и

спрогнозировать его дальнейшее поведение [Родионова 2019: 217]. В то же время, люди с общей лингвокультурой в процессе невербальной коммуникации могут использовать мимику и жесты как средство «имитации определенного эмоционального состояния» [Хлыстова 2008: 258]. Так, при выражении благосклонности к собеседнику, вежливости или радости людям свойственно улыбаться или в случае недовольства – хмурить брови и т. п.

Значимость данного вида коммуникации проявляется и в использовании соответствующих компонентов в дискурсе. В нашей статье мы рассмотрим использование таких репрезентантов невербального кода коммуникации в публицистическом дискурсе, как сенсемы и кинемы.

В первую очередь, представим определение сенсемы. Сенсемные номинанты «представляют собой совокупность информации нескольких органов чувств» [Даниленко 2016: 207]. Они дополняют знания о состоянии собеседника, о его реальных или скрытых мотивах, готовности к коммуникации.

Под кинемами понимаются «маркеры невербального кода, репрезентирующие жесты и телодвижения героев художественных произведений» [Огнева, Даниленко 2021: 62]. Жест, поза и мимика считаются основными средствами кинесики [Молчанова 2014: 18].

С целью выявления и количественной фиксации указанных номинантов невербальной коммуникации мы проанализировали 14 статей каждого из выбранных журналистов известной популярной газеты «The New York Times», а именно Марка Лендлера, Дэна Билефски, Эллен Барри и Сары Лайл. Полученные результаты представлены в таблице.

Таблица. Количественные показатели сенсем и кинем в статьях журналистов газеты «The New York Times»

Маркеры невербального кода коммуникации	Марк Лендлер	Дэн Билефски	Эллен Барри	Сара Лайл
Сенсемы	76	62	150	100
Кинемы	20	28	82	52

Исходя из полученных данных, прослеживается тенденция в более частом использовании сенсем и кинем в статьях Эллен Барри и Сары Лайл. В статьях Марка Лендлера и Дэна Билефски соответствующие единицы встречаются реже.

Рассмотрим примеры использования сенсем (1) и кинем (2) в статьях Марка Лендлера (А), Дэна Билефски (Б), Эллен Барри (В) и Сары Лайл (Г).

1. Сенсемы в статьях журналистов газеты «The New York Times»

А) “Schellnhuber, a *soft-spoken* scientist who advises Chancellor Angela Merkel on climate policy, said that to be fair to the White House, it had come a long way in its approach to climate change” [Landler 2007].

«Г-н Шеллнхубер – ученый, который консультирует канцлера Ангелу Меркель по вопросам климатической политики. Своим *тихим голосом* он заявил, что Белый дом на самом деле проделал долгий путь для формирования своего подхода изменению климата» (здесь и далее перевод – Н.Т.).

Сенсема “*soft-spoken*” отражает параметры голоса ученого, воспринятые органом слуха. Другими словами, прослушивание речи Джона Шеллнхубера приводит к формированию впечатления о недостаточной громкости.

Б) “He recently saw two boys fighting in the street and told them they would bring shame on their families. “Do you not *recognize* me?” one replied” [Bilefsky 2006].

«Недавно на улице он заметил двух дерущихся мальчиков и сказал им, что подобным поведением они навлекут позор на свои семьи. Один из них спросил его: «Разве ты меня не *узнаешь*?»

В представленном выше примере выделенная сенсема “*recognize*” предполагает привлечение сыном внимания отца на свою внешность. Так как отец не смог сразу определить, что одним из дерущихся был его собственный сын, последний задал вопрос, который одновременно может выражать удивление и указывает на необходимость разглядеть его.

В) “Ten minutes later, Bulu called back and told her that he liked *the sound of her voice*” [Barry 2017].

«Спустя десять минут Булу перезвонил ей и сказал, что ему нравится *звучание ее голоса*».

Анализируемый пример содержит сенсемный маркер, связанный со слуховым восприятием. Поскольку Булу нравилось общаться с девушкой по телефону, он сказал, что ему приятно слышать ее голос.

Г) “It was hard to tell, *looking out* over the church crowd, what the general reaction was to Bishop Curry’s address” [Lyll 2018].

«*Глядя* на толпу в церкви, было сложно определить, какова была всеобщая реакция на выступление епископа Карри».

Употребленная сенсема в представленном выше примере передает зрительное восприятие людей в церкви. В данном случае для распознавания их реакции не было достаточно данных, получаемых с помощью органа зрения.

2. Кинемы в статьях журналистов газеты «The New York Times»

А) “But on Monday, Mr. Obama appeared determined to hug, kiss, shake hands *or raise a glass* with every last one of them” [Landler 2011].

«Однако сложилось впечатление, что в понедельник г-н Обама был готов обнять, поцеловать, обменяться рукопожатием или *поднять бокал* с каждым из них».

Такой жест, как поднятие бокала с другими людьми обозначает наличие личных отношений между ними, желание провести вместе время. Соответственно, использование данной кинемы указывает на благосклонность президента по отношению к ирландцам.

Б) “*Hunched over* his computer – in Kovin, about 25 miles from Belgrade, Mr. Mircov showed a reporter his kidney-for-sale advertisement, which included his blood type OPG and phone number” [Bilefsky 2012].

«Г-н Мирцов, *сгорбившись* над своим компьютером в Ковине, расположенного примерно в 25 милях от Белграда, показал корреспонденту свое объявление о продаже почек с указанием группы крови и номера телефона».

Дэн Билефски описывает положение тела г-на Мирцова. Его поза может передавать дополнительную информацию об усталости.

В) “Last month, Ms. Chizhova was still adjusting to her victory, *raising her eyebrows* when a stranger called to invite her to join his literary circle” [Barry 2010].

«В прошлом месяце г-жа Чицова все еще привыкала к статусу победительницы, поэтому ее *брови приподнялись*, когда раздался звонок от незнакомца, пригласившего ее присоединиться к его литературному кружку».

Кинема, отражающая мимическое выражение писательницы, является индикатором выражения ее эмоционального состояния. Приподнятые брови в обозначенном контексте указывают на переживание эмоции удивления.

Г) “Witnesses for the prosecution described in graphic detail how Ms. Steenkamp was struck by four bullets in the bathroom, her arms *crossed over her head* in a futile effort to protect herself” [Lyll 2014].

«Свидетели обвинения описали в деталях, как г-жа Стинкамп, находясь в ванной, *скрестила руки над головой* в тщетной попытке защитить себя, когда была ранена четырьмя пулями».

В представленном выше примере использованная кинема имеет пояснение. Поскольку женщина пыталась защититься от нападающего, она скрестила руки над головой, однако это не смогло ее спасти.

Таким образом, мы определили, что сенсемы и кинемы являются неотъемлемой частью публицистического дискурса журналистов газеты «The New York Times» и дополняют сведения о различных явлениях и событиях окружающего мира. Употребление сенсем и кинем зафиксировано в статьях как журналистов мужского пола – Марка Лендлера и Дэна Билефски, так и журналистов женского пола – Эллен Барри и Сары Лайл. Подсчет количества сенсем и кинем в 14 статьях каждого из журналистов позволил определить, что данные номинанты невербальной коммуникации чаще употребляются в дискурсе Эллен Барри и Сары Лайл, что позволяет говорить о том, что употребление сенсем и кинем в публицистическом дискурсе газеты «The New York Times» гендерно обусловлено.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Медиадискурс – *modus vivendi* на рубеже XX-XXI вв. // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 4. – С. 30-33.
2. Даниленко И. А. Сенсемные компоненты как маркеры невербального кода коммуникации в концептосфере романа Ф.С. Фитцджеральда “The Great Gatsby” // Когнитивные исследования языка / Тамб. гос. ун-т ; гл. ред. Н.Н. Болдырев. – Москва ; Тамбов ; Тюмень, 2016. – Вып. XXVI : Когнитивные технологии в теоретической и прикладной лингвистике : материалы междунар. науч. конф., Тамбов, 22-24 сент. 2016 г. / отв. ред. Т.В. Хвесько. – С. 205-208.
3. Молчанова Г. Г. Когнитивная невербалика как поликодовое средство межкультурной коммуникации: кинесика // Вестник Московского университета: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. №3. – С. 13-30.
4. Огнева Е. А., Даниленко И. А. Дуальность художественного концепта как текстовый информативный код. – М.: Эдитус. – 208 с.
5. Родионова Т. Г. Специфика жеста в передаче невербальной коммуникации // Языковой дискурс в социальной практике. 2019. – С. 216-219.
6. Седых А.П. Вербалика и невербалика диалогической интеракции // Лексикография и коммуникация – 2018: Сб материалов IV Международной научной конференции / Отв.ред. А.П. Седых. – Белгород, 2018. –С. 159-164.
7. Хлыстова В. Г. Кинема как основная единица кинесики (на материале английского и русского языков) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2008. №10. – С. 256-259.

Источники фактического материала:

8. Barry Ellen. A Writer Invites Russia to Engage Its Painful Past URL <https://www.nytimes.com/2010/03/06/world/europe/06author.html> (дата обращения: 28.010.2021).
9. Barry Ellen. India’s ‘Phone Romeos’ Look for Ms. Right via Wrong Numbers URL <https://www.nytimes.com/2017/03/22/world/asia/indias-phone-romeos-look-for-the-right-one-through-wrong-numbers.html> (дата обращения: 28.010.2021).
10. Bilefsky Dan. Black Market for Body Parts Spreads Among the Poor in URL <https://www.nytimes.com/2012/06/29/world/europe/black-market-for-body-parts-spreads-in-europe.html> (дата обращения: 28.010.2021).
11. Bilefsky Dan. Polygamy Fosters Culture Clashes (and Regrets) in Turkey URL <https://www.nytimes.com/2006/07/10/world/europe/10turkey.html> (дата обращения: 28.010.2021).
12. Landler Mark. Nobel laureates feel vindicated as climate change moves to fore URL <https://www.nytimes.com/2007/10/10/world/europe/10iht-enviro.4.7839774.html> (дата обращения: 28.010.2021).
13. Landler Mark. Obama Arrives in Ireland for Six-Day Trip to Europe URL <https://www.nytimes.com/2011/05/24/world/europe/24prexy.html> (дата обращения: 28.010.2021).
14. Lyall Sarah. Meghan Markle Introduces the British Monarchy to the African-American Experience URL <https://www.nytimes.com/2018/05/19/world/europe/uk-royal-black-priest-choir.html> (дата обращения: 28.010.2021).

15. Lyall Sarah. Prosecution Rests Case in Pistorius Murder Trial URL <https://www.nytimes.com.translate.goog/2014/03/26/world/africa/prosecution-rests-case-in-pistorius-murder-trial.html> (дата обращения: 28.010.2021).

References:

1. Alefirenko N. F. Media discourse – modus vivendi at the turn of the XX-XXI centuries. // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 4. – P. 30-33.
2. Molchanova G. G. Cognitive non-verbal as a polycode means of intercultural communication: kinesics// Vestnik Moskovskogo universiteta: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya. 2014. – №3. P. 13-30.
3. Ogneva E. A., Danilenko I. A. The duality of the artistic concept as a textual informative code. – M.: Editus. – 208 p.
4. Danilenko I. A. Sensory components as markers of the non-verbal communication code in the conceptual sphere of the novel by F.S. Fitzgerald “The Great Gatsby” / Tamb. gos. un-t ; gl. red. N.N. Boldyrev. – Moskva ; Tambov ; Tyumen', 2016. – Vyp. XXVI : Kognitivnye tekhnologii v teoreticheskoy i prikladnoy lingvistike : materialy mezhdunar. nauch. konf., Tambov, 22-24 sent. 2016 g. / otv. red. T.V. Hves'ko. – P. 205-208.
5. Rodionova T. G. Specificity of gesture in the transmission of non-verbal communication// Yazykovoј diskurs v social'noј praktike. 2019. – P. 216-219.
6. Sedykh A. P. Verbal and non-verbal dialogic interaction // Leksikografiya i kommunikaciya – 2018: Sb materialov IV Mezhdunarodnoј nauchnoј konferencii / Otv.red. A.P. Sedykh. Belgorod, 2018. P. 159-164.
7. Hlystova V. G. Kineme as the main unit of kinesics (based on the material of English and Russian languages)// Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2008. №10. – P. 256-259.

Sources of factual material:

8. Barry Ellen. A Writer Invites Russia to Engage Its Painful Past URL <https://www.nytimes.com/2010/03/06/world/europe/06author.html> (дата обращения: 28.010.2021).
9. Barry Ellen. India's 'Phone Romeos' Look for Ms. Right via Wrong Numbers URL <https://www.nytimes.com/2017/03/22/world/asia/indias-phone-romeos-look-for-the-right-one-through-wrong-numbers.html> (дата обращения: 28.010.2021).
10. Bilefsky Dan. Black Market for Body Parts Spreads Among the Poor in URL <https://www.nytimes.com/2012/06/29/world/europe/black-market-for-body-parts-spreads-in-europe.html> (дата обращения: 28.010.2021).
11. Bilefsky Dan. Polygamy Fosters Culture Clashes (and Regrets) in Turkey URL <https://www.nytimes.com/2006/07/10/world/europe/10turkey.html> (дата обращения: 28.010.2021).
12. Landler Mark. Nobel laureates feel vindicated as climate change moves to fore URL <https://www.nytimes.com/2007/10/10/world/europe/10iht-environ.4.7839774.html> (дата обращения: 28.010.2021).
13. Landler Mark. Obama Arrives in Ireland for Six-Day Trip to Europe URL <https://www.nytimes.com/2011/05/24/world/europe/24prexy.html> (дата обращения: 28.010.2021).
14. Lyall Sarah. Meghan Markle Introduces the British Monarchy to the African-American Experience URL <https://www.nytimes.com/2018/05/19/world/europe/uk-royal-black-priest-choir.html> (дата обращения: 28.010.2021).
15. Lyall Sarah. Prosecution Rests Case in Pistorius Murder Trial URL <https://www.nytimes.com.translate.goog/2014/03/26/world/africa/prosecution-rests-case-in-pistorius-murder-trial.html> (дата обращения: 28.010.2021).

СПОСАБЫ ПЕРАДАЧЫ ДЗЕЕПРЫМЕТНЫХ ЗВАРОТАЎ НА СУЧАСНУЮ БЕЛАРУСКУЮ МОВУ (НА МАТЭРЫЯЛЕ ПЕРАКЛАДАЎ БІБЛІІ)

Фурс Вольга Уладзіміраўна

дацэнт кафедры беларускай і рускай моў

кандыдат філалагічных навук

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт,

Мінск, Беларусь / olga.w.furs@gmail.com

Анотацыя

У артыкуле на матэрыяле сямі перакладаў Евангелля паводле Мацвея на сучасную беларускую мову, якія былі створаныя на працягу XX – пачатку XXI стагоддзя, праз параўноўванне з грэчаскім “тэкстам большасці” і лацінскай Вульгатай разглядаюцца шляхі і спосабы перадачы дзеепрыметных зваротаў. Высветлена, што самымі папулярнымі спосабамі перадачы дзеепрыметнікаў з’яўляецца іх замена на дзеясловы, дзеепрыслоўі альбо назоўнікі. Дзеепрыметнікі незалежнага стану цяперашняга часу замяняюцца ва ўсіх перакладах, акрамя самага ранняга, упершыню выдадзенага Лукашом Дзекуцем-Малеєм і Антонам Луцкевічам у 1926 годзе. Так на шырокім моўным матэрыяле паказана, што тэндэнцыя да замены дзеепрыметнікаў дадзенай формы на працягу XX стагоддзя замацавалася ў якасці нормы, што адпавядае сучаснай кадыфікацыі. Таксама паказана, што пераклад дзеепрыметнікаў з грэчаскай альбо лацінскай мовы на сучасную беларускую мову ўваходзіць у зону моцнага вар’іравання, і гэта патрабуе ад перакладчыкаў надзвычайнай пільнасці і ўважлівасці.

Ключавыя словы: пераклад, Евангелле, беларуская мова, варыянтнасць, дзеепрыметны зварот, адпаведнік.

METHODS OF TRANSMITTING PARTICIPIAL CONSTRUCTIONS INTO THE MODERN BELARUSIAN LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF THE BIBLE TRANSLATIONS)

Furs Volga Uladzimirauna,

Associate Professor at the Department

of Belarusian and Russian Languages,

PhD in Philology,

Belarusian State Economic University,

Minsk, Belarus / olga.w.furs@gmail.com

Abstract

The article, based on seven translations of the Gospel of Matthew into modern Belarusian, which were created during the XX – early XXI century, through a comparison with the Greek "majority text" and the Latin Vulgate, examines ways and means of transmitting participial constructions. It has been found that the most popular ways to convey participials are to replace them with verbs, adverbs or nouns. The present participles are replaced in all translations, except the earliest, first published by Lukasz Dzekut-Malej and Anton Lutskevich in 1926. Thus, the broad linguistic material shows that the tendency to replace the participles of this form during the twentieth century has become established as the norm, which corresponds to modern codification. It is also shown that the translation of participles from Greek or Latin into modern Belarusian is in a zone of strong variation, and this requires extreme vigilance and care from translators.

Key words: translation, Gospel, Belarusian language, variability, participial construction, equivalent.

На працягу XX – пачатку XXI стагоддзяў з’явілася больш за дзесяць перакладаў Евангелля на сучасную беларускую мову. Даволі доўгі час усе набыткі беларускіх перакладчыкаў заставаліся па-за ўвагаю навукоўцаў, між тым тэксты, напісаныя ў розныя гістарычныя этапы, уяўляюць надзвычайную цікавасць як сведчанне развіцця і функцыянавання мовы ў пэўны перыяд. У нашым даследаванні мы звярнуліся да сямі перакладаў Евангелля паводле Мацвея на сучасную беларускую мову: Луці Дзекуця-Малея і Антона Луцкевіча (Лодзь, 1926–1927; Хельсінкі, 1931; Лондан, 1948; Таронта, 1991) [14]; Вінцэнта Гадлеўскага (Вільня, 1939) [13]; Яна Станкевіча (Нью-Йорк, 1973) [12]; Біблейскай камісіі Беларускай праваслаўнай царквы (далей у тэксце – Экзархат)

(Мінск, 1991; 2007) [11]; Васіля Сёмухі (Мінск, 1995, 2002) [10]; Міхася Міцкевіча (Мічыган, ЗША, 1998) [6]; Уладзіслава Чарняўскага (Мінск, 1999; 2003) [5]. У кожным з перакладаў было даследавана па 150 вершаў, якія супастаўляліся з грэчаскім рэканструяваным “тэкстам большасці” (II ст.) [18] і з лацінскай Вульгатай (405), зацверджанай на Трыдэнцкім саборы 1546 г. [17]. Праведзеная работа дасць магчымасць атрымаць адказ на надзвычай актуальнае ў беларускай граматыцы пытанне: якім спосабам адбываецца перадача дзепрыметных зваротаў на беларускую мову; таксама даследаванне дазволіць высветліць, наколькі моцнай зонай варыянтнасці для перакладаў з’яўляюцца гэтыя слоўныя спалучэнні. Варта адзначыць, што названае пытанне актуальнае не толькі для беларускай лінгвістыкі, так, І.І. Лапуцкая адзначае, што “тэма “Дзепрыметнік” – адна з самых складаных тэм рускай граматыкі” [9, с. 256].

Асабліва шмат пытанняў выклікае перадача дзепрыметнікаў незалежнага стану цяперашняга часу, якія маюць суфіксы – *уч-* (*-юч-*) і *-ач-* (*-яч-*), і па прычыне аманіміі з дзепрыслоўямі ў літаратурнай мове іх ужыванне абмежаванае, што адзначаецца з рознай ступенню катэгарычнасці ва ўсіх даследаваннях апошняга стагоддзя, пачынаючы ад “Беларускай граматыкі для школ” Браніслава Тарашкевіча (1918 г.) і да “Кароткай граматыкі беларускай мовы” (2007 г.) [2, с. 102; 1, с. 377; 1, с. 188; 8, с. 230]. У грунтоўнай працы “Дынаміка літаратурнай нормы сучаснай беларускай мовы” (2015) падкрэслена, што замена дзепрыметнікаў даданымі азначальнымі “стала нормай” [4, с. 187].

Дзепрыметнікі незалежнага стану цяперашняга часу з суфіксамі *-уч-* (*-юч-*) і *-ач-* (*-яч-*) зрэдку заўважаюцца толькі ў перакладзе Дзекуця-Малей, але гэта абумоўлена часам стварэння перакладу, калі нормы беларускай літаратурнай мовы яшчэ не мелі належнай распрацоўкі.

Дзекуць-Малей выкарыстоўвае дзепрыметнік на *-уч-* (*выходзячым*), ужыванне якога ў сучаснай мове не пажаданае з-за аманіміі з дзепрыслоўнымі формамі. У астатніх перакладах лексема *ἐκτορεῖσθαι* ‘выходить, отправляться’ [3, с. 72] заменена даданым азначальным (*якое зыходзіць, паходзіць* і інш.) (Мц. 4.4 – *але і кожным словам, якое паходзіць з вуснаў Божых*¹).

Дзепрыметнік *πενθοῦντες* ‘печалиться, горевать, скорбеть’ [3, с. 164] перакладаецца ў Гадлеўскага (як і ў Вульгаце) праз апісальнае спалучэнне *каторыя плачуць* (*qui lugent*). Экзархат, Сёмуха, Чарняўскі таксама ўжываюць спалучэнне займенніка з дзеясловам (*што плачуць*), Дзекуць-Малей, Міцкевіч – дзепрыметнік *плачучыя* (Мц. 5.4 – *шчасныя тыя, што плачуць*).

Дзепрыметнік, адпаведны *βεβλημένῃν* (‘бросать, кидать, швырять, класть, вставлять, помещать’ [3, с. 44]), лац. *iacentem*, перадаецца праз даданы азначальны ў Станкевіча, Экзархата, Сёмухі, Чарняўскага (*убачыў цешчу яго, што ляжала ў гарачцы і пад.*). Дзекуць-Малей і Гадлеўскі пакідаюць ў перакладзе адпаведна словаформы *ляжучы* і *ляжачую*. Міцкевіч выкарыстоўвае прыметнік *хворую* (Мц. 8.14).

Экзархат, Сёмуха, Міцкевіч, Чарняўскі, у адрозненне ад перакладчыкаў пачатку XX ст, перадаюць форму *περιπατοῦντα* не дзепрыметнікам *ідучага*, а апісальна: *як ідзе, што ідзе* (*ішоў*) ці прыметнікам *пешага*, што больш адпавядае нормам беларускай мовы. Выбар часавай формы: *ідзе* (Чарняўскі), *ішоў* (Сёмуха) залежыць ад таго, акцэнтавалася ўвага на граматычных паказальніках ці змесце сказа. Абодва варыянты можна прызнаць раўнапраўнымі (Мц. 14.26 – *убачыўшы Яго ідучага па моры, вучні спалохаліся і казалі: "Гэта здань!" Ды ад страху закрычалі*).

Разам з тым, у шэрагу выпадкаў нават дзепрыметнікі разглядаемай формы перадаюцца праз дзеясловы ва ўсіх перакладах.

Слова *ἀπάγουσα* ‘вести (о дороге)’ [3, с. 29], (Мц. 7.13 – *бо шырокая брама і прасторная дарога вядзе на згубу*) паўсюдна заменена на дзеяслоў, але ў Дзекуця-Малей (*вядуць*), Станкевіча (*уводзяць*), Экзархата (*вядуць*), Сёмухі (*вядуць*), Міцкевіча (*вядуць*) – у

¹ Тут і далей цытаты прыведзены паводле пераклада Ул. Чарняўскага, калі не пазначана іншае.

множным ліку, паколькі дзеянне адносіцца да двух назоўнікаў, *брама і шлях*; у Гадлеўскага (*вядзе*), Чарняўскага (*вядзе*) – у адзіночным, дзеянне адносіцца толькі да апошняга з іх.

Дзеепрыметнік λέγοντοζ Дзекуць-Малей, Экзархат, Сёмуха перакладаюць спалучэннем *які кажа*, Міцкевіч і Чарняўскі – *які гаворыць* (Мц. 2.15, 2.17).

Перадача дзеепрыметнікаў залежнага стану прошлага часу праз дзеяслоў таксама часам заўважаецца, хаця ў такім выпадку граматыка беларускай мовы не накладвае абмежаванняў.

Напрыклад, дзеепрыметнік, утвораны ад слова κριθῆτε ‘судить’ [3, с. 126] (Мц. 7.1 – *не судзіце, каб вас не судзілі*), перакладаецца дзеепрыметнікам толькі ў двух выпадках: у Дзекуця-Малей (*асуджаны*) і ў Міцкевіча (*суджаныя*). У астатніх перакладах ўжыты адпаведны дзеяслоў *судзілі*.

Гадлеўскі, Станкевіч і Чарняўскі ужываюць апісальную канструкцыю *што нарадзіўся* (Мц. 2.2) замест дзеепрыметніка τεχθεῖς (*народжаны* ў іншых беларускіх перакладах). У дадазеным выпадку змена часцінамоўнай прыналежнасці таксама нічым не абумоўлена.

Адсутнасць адпаведнай дзеепрыметнікавай канструкцыі ў беларускай мове з’яўляецца адной з прычын разыходжанняў у перакладах. Грэчаскаму πῦρεσσοῦσαν (πῦρεσσο ‘быць у горячце’ [3, с. 184], part. praes. act) і лацінскаму *febricitantem* (Мц. 8.14 – *а калі Ісус зайшоў у дом Пятра, убачыў цешчу яго, што ляжала ў гарачцы*) ва ўсіх перакладах адпавядае спалучэнне назоўніка з прыназоўнікам у *гарачцы*. Верагодна, гэта звязана з адсутнасцю блізкага суадноснага паводле граматычнай формы слова ў сучаснай літаратурнай мове.

Замена дзеепрыметніка на назоўнік можа быць адзначана параўнальна нячаста. Так, усе перакладчыкі змяняюць часціну мовы грэчаскага Νυοῦμενος – ужываюць назоўнік *правадыр* (*навадыр* у Гадлеўскага) (Мц. 2.6 – *і ты, Бэтлееме, зямля Юдэйская, нічым ты ня меншая ад памяж сталіцаў Юдэйскіх, бо з цябе выйдзе навадыр, каторы будзе кіраваць народам маім Ізраільскім*).

Дзеепрыметнік φαινομένου (verb. praes. med. part) Дзекуць-Малей, Экзархат, Сёмуха, Міцкевіч перадаюць праз назоўнік *з’яўлен(ь)не*, астатнія – пры дапамозе дзеяслова *з’явілася* (*паказалася*) (Мц. 2.7 – *тады Герод тайком паклікаў магаў і дакладна выведаў час зоркі, якая ім паказалася*). Гэтую змену часцінамоўнай прыналежнасці можна патлумачыць абмежаваным ужываннем дзеепрыметнікаў у беларускай мове.

Усе беларускія перакладчыкі прыводзяць намінант *п’яніца* як апаведнік да μεθυόντων, verb. part. praes. act. (Мц. 24.49 – *і пачне біць таварышаў сваіх, і будзе есці і піць з п’яніцамі*).

Словаформу τελευτήσαντος (verb. aor. act. part.) большасць перакладчыкаў замяняе дзеясловам *калі памёр*, а Дзекуць-Малей прыводзіць спалучэнне назоўніка з прыназоўнікам *на сьмерці* (Мц. 2.19 – *на сьмерці-ж Ірада, вось Ангел Гасподні ў сьне з’яўляецца Язэпу ў Эгіпце*), якое мае вытокі ў жывым гутарковым маўленні.

Падобныя замены адбываюцца ў варыянтах з *просьбаю* (Дзекуць-Малей), *прасіў* (Станкевіч), *папрасіў* (Экзархат, Сёмуха) – адпаведна грэчаскаму παρακαλῶν (part.praes.act.) (Мц. 8.5). Ужыванне дзеяслова ў незакончаным трыванні, як у перакладзе Станкевіча, больш адпавядае арыгіналу, паколькі перадае працягласць (незакончанасць) дзеяння.

Замена на дзеяслоўную канструкцыю з’яўляецца, безумоўна, самым частым спосабам перастварэння. Значна радзей, што ілюструюць прыклады, аўтары звяртаюцца ў гэтым выпадку да дзеепрыслоўных зваротаў.

В. Гадлеўскі і У. Чарняўскі ўжываюць спалучэнні адпаведна *каторыя церпяць праслед дзеля справядлівасці* і *што пераслед церпяць* для перадачы δεδιωγμένοι (ад διωκω ‘праследаваць, гнаць’), verb. part. perf. pass. (Мц. 5.10 – *і часьлівыя, што пераследаваньне церпяць дзеля справядлівасці, такіх бо Каралеўства Нябеснае*),

падобныя выпадкі можна патлумачыць “зваротам да Вульгаты і перакладу Я. Вуйка” [15, с. 252].

Дзекуць-Малей і Станкевіч змяняюць граматычную форму, ужываючы *набірае* (*захапляе*) у форме цяперашняга часу як адпаведнік да словаформы $\sigma\nu\nu\alpha\gamma\alpha\gamma\omicron\upsilon\sigma\eta$ (verb. aor. act. part) (Мц. 13.47 – *яшчэ падобна царства Нябеснае да неваду, закіненага ў мора, што набірае ўсякага роду рыбы* (Дзекуць-Малей)). Станкевіч перакладае $\alpha\tau\epsilon\lambda\theta\omega\nu$ ‘ходіць, уходзіць, отправляється’ [3, с. 31], part. aor. act., праз дзеепрыслоўе *адыйшоўшы*, астатнія – праз дзеяслоў *пайшоў*. Абодва варыянты правільныя, паколькі захоўваецца граматычная часавая форма (Мц. 13.46 – *каторы, знайшоўшы адну дарагую перлу, адыйшоўшы, прадаў усе, што меў, і купіў яе* (Станкевіч)). Дзеепрыметнік $\alpha\nu\alpha\beta\iota\beta\acute{\alpha}\sigma\alpha\nu\tau\epsilon\varsigma$ (verb. aor. act. part.) Чарняўскі замяняе аналагічнай формай *выцягнуўшы*, іншыя перакладчыкі – дзеясловам *выцягнулі*; слова $\kappa\alpha\theta\iota\sigma\alpha\nu\tau\epsilon\varsigma$ (verb. aor. act. part.) усе перакладчыкі замяняюць на *пасеўшы*. Приведзеныя варыянты з’яўляюцца эквівалентнымі, паколькі захоўваецца форма часу (Мц. 13.48 – *калі ён поўны, дык, выцягнуўшы яго на бераг ды сеўшы, добрае адбіраюць у посуд*).

Дзеепрыметнік $\lambda\acute{\epsilon}\gamma\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$ Дзекуць-Малей, Станкевіч, Экзархат, Сёмуха перакладаюць дзеясловам *казалі*, Гадлеўскі – *сказалі*, Міцкевіч – *гаварылі*, Чарняўскі – дзеепрыслоўем *кажучы*. Дзеепрыметнік $\kappa\tau\iota\sigma\alpha\varsigma$ ‘создавать, творить’ [3, с. 127] (verb. aor. act. part) Дзекуць-Малей, Гадлеўскі, Станкевіч, Чарняўскі замяняюць спалучэннем займенніка з дзеясловам *той, хто (каторы) стварыў*, Экзархат, Сёмуха – намінацівам *Творца*, Міцкевіч – *Стварыцель* (Мц. 19.4 – *а Ён, адказваючы, гаворыць: «Ці не чыталі вы, што Той, Хто стварыў чалавека напачатку, мужчынай і жанчынай стварыў іх»*). Можна адзначыць гэтыя варыянты як раўнаваартасныя спосабы перакладу.

Высновы

Праведзенае даследаванне на матэрыяле перакладаў, якія з’яўляліся на працягу стагоддзя, ілюструе паступовы этап адмаўлення ад формаў дзеепрыметнікаў незалежнага стану цяперашняга часу з суфіксамі *-уч/-юч-, -ач/-яч-*. Гэтыя формы ўжываліся найбольш часта ў першым перакладзе на сучасную беларускую мову, які выканалі Лука Дзекуць-Малей і Антон Луцкевіч, але і там гэта не адбывалася паслядоўна. Пераклады канца ХХ – пачатку ХХІ стагоддзя сведчаць, што адмаўленне ад адпаведных формаў замацавалася ў якасці нарматыўнага. даследаванне ўскосна пацвярджае і нашу ранейшую выснову, што “найбольшая колькасць граматычных змен звязана з перакладам дзеясловаў і іх форм” [16, с. 3]. Самым прадуктыўным шляхам перакладу дзеепрыметных зваротаў з’яўляецца замена на адпаведны дзеяслоў (радзей – на дзеепрыслоўе). Замена на назоўнік патрабуе ад перакладчыкаў большай стараннасці і дакладнасці, бо ў гэтым выпадку павялічваецца рызыка аддалення ад арыгіналу, таму гэты спосаб фіксуецца даволі рэдка.

Літаратура

1. Беларуская граматыка: у 2 ч. – Ч. 1: Фаналогія, Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск. – Мінск: Навука і тэхніка, 1985. – 431 с.
2. Граматыка беларускай мовы : у 2 т. – Т. 1: Марфалогія. – Мінск: Выд-ва Акад. навук БССР, 1962. – 540 с.
3. Греческо-русский словарь Нового Завета: пер. «Краткого греческо-английского словаря Нового Завета» Б.М. Ньюмана. – М.: Рос. библ. о-во, 1997. – 238 с.
4. Дынаміка літаратурнай нормы сучаснай беларускай мовы / Н.П. Еўсіевіч [і інш.] ; навук. рэд. В.П. Русак. – Мінск: Беларус. навука, 2015. – 440 с.
5. Евангелле паводле Мацвея // Новы Завет. – Мінск: Бібл. т-ва ў Рэсп. Беларусь, 2003. – 304 с.
6. Евангеліе паводле Мацвея // Мацвея і Марка Евангеліе. – Michigan: Grand Rapids, [1998]. – 121 с.
7. Евангелія паводле сьвятога Мацвея // Сьвятая Біблія. – Нью Ёрк: [б. в.], 1973. – 840, 260 с.

8. Кароткая граматыка беларускай мовы. У 2 ч. – Ч. 1. Фаналогія. Марфаналогія. Марфалогія. – Мінск: Беларус. навука, 2007. – 351 с.
9. Лапуцкая И. И. Способы оптимизации изучения причастия в курсе русского языка как иностранного // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. – Омск: ООО "Издательство Ипполитова", 2018. – С. 256–261.
10. Паводле Мацьвея Сьвятое Дабравесьце // Новы Запавет і Псалтыр. – Мінск: Бацькаўшчына, 1995. – 499 с.
11. Сьвятое Дабравесьце паводле Матфея // Евангеліе Госпада нашэго Ісуса Хрыста: на чатырх яз.: элін., славян., рос. і беларус.: с паралельнымі месцамі. – Мінск: Беларус. Экзархат, 1991. – 235 с.
12. Сьвятая Эванэлія Езуса Хрыста паводле Матэуша // Чатыры Эванэліі. – Гродна: Гродзен. Рым. Катал. Дыяцэзія, 1998. – 120 с.
13. Паводле Мацьвея Сьвятое Эвангеліе // Новы Запавет Госпада нашага Ісуса Хрыста. – Лондан: Брыт. і замеж. бібл. т-ва, 1948. – 93 с.
14. Тарашкевіч Б. Беларуская граматыка для школ [1918]. – Мінск: Нар. асвета, 1991. – 133 с.
15. Фурс В.У. Асноўныя тэндэнцыі пры перакладзе біблейных фразеалагізмаў на сучасную беларускую мову // *Obraz světa v jazyce a frazeologii II – Picture of World in a Language and Phraseology*. – Praha: Univerzita Karlova, 2021. – С. 245–254.
16. Фурс В. У. Сучасныя беларускія пераклады Евангелія паводле Мацьвея: характар і фактары варыянтнасці выкладаў аднаго зместу ў тэкстах розных тыпаў: аўтарэферат дысертацыі на атрым. вучон. ступ. канд. філалагічных навук: па спец. 10.02.01 – беларуская мова. – Мінск, 2009. – 22 с.
17. *Biblia Sacra Vulgata: editionis Sixti V. et Clementis VIII Pont. Max. Jussu recognita atque edita*. – Roma: Typis S.C. de Propaganda Fide, 1886. – 936 p.
18. *Τὸ Κατὰ Ματθαῖον Ἀγιὸν Εὐαγγέλιον* // Евангеліе Госпада нашэго Ісуса Хрыста: на чатырх яз.: элін., славян., рос. і беларус.: с паралельнымі месцамі. – Мінск: Беларус. Экзархат, 1991. – 235 с.

References

1. Belarusian grammar: in 2 parts – Part 1: Phonology, Orthoepy. Morphology. Word formation. Pressing. – Minsk: Navuka i tekhnalogiya, 1985. – 431 p.
2. Grammar of the Belarusian language: in 2 volumes – Vol. 1: Morphology. – Minsk: Acad. navuk BSSR, 1962. – 540 p.
3. Greek-Russian dictionary of the New Testament: trans. "Short Greek-English Dictionary of the New Testament" of B.M. Newman. – M.: Ros. bibl. ob-vo, 1997. – 238 p.
4. Dynamics of the literary norm of the modern Belarusian language / N.P. Evsievich [et al.]; Scienc. ed. V.P. Rusak. – Minsk: Belarus. navuka, 2015. – 440 p.
5. The Gospel of Matthew // New Testament. – Minsk: Bibl. t-va u Resp. Belarus, 2003. – 304 p.
6. The Gospel of Matthew // Matthew and Mark Gospel. – Michigan: Grand Rapids, [1998]. – 121 p.
7. The Gospel of St. Matthew // Holy Bible. – New York: [w. e.], 1973. – 840, 260 p.
8. Short grammar of the Belarusian language: in 2 parts – Part 1. Phonology. Morphology. – Minsk: Belarus. navuka, 2007. – 351 p.
9. Laputskaya I. I. Ways to optimize the study of the participle in the course of the Russian language as a foreign language // Problems of modernization of modern higher education: linguistic aspects. – Omsk: ООО "Izdatelstvo Ippolitova". – Omsk, 2018. – P. 256–261.
10. According to Matthew, the Holy Gospel // New Testament and Psalms. – Minsk: Batskaushchyna, 1995. – 499 p.
11. The Holy Gospel according to Matthew // The Gospel of our Lord Jesus Christ: in four languages: Hellenic, Slavic, Russ. and Belarus.: with parallel places. – Minsk: Belarus. Exarchate, 1991. – 235 p.

12. The Holy Gospel of Jesus Christ according to Matthew // Four Gospels. – Grodno: Grodzen. Rym. Catal. Dyjaceziya, 1998. – 120 p.
13. According to Matthew the Holy Gospel // New Testament of our Lord Jesus Christ. – London: Bryt. i zamezh. bibl. t-va, 1948. – 93 p.
14. Tarashkevich B. Belarusian grammar for schools [1918]. – Minsk: Nar. asveta, 1991. – 133 p.
15. Furs V.U. The main tendencies in the translation of biblical phraseology into the modern Belarusian language // *Obraz světa v jazyce a frazeologii II* – Picture of World in a Language and Phraseology. – Praha: Univerzita Karlova, 2021. – P. 245–254.
16. Furs V.U. Modern translations of the Gospel according to St. Matthew: character and factors of expositions of the content variance in different text types: abstract of the dissertation scient. Degree Cand. of Philological Sciences: on spec. 10.02.01 – Belarusian language. – Minsk, 2009. – 22 p.
17. Biblia Sacra Vulgata: editionis Sixti V. et Clementis VIII Pont. Max. Jussu recognita atque edita. – Roma: Typis S.C. de Propaganda Fide, 1886. – 936 p.
18. The Holy Gospel according to Matthew // The Gospel of our Lord Jesus Christ: in four languages: Hellenic, Slavic, Russ. and Belarus.: with parallel places. – Minsk: Belorus. Exarchate, 1991. – 235 p.

РАЗДЕЛ 3. ЛИНГВОДИДАКТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРА

УДК 81

ЛИНЕЙНОЕ И ОБЪЁМНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: О НОВЫХ СПОСОБАХ ПОЛУЧЕНИЯ ЗНАНИЙ

В.К. Харченко

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и русской литературы ФГАУО ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет, город Белгород. E-mail: wera_kharchenko@mail.ru

Выступая перед слушателями с лекцией «Жёстко про цифровую эпоху: мир слетел с катушек» профессор Т.В. Черниговская назвала несколько особенностей современной жизни – жизни третьего десятилетия XXI века. Это цифровизация общества, его глобализация, жидкий мир, когда ты не знаешь, с кем конкретно общаешься: в соседней ли комнате этот человек или где-то в Гималаях. Мир перестал быть человекомерным: наносекунды, нанометры, ни одно живое существо так не живёт. Бесконечность просматривается не только впереди нас, но и в обратном направлении. Новый мир битком набит копиями, вариантами, и у нас нет возможности отличить правду от вымысла, подделку, копию от оригинала. Далее, происходит сумасшедшее ускорение ВВП с массой вопросов и главным вопросом: зачем это нужно? [Черниговская <https://www.youtube.com/watch?v=yh159P-hAh0>]. Вот почему сейчас, как никогда, важно слушать великую музыку, читать великие книги, думать над серьёзными проблемами. Это не означает, что нужно наращивать количество прочитанных книг, это говорит о том, что нужно многому учиться, нужно уметь *сложно читать*! В сложившейся ситуации мы не должны упрощаться, как это сейчас иногда происходит [Черниговская <https://www.youtube.com/watch?v=Zda7-SQMfEU>].

Итак, мы пересказали некоторые моменты из двух лекций профессора Т.В. Черниговской. Пересказали с заведомой целью: нам нужно ответить на вопрос: как сказывается всё вышеизложенное на образовании. Памятно время, когда советское образование было строго линейным: вся страна учила тот (или иной) параграф и выполняла те (или иные) упражнения. В этой линейности был хороший смысл, и наше образование весьма котирировалось. Но мир изменился, и сейчас, тем более в эпоху пандемии, образование должно тоже измениться, но возникает вопрос: в какую сторону, каким образом оно будет меняться, в каком направлении?

Здесь важно понять, важно уяснить цель образования. Зачем ребёнок идёт в школу или, как сейчас иногда, не идёт, а у компьютера выполняет задания, требуемые по программе? Мы скачали из интернета «ВКонтакте» от 8 сентября 2021 года признание кандидата наук А.А. Павловой, имеющей четверых детей и обучающей деток дома. Лев уже поступил в вуз, Жень и Маша занимаются дома, а у Аркадия всё ещё впереди, ему только два года.

«Что для меня главное в обучении? Знаете, чему я радуюсь больше всего? Может, тому, что ребенок решил сложную задачку? Или тому, что догадался, как ещё можно решить пример? Или тому, что написал без единой помарки?

Нет, больше всего меня радует ИНИЦИАТИВА. Когда: «Мама, проверь, я себе примеры придумала и решила», «А давай ещё почитаем про фразеологизмы», «Мы что-то давно с тобой по-английски не говорили», «Я уроки рисования нашла, смотри, как получилось». Это Маш[а]. Женька пишет рассказы, составляет ленты времени, смотрит видео по истории и английский сериал, пишет сочинения и читает, к бабушкам ездит заниматься, папу всё время просит рассказать что-то интересное по истории. Примерно то же у Льва было, когда дома учились.

В общем, если создаёт что-то, чего точно не может дать школа, то это именно инициатива. После 6 уроков и выполнения да ни один ребенок не говорит: «А давай ещё решать, я не устала». Даже если и правда не устала. Просто есть четкое задание, оно выполнено, зачем ещё что-то?

ПРОЦЕСС ПОСТИЖЕНИЯ МИРА надо именно любить, только тогда он имеет смысл. А иначе зачем? Родители иногда так пытаются доказать ребенку, что надо учиться, но он все аргументы отбивает с ловкостью теннисиста: я и без этого проживу, кому нужны эти логарифмы, компьютер проверит, калькулятор посчитает, зарабатывать можно и на ютубе... И нечего возразить. И только если тебе интересно: как же это всё вокруг устроено и работает, то обучение в радость и приносит результат».

Мы выделили крупными буквами самые главные слова: инициатива, процесс постижения мира. И, согласимся, приведённый пример, скорее всего, не единственный пример подобной учёбы. Новый подход к знанию пробивает себе дорогу. В Санкт-Петербурге есть школа «Апельсин», где работает директором и преподаёт Дима Зицер – талантливый педагог с первым режиссерским образованием. В этой школе нет отметок, все дети учатся с охотой. Почему же так происходит, какие принципы действуют в этой школе? Дима Зицер выделил пять принципов (подробнее см.: [Зицер 2021]). Во-первых, это субъективность. Действия на уроке происходят не так, как обычно, когда учитель – субъект, а весь класс – объект: *Пишите... Смотрите... Почему ты не пишешь?* Нет, ученик – такой же субъект, как и учитель, они действуют на равных. Во-вторых, личное мнение, учёт личного мнения. Не нравится ученику предмет – значит, надо что-то менять, вдумчиво разобраться, почему не нравится. В-третьих, это выбор. В школах 50-летней давности выбора не было. Вспоминается в связи с этим афоризм: «Выбор – наша божественная привилегия» (Г. Аксенов). Какой великолепный эпитет «божественная» о привилегии! Ученик может выбирать, что ему по душе, что интереснее. Четвёртый принцип – это взаимодействие ученика и учителя, ученика и предмета познания, ученика с другим учеником. Наконец, пятый принцип школы – это исследование. И вспоминается ещё один афоризм – афоризм из Беллы Ахмадулиной: «...Мукою земною / Зову лишь то, Что не воспето мною, / Всё прочее блаженством я зову». Действительно, не в этой аудитории вести речь о том, какое блаженство (да-да!) дарует тебе то, что ты уже исследовал! Но ведь и дети тоже могут ощущать подобное блаженство.

В приведённом выше «домашнем» примере реализованы изложенные принципы, реализуются они и в некоторых семьях, школах, институтах. Образование становится не линейным, а объёмным, личностным, и это надо упрочивать, усиливать. Скажем острее: надо в идеале сочетать линейное образование с объёмным образованием. Какую-то часть знаний ребёнок должен выучить. Т.В. Черниговская чётко произнесла: «Образование подразумевает некоторую долю принуждения, если не сказать насилия. Моцарт, Бетховен, их же по пальцам били. Ребенка надо любить, но это не значит обмазать его джемом. Если мы родили ребенка, то наша задача узнать, кто он: быстрый или медленный, интроверт или, наоборот, любит компанию. Если в какие-то кружки ходить для него – это пытка, значит, лучше убрать эти кружки, заменив их другими. Музыка? Рисование? Профессионал должен сказать здесь свое слово, «у них же есть нюх, щупы такие», но с другой стороны, они же с ребенком не живут. Если ребенка любят, то родители должны разглядеть, что ему нравится» [Черниговская <https://www.youtube.com/watch?v=Zda7-SQMfEU>].

Павел Флоренский писал из концлагеря сыну: «Научился ли ты читать по-немецки? Как было бы хорошо, если бы поскорее ты дошёл до возможности читать любую книгу. Думаю, это будет скоро, так как трудны первые шаги, и кроме того скучны, а далее делается всё легче и всё интереснее» [Флоренский 1998]. Во всяком действии есть доля принуждения, но потом всё будет получаться, как на автомате. Мысль эта старинная, но ценность её сейчас возрастает. «В Царствие Небесное можно следовать только одним путём: вот – то, что ты можешь. И вот к этому «то, что ты можешь», надо прибавить ещё чуть-чуть то, что уже «сверх твоих сил». Так вот эта разница между тем, что ты всё-таки сделал сверх твоих сил, и тем, что ты можешь, – только это и есть путь в Царствие Небесное. Потому что если ты делаешь только то, что ты можешь, значит, ты себя не понуждаешь, а Царствие Небесное нудится. И только те, кто употребляют усилие, восхищают его» [Смирнов 1995].

Начинать лучше с себя. Если сами мы читаем, размышляем, задумываемся – значит, и наши дети будут становиться такими же.

Когда и как готовить учителей к «объемной», личностной, высоко профессиональной работе? Есть магистерское образование, в частности, оно и открывает нам свои карты. Например, такое задание написать историю своего рода. Здесь и личное мнение, и субъективность, и взаимодействие, и исследование. Есть и немного соревнования: кто лучше напишет. Потом можно зачитать тексты вслух. «В своих письмах детям я нарочно рассказываю всякую всячину из того, что слышу от очевидцев: мне думается, что впечатления очевидцев ярче и полнокровнее, чем книжные сообщения, да и к тому же многие мелкие, но характерные, подробности из книг извлечь не удастся» [Флоренский 1998]. Так и в родословных, где есть подробности, «расколдовывающие историю» (Ю.К. Олеша). Этот интерес к собственной истории чрезвычайно важен. В письме сыну Кириллу П. Флоренский писал, что надо «сделать дедов близкими себе, и живо представлять их, и почаще вспоминать. Это и ваш долг, и ваш расчет, ибо жить с пустотою в прошлом скучно и некультурно» [Флоренский 1998]. Приведём всего лишь один фрагмент из семейной родословной, поразивший нас в свое время, а ведь это не художественный текст, это из сферы семейной документалистики.

Прабабушка Патрихалина Ульяна Марковна – дочь купца-лавочника, происхождением – с территории Западной Украины (по другим данным – Польши), была человеком глубоко верующим (даже при Советской власти), за что часто страдала. Обладала силой слова Божьего – была народным целителем. Всю жизнь занималась знахарством и лечением при помощи молитв и трав. Воспитала достойными людьми одиннадцать детей. Сохранила семью в период голода 1933 года (никто не умер от голода). В 1941 году отправила на фронт четверых сыновей. Каждому дала по иконке («Иисус-спаситель»). Все четверо вернулись в 1945-1946 целыми и невредимыми (А.П.)

Возможно и другое задание, тоже не совсем привычное. «Недавно критики восстонали, что из современной словесности исчез пейзаж» [Давыдов 2019]. Предложим студентам: покажите это на примерах и – попробуйте написать пейзаж сами. Например, из того, что вам запомнилось в детстве.

Подбираем парадоксальные цитаты, их можно и не использовать, но знать надо. Язык связан с ландшафтом. В Армении гористая местность и слова – тоже гористые. А в Эстонии равнинная местность. Там такие слова: сааремаа... Северные языки протяжные. К югу ускоряются (В. Токарева. Я есть. Ты есть. Он есть) [Токарева 1991].

П.А. Флоренский советует сыну Василию всматриваться в пейзажи и наблюдать стиль пейзажа, развивать чувство пейзажа – характеризовать его отдельными штрихами, несистематичным перечнем отдельных, всплывающих в сознании признаков, а затем постепенно сращивая эти признаки в единое описание типа. Гёте обладал такой способностью видеть тип наблюдаемого, в исключительной степени [Флоренский 1998].

Интересно прослеживается связь биографии и пейзажа. На эту мысль нас натолкнуло признание профессора П.А. Ольхова 31 октября 2016 года. Приведём с разрешения профессора небольшой отрывок из разговора: «Биография вообще пейзажна. Напиши биографию – и я узнаю о тебе всё! Но ведь пишут или плакатно, или пафосно. Посмотрите в окно. Что вы видите? Дерево. Дерево и всё? Буксует язык!». Что значит биография «пейзажна»? А то, что она, как и пейзаж, связана с родиной человека. «Этот смысл таится в этимологии французского слова», – поясняет Павел Анатольевич.

На своих занятиях проф. П.А. Ольхов учит студентов философского отделения *медленному* чтению. Дактиль, оказывается, напоминает... вальс: *Туч-ки не-бес-ные веч-ные стран-ники...* Так по-новому раскрывается великое чудо русской литературы. «Читайте медленно, – говорит учитель – и вы увидите многое из того, что не замечали при обычном, скоростном чтении».

Мы чувствуем, как нарастает наше знание, оно становится объёмным, интересным, зовущим?

На историко-филологическом факультете доцент Г.И. Пашкова при преподавании методики русского языка прибегает к составлению синквейнов. Студенты должны почувствовать ритм урока и выразить его в слове. Приведём примеры из интернета: *Осень. / Дождливая, разноцветная. / Приходит, дарит, готовит. / Унылая пора, очей очарованье. / Запасаха.* Первое слово – существительное, потом идут два прилагательных. Потом три глагола, потом – мнение учащегося об осени, цитата, крылатые слова. И, наконец, итоговое слово, обобщающее существительное, которое выражает личное мнение. *Бабочка. / Легкая, красочная. / Порхает, удивляет, улетает. / Появляется из обычной гусеницы. / Насекомое.*

Соответственно работа над «открытыми формами занятий» украшает уроки. Открытые формы занятий – это игра, где знания добываются самостоятельно. «Работа над «походным» диктантом проходит следующим образом. Текст вывешивается в разных местах класса. Ученик должен тихо, никому не мешая, подойти к тексту, прочитать и запомнить часть его, вернуться на место и записать то, что запомнил. Затем опять подойти к тексту и т.д. Написав диктант, школьник берет лист с текстом и сверяет его с тем, что написал. Ученикам могут быть предложены либо одинаковые, либо разные тексты. Ценность этих диктантов в том, что дети пишут их сами, без учителя. При этом концентрируется внимание школьников, развивается их зрительная память, осуществляется самоконтроль. Некоторые задания предполагают составление «свободных текстов» (стихотворений, рассказов, историй). Они служат одновременно задачам обучения правописанию и развитию речи» [Пашкова 2004].

Учитель должен при этом уметь ждать, верить в способности ребенка, не снимать ответственности с ученика при первых же трудностях обучения, не лишать учащихся самоконтроля. Некоторые задания предполагают составление «свободных текстов» (стихотворений, рассказов, историй). Они служат одновременно задачам обучения правописанию и развитию речи. *Ивушка. Зеленокудрая / Тонкая ивушка, / Ты склонилась задумчиво. / Я люблю твою нежность. / Любуюсь!* [Пашкова 2004].

Особый интерес представляют занятия профессора Т.Ф. Новиковой, на деле пытающейся соединить язык и литературу, то есть преподавать русскую словесность. Студентам предлагается выбрать слово из контекста и с этим словом провести большую работу. Во-первых, рассказать что-то интересное о слове. Во-вторых, подобрать видеоряд. В-третьих, прочертить связи с другими писателями, не только с обозначенным автором. И в итоге подготовить уникальное выступление с демонстрацией экрана перед своими товарищами. Мы присутствовали на таком занятии. Студенты брали слова, и слова начинали «звучать». Даже если взять такое всем привычное слово, как «берёза», то контекст может нас выручить, и слово заиграет своими новыми красками. *«Ох, вы мои хорошие!.. И стоят себе: прижухлись с краешку и стоят. Ну, что, дождались? Зазеленели... – Он ласково потрогал берёзку. – Ох, ох, нарядились-то! Ах, невестушки вы мои, нарядились. И молчат-стоят»* [Шукшин 1991].

Мы присутствовали и на открытом занятии проф. Т.Ф. Новиковой 21 декабря 2006 года. Предмет «Актуальные проблемы филологии». Тема занятия – «Филология как искусство». Преподаватель советовал находить в тексте логоэпистему: известное – новое – неизвестное: И – Н – Н. Это уже увлекательный поиск нового. Ни к одному нюансу содержания нельзя относиться равнодушно. На занятии анализировались... знаки препинания в классическом тексте: *«Мой дядя самых честных правил...»*. Татьяна Фёдоровна рассказала, как в Пушкинском доме им дали посмотреть истинные рукописные тексты: «Пинцетом открывали, тряпочка, марлечка, папиросная бумага, не дышите, там температура особая!». «Я получила оглушительное впечатление», – признавалась Татьяна Фёдоровна. – У Пушкина – взрыв! Энергия! У Лермонтова – детский, беззащитный почерк, поэт всё вынашивал с детства. У Гоголя – красивый «до бесподобия» почерк... Как говорил А.А. Потебня, никогда не знаешь, какое знание понадобится филологу, искусство филолога – это искусство проникновения в текст. Смысл филологии не в том,

чтобы познать непознанное, а в том, чтобы познать познанное. Во всяком художественном произведении язык отражается трояко: как живая речь, как литературная норма и как произведение искусства». Объёмное знание? Конечно! Знание, благодаря которому тебе захотелось заглянуть в текст, «проверить» полученные сведения.

Перед входом в старый корпус Белгородского государственного национального исследовательского университета есть площадка нобелевских лауреатов по литературе: И.А. Бунина, М.А. Шолохова, А.И. Солженицына, Б.Л. Пастернака и И.А. Бродского. Но как сделать, чтобы памятники работали, «жили»? И доцент Е.А. Ширина придумала посвящать тому или иному автору... квесты. Студенты выходят к памятнику и читают стихи, отрывки из прозы, афоризмы, рассказывают фрагменты биографий. О да! Мы ценим Ивана Бунина как творца уникальной прозы, но не мешает нам прислушаться к афоризмам писателя или к мыслям, близким к афористическим. *Старики и старухи жили в Выселках очень подолгу, – первый признак богатой деревни, – и были все высокие, бодрые и белые, как лунь (И. Бунин). В сущности, все мы, в известный срок живущие на земле вместе и вместе испытывающие все земные радости и горести, видящие одно и то же небо, любящие и ненавидящие в конце концов одинаковое и все поголовно обречённые одной и той же казни, одному и тому же исчезновению с лица земли, должны были бы питать друг к другу величайшую нежность...* (И. Бунин). Прохожие останавливаются, слушают. Всё готовится студентами заранее по собственному выбору, а в целом получается эмоциональный урок, эффект которого сохраняется на долгие годы.

Ещё одно мероприятие – «Венок Пушкину: 1837 – 2017». Как организовали его 18-20 марта 2017 года? Было три этапа: чтение наизусть стихов или отрывков из прозы великого поэта (первый этап), второй этап – написание блиц-эссе по одному из произведений последних лет жизни А.С. Пушкина. И наконец, публичное выступление с исследованием аспекта творчества поэта (третий этап). Каждое действие оценивалось по 10-балльной шкале составом жюри. Победители награждались (через какое-то время) поездкой в Пушкинские горы. Обращаем внимание на состав участников. Они все должны быть задействованы во всех трех конкурсах. Эффект от такой работы был очень сильный. И здесь же значимо было и проведение небольшого исследования творчества поэта. Представим некоторые темы: «Творческое взаимодействие пушкиниста А.И. Гессена и художницы Н.К. Рушевой», «Своеобразие образов небесных светил в лирике А.С. Пушкина», «В.В. Маяковский и С.А. Есенин в борьбе за место рядом с А.С. Пушкиным», «Воспоминание в структуре произведений А.С. Пушкина». «Полемика В.В. Набокова с Б.В. Томашевским в комментариях к “Евгению Онегину” (к вопросу о дешифровке десятой главы)».

Кстати, об оценках. Членам жюри раздавались листки, в них были не баллы, а описание оценок, придуманное доцентом Е.А. Шириной. Представим этот список. Оценивание всех трёх конкурсов проходит по универсальной схеме. Абсолютно соответствующая всем требованиям работа оценивается на пятерку – 19-20 баллов. Работа добросовестная, самостоятельная, в целом качественная, но с недочётами разного рода соответствует четвёрке – 15-18 баллов. Слабая работа со значительными отступлениями от требований – 10-14 баллов. (Пятёрка) 20 – превосходно (5+), 19 – отлично (5); (Четвёрка) 18 – весьма хорошо (4++ или 5-); 17 – очень хорошо (4+); 16 – хорошо (4); 15 – достаточно хорошо (4-). (Тройка) 14 – весьма удовлетворительно (3+ или 4-); 13 – удовлетворительно (3); 12 – посредственно (3-); 11 – довольно слабо (3- -); 10 – совсем слабо (3- - -).

Внимание к слову – такой подход означает, что образование становится объёмным. Слово великолепно визуализирует действительность. Не случайно такое внимание отводится цитатам. «Цитата, подрывая линейное восприятие текста, стимулирует такие интертекстуальные экскурсы читателя-интерпретатора, которые при успешном их завершении приводят не просто к восстановлению целостности смысла текста, но и к его обогащению» [Лукин 2005].

Обратим внимание и на даты: 2017 год – проведение «Венка Пушкину», 2004 год – обобщение опыта работы Г.И. Пашковой в журнале, 2006 год – посещение открытого

занятия проф. Т.Ф. Новиковой. А такие мероприятия, как «квесты» у памятников, да и само открытие памятников охватывало десятилетия. Так что объёмное знание существовало и раньше, но сегодня, сейчас возникла потребность в его систематизации, упрочении в связи с новыми опасностями поверхностного образования, о чем так остро вели речь процитированные в самом начале повествования ученые.

Во всех приведённых примерах есть и полисубъектность, и личное мнение, и выбор, и взаимодействие с материалом и другими участниками, и исследование, то есть те принципы, которые характеризуют неформальное образование, хотя участники таких занятий и не подозревали об этом.

В конце своей передачи по ТВ 1 канал 28 марта 2021 года В.В. Познер рассказывал, что одна добрая женщина, учительница, прислала ему темы сочинений гимназистов XIX века. Вчитаемся? Гимназисты младших классов должны были писать сочинения на темы:

О том, что видела птичка в далеких землях.

История постройки дома и разведения при нем сада.

Великаны и пигмеи лесного царства.

Гимназисты старших классов должны были писать сочинения на темы:

Слово как источник счастья.

Почему жизнь сравнивают с путешествием.

Россия и чужая сторона.

О скоротечности жизни.

О проявлении нравственного начала в истории.

Какие предметы составляют богатство России и почему.

О высоком достоинстве человеческого слова и письма.

О непрочности счастья, основанного исключительно на материальном богатстве.

На чем основывается духовная связь между предками и потомками

[Познер 2021].

Мы не будем говорить, что современный школьник вряд ли справится с подобным интеллектуальным заданием, мы сейчас о другом. Сами формулировки тем сочинений напрямую затрагивают широчайший спектр жизни, той самой, в которую только вступает гимназист. Здесь нет литературных героев, но без них трудно гимназисту раскрывать тему сочинения: своего опыта у него пока еще немного. Так что эти герои подразумеваются и будут проанализированы в сочинениях, наряду с рассуждениями по теме. На острие интереса стоит любовь к родине (*Россия и чужая сторона; Какие предметы составляют богатство России*). Гимназисту предлагается поразмышлять о связи с прошлым (*предки и потомки*), о выборе спутника (*О непрочности счастья, основанного исключительно на материальном богатстве*), о скоротечности жизни (*гимназистам предложено осмыслить даже это!*). Наконец, прекрасно вписывается в тематику сочинений замечательная мысль о ценности слова: *Слово как источник счастья, О высшем достоинстве человеческого слова и письма*. Скажем и так: этика, нравственное начало заждется практически в каждой из девяти тем.

А для маленьких гимназистов дается тема постройки своего дома и разведения при нем сада. Да-да, собственность рождает стремление к порядку, надо знать, как затевался дом, как шло строительство. Имеется в виду и участие, пусть эмоциональное, со стороны самого автора сочинения.

В те годы не стоял вопрос о новом знании, но в этих темах прекрасно представлены и личное мнение гимназиста, и его «исследование» вопроса.

Таким образом, мы не ведём речь о том, что надо бы отказываться от линейного знания, мы говорим, что в идеале нужно совмещать его с объёмным, личностным, «своим» знанием. Такой подход чрезвычайно важен в эпоху пандемии, когда общение учителя с учеником или ученика с классом иногда сводится едва ли не к нулю. Скажем сильнее: объёмное знание открывает участникам самих себя с лучшей стороны, что нельзя не приветствовать. Новый подход к получению знаний, таким образом, пробивает себе дорогу, и будущие учителя, будущие наставники молодёжи готовятся и к такой форме подачи учебного материала.

Литература

1. Зицер Дима. См.: ТВ «Культура». «Правила жизни» 6 сентября 2021 г. См. также: Дима Зицер о современной педагогике. 21 октября 2013 г. <https://www.youtube.com/watch?v=CTS99u4TtpE>
2. Давыдов Георгий. Лотия в море чернил. Тетрадь вторая // Новый мир, 2019, № 9.
3. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. 2 издание, перераб и доп. – М.: Изд-во «Ось-89», 2005. 560 с.
4. Пашкова Г.И. Открытые формы занятий в сочетании с компьютерными технологиями при обучении орфографии // Русский язык в школе, 2004, № 5. С. 13-17.
5. Познер В.В. ТВ, 1 канал, «Познер», 28 марта 2021 г.
6. Смирнов Дмитрий, протоиерей. О Марфе и Марии // Москва, 1995, № 11. С. 195-198.
7. Токарева Виктория. Я есть. Ты есть. Он есть // Виктория Токарева. Повесть. Рассказы. Сказать – не сказать. М.: Слово / Slovo, 1991.
8. Флоренский Павел. Письмо сыну от 25 мая 1935 г. // Священник Павел Флоренский. Сочинения в 4-х томах. Том 4. Письма с Дальнего Востока и соловков. М.: Мысль, 1998. 795 с.
9. Черниговская Т.В. <https://www.youtube.com/watch?v=yh159P-hAh0>
10. Черниговская Т.В. <https://www.youtube.com/watch?v=Zda7-SQMfEU>
11. Шукшин В.М. Я пришёл дать вам волю. Роман. Повести. М.: Художественная литература, 1991.

References

1. Zitser Dima. Sm.: TV «Kul'tura». «Pravila zhizni» 6 sentyabrya 2021 g. Sm. takzhe: Dima Zitser o sovremennoy pedagogike. 21 oktyabrya 2013 g. <https://www.youtube.com/watch?v=CTS99u4TtpE>
2. Davydov Georgiy. Lotsiya v more chernil. Tetrad' vtoraya // Novyy mir, 2019, № 9.
3. Lukin V.A. Khudozhestvennyy tekst: Osnovy lingvisticheskoy teorii. Analiticheskiy minimum. 2 izdaniye, pererab i dop. – M.: Izd-vo «Os'-89», 2005. 560 s.
4. Pashkova G.I. .. Otkrytyye formy zanyatiy v sochetanii s komp'yuternymi tekhnologiyami pri obuchenii orfografii // Russkiy yazyk v shkole, 2004,; 5. S. 13-17.
5. Pozner V.V. TV, 1 kanal, «Pozner», 28 marta 2021 g.
6. Smirnov Dmitriy, protoiyerey. O Marfe i Marii // Moskva, 1995, № 11. S. 195–198.
7. Tokareva Viktoriya. YA yest'. Ty yest'. On yest' // Viktoriya Tokareva. Poves'. Rasskazy. Skazat' – ne skazat'. M.: Slovo / Slovo, 1991
8. Florenskiy Pavel. Pis'mo synu ot 25 maya 1935 g. // Svyashchennik Pavel Florenskiy. Sochineniya v 4-kh tomakh. Tom 4. Pis'ma s Dal'nego Vostoka i solovkov. M.: Mysl', 1998. 795 s.
9. Chernigovskaya T.V. <https://www.youtube.com/watch?v=yh159P-hAh0>
10. Chernigovskaya T.V. <https://www.youtube.com/watch?v=Zda7-SQMfEU>
11. Shukshin V.M. YA prishol vam dat' volyu. Roman. Poves'. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1991.

УДК 81.114

ПЕРСПЕКТИВЫ ОБУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИМ ЯЗЫКАМ В РОССИЙСКИХ ШКОЛАХ

Жердев Владимир Анатольевич
старший преподаватель
Московский международный университет
Москва, Россия / 1962zvan@gmail.com

Макарова Анна Григорьевна
доцент, канд. филол. наук
Московский международный университет
Москва, Россия / anyakon@mail.ru

Аннотация

Авторы статьи приводят обоснование необходимости преподавания родственных славянских языков в российских школах. Это, несомненно, откроет ученикам более «объёмное»

видение родного русского языка. Легкость освоения родственного славянского языка будет способствовать формированию положительной мотивации к изучению иностранных языков вообще. Называются экономические и политические обоснования важности изучения родственных языков на начальном этапе школьного обучения. Мы рассматриваем причины отсутствия должного внимания и даже неприятия этой идеи со стороны ученого и педагогического сообщества. Среди таковых приводятся: отказ или недостаточное использование эффективных интенсивных методов обучения языкам, психологическая и методическая неграмотность учителей и родителей и обучение школьников без учёта их возрастных особенностей. Выдвигается гипотеза о необходимости выяснения порядка обучения школьников славянским языкам с позиций эффективности обучения. В рамках сравнительно-сопоставительного анализа славянских языков предлагается исследовать их алфавит, лексику, грамматику, фонетику, орфографию, пунктуацию, а также использовать критерии переходности и популярности.

Ключевые слова: родственные славянские языки, интенсивное обучение, положительная мотивация, сравнительно-сопоставительный анализ, критерии анализа.

PROSPECTS OF TEACHING SLAVIC LANGUAGES IN RUSSIAN SCHOOLS

Zherdev Vladimir Anatolyevich

senior lecturer

Moscow International University

Moscow, Russia / 1962zvan@gmail.com

Makarova Anna Grigorievna

associate professor, cand. philol. sciences

Moscow International University

Moscow, Russia / anyakon@mail.ru

Abstract

The authors of the article substantiate the need for teaching related Slavic languages in Russian schools. This will undoubtedly open up for Russian students a more in-the-round vision of their native Russian language. The ease of mastering a related Slavic language will contribute to the formation of a positive motivation for learning foreign languages in general. The article provides economic and political rationale for the importance of learning related languages at the initial stage of school education. It considers the reasons for the lack of proper attention to and even rejection of this idea on the part of the academe and pedagogical circles. Among these are: no or insufficient use of effective intensive methods of teaching languages, psychological and methodological illiteracy of teachers and parents, and teaching schoolchildren without taking into account their age characteristics. A hypothesis is advanced about the need to clarify the order of teaching Slavic languages to schoolchildren from the standpoint of the effectiveness of teaching. In view of comparative analysis of Slavic languages, it is proposed to study their alphabet, vocabulary, grammar, phonetics, spelling, punctuation, as well as to use the criteria of transitivity and popularity.

Key words: related Slavic languages, intensive teaching, positive motivation, contrastive analysis, analysis criteria.

Введение

Мысль о том, что вместо бесконечного и непродуктивного преподавания английского языка в современной школе пора преподавать несколько иностранных языков, а начинать преподавание надо со второго класса со славянских языков, высказывается крайне редко. У противников же этой мысли много сторонников. Предлагаем разобраться в причинах такого неприятия, обоснуем необходимость преподавания славянских языков, а также приведём критерии нашего исследования славянских языков с целью определения очередности их преподавания.

Основная часть

Причины непопулярности подхода.

1. Мало кто знает о существовании эффективных методов преподавания и изучения иностранных языков. Поэтому общепринят постулат о необходимости изучать английский язык всю жизнь. На самом деле современные методики преподавания позволяют обучить абсолютное большинство нормальных людей старше 13 лет тому же английскому языку за 60 – 100 учебных часов. За это время можно достичь уровня перевода в синхронном, или хотя бы быстром последовательном режиме на базе 1500 наиболее часто употребляемых слов и всей основной грамматики языка. Согласитесь, что это никак не равно девяти годам в школе, да еще и без гарантий достижения результата.

2. Не понимая, что за время обучения в школе человек может овладеть несколькими неродными языками, родители школьников сознательно ограничивают количество изучаемых детьми языков до одного-двух и стараются выбрать самые «нужные». А такими являются английский язык и, на сегодня, скорее всего китайский. В рамках такого ограниченного выбора у славянских языков вообще нет никаких шансов.

3. Не являясь специалистами в возрастной психологии и педагогике, родители учеников могут не знать, что абстрактное мышление формируется в возрасте приблизительно 11 лет у девочки и 13 лет у мальчика. Овладение грамматикой неславянского языка требует как раз сформированного абстрактного мышления, а овладение грамматикой славянского языка этого не требует, т.к. все грамматики славянских языков схожи с грамматикой русского языка, которая уже сформирована у ребенка на интуитивном уровне.

4. Многие преподаватели английского языка также не знают большинства из того, что перечислено выше из-за низкого уровня современного педагогического образования и малой информированности педагогического сообщества о новых методах преподавания иностранных языков [1]. Часть преподавателей знакомы с интенсивными методами обучения, но предпочитают «плыть по течению» и не пытаются менять привычные шаблоны работы.

Обоснования преподавания славянских языков в российских школах.

1. Изучение родственного славянского языка [2] внесет неоценимый вклад в изучение родного русского языка. Ребенок увидит, как одни и те же корни славянских слов по-разному используются в славянских языках; какова роль заимствований в русском и других славянских языках; как варьируется грамматика, произношение и правила чтения разных славянских языков в сопоставлении с русским [3]. Это даст ученикам объемное «стерео виденье» русского языка, вместо «монокартинки».

2. Знакомство со славянским языком сформирует у ученика интерес к любым иностранным языкам вообще. Изучение славянского языка это постоянный смех на уроке и позитивное настроение. Ну как не посмеяться над тем, что слово «самолет» по-чешски звучит «летак», «стюардесса» – «летушка», а «спасательный жилет» по-польски – «камизолька терапевтова»?

3. Базовым обоснованием с методологических позиций является то, что у учеников будет формироваться правильная система изучения и самообучения иностранным языкам. В конце учебного года ученик сможет переводить в режиме синхронного или быстрого последовательного перевода в объеме 1500 самых употребляемых слов и выражений на базе основной грамматики. Такой конкретный результат сформирует положительную мотивацию к изучению неславянских языков и языков компьютерного программирования. А вожделенный английский язык будет с легкостью усвоен за один год в шестом или седьмом классе средней школы.

4. Экономическое обоснование. Начав с обучения славянским языкам во 2 классе и закончив языками компьютерного программирования в 11 классе, мы дадим стране молодых людей готовых зарабатывать, создавать семьи, быстро переобучаться. Если преподавание других предметов поднимется до такого же уровня, что совсем не трудно, наши дети и внуки будут жить в очень могучей и богатой стране.

5. Политическое обоснование. Россия может снова обрести авторитет не только в образовании, но и во многих других сферах, снова предоставить миру привлекательную модель развития. К тому же изучение славянских языков в России, несомненно, приведет нас к большему взаимопониманию и более позитивным взаимоотношениям с братьями-славянами, чем мы имеем на сегодняшний день.

Убедив скептиков в необходимости перехода на преподавание славянских языков, мы сталкиваемся с вопросом – с какого языка начинать. Поэтому целью запланированного нами исследования является выяснение порядка обучения ученика славянским языкам. И в качестве критериев нашего сравнительно-сопоставительного анализа [4] мы предлагаем следующие:

1. Алфавит. Известно, что славянские языки используют два основных алфавита: кириллицу и латиницу. Поэтому мы предполагаем, что первый славянский иностранный язык должен быть один из языков, опирающихся на кириллицу. Это позволяет сузить круг всех славянских языков, к коим относятся украинский, белорусский, чешский, словацкий, польский, болгарский, сербскохорватский, словенский, македонский) до языков использующих кириллицу, а именно украинского, белорусского, болгарского [5], сербского, македонского или черногорского.

2. Лексика. Другим естественным критерием является отбор по «вокабуляру». Мы планируем выбрать до 1500 самых употребляемых слов в каждом славянском языке на основе современных частотных словарей и сопоставить их с русскими эквивалентами. Это самый простой, но возможно и самый эффективный способ отбора, тем более что учебник будет создаваться на основе именно 1500 самых употребляемых слов.

3. Грамматика [6]. Понятно, что грамматика может существенно повлиять на определение порядка изучения славянских языков. Изначально мы исходим из того, что грамматики славянских языков близки, но при ближайшем детальном изучении и сопоставлении грамматик может выясниться, что это не так.

4. Фонетика. Мы не исключаем того, что и фонетические особенности языка могут повлиять на разработку рекомендаций по изучению славянских языков. Поэтому также необходимо проводить исследование и сопоставление фонетики разных славянских языков.

5. Орфография. Правила чтения английского языка делают его в этом аспекте одним из самых трудных для изучения. Подобное может в разной степени касаться и славянских языков.

6. Пунктуация. Исследование пунктуационных различий между славянскими языками актуально для овладения языками на высоком уровне.

7. Популярность. Данный фактор может оказать решающее значение в выборе изучаемого славянского языка. На сегодня, скорее всего, это чешский язык. Однако необходимо проводить социологические исследования.

8. Переходность. Этот критерий дают нам исследования сербскохорватского языка [7], т.к. язык один, но сербы используют кириллицу, а хорваты латиницу. Это дает уникальную возможность, освоив один язык перейти с кириллицы на латиницу.

Заключение, перспективы исследования. Обосновав методологическую, экономико-политическую и идеологическую актуальность нашего исследования, считаем обучение славянским языкам в школах России очень перспективным направлением работы для отечественной лингвистики и методологии. Наметив рамки исследовательской работы в данной области, авторы призывают российское научно-педагогическое сообщество к ведению дальнейших исследований по сопоставлению разных языковых аспектов родственных славянских языков. Одновременно с этим, необходимо формировать рабочие группы по созданию учебников славянских языков для начальной ступени российского школьного образования.

Литература

1. Ковтун Е. Н. Вузовская филологическая славистика сегодня: проблемы и перспективы // Славянский альманах. Москва: 2015. №1-2. С.410-428
2. Бирилло Н.В., Мацкевич Ю.Ф., Михневич А.Е. Белорусский язык // Языки мира: Славянские языки СПб.: Издательство Нестор-История, 2017.С. 576-624.
3. Узенёва Е.С. Аксиологические исследования славянских языков и культур // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 217–225.
4. Савченко А.В., Хмелевский М.С. Русский язык в славянском мире: «Кто на свете всех труднее?» (сопоставительный анализ славянских языков в аспекте их преподавания) // МИРС. 2019. №1. С. 91-96
5. Узенёва Е.С. Терминология родства в болгарском языке: новые подходы в исследовании // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2018. Т 13. № 3–4. С.221-228

6. Галинская Е. А. О нетривиальных способах экономии грамматических средств в славянском языковом прошлом // Славянское и балканское языкознание: Русистика. Славистика. Компаративистика. – М.: Институт славяноведения РАН, 2019. – С.15-21
7. Ильина Г.Я. Библиография переводов хорватской литературы на русский язык М.: Институт славяноведения РАН, 2016. – 78 с.

References

1. Kovtun, Elena. University philological Slavic studies today: problems and prospects // Slavic almanac. 2015. No. 1-2. P. 410-428
2. Birillo Nikolay, Matskevich, Jozefa, Mikhnevich, Arnold. The Belarusian language // Languages of the world: Slavic languages St. Petersburg.: Publishing house Nestor-Istoriya, 2017. P. 576-624.
3. Uzeneva, Elena. Axiological studies of Slavic languages and cultures // Slavic world in the third millennium. 2020. Volume 15.No. 3-4. P. 217-225.
4. Savchenko, Aleksandr, Khmelevsky, Mikhail. The Russian language in the Slavic world: "What is the most difficult in the world?" (comparative analysis of Slavic languages in the aspect of their teaching) // MIRS. 2019. No. 1. P. 91-96
5. Uzeneva, Elena. Terminology of kinship in the Bulgarian language: new approaches in research // Slavic world in the third millennium. 2018. Volume 13. No. 3-4. P. 221-228
6. Galinskaya, Elena. On non-trivial ways of saving grammatical means in the Slavic linguistic past // Slavic and Balkan linguistics: Russian philology. Slavic studies. Comparative studies. – Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2019. – P.15-21
7. Ilyina, Galina. Bibliography of translations of Croatian literature into Russian Moscow: Institute of Slavic Studies RAS, 2016. – 78 p.

УДК 81

LINGUOKULTUROLOGISCHE ANALYSE VON RUSSISCHEN UND DEUTSCHEN PFLANZENNAMEN

Natalia Kudryavtseva

Dr. phil., Dozentin

Belgoroder Staatliche Forschungsuniversität,
Belgorod, Russland / nkud@bsu.edu.ru

Lydia Khrakhmal

Deutschlehrerin

Lyzeum № 9, Belgorod, Russland /
krakhmal57@mail.ru

Zusammenfassung

Dieser Artikel ist den Problemen des Studiums des linguokulturologischen Aspektes gewidmet. Im Rahmen dieses Artikels werden die lexikalisch-semantischen Gruppen des deutschen biologischen Mikrosystems betrachtet, die durch die Einheit der bezeichneten Denotats vereint sind. Am Beispiel von *Melissa officinalis* wird die Analyse der Nominativeinheiten durchgeführt und eine sehr feine Spezifikation gegeben.

Schlüsselwörter: Pflanzennamen, Nomination, lexikalisch-semantische Gruppe, Heteronyme, Motivationsmerkmale, metaphorische und metonymischer Übertragung

Heteronyme im Bereich des deutschen biologischen Mikrosystems sind lexikalisch-semantische Gruppen (LSG) von Benennungen der Pflanzennamen, die durch die Einheit der Denotation vereint sind und sich durch ihre funktionale und stilistische Identität und emotionale, evaluative und/oder assoziative Merkmale unterscheiden. Wie jedes Feldsystem sollten auch diese LSG ein dominantes, d. h. ein initiales "Referenz"-Lexem haben, das das entsprechende Bezeichnete am deutlichsten und neutralsten benennt. In unserem Fall wird der latinisierte Begriff, bei dem das motivierende Attribut keine Rolle spielt, da die Kenntnis des Begriffs die Kenntnis der wichtigsten Merkmale des Taxons, das ein wissenschaftliches Konzept (Konzept) darstellt, impliziert, als eine solche erste Analyseeinheit bezeichnet.

Diese Lexeme haben eine unmittelbare Bedeutung und erfüllen eine identifizierende (informative, eigentliche denotative/nominative Funktion). Um das Zentrum der LSG sind Nominierungen gruppiert, die einen unterschiedlichen Grad an Nähe zu Kernbegriff aufweisen, die entweder absolute oder partielle Synonyme der "Kern"-Nominierung sind und in den meisten Fällen nicht austauschbar sind, da sie unterschiedliche Merkmale des nominierten Objekts benennen und unterschiedliche rationale, emotionale und bewertende Einstellungen der Gesellschaft oder einer bestimmten sozialen Gruppe zu der entsprechenden Pflanzenart widerspiegeln (oft basieren solche Nominierungen auf "naiven", "alltäglichen" Konzepten und Vorstellungen).

Um die Motivationsmerkmale von Heteronymen zu vergleichen, müssen zunächst die wissenschaftlichen Definitionen der entsprechenden Taxone in enzyklopädischen Wörterbüchern und biologischen Nachschlagewerken betrachtet werden, wobei auch die "volkstümlichen" Darstellungen in Kräuterbüchern, medizinischen Büchern und populärwissenschaftlichen Veröffentlichungen über Biologie berücksichtigt werden. Diese Merkmale stellen ein Konzept dar, dessen einzelne Komponenten, verbalisiert durch Heteronyme, den Status von kognitiven Klassifikatoren erhalten [Popova/Sternin, 2002: 72-75, 83-84], d.h. motivierende Attribute, deren lexikalische Verkörperung zu einem "Schlüssel" zur Geschichte und Kultur des Landes sowie zur mentalen Welt der sprachlichen nationalen Persönlichkeit wird, die die entsprechenden Nominierungen geschaffen hat, die Teil des sprachlichen nationalen Weltbildes wurden.

Pflanzennamen dienen bekanntlich als Studienobjekt in strukturell-semantischen, onomasiologischen, vergleichenden, diachronischen Forschungen, am Material einer oder mehrerer verwandter Sprachen. So standen die russische Sprache und ihre verschiedenen Dialekte im Mittelpunkt der Aufmerksamkeit der Linguisten [V.G.Aryanova 1968; N.I.Ashitok 1988; N.I.Konovalova 1993; T.T.Marsakova 1973; V.A.Merkulova 1969; S.Y.Dubrovina 1991; N.V.Sheina 1995]. Es gibt eine Reihe von Studien über englischsprachiges Material [Milovidova 1964; Borodina 1981; Turchenko 1987; Ryabko 1988; Kolomiets 1989], französisches Material [Lazareva 1982; Rubchenko 1986] und lateinische botanische Terminologie [N. N. Zabinkova 1958], aber auch in Bezug auf die vergleichende Analyse von Benennungen in zwei oder mehreren Sprachen: Englisch und Französisch [T.D.Baryshnikova 1999], Englisch, Russisch und Kasachisch [G.I.Uyukbayeva 1983], Baschkirisch und Englisch [D.I.Hizbulina 1999].

Diese Studien, von denen einige vergleichend mit dem Material verschiedener Sprachtypen durchgeführt wurden, haben die Pflanzennamen jedoch praktisch nicht unter dem Gesichtspunkt der Heteronymie betrachtet. Die deutschen Pflanzennamen werden in den Dissertationsstudien von A.Y.Belova [1993] und N.I.Panasenko [2000] vorgestellt. Dissertation von Belova widmet sich dem Vergleich deutscher und russischer Pflanzennamen, um deren national-kulturelle Besonderheit aufzuzeigen. In der Arbeit von N.I. Panasenکو wird eine vergleichende Analyse der englischen, deutschen, russischen, ukrainischen, tschechischen und polnischen Sprache durchgeführt.

Unsere Aufgabe in diesem Artikel ist es, die Ursprünge der Heteronymie zu veranschaulichen und ethno-kulturelle Komponenten des Nominativprozesses am Beispiel von *Melisse officinalis* zu identifizieren. Dabei beziehen wir selektiv heteronyme Benennungen der russischen Sprache in die Analyse mit ein, um die nationale Spezifik des deutschen phytonymischen Lexikons deutlicher zu definieren, das deutlicher als jeder andere Bereich des Wortschatzes einerseits den Zeit- und Volksgeist und andererseits die Prozesse der Interaktion widerspiegelt. Ein Vergleich der deutschen und russischen Pflanzennamen soll auch die Problematik der Lakunarität (Nicht-Äquivalenz) und die Möglichkeiten ihrer Überwindung aufzeigen.

Melissa officinalis

Definition: Mehrjährige krautige Pflanze, 30-120 cm hoch, verströmt beim Zerreiben einen zitronigen Duft. Der Stängel ist verzweigt, die ganze Pflanze ist leicht behaart. Die Blätter sind herzförmig eiförmig, grob gezähnt, Blüten rosafarben oder weiß in achselständigen Büscheln. Blütezeit im Juli und August. Eine Wildpflanze, die jedoch häufig in Gärten und Obstplantagen angebaut wird [Nosal 1960: 76].

Strukturelle und semantische Merkmale von Heteronymen:

1. Melisse (vgl. russisch *мелисса*). Diese Benennung ist eine "phonetische Entlehnung" (Transliteration im Deutschen, Transkription im Russischen) und wird aus synchroner Sicht als nicht-derivative Basis (Simplex) wahrgenommen. Seine motivierende Bedeutung ist undurchsichtig, und das motivierende Merkmal erschließt sich nur etymologisch: Das griechische *melitta*, *melissa*, das im Lateinischen wahrgenommen wird, wird ins Deutsche als "Honigbiene" übersetzt, da diese duftende Pflanze für Bienen sehr attraktiv ist. Das Motiv "Geruch (Duft)" liegt vielen Bezeichnungen dieser Pflanze zugrunde (siehe Beispiele 2-4).

2. Zitronenmelisse. Motivierendes Merkmal: der Duft der Blätter einer Pflanze, die viel ätherisches Öl enthält, mit einem starken Aroma, das an den Geruch von Zitrone erinnert. Methode der Benennung: Determinativkompositum mit metaphorischer Übertragung der Bedeutung des ersten wortbildenden Elements (im Folgenden: UK = unmittelbare Konstituente, in der Terminologie von M.D. Stepanova, I.I. Chernysheva, V. Fleischer) [Stepanova, Chernysheva, 1962: 17]. Im Russischen entspricht dieses Wort der Transliteration "цитронь-мелисса" und den Bezeichnungen "мята лимонная", "лимонная трава", die ähnliche Eigenschaften des Denotats und seine Bewertung durch Mitglieder beider ethnolinguistischer Gesellschaften bezeichnen.

3. Honigblatt. Motivationsmerkmale: süßer Nektar der Blüten einer Pflanze, die eine gute Honigbiene ist + das Aroma der Blätter. Die Art der Benennung: Determinativkompositum auf der Basis metaphorisch-metonymischer Übertragung: Die Bezeichnung eines Blattes wird zum Repräsentanten der ganzen Pflanze (Metonymie "Teil→Ganzes"), und das Determinativum Honig ist eine Metapher auf der Basis funktionaler Übertragung. Im Russischen sind die Entsprechungen dieser Formationen Lexiome (binäre Benennungen), die eine national-kulturelle Bedeutungskomponente offenbaren: "медовка паточная", "паточная трава".

4. Bienenkraut. Motivationsmerkmale: honigtragende Blüten + Vorliebe der Bienen für Nektar. Benennungsmethode: determinatives Kompositum mit impliziter semantischer Komponente (in der expliziten semantischen Struktur des Wortes ist nur die Vorliebe der Bienen für die Pflanze vermerkt, und das kognitive Merkmal "Honigtau" wird von den Muttersprachlern auf der Grundlage ihrer soziokulturellen "Programme", ihres "Hintergrund-/Enzyklopädiawissens" eingebracht. Das Kompositum "пчельник-медовка" kann als Analogie im Russischen dienen; es benennt ausdrücklich beide Motivationsattribute des Wortes "Bienenkraut".

5. Gartenmelisse. Motivationsmerkmal: Anbauort (die Melisse wächst an einigen Stellen in der Natur, wird aber meist in Gärten und Obstplantagen angebaut). Die Art der Nominierung: Determinativkompositum, Direktnominierung. Die direkte Entsprechung im Russischen ist das Lexiom (binärer zusammengesetzter Name) "мелисса садовая".

6. Mutterkraut. Motivationsmerkmal: funktionell: medizinische Eigenschaften, eine Art der praktischen Verwendung der Pflanze (in der Volksmedizin zur Behandlung von Gebärmutterkrankheiten). Methode der Nominierung: Determinativ zusammengesetzt, direkte Nominierung. Im Russischen entspricht dieses Wort den direkten Entsprechungen: "маточник", "маточная трава".

7. Frauenwohl. Motivationsmerkmal: funktionelle (pharmakologische), nämlich medizinische Eigenschaften (Verwendung in der Volksmedizin zur Behandlung gynäkologischer Erkrankungen). Art der Benennung: Determinativkompositum mit metonymischer Übertragung des zweiten UK (Übertragung "abstrakt→konkret"). Die literaturwissenschaftliche Bezeichnung "мелисса аптечная" kann bis zu einem gewissen Grad als Analogie im Russischen dienen (mit einer Verallgemeinerung der Bedeutung, wobei nur die medizinischen Eigenschaften erwähnt werden, aber nicht angegeben wird, für die Behandlung welcher Krankheiten die Pflanze verwendet werden kann).

8. Herzkraut.

9. Herztröst. Motivationsmerkmal: Pharmakologisch (Behandlung von Herzerkrankungen): Melissenblätter werden als Herzmittel verwendet. In der Volksmedizin wurde Zitronenmelisse nach schweren seelischen Leiden gebraut. Art der Nennung: Determinativkompositum, direkte

Nennung (8), indirekte Nennung mit funktionalmetaphorischer Übertragung des zweiten UK ("wofür" – "zum Trost") + Übertragung "abstrakt→konkret" (9). In den von uns analysierten Quellen wurde keine Entsprechung zu diesen Lexemen in der russischen Sprache gefunden; vielleicht ist die Melisse als Herz- und Beruhigungsmittel eine ethnokulturelle Tatsache der deutschen Gesellschaft, und in diesem Fall sind die Benennungen (8) und (9) sprachkulturelle Realitäten des deutschen Sprachbildes. Um diese "volkstümlichen" Bezeichnungen im Russischen zu vermitteln, können wir jedoch Oligonyme verwenden, die ebenfalls einen sprichwörtlichen Charakter haben: "сердечник", "сердечная трава".

10. Hasenohr. Motivationsmerkmal: die Form des Blattes, die an spitze Hasenohren erinnert. Methode der Benennung: metaphorisch-metonymische Übertragung "Teil→Ganzes" (Metonymie), äußere Ähnlichkeit (Metapher), indirekte Benennung. Im Russischen gibt es kein Lexem mit einer ähnlichen motivierenden und onomasiologischen Basis (es ist eine deutsche ethnokulturelle Realität).

11. Wanzenkraut. Motivationsmerkmale: starker Geruch + funktional (häuslicher Gebrauch): Der starke Geruch der Melisse sollte verschiedene Insekten, darunter auch Bettwanzen, abwehren. Art der Nominierung: Determinativkompositum, Direktnominierung. Diese Nominierung ist eine deutsche sprachlich-ethno-kulturelle Realität. In eindeutigen Kontexten kann man es mit "клоповник" oder "клоповья трава" übersetzen.

Im analysierten Material zeigen die Reihen der deutschen und russischen Heteronyme, die den Begriff "Melisse" bezeichnen, 1) eine gewisse Gemeinsamkeit oder Nähe der Bezeichnungen: Melisse – мелисса, Zitronenmelisse – цитронь-трава, мята лимонная, лимонная трава, Honigblatt – медовка, Bienenkraut – пчельник-медовка, Gartenmelisse – мелисса садовая; Mutterkraut – маточник, маточная трава; 2) national spezifische Bezeichnungen, charakteristisch a) nur im Deutschen: Frauenwohl, Herzkraut, Herztrost, Hasenohr (im Russischen werden ähnliche Pflanzennamen zur Bezeichnung ganz anderer Pflanzen verwendet), b) nur im Russischen: паточная трава, медовка паточная. Die heteronyme Reihe umfasst auch Oligonyme: Herzkraut, Hasenohr, Mutterkraut (diese "verallgemeinernden" Bezeichnungen können jede Pflanze bezeichnen, die ein entsprechendes Merkmal aufweist oder bei menschlichen Tätigkeiten denselben Zweck erfüllt).

Bei der Analyse der folgenden heteronymen Reihen wird aufgrund des großen Umfangs des zu analysierenden Materials und um die nationale Besonderheit der lexikalisch-semanticen Gruppen (LSG) von Pflanzennamen im Deutschen (und bis zu einem gewissen Grad auch im Russischen) aufzuzeigen, das System der Darstellung leicht geändert, indem die LSG des Deutschen und die LSG des Russischen getrennt aufgeführt werden, wobei abschließend die Übereinstimmung ihrer motivationalen Merkmale und Bedeutungen festgestellt wird.

Literaturverzeichnis

1. Nosal M.A., Nosal I.M. Heilpflanzennamen und ihre Anwendung. – Kiew: Gosmedizdat UkrSSR, 1958. – 256с.
2. Popova Z.D., Sternin I.A. Aufsätze zur kognitiven Linguistik. -Voronezh, 2002. – 189 с.
3. Stepanova M. D., Chernysheva I. I. Lexikologie der modernen deutschen Sprache. – Moskau: Vysshaja Schkola, 1962. – 311 с.

УДК 811.111(07. 07)

ПРЕПОДАВАНИЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Омелич Ольга Константиновна

старший преподаватель кафедры лингвистики ФГБОУ ВО «Смоленский государственный
медицинский университет» Минздрава РФ
Смоленск, Россия / o.omelich@yandex.ru

Аннотация

Использование Интернета и расширение международных контактов привело к огромному взаимовлиянию культур. Это изменило не только жизнь людей, но и языки общения. Появились и

постоянно продолжают появляться новые слова и понятия. Некоторые давно известные слова приобрели новые значения. Какие новые слова и понятия стали настолько популярны, что прочно закрепились в современном английском языке? Насколько преподаватели английского языка должны интересоваться этими процессами? Какие лексические единицы нужно добавить в списки слов, обязательных для изучения, при составлении методических пособий для студентов? Ответить на эти вопросы мы попытались в данной статье.

Ключевые слова: информация, международное общение, изучение, язык, словарь, рекомендации.

ENGLISH LANGUAGE INSTRUCTION IN THE ERA OF GLOBALIZATION

Omelich Olga Konstantinovna

Senior Lecturer of the Linguistics Department of Smolensk State Medical University

Smolensk, Russia / o.omelich@yandex.ru

Abstract

The use of the Internet and the expansion of international contacts led to enormous mutual influence of cultures. People's lives changed as well as their languages. New words and notions were brought to life and are constantly appearing. Some well-known words acquired new meanings. Which of the new words and notions became so popular that were introduced into modern dictionaries? Is this phenomenon so important that English language teachers should pay special attention to it? What lexical units should be introduced into the lists of words obligatory for study by making teaching aids for students? This article was written with the aim of answering these questions.

Key words: information, international communication, studying, language, dictionary, recommendations

Введение

Время, в которое мы живём, принято называть эпохой глобализации. Существует много определений понятия «глобализация». Мы не будем анализировать эти определения. Заметим только, что глобализация имеет свои положительные и отрицательные стороны. Из отрицательного можно выделить то, что молодёжь часто берёт имеющуюся в сети готовую информацию, особенно не задумываясь над грамотностью её подачи и достоверностью источника. Из-за наличия электронных переводчиков часть молодёжи считает изучение иностранных языков напрасной тратой времени и сил. Социальные сети затянули молодёжь и вызвали появление новой формы зависимости – зависимости от социальных сетей. Из положительных сторон глобализации можно назвать то, что люди в любом месте, где есть Интернет, получили доступ к мировым культурным ценностям и знаниям благодаря свободному общению со всем миром. А главным языком международного общения по-прежнему остаётся английский язык, хотя по численности говорящих на нём людей в последнее время английский язык всё больше сдаёт позиции в пользу китайского языка [1]. Понимая, какое место английский язык занимает на международной арене, (а этот язык является официальным государственным языком в 45 странах мира) [1], в российских школах и вузах большая часть учащихся по-прежнему выбирает английский язык в качестве предмета для изучения.

Актуальность исследования

В молодёжной среде явно прослеживается мода на английские слова, преимущественно заимствованные из американского варианта английского языка. Молодёжный жаргон впитал такие восклицания и приветствия, как *хай*, *супер*, *вау* и пр., а также слова *геймер*, *хайп*, *фейк*, *бан*, *трек*, употребление которых влияет на имидж юноши или девушки в молодёжной среде. Можно даже сказать, что использование английских слов является некоторым стимулом к изучению этого языка. Но преподаём ли мы современный язык? Насколько устарели наши учебные пособия? Изучаем ли мы тот английский язык, на котором действительно общаются?

Цель работы

Мы задались целью исследовать изменения в английском языке, произошедшие за последние годы, и отобрать из официальных словарей те слова, которые совсем недавно вошли в словарный состав языка. Затем нужно было рассмотреть необходимость введения этих лексических единиц в методические рекомендации для преподавателей и для студентов по изучению иностранного языка.

Обсуждение

Известно, что любой язык общения живёт своей жизнью. Слова и выражения рождаются, живут какое-то время, а затем либо исчезают с исчезновением соответствующих понятий или явлений, либо находят своё место, как в живой речи людей, так и в официальных словарях. Язык нужен нам и для общения, и для поиска информации, и для обучения, а также для отдыха и развлечения. Благодаря глобализации в каждой из этих областей произошли огромные изменения, которые привели к рождению новых слов и понятий, а также к изменению и добавлению новых значений к старым словам. В жизнь россиян влились новые слова и понятия, преимущественно, английские. Так, в русский язык постепенно внедрились такие слова, как *маркетинг, бизнес, офис, бренд, дедлайн, менеджмент, хед-хантер* и пр. Из компьютерной среды и Интернета пришли такие англицизмы, как *дисплей, мониторинг, модем, спам, лайк, юзер, блог, скриншот* и пр.

Разразившаяся пандемия и последовавший за ней карантин также внесли свою лепту, вызвав появление таких новых понятий, как *ковидарий* и *коронафобия*.

Поскольку в университете мы занимаемся преподаванием английского языка, то больше всего нас интересуют изменения, происшедшие за последние годы, и происходящие в настоящее время именно в этом языке.

Американский английский давно вытесняет британский вариант языка. Большая часть обмена информацией идёт на американском варианте языка. Мы уже привыкли к тому, что, во время работы на компьютере, британский вариант написания слов автоматически заменяется американским. «По мере того, как США становились всё более и более влиятельной фигурой на политической и экономической карте мира, американская культура также стала влиять на мировую культуру... с проникновением культуры произошло и проникновение языка» [2]. Как и в других странах, наша молодежь постоянно проводит время за смартфонами, живя своей мало понятной взрослым жизнью. Молодые люди не очень хотят впускать взрослых в свой мир. Однако и им было интересно узнать о происхождении названия мессенджера WhatsApp. Изначально вопрос *What's up* означал «что случилось?» Постепенно вопрос стал просто приветствием, не требующим настоящего ответа. Потом этот изменённый вопрос стал названием электронного мессенджера, приобретшего огромную популярность в мире, внезапное отключение которого 4 октября 2021 года вызвало шок у множества людей.

Английский язык считается одним из самых динамичных в мире. Согласно оценке кампании *Global Language Monitor*, созданной в 2003 году для отслеживания изменений в английском языке, каждые 98 минут в английском языке появляется новое слово. Главным словом 2020 года эта организация назвала слово *covid*. Другими наиболее часто использовавшимися в 2020 году словами названы *covid-19, coronavirus, corona, face mask, progress, truth* и пр.

Пандемия дала толчок к появлению следующих понятий и слов: *WFH* (*working from home* – работающий дома), *quaranteam* (группа людей, находившихся в одном месте на карантине во время пандемии), *coronaphobia* (боязнь заразиться коронавирусом), *a covidiot* (тот, кто не обращает внимания ни на какие ограничения), *coronials* (дети, рождённые при коронавирусе), *blursday* («размытый день» – в связи с самоизоляцией, когда все дни похожи люди начали путать, какой сегодня день и какое время [3]. Понятно, что не все эти слова закрепятся в языке.

«Преподавателей, которые просто учат по учебникам, учащиеся, скорее всего, воспринимают как “old hat”» [4]. (Идиоматическое выражение означает, что человек отстал от жизни, старомодный) [5]. Но преподаватели не хотят отставать от жизни. Чтобы идти в ногу со временем, мы решили самостоятельно проанализировать официальные источники информации, позволяющие узнать о закреплении новых слов в языке. За основу были взяты списки новых слов, добавленных в Оксфордский словарь в 2020 и 2021 годах [6,7,8]. В этих списках очень много слов, словосочетаний и понятий. Большая часть из них не имеет отношения к жизни и будущей профессии наших студентов. Поэтому приведём лишь некоторые сведения, представляющиеся нам интересными для изучения.

New Words List December 2020

Некоторые известные слова немного изменились. Так, слово *adult* стало ещё и глаголом и появилось однокоренное существительное *adulting*. Образовались понятия *breast feeder* и *breast feeding*. Их значения вполне понятны, т.к. давно известны значения образующих эти словосочетания лексических единиц. О значениях слов *underskilled* (существительное) – о человеке, не имеющем достаточную квалификации для работы, и *follow-me* (существительное, прилагательное) – о жестах, взглядах, внешнем виде, призывающих следовать за кем-то, также можно легко догадаться.

New Words List March 2021

В этом списке, как и названном выше, в очень много слов, словосочетаний и понятий. Мы отобрали несколько из них.

Mice (глагол) – «парить в облаках». Быть отвлеченным или задумчивым (*distressed or preoccupied*).

Mug (прилагательное) – непривлекательный, неприятный.

Negging (существительное) – отрицание чего-либо или кого-либо.

Overshare (существительное) – слишком большое задание

Words List September 2021

Bellywark – существительное. Означает боль в животе, колику.

Too besides – наречие: = *besides that*. Перевод: вдобавок, кроме того, и т.п.

Wagwan! – восклицание = "What's going on?" "What's happening?" Часто выражает неформальное приветствие

Выражения:

To come in hot – разг. – примчатся на высокой или опасной скорости.

To kiss one's teeth – выражать презрение, неодобрение.

Waste youth – глупый, ничтожный или бесполезный молодой человек, а также пренебрежительная, унижительная форма обращения.

Digital wallet – об устройстве, использовании, или он-лайн службе электронных финансовых транзакций.

Введение некоторых словосочетаний в словарь нам представляется излишним, поскольку значение входящих в них слов давно известно и понятно. Примеры: *driver fatigue* (усталость водителя транспортного средства); *driver's education* (обучение вождению); *driver's test* (проверка навыков вождения), а также вопрос "*Have you seen a ghost?*" – (вопрос, о том, почему человек напуган, шокирован или обеспокоен).

Добавлений огромное количество. В данной статье мы выбрали только наиболее подходящие слова, с нашей точки зрения, для информирования студентов и возможности использования в речи.

Заключение

За последние годы в английском языке произошли значительные изменения. Анализ слов и словосочетаний, вошедших в официальные списки добавлений за 2020 и 2021 годы, показал, что серьёзных изменений в языке не произошло. Основная часть добавленных слов либо понятна и без перевода, либо имеет узкоспециальное значение. Но изменения, происходящие в языке, нужно отслеживать, чтобы не преподавать устаревший вариант английского языка. У перегруженного работой преподавателя немного времени на это, но исследования в этой области должны проводиться регулярно. К такому труду можно привлечь студентов. Полагаем, что эта работа их заинтересует. Можно устраивать выставки или конкурсы иллюстраций к новым понятиям и словам. Мы считаем, что изменения в языке могли бы стать темой работы кружка английского языка.

Литература

1. Байтукаева А.Ш., Куатбекова С.Д. Глобализация и Глобальный Язык // Вестник КазНУ. Алматы, 2015. URL: <http://articlekz.com/article/16698> (дата обращения: 15.10.2021)

2. Васильев А.А. Влияние американизмов на современный английский язык. // Вестник МИТУ-МАСИ. 2018. №1- С.71-74.
  3. Пожидаева А. Топ-15 новых слов, которые подарил нам 2020 год. URL: <https://www.english.ru/words-of-the-year-2020> (дата обращения 12.10.2021)
  4. Рейли П. Осмысление и процесс обучения поколения Y. // English Teaching Forum 2012. №1- С.2-11
- Электронные словари:
5. Словарь ABBYY Lingvo Live URL: <https://www.lingvolive.com/en-us>
  6. Oxford Dictionary, New Words List December 2020
URL: <https://www.public.oed.com/list-december-2020>
  7. Oxford Dictionary, New Words List March 2021
URL: <https://www.public.oed.com/list-march-2021>
  8. Oxford Dictionary, New Words List September 2021
URL: <https://www.public.oed.com/list-september-2021>

References

1. Baykutayeva A. Sh., Kuatbekova S.D. Globalization and Global Language. Vestnik KazNU. 2015. URL: <http://articlekz.com/article/16698> (Accessed 15.10.2021)
  2. Vasyliiev A.A. The Influence of Americanisms on Modern English. Vestnik MITU-MAS. 2018.9(1):71-74. (Accessed 15.10.2021)
  3. Podzhidayeva A. Top-15 New Words given us by 2020. URL: <https://www.english.ru/words-of-the-year-2020> (Accessed 12.10.2021)
  4. Reilly P. Understanding and Teaching Generation Y. English Teaching Forum 2012. 50(1):2-11
- Electronic resources
5. ABBYY Lingvo Live Dictionary. URL: <https://www.lingvolive.com/en-us>
  6. Oxford Dictionary, New Words List December 2020
URL: <https://www.public.oed.com/list-december-2020>
  7. Oxford Dictionary, New Words List March 2021
URL: <https://www.public.oed.com/list-march-2021>
  8. Oxford Dictionary, New Words List September 2021
URL: <https://www.public.oed.com/list-september-2021>

УДК 372.881.111.22

ПРИМЕНЕНИЕ МНЕМОТЕХНИЧЕСКОГО МЕТОДА АССОЦИАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ВВЕДЕНИЯ И АКТИВИЗАЦИИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ПРИ ИЗУЧЕНИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Полякова Наталья Владиславовна
старший преподаватель

Московский международный университет
Москва, Россия / natalia.polyakowa@gmail.com

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию метода ассоциаций при обучении немецкому языку. Очень часто изучающие иностранный язык сталкиваются со сложностями запоминания и проблемой быстрого забывания слов, которые они только что выучили. В статье рассматривается вопрос об эффективности использования мнемотехник при изучении немецкого языка. Приводятся примеры использования различных приемов запоминания в обучении лексике и грамматике немецкого языка.

Ключевые слова: мнемотехника; мнемоника; ассоциации; эффективность обучения немецкому языку; запоминание; развитие памяти; воображение

APPLICATION OF THE MNEMONIC METHOD OF ASSOCIATIONS IN THE PROCESS OF INTRODUCTION AND ACTIVATION OF LEXICAL AND GRAMMATICAL MATERIAL IN THE STUDY OF THE GERMAN LANGUAGE

Polyakova Natalia Vladislavovna

Senior Lecturer

Moscow International University

Moscow, Russia / natalia.polyakowa@gmail.com

Abstract

This article is devoted to the study of the method of associations in teaching German. Very often, foreign language learners face difficulties in memorizing and the problem of quickly forgetting words that they have just learned. The article considers the question of the effectiveness of using mnemonics in learning German. Examples of the use of various memorization techniques in teaching vocabulary and grammar of the German language are given.

Key words: mnemonics; associations; effectiveness of German language teaching; memorization; memory development; imagination

Введение

Тот факт, что изучение иностранного языка требует огромного объема памяти, неоспорим. Лавина чужих звуковых и письменных образов, управляемых неизвестной морфологией и синтаксисом, обрушивается на учащегося, возвращая даже взрослого человека к коммуникативной беспомощности, которая напоминает ему о беспомощности раннего детства.

Лингвистика, языковая дидактика и психолингвистика оставляют заучивание лексических и грамматических знаний в качестве самостоятельной работы самих учащихся. Для многих нет ничего хуже, чем сидеть часами перед списком непонятных слов и повторять их, пока иностранные слова и их значения каким-то образом не застрянут в уме, самое большее на несколько часов. Хотя этот метод обучения слишком скучен, большинство учащихся еще не знакомы с какими-либо другими методами изучения иностранного языка. Очень часто изучающие иностранный язык сталкиваются с проблемой быстрого забывания слов, которые они только что выучили. Исходя из этой ситуации, возникает неизбежный вопрос «как?».

Поэтому целью этой статьи является попытка рассмотреть один из возможных способов решения этой проблемы – применение мнемотехнического метода ассоциаций при введении и активизации лексико-грамматического материала немецкого языка.

Таким образом, предметом исследования являются приёмы мнемотехники или мнемоники¹ и навыки развития памяти, а объектом данного исследования стоит считать процесс запоминания.

Основной методикой исследования явился анализ научно-психологической литературы по данному вопросу; обработка данных, полученных, в том числе и из личного опыта обучения немецкому языку.

Практическая значимость заключается, прежде всего, в возможности практического применения результатов исследования в обучении немецкому языку как иностранному, а также при самостоятельном изучении языка.

Задолго до возникновения научной психологии эмпирически был обнаружен тот факт, что тренировка памяти коренным образом отличается от физической тренировки. Память не всегда наращивается повторением, а требует специальных приемов запоминания. Суть их заключается в передаче материала памяти через дополнительные блоки памяти, которые напрямую не связаны с запоминаемым материалом.

---

¹ Производное от Мнемозины – древнегреческой богини, олицетворявшей память, титаниды, "матери муз", дочери Урана и Геи

Мнемотехники разгружают память, и делают новый материал „легко усваиваемым“. Это достигается благодаря присутствию игрового элемента и большой эмоциональной насыщенности, которая присутствует в мнемонике. Х. Шпербер, „прародитель“ мнемотехники в обучении немецкому языку как иностранному, установил, что чем больше органов чувств задействовано в процессе обучения, тем лучше запоминается информация [4]. Для запоминания используются возможности образного мышления, воображения и внимания. Это значит, что надо подключать логику и фантазию, чтобы сохранить в памяти информацию. Поэтому мнемотехника – это очень творческий процесс.

Основная часть

Существует множество мнемотехнических методов, которые значительно облегчают запоминание иностранных слов и грамматических явлений. Самые известные из которых – это метод мест или локусов (loci) Симонида Кеосского, метод связок, Chunking, метод ритмизации и мелодизации, метод визуализации и многие другие.

По понятным причинам в рамках данной статьи невозможно охватить все эти техники. Поэтому хотелось бы остановиться на одном из этих методов – ассоциации.

Ассоциация – это такая связь между двумя или более явлениями (объектами, словами, ощущениями и т.д.), в которых появление одного вызывает появление другого.

В Германии известен метод запоминания, называемый „Eselsbrücke“ („ослиный мост“¹), который использовался ещё в древности, под названием „pons asinorum“ – средство, помогающее преодолеть трудность, понять что-либо труднодоступное. Издательство Duden выпустило книгу под таким названием[3], где собраны подобные мостики для различных дисциплин.

Метод ассоциаций можно условно подразделить на 3 типа:

1. Метод ключевых слов, или метод фонетических ассоциаций

Эта техника обучения предполагает, что человеческий мозг может запоминать изображения лучше, чем абстрактный контент. Таким образом, новый словарный запас соединяется с существующими знаниями и дополнительно переносится в воображаемые образы. В этом методе к иностранному слову нужно подобрать слово из родного языка, которое звучит фонетически так же, как и словарный запас, о котором идет речь. Тогда это слово называется ключевым. Из значения слова и ключевого слова теперь необходимо сформировать образ (Eselsbrücke). Он должен быть настолько ярким, чтобы при мысли об этом ключевом слове в памяти тут же всплывало и само слово, и его смысл. Чем нестандартнее и абсурднее эта связь, тем лучше она запоминается.

Кроме того, каждое ключевое слово может быть связано только с определенным переводом, чтобы в результате не было путаницы.

Вот несколько иллюстраций:

С русским языком:

„Wetter“ – „ветер“ (представим, что ветер гонит тучи и приносит плохую или хорошую погоду.)

„Gabel“ – „грабли“ (мысленно рисуем картинку: великан ест граблями.)

„Brille“ – „бриллиант“ (представляем, что вам сделали подарок неслыханной щедрости: очки в бриллиантовой оправе).

„Glas“ – „глаз“ (мысленно рисуем глаз в стакане)

„Bratkartoffeln“ – „брат“ (мысленно рисуем брата, у которого вместо головы картошка)

die Dose – „жестяная банка“ (с колой) – моя ежедневная „доза“,

---

¹ Ослы очень боятся воды и отказываются пересекать даже самые маленькие ручьи, потому что осел не может видеть через зеркальную поверхность воды и не знают, насколько глубока вода. Поэтому для них были построены в бродах небольшие мосты – „ослиные мосты“. Осел пересекает не каждый мост, только тот, который дает ему безопасность. Таким образом, „ослиный мост“ означает также безопасность.

die Trauer – „траур“, rot – красный как „рот“, flott – „быстрый“ как самолет Аэрофлота; der Pfirsich – персик.

Если изучается немецкий как второй иностранный, то можно провести ассоциации с первым иностранным языком. Например, английский:

sitzen – sit, stehen – stand, fliegen – fly

Когда учащийся сам придумывает ассоциации, процесс запоминания протекает быстрее и с большей эффективностью. Но, как показывает личный опыт, к сожалению, далеко не все хотят самостоятельно проявить свои творческие способности. Приходится дополнительно акцентировать внимание, давая это задание в качестве дополнительного упражнения.

2. Метод составления предложений-образцов

Применение метода составления предложений-образцов при обучении иностранному языку можно проиллюстрировать на примере заучивания основных форм сильных глаголов в немецком языке: чередование звуков при изучении аблаута. Примеры мнемонических предложений должны содержать ключевое слово, которое, поможет вам запомнить сильные глаголы.

Пример: essen – aß – gegessen: Er isst einen **Apfel**.

Как видно, слово " Apfel" – это ключевое слово; две первые гласные в нем напоминают о двух формах неправильного глагола. Когда учащиеся вспоминают это ключевое слово, они вспоминают и об основных формах немецкого глагола.

Еще примеры: nehmen – nahm – genommen: Sie nimmt eine **Mango**.
reiten – ritt – geritten: Er reitet auf einem **Minipferd**.

Создав ассоциацию, надо попытаться визуализировать свой пример.

Пример ментальной визуализацией может выглядеть примерно так:

Для этого не обязательно уметь рисовать. Достаточно все это представить. Исследования мозга доказали: наш мозг не отличает воображаемое от реального. Чтобы такие фантазийные образы начали работать, необходимо следующее:

1. Привнести как можно больше *действий* в свой „фильм в голове“.
2. Использовать как можно больше чувств – обонять, слушать, чувствовать и пробовать мысленно на вкус.
3. Сделать свои „фотографии“ или „фильмы“ забавными и необычными.
4. Соединить эмоции со своими изображениями. Почувствовать радость, веселье, страх, печаль ... (конечно, не все сразу)
5. Потратить на это около 5 секунд.
6. Работать с карточками: Давно доказано, что изучать словарный запас с помощью карточек гораздо более эффективно, чем просто из списков слов. Вот как могут выглядеть карточки сильных глаголов.

Передняя часть	Задняя часть
nehmen	брать
nahm – hat genommen	Sie nimmt eine Mango .

Ассоциация не обязательно должна быть на немецком языке. Важно только то, что первые две гласные звучат так же, как и немецкие, которые нужно выучить. Значение

этого слова при этом совершенно не имеет значения. Важно только, чтобы позднее можно было вспомнить о формах аблаута глагола.

Ассоциации бывают разных типов:

- Интерактивные:

Чтобы выучить ряд слов, нужно связать их в ассоциативную цепочку. Например, чтобы выучить существительные среднего рода, которые образуют множественное число с помощью нетипичного для среднего рода суффикса -en: das Ende, das Bett, das Hemd, das Auge, das Interesse. Попробуйте нарисовать картинку: на конце кровати лежит рубашка, из ее кармана выглядывает глаз, в нем написано слово "Интерес".

- Графемные:

Легче запомняются похожие слова, если придумать „мостики“ (Eselsbrücken) и закрепить их графически.

Всем известна фраза: „Каждый охотник желает знать, где сидит фазан“ для запоминания цветов солнечного спектра.

В Германии дети запоминают порядок расположения планет Солнечной системы с помощью предложения:

Mein Vater erklärt mir jeden Sonntag unseren Nachthimmel –

Merkur, Venus, Erde, Mars, Jupiter, Saturn, Uranus, Neptun

А с помощью фразы „**Niemals ohne Seife waschen**“ – стороны света: Norden, Osten, Süden, Westen

Подобным образом можно запоминать в немецком языке глаголы с особым управлением:

Er wartet **auf** den **Aufzug**.

Ich freue mich **über** die **Überraschung**.

Sie hört **mit** dem **Mittagessen** auf.

Эти примеры предложений содержат слова-мостики, которые помогут запомнить соответствующие предлоги. Эти мостики всегда начинаются со слога, идентичного предлогу, который нужно выучить. Секрет в том, что эти слова-мостики являются существительными, которые можно хорошо себе представить. Они не так абстрактны, как предлоги. Наш разум может понять это намного лучше и, таким образом, также поместить его в значимый контекст. И тогда это можно вспомнить!

Если разные глаголы управляют одним и тем же предлогом, может быть сложно подобрать разные существительные, идентичные этому предлогу. В этом случае стоит использовать слово-мостик из русского языка, если начало слова звучит так же, как предлог, который надо выучить. Само по себе подобное звучание странного слова чрезвычайно облегчает изучение глаголов с предлогами.

Следует записать эти предложения на карточках и потратить около пяти секунд на каждый глагол, чтобы полностью сознательно выучить предложение, попробовав визуализировать ситуацию примера.

Чтобы запомнить суффиксы, определяющие род слов, например, мужского рода: -ig, -ich, -ling, -or, -(i)smus, надо соединить их в одно предложение:

König Heinrich fährt mit seinem Jüngling auf dem Traktor direkt in den Kommunismus. (Wo, wohin) [4].

И представить его себе или нарисовать картинку. Вот пример картинки с этим предложением, нарисованный Хельгой Эверт. [8].

Вот еще ряд примеров с подобными суффиксами:

Das **Mädchen** sieht im **Museum** ein **Dokument**, aber das **Datum** ist ein **Geheimnis**.

Heute ist das **Thema** im **Parlament**: Das **Mädchen** und das **Fräulein** und ihr **Wachstum** im **Gymnasium**.

Der **Schmetterling** sitzt am **Monitor** vom **Computer** und träumt von **Sozialismus**.

der **Meinung** und die **Möglichkeit** zur **Aktion** ist die **Stärke** einer **Freundschaft**.

Или пример запоминания слов направления: на**П**раво – **Rechts**, на**Л**ево – **Links**.

Рода существительных: de**R** Fehle**R**, di**E** Fahne**E**, da**S** Gedächtni**S**.

Падежа предлогов с двойным управлением: г**Д**е – **Dativ**, куд**А** – **Akkusativ**.

Правило употребления союзов **als** – **wenn**:

Als in der Verg**A**ngenheit einm**A**lig, w**E**nn in der G**E**g**E**nwart m**E**hrmalig.

Преподаватель может сам составлять подобные предложения или предложить учащимся составить их. Например, глаголы, образующие Перфект с **sein**: **sein**, **fahren**, **gehen**, **aufstehen** – **Sein** **Faultier** **Gustav** **arbeitet**.

Или название дней недели.

- Образные:

Картинки намного дольше остаются в нашей памяти, чем абстрактные слова. Рассмотрим это на примере артикля: для каждого артикля можно использовать свой образ. Для “**der**” – что-то мужское, например образ льва. Со словом “**der Stuhl**”, можно использовать ассоциацию этого слова со львом, где лев вцепился в стул. Можно представить что-нибудь другое. Главное, чтобы лев что-то делал с этим предметом.

Эта картинка с большей вероятностью запомнится, чем слово **der Stuhl**.

plötzlich – представляем себе человека, перед которым в лужу падает камень и обрызгивает его водой с ног до головы.

der Hahn – петух и кран;

- Кинесические или „двигательные“:

Слова или фразы „привязываются“ к жесту, движению. Например, хорошо запоминаются предлоги с дательным и винительным падежами: **an**, **auf**, **hinter**, **neben**, **zwischen**, **vor**, **in**, **über**, **unter**, если их заучивать, сопровождая семантизирующими жестами.

- Контрастивно – нелепые:

Для немецкого языка как иностранного запоминание рода оказалось самой большой и самой досадной проблемой обучения и преподавания. Чтобы запомнить род слов, если он не совпадает с русским языком, можно запоминать русское слово в соответствии с родом немецкого слова: **das Buch** – кни**ж**о, **das Bild** – карти**н**о, **die Couch** – диван**а**, **der Sessel** – крес**л**.

Как это спародировал Марк Твен в неизвестной книге „Об ужасающей трудности немецкого языка“.

Можно также запоминать слова, подыскивая им в русском похожие смешные ассоциации: **Überraschung** – “ошарашунг”.

3. Составление акронимов

Акронимы – это искусственные структуры, состоящие из первых букв или слогов слов, произносимые как единое слово. Первые буквы слова помогут лучше запомнить другие слова или контексты.

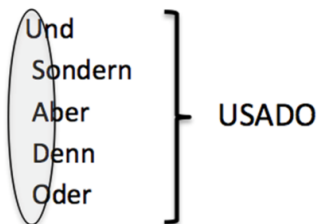
Например, такой акроним для запоминания порядка следования второстепенных членов предложения – ТКМЛ (Teekamel): Temporal время (когда?), Kausal причина (почему?), Modal обстоятельство образа действия (как?), Lokal место (где?)

После составления акронима следующим этапом идет визуализация образа, например, такая:

Или такой вариант ТЕКАМОЛО – Temporal, Kausal, Modal, Lokal

Акроним для запоминания сочинительных союзов:

Можно выбрать и другой вариант: ADUSO – aber, denn, und, sondern, oder.

С помощью слова БЕЛИАК можно запомнить деревья (Buche, Eiche, Linde, Ahorn, Kastanie), NOSW – части света (Norden, Osten, Süden, Westen)

Заключение

Использование приемов мнемоники при обучении иностранному языку – это очень обширная область исследований, включающая в себя знания различных дисциплин: методики преподавания иностранных языков, психологии, педагогики, риторики, общего языкознания, социо- и психолингвистики.

Сегодня мнемонические методы нашли научное обоснование в форме когнитивных стратегий. Их методы эффективны там, где когнитивный анализ и, следовательно, истинное понимание невозможны. Установление ассоциаций между знакомой и новой информацией создают основу для успешного запоминания.

Особая важность мнемотехники состоит в том, что, комбинируя различные методы, она позволяет запоминать трудно запоминающийся материал, не прибегая к такому сложному способу, как заучивание наизусть. Более того, они развивают память, поскольку функционируют в соответствии с основными принципами памяти и обучения, которые упорядочивают новую информацию в соответствии с определенными принципами, такими как: формирование ассоциаций, визуализация и т.д. Преимуществом применения приемов мнемоники состоят в том, что они создают благоприятные и комфортные условия обучения, в которых обучающиеся активно и творчески запоминают материал.

Литература

1. Перетяткина, Е. А. Эффективность использования приемов мнемотехники при изучении иностранных языков / Е. А. Перетяткина, А. Н. Николаева. // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы XIII Междунар. науч. конф. (г. Казань, июнь 2020 г.). – Казань: Молодой ученый, 2020. – С. 28-32.
2. Blei, D. „Mnemotechnische Verfahren und ihre Anwendung im Unterricht Deutsch als Fremdsprache“, in: Zielsprache Deutsch, Max Hueber Verlag, Ismaning. 1996.
3. Riedel, Wolfgang „Duden Allgemeinbildung – Eselsbrücken: Die schönsten Merksätze und ihre Bedeutung“, Duden (Verlag) 2. Auflage 2015. – 128 S.
4. Sperber, Horst G. Mnemotechniken im Fremdspracherwerb : mit Schwerpunkt "Deutsch als Fremdsprache" / H. G. Sperber. – München : Iudicium Verlag, 1989. – 344 S. : Ill. – (Studien Deutsch; Bd. 9)

Ссылки на электронные ресурсы

5. Аткинсон У. Уокер Память и уход за ней, 1992 – URL: <https://vshp.pro/wp-content/uploads/2020/02/Atkinson-V.-Pamyat-i-uhod-za-nej.pdf> (дата обращения: 02.11.2021).
6. Зиганов, М.А. Техника запоминания иностранных слов // Brain Tools, 2012. – URL: <http://www.braintools.ru/article/1924> (дата обращения: 02.11.2021).
7. Мнемотехника в изучении иностранных языков // сайт Хабрахабр: компания „Телематические Медиа“. – 2006 – URL: <https://habr.com/ru/post/156599/> (дата обращения: 02.11.2021).
8. Peter, Heinrich „Was sind die besten Tipps zum Deutsch lernen? “ – URL: <https://www.beste-tipps-zum-deutsch-lernen.com/lernhilfen-deutsch> (дата обращения: 02.11.2021).

References

1. Peretyatkina, E. A. The effectiveness of using mnemonics techniques in the study of foreign languages / E. A. Peretyatkina, A. N. Nikolaeva. // Topical issues of modern pedagogy: materials of the XIII International Scientific Conference (Kazan, June 2020). – Kazan: Young Scientist, 2020. – pp. 28-32.
2. Blei, D. „Mnemotechnische Verfahren und ihre Anwendung im Unterricht Deutsch als Fremdsprache“, in: Zielsprache Deutsch, Max Hueber Verlag, Ismaning. 1996.
3. Riedel, Wolfgang „Duden Allgemeinbildung – Eselsbrücken: Die schönsten Merksätze und ihre Bedeutung“, Duden (Verlag) 2. Auflage 2015. – 128 S.
4. Sperber, Horst G. Mnemotechniken im Fremdspracherwerb : mit Schwerpunkt "Deutsch als Fremdsprache" / H. G. Sperber. – München : Iudicium Verlag, 1989. – 344 S. : Ill. – (Studien Deutsch; Bd. 9)

Electronic resources

5. Atkinson W. Walker Memory and its care, 1992 – URL: <https://vshp.pro/wp-content/uploads/2020/02/Atkinson-V.-Pamyat-i-uhod-za-nej.pdf> (date of request: 02.11.2021).
6. Ziganov, M.A. Technique of memorizing foreign words // Brain Tools, 2012. – URL: <http://www.braintools.ru/article/1924> (date of request: 02.11.2021).
7. Mnemonics in learning foreign languages // Habrahabr website: Telematic Media Company. – 2006 – URL: <https://habr.com/ru/post/156599/> (date of request: 02.11.2021).
8. 8. Peter, Heinrich „Was sind die besten Tipps zum Deutsch lernen? “ – URL: <https://www.beste-tipps-zum-deutsch-lernen.com/lernhilfen-deutsch> (date of request: 02.11.2021).

Научное издание

ФИЛОЛОГИЯ И НОВОЕ ЗНАНИЕ

Сборник материалов
I Российской научной конференции с международным участием
(г. Белгород, 11–12 ноября 2021 г.)

Публикуется в авторской редакции

Оригинал-макет: В.С. Берегова
Выпускающий редактор: Л.П. Котенко

Подписано в печать 20.12.2021. Формат 60×90/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. п. л. 14,4. Тираж 100 экз. Заказ 275
Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ»
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Тел.: 30-14-48